

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Вестник

МОСКОВСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Серия

*ИСТОРИЯ
И ПОЛИТИЧЕСКИЕ
НАУКИ*

Специальный выпуск
ЦИРКУМПОНТИКА

2022 / № 5

ЦИРКУМПОНТИКА

THE CIRCUMPONTICS

2022

ВЕСТНИК
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

серия

ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

Рецензируемый научный журнал. Основан в 1998 г.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» включён в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук» Высшей аттестационной комиссией при Министерстве образования и науки Российской Федерации (См.: Список журналов на сайте ВАК при Минобрнауки России) по историческим наукам и политологии: 5.6.1. – Отечественная история (исторические науки); 5.6.2. – Всеобщая история (соответствующего периода) (исторические науки); 5.6.5. – Историография, источниковедение и методы исторического исследования (исторические науки); 5.5.4. – Международные отношения (политические науки)

The peer-reviewed journal was founded in 1998

«Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences» is included by the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation into “the List of leading reviewed academic journals and periodicals recommended for publishing in corresponding series basic research thesis results for a Ph.D. Candidate or Doctorate Degree” (See: the online List of journals at the site of the Supreme Certifying Commission of the Ministry of Education and Science of the Russian Federation) in Historical Sciences and Politology: 5.6.1. – Domestic history (historical sciences); 5.6.2. – Global history (historical sciences); 5.6.5. – Historiography, source-study and methods of historical research (historical sciences); 5.5.4. – International relations (political sciences).

ISSN 2072-8360 (print)

2022 / № 5

ISSN 2310-676X (online)

series

HISTORY AND POLITICAL SCIENCES

BULLETIN OF THE MOSCOW REGION
STATE UNIVERSITY

Учредитель журнала
«Вестник Московского государственного областного университета:
Серия: История и политические науки»

Государственное образовательное учреждение высшего образования Московской области
Московский государственный областной университет

Выходит 5 раз в год

Редакционная коллегия

Главный редактор:

Багдасарян В. Э. — д-р ист. наук, проф., МГОУ

Заместитель главного редактора:

Волобуев О. В. — д-р ист. наук, проф., МГОУ

Ответственный секретарь:

Федорченко С. Н. — д-р полит. наук, доц., МГОУ

Члены редакционной коллегии:

Воронин С. А. — д-р ист. наук, проф., Российский университет дружбы народов (г. Москва);

Гайдук В. В. — д-р полит. наук, канд. юрид. наук, проф., Башкирский государственный университет (г. Уфа);

Гонзалес Дж. — доктор наук, Исторический научный центр Рожкова (Австралия);

Ершов В. Ф. — д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Журавлев В. В. — д-р ист. наук, проф., МГОУ;

Захаров В. Н. — д-р ист. наук, проф., Институт российской истории РАН;

Каширина Т. В. — д-р ист. наук, доц., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Ковалев В. А. — д-р полит. наук, проф., Сыктывкарский государственный университет;

Михайловский Ф. А. — д-р ист. наук, проф., Московский городской педагогический университет;

Наталици М. — д-р ист. наук, проф., Университет Сиена (Италия);

Панкратов С. А. — д-р полит. наук, проф., Волгоградский государственный университет;

Саква Р. — доктор наук, профессор, Университет Кент (Соединённое королевство Великобритании и Северной Ирландии);

Смоленский Н. И. — д-р ист. наук, проф., МГОУ (научный руководитель журнала);

Сулашкин С. С. — д-р полит. наук, д-р физ.-мат. наук, проф., Центр научной политической мысли и идеологии;

Феофанов К. А. — д-р полит. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);

Фукс А. Н. — д-р ист. наук, проф., МГОУ

Штоль В. В. — д-р полит. наук, проф., Институт диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ) (г. Москва)

ISSN 2072-8360 (print)
ISSN 2310-676X (online)

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» — печатное издание, публикующее статьи российских и зарубежных учёных по историографии, источниковедению, истории России, всеобщей истории и политологии.

Журнал адресован российским и зарубежным историкам и политологам, докторантам, аспирантам и всем, интересующимся достижениями исторической и политической науки.

Журнал «Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки» зарегистрирован в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия. Регистрационное свидетельство ПИ № ФС77-73347.

**Индекс серии «История и политические науки»
по Объединённому каталогу «Пресса России» — 40712**

Журнал включён в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ), имеет полнотекстовую сетевую версию в интернете на платформе Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru), с августа 2017 г. на платформе Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru), а также на сайтах Московского государственного областного университета (www.istpolitmgou.ru); www.vestnik-mgou.ru.

При цитировании ссылка на конкретную серию «Вестника Московского государственного областного университета» обязательна. Публикация материалов осуществляется в соответствии с лицензией Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

Ответственность за содержание статей несут авторы. Мнение автора может не совпадать с точкой зрения редколлегии серии. Рукописи не возвращаются.

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркулянт. Вып. IV. 212 с.

© МГОУ, 2022.

Адрес редакции:

г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98

тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

сайты: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

**Founder of journal «Bulletin of the Moscow Region State University:
Series: History and Political Sciences»
Moscow Region State University**

————— Issued 5 times a year —————

Editorial board

Editor-in-Chief:

V. E. Bagdasaryan – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Deputy Editor-in-Chief:

O. V. Volobuyev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

Executive secretary:

S. N. Fedorchenko – Doctor in Politology, Assoc. Prof., MRSU
Members of Editorial Board:

S. A. Voronin – Doctor of Historical Sciences, Prof., Peoples' Friendship University of Russia (Moscow);

V. V. Gajduk – Doctor of Political Sciences, Ph.D. in Law, Prof., Bashkir State University, Ufa;

J. González – Doctor of Science, Rozhkov Historical Research Centre (Australia);

V. F. Ershov – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. V. Zhuravlev – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU;

V. N. Zakharov – Doctor of Historical Sciences, Prof., Institute of Russian History, RAS;

T. V. Kashirina – Doctor of Historical Sciences, Assoc. Prof., Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry (Moscow);

V. A. Kovalyov – Doctor of Political Sciences, Prof., Syktyvkar State University;

F. A. Mikhailovsky – Doctor of Historical Sciences, Prof., Moscow City Pedagogical University;

M. Natalici – Ph.D., Prof., University of Siena (Italy);

S. A. Pankratov – Doctor of Political Science, Prof., Volgograd State University;

R. Sakwa – Ph.D., Prof., University of Kent, United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland;

N. I. Smolensky – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU (Scientific Consultant of Bulletin)

S. S. Sulakshin – Doctor of Politology, Doctor of Physics and Mathematics, Prof., Center of Scientific Political Thought and Ideology (Moscow);

K. A. Feofanov – Doctor of Political Sciences, Prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (Moscow);

A. N. Fuks – Doctor of Historical Sciences, Prof., MRSU

V. V. Stol' – The Institute of CIS countries (Institute of Diaspora and integration) (Moscow)

ISSN 2072-8360 (print)

ISSN 2310-676X (online)

The peer-reviewed scientific journal "Bulletin MRSU, series: History and Political Sciences" is a printed edition that publishes articles by Russian and foreign scholars on historiography, source study, the history of Russia, world history and political science.

The journal is aimed at Russian and foreign historians and political scientists, doctoral students, postgraduate students and everyone who is interested in the achievements of historical and political science.

The series "History and Political Sciences" of the Bulletin of the Moscow Region State University is registered in Federal service on supervision of legislation observance in sphere of mass communications and cultural heritage protection. The registration certificate ПИ № 077-73347.

Index of the series "History and Political Sciences" according to the Union catalog «Press of Russia» – 40712

The journal is included into the database of the Russian Science Citation Index, has a full text network version on the Internet on the platform of Scientific Electronic Library (www.elibrary.ru), and from August 2017 on the platform of the Scientific Electronic Library "CyberLeninka" (www.cyberleninka.ru), as well as at the site of the Moscow Region State University (www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru)

At citing the reference to a particular series of "Bulletin of the Moscow Region State University" is obligatory. Scientific publication of materials is carried out in accordance with the license of Creative Commons Attribution 4.0 (CC-BY).

The authors bear all responsibility for the content of their papers. The opinion of the Editorial Board of the series does not necessarily coincide with that of the author. Manuscripts are not returned.

Bulletin of the Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV. 212 p.

© MRSU, 2022.

© Moscow Region State University Editorial Office, 2022.

The Editorial Board address:

10A Radio st., office 98, Moscow, Russia

Phones: (495) 780-09-42 (add. 6101)

e-mail: info@vestnik-mgou.ru

sites: www.istpolitmgou.ru; www.vestnik-mgou.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ЦИРКУМПОНТИКА

От редколлегии.	8
Новоженков В. А. Ботайские коневоды против ямных переселенцев: кто победил?	9
Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Индоарийская атрибуция степного варианта кубано-терской культуры (по материалам курганов у ст. Терская Моздокского района Северной Осетии)	24
Шептард Г. Другой (иной) анализ причины происхождения индоевропейцев	45
Коньков А. С. Популяционно-генетическая история происхождения этрусков	57
Дубовенко С. В., Пьянков А. В. Дольмен «Бжид» в Туапсинском районе Краснодарского края.	71
Лучинский Н. Д. К проблеме генезиса кизил-кобинской культуры	85
Керцева (Вольная) Г. Н., Керцев Р. Ю. Поясные бляхи «типа Исти-Су»: происхождение, типология, семантика	103
Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тиращян Н. Г., Амаякян М. С. Палеоантропология и палеопатология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения)	115
Клемешов А. С., Малышев А. А. Антропогенные ландшафты Раевского городища.	142

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

Проккопенко Ю. А. О раскопках П. Федотова и Р. Эркerta курганов скифского времени в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г.	155
Чишев В. Т. Коллекция (собрание) артефактов А. Коссниерской Берлинского музея древней истории и новые материалы некрополя «Адайдон» кобанской культуры в Северной Осетии – Алании	164
Ткачёв А. Н. Из истории кубанской археологии: краевед Константин Ефремович Горб.	172

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Экспедиции, лекции, книги. Евгению Васильевичу Яровому – 70 лет.	181
К юбилею Константина Ивановича Красильникова.	191

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

С. Панаитеску. Траяновы валы в Бессарабии.	194
---	-----

CONTENTS

CIRCUMPONTICA

Editor's Column	8
V. Novozhenov. Botai Horse-Breeders VS Yamnaya Migrants: Who Won?.....	9
N. Nikolaeva, A. Safronov, K. Karlova. The Indo-Aryan Attribution of the Kuban-Terek Culture Steppe Variant, Based on Kurgans Near Terskaya. Mozdok District, North Ossetia ..	24
H. Shephard. Another Analysis of the Cause of Origin of the Indo-Europeans.	45
A. Konkov. Population-Genetic History of the Etruscans Origin.....	57
S. Dubovenko, A. Pyankov. Dolmen «Bzhid» in the Tuapse Region of Krasnodar Krai.	71
N. Luchinsky. About the Origin of Kizil-Koba Culture	85
G. Kertseva (Volnaya), R. Kertsev. Belt Plaques of the «Isti-Su Type»: Origin, Typology, Semantics.....	103
A. Khudaverdyan, S. Hmayakyan, N. Tiratsyan, M. Hmayakyan. Paleoanthropology and Paleopatology of Bone Remains from the 7 th Century BC Burials Found in the Nor Armavir Burial Ground (Armenia).....	115
A. Klemeshov, A. Malyshev. Anthropogenic Landscapes of the Rayevskoye Fortified Settlement	142

FROM THE HISTORY OF THE BLACK SEA REGION ARCHEOLOGY

Yu. Prokopenko. About P. Fedotov and R. Erkert's Excavations of Scythian Burial Mounds in the Vicinity of Stavropol in 1881	155
V. Chshiev. Collection of A. Kossnierskaya's Artifacts of the Berlin Museum of Ancient History and New Materials of The Adaydon Necropolis of the Koban Culture in North Ossetia-Alania.	164
A. Tkachev. From the History of Kuban Archeology: Local Historian Konstantin Efremovich Gorb	172

ACADEMIC LIFE

Expeditions, Lectures, Books. Evgeny Vasilievich Yarovoy is 70.....	181
To the Anniversary of Konstantin Ivanovich Krasilnikov	191

FOR THE FIRST TIME IN RUSSIAN

S. Panaitescu. Trajanov Ramparts in Bessarabia	194
---	-----

ЦИРКУМПОНТИКА

ОТ РЕДКОЛЛЕГИИ

Оргкомитет международного проекта «Циркумпонтика» представляет вниманию читателей четвёртый выпуск одноимённого международного археологического ежегодника МГОУ. Под одной обложкой собраны статьи и материалы по археологии Причерноморья, при этом предпочтение традиционно отдано эпохам бронзового века и античности, а географически – территории бассейна Чёрного моря. Вместе с тем судьбы народов и государств Причерноморья неразрывно связаны с развитием сопредельных территорий, что и получило отражение в ряде публикаций ежегодника.

Неизменной осталась и позиция оргкомитета проекта «Циркумпонтика» и редколлегии ежегодника, члены которых убеждены в особой значимости публикации и введения в научный оборот материалов археологических исследований. Именно этим и сильна археология, трудолюбиво обогащая историческую науку новыми источниками. В очередном выпуске ежегодника уделено внимание и событиям в научной жизни, и переводу редкой брошюры С. Панатеску в разделе «Впервые на русском языке». Научный поиск невозможно представить без дискуссий, и редколлегия «Циркумпонтики» предоставляет исследователям возможность высказать аргументированную позицию по актуальным проблемам истории и археологии Причерноморья, осуществляя лишь минимально необходимую редактуру статей.

Данный выпуск ежегодника выходит в очень непростое время, когда политические события оказывают влияние и на научные сообщества. В ряде стран раздаются призывы к бойкоту российских учёных, отстранению их от участия в международных исследовательских и издательских проектах, полному разрыву научных связей с Россией. При этом наиболее горячие головы сами предлагают заморозить все контакты с российскими учёными. Сегодня в ряде стран наблюдается открытое вмешательство политических амбиций в международный научный процесс. Есть случаи, когда в некоторых научных центрах пытаются отстранять

российских учёных от участия в грантах, отказывают в публикации статей в международных журналах и в других проектах, даже проводят в обязательном порядке опросы по отношению сотрудников к происходящим событиям.

Разрушение международного сотрудничества наносит непоправимый вред науке, запуская деструктивные процессы, последствия которых придётся преодолевать многие годы. В полной мере это относится и к археологическим исследованиям. Ведь ареалы расселения племён и народов не совпадают с современными государственными границами, и оставленные ими памятники оказались на территориях разных стран. Поэтому комплексное изучение древних народов невозможно без тесного сотрудничества археологов различных стран, а наука не должна участвовать в политических играх и противостояниях.

К счастью, многие наши коллеги справедливо полагают, что сближение науки и политики губительно для развития научной мысли. Любые конфликты рано или поздно завершаются, а кризисные ситуации в итоге разрешаются за столом переговоров. Поэтому нет сомнений, что ущерб от разрыва научных связей будет непростое преодолеть. Подтверждением плодотворности научного сотрудничества и является данный номер ежегодника. В нём собраны статьи авторов из 6 стран, а число присланных в редакцию статей превышает возможности их публикации в одном выпуске. Поэтому оргкомитет проекта «Циркумпонтика» надеется не только на сохранение, но и на дальнейшее развитие контактов между археологами из разных стран и предлагает авторам страницы нашего ежегодника для будущих публикаций.

*Е. В. Яровой – доктор исторических наук,
председатель Оргкомитета «Циркумпонтика»,
ответственный за специальный
выпуск журнала «Вестник Московского
государственного областного университета.
Серия: История и политические науки,
Циркумпонтика», Выпуск IV*

УДК 902

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-9-23

BOTAI HORSE-BREEDERS VS YAMNAYA MIGRANTS: WHO WON?

V. Novozhenov*UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures**Kabanbaybatyr 94, Almaty 005550, Kazakhstan*

Abstract

Aim. The article is a brief review of the main historiographic tendencies and is devoted to the period of globalization in the Eurasian steppes – the period of formation and domination of the elite clans of the Eneolithic and Early Bronze Age.

Methodology. Based on the data of population genetics, radiocarbon dating and graphic sources, the author substantiates the model of population interaction in the Kazakh Steppe and Turkistan.

Results. On the basis of the well-known innovations of horse equipment, carts, and other means of transport and success in domestication of horses and horse-riding, the main vectors of communications of the population and general trends in the development of the ethnocultural situation in this period are considered.

Research implications. The noted factors and features of a complex model of communication and interaction of ancient societies in the steppe Eurasia, which at different stages of the historical process constantly demonstrate the inevitable hegemony or expansion of small, but progressive clans, that obtain advanced innovations and are subordinate to ethnic identity.

Keywords: Migrations, Visual communications, Horse breeding, Yamnaya culture, Botay culture, Central Asian Rock Art

БОТАЙСКИЕ КОНЕВОДЫ ПРОТИВ ЯМНЫХ ПЕРЕСЕЛЕНЦЕВ: КТО ПОБЕДИЛ?

Новоженков В. А.*Центр сближения культур ЮНЕСКО**005550, г. Алматы, Кабанбайбатыр, 94, Республика Казахстан*

Аннотация

Цель. Краткий обзор современных историографических тенденций, посвящённых периоду начала глобализации в Евразийских степях – периоду формирования и доминирования мобильных элитных кланов в эпоху энеолита и раннего бронзового века.

Процедура и методы. Автор, опираясь на данные популяционной генетики, радиоуглеродные датировки и материалы изобразительных памятников, предлагает модель взаимодействия населения в Казахской степи и в Туркестане.

Результаты. На основании известных инноваций в конском снаряжении и упряжи, в колесном и ином наземном транспорте, успехов в процессе доместикации и дистанционном управлении лошадью в статье рассмотрены основные векторы коммуникации населения и динамика этнокультурных процессов.

Теоретическая и/или практическая значимость. Отмечены основные факторы и особенности формирующейся комплексной модели коммуникации степного населения, которые на раз-

ных этапах исторического развития демонстрируют неизбежную гегемонию или экспансию небольших, но весьма прогрессивных для своего времени кланов, обладающих передовыми инновациями и формирующими свою собственную идентичность.

Ключевые слова: миграции, визуальные коммуникации, domestикация лошади, ямная культурно-историческая общность (область), ботайская культура, наскальное искусство Центральной Азии

Introduction

The role of migration in the history of human civilization has always been very important. It is enough to recall how migrants globally changed the life of entire continents in North or South America, in Australia, how they are changing the foundations today in Europe, in the former post-Soviet space or during the Soviet era, when the «virgin epic» radically changed the Kazakh steppe. Obviously, similar historical phenomena took place in antiquity.

With regard to the ancient communities of the steppe livestock breeders of Eurasia, there is a specificity: in contrast to the classical scheme of exchanges and migrations, when a settled, farming-oriented society builds a geographically fixed map of its communications with other communities, then mobile, livestock-oriented communities form a mobile map such external, constantly changing communications, which is much more difficult to fix (fig. 1).

In the pre-literate period, any steppe archaeological culture (hereinafter – AC, author's note), in relation to mobile livestock breeders, is a rather arbitrary concept, an attribute of the professional vocabulary of archaeologists and reflects the originality of mass artifacts of material culture: ceramics and its ornamentation, handicrafts, weapons, hunting, funeral rites, characteristic of a certain territory (ecological niche).

In other words, any AC identified in the steppe regions, due to its natural limitations and the paucity of other types of information sources, captures only an insignificant part of the artifacts and data that have survived to this day in ancient graves and very rare settlements. As soon as we enter a new stage in the process of cognition – we are trying to reach the level of reconstruction of histori-

cal, social processes based on archaeological materials, or in this case – the reconstruction of the earliest channels of communication, the features of the processes of ethno- and cultural genesis, we inevitably encounter these natural limitations [25, pp. 17–18].

In the process of forming external communication channels, the object of the communication channel itself is of exceptional importance – that for which and on the basis of which this channel is created. As a rule, these are innovative items, technologies (traditions), objects that are created (born) on a monopoly basis either by society itself, or may be absent in the practical life of society or cannot be produced due to insufficiently developed knowledge, skills and lack of appropriate technologies and the necessary raw materials (fig. 2–4). In order to obtain such important goods and knowledge, already at the dawn of their existence, ancient communities built exchange channels that were very significant in their length, even by modern standards.

This article is devoted to one of these migrations, which took place at the beginning and throughout 3rd mill. BCE. In the history of mankind, this was one of the first such long and large transcontinental migrations of Yamnaya (Pit's) breeders and other, probably genetically related clans (production groups) – that is, families of close relatives, Chemurchek, Catacomb appearance from the western limits of the steppe Eurasia to the east of the continent, which today is fixed by modern methods of archaeology, linguistics and population genetics.

Materials and methods

The model of the constant confrontation between the nomadic world of the barbarians and the first Chinese and other settled

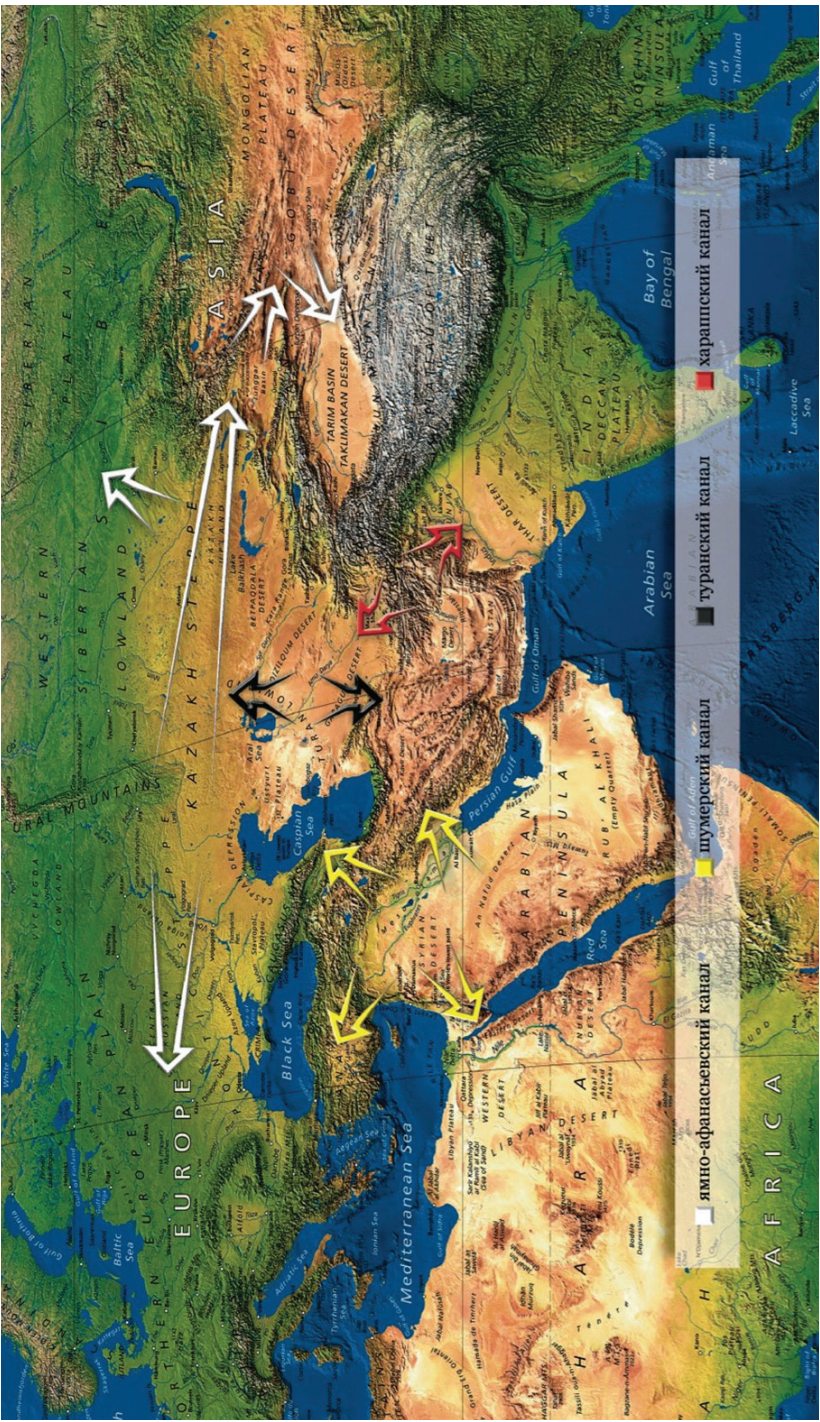

Fig. 1 / Рис. 1. Map of the main channels of communication on the Eurasian continent in the 3rd and the first half of the 2nd millennium BCE: transcontinental Yamnaya (Pit's)-Afnasievo migration (shown on the map in white) and large regional migrations: Sumerian – shown in yellow; Turanian – shown in black; Harappan – shown in red / Карта основных каналов коммуникации на Евразийском континенте в III и в первой половине II тыс. до н. э.: трансконтинентальная ямно-афанасьевская миграция (показана на карте белым цветом) и крупные региональные миграции: шумерская – показана желтым; туранская – показана чёрным; харашская – показана красным

The source: compiled by V. A. Novozhenov

Fig. 2 / Рис. 2. Northern part of the Kazakh steppe. Petroglyphs of Akbidaik. A surface with embossed images of bull, horses, steppe antelopes, mountain sheep. The technique of small-point embossing, carved contours and polishing of the rock's patina. The second half of the 3rd – the beginning of the 2nd millennium BCE / Северная часть Казахской степи. Петроглифы Акбидайк. Плоскость с выбитыми изображениями лошадей, быка, степных антилоп, горных баранов. Техника мелкоточечной выбивки, резные контуры и шлифовка патины. Вторая половина III – начало II тыс. до н. э.

The source: photo by the author

States for a long time remained in historiography the only one explanatory concept of the interaction of peoples in Turkestan and Central Asia as a whole, interpreting such interaction exclusively from the standpoint of military expansion and robberies. In recent years, new materials and studies have led to a significant revision of this approach [27].

First of all, this is due to the gene revolution – the success of population genetics, which managed to decipher the human genome and, accordingly, the ability to trace the origin of individual haplogroups by DNA analysis, including the territorial one.

In combination with traditional methods for studying ethno-cultural processes: anthropological, written (if any), archaeological, paleolinguistic, etc., a new powerful tool appears for studying individual human populations, their origin, as well as the dynamics of ethno-cultural processes that took place over a significant period of time and territories.

This tool is also relevant for studying such complex phenomena as migration and territorial settlement of individual ethnic groups and the languages they spoke. However, this tool is far from perfect. Just as it was once said in relation to the radiocarbon

Fig. 3 / Рис. 3. The southern part of the Kazakh steppe. Betpakdala. Baikonur river valley. Petroglyphs of Baikonur, group "N". Four horses. Small dot's embossing. The turn of the 3rd – 2nd millennium BCE / Южная часть Казахской степи. Бетпакдала. Долина реки Байконур. Петроглифы Байконур, группа «Н». Четыре лошади. Мелкоточечная выбивка. Рубеж III–II тыс. до н. э.

The source: photo by the author

Fig. 4 / Рис. 4. Eastern part of the Kazakh steppe. Kazakh Altai. The Moldazhar (Shimaily) Petroglyphs. Sardongal Hill. A multi-figured composition with wild animals and an archer hunting on a two horse-drawn chariot. The technique of small-point embossing and polishing of the patina. First quarter of the 2nd millennium BCE / Восточная оконечность Казахской степи. Казахский Алтай. Урочище Молдажар (Шимайлы). Сопка Сардонгал. Многофигурная композиция с участием диких животных и охоты лучника на пароконной колеснице. Техника мелкоточечной выбивки и прошлифовка патины. Первая четверть II тыс. до н. э.

The source: photo courtesy by A. Ye. Rogozhinsky, the discoverer of this pictorial monument, from his personal archive

revolution of dating in archaeology, these new method of population genetics must be applied on a significant series of samples, with the necessary degree of verification and caution, which inevitably requires significant resources and unprecedented cooperation of researchers. Only in combination with traditional methods does it become possible to reconstruct specific historical processes and migrations as part of this.

Discussion

Genetic data on the origin of domestic animals: horses, goats, dogs, camels, bulls, and other species also make it possible to verify the overall picture of the most ancient population migrations in steppe Eurasia [10], which allows us to consider the development of animal husbandry and the stages of distribution of individual species of domestic animals throughout the continent.

To clarify the chronological position of historical, migration and communication processes during this period, synchronization of datings in geographical regions that are significantly remote from each other on the basis of large series of calibrated radio-carbon dates makes it possible. At the same time, pictorial monuments act as markers of population migrations due to their geographical position fixed on the rock art sites of Central Asia (fig. 2–4), in contrast to the movement of things, which spread mainly as a result of robbery, exchanges or trade.

Figurative monuments, primarily petroglyphs on rocks, make it possible to verify the essence and nature of communications and migrations, their probable ethno-cultural affiliation, which, in turn, determines the presence of certain population groups in a particular geographical region in a certain period of time, in cases when it is possible to date these rock carvings and the archaeological sites left by these groups, and the geographical distribution of similar signs of the same pictorial series (code) or specific pictorial traditions may indicate the territorial movements of a particular clans or communities with its own identity [24–25; 27].

The specifics of migrations [24] consists in the natural development of vast new territories of the continent, primarily as pastures for domestic animals. The reproduction of the livestock of which, in turn, is the key to the development and prosperity of these societies. Such a natural and harmonious model of the territorial settlement of communities in the steppe, often not at all similar to migration, but rather similar to classical nomadism, most fully corresponds to the archaeological data accumulated today. There is no reason to consider this process as a military and aggressive expansion and seizure of foreign territories with all the horrors of forced assimilation and genocide [20–21].

Results

Thus, according to the latest data of population genetics, the Bronze Age in the history of human civilization seems to be the Era in which globalization first occurred on the Eurasian continent and the existing gene pool of the population of this continent was formed. The most advanced innovations invented in Mesopotamia quickly spread over vast territories, communication channels were established through which these new inventions spread to the most remote regions of the Eurasian continent [24, pp. 170–184, 308–315; 25, pp. 34–39, 109–120].

Population genetics data make it possible to trace the contributions of individual groups to the overall ethno-cultural situation and identify the migrations of some individual societies, carriers of these innovations [1; 7; 17], or trace the migration of pathogenic viruses (for example, hepatitis B or bubonic plague) and their carriers since ancient times.

On the basis of archaeological, visual and linguistic data, such a migration of the steppe population to the east of the continent, now confirmed by the conclusions of population geneticists, was assumed by many researchers [28, p. 215], was defined by its ethnic character as Proto-Tocharian [25, pp. 206–250] and took place no later than the first quarter of 3rd mill. BCE [22, pp. 128–133].

Despite the existing similarity, all Kazakhstan and Altai sites differ significantly from the Chemurchek kurgans of Mongolia and Xinjiang (Alkabek group of sites – 19th–18th centuries BCE), which, however, is typical of any long-term migration. In this regard, it is possible to speak only about their belonging to a single circle of sites, which also includes some Okunevo, Elunino and related West Siberian, Altai (Karakol), South Siberian and West Mongolian complexes. Almost simultaneously (26th–22nd centuries BCE) in the east of Europe, the cultures of the Catacomb community experienced the middle and late periods of their existence – the Ingul, Late Donetsk, Middle Don, Volga-Don, East and West Manych and Poltavka cultures [22, pp. 133–134].

The next stage in the history of the population of Northern Eurasia in the early Bronze Age is associated with the Elunino and Chemurchek sites. Almost simultaneously with the Elunino complexes in Eastern Kazakhstan, there were sites attributed to the Chemurchek cultural phenomenon and which are associated with the alleged migration of Prototocharians to East Turkestan [14]. The starting point of this migration is determined in the south of France; the final one is in East Turkestan [15, pp. 50–55].

In the first half of 3rd mill. BCE in the Kazakh steppe, its northern and eastern limits, monuments of Botai, Surtanda, Yamnaya-Afanasievo, Elunino, Chemurchek, and also some other cultural types were recorded. The anthropological appearance of the population during this period is exclusively Caucasoid, which is superimposed by various substrates of western steppe origin [13, pp. 437–445].

According to most researchers, at the turn of 3rd–2nd mill. BCE, in the very first centuries of 2nd mill. BCE, Andronovo sites appeared in North Eurasia and possibly later – in Semirechye/Zhetysay, in Xinjiang, in Uzbekistan and Tajikistan, in Western Siberia and in the Minusinsk Basin [8; 12; 20]. At the same time, the Okunevo culture appeared on the Middle Yenisei, and the late stage of the

Odinovo culture began in the Baraba forest-steppe area.

In parallel with the cultural formations listed above, the Tashkovo culture existed on the territory of the Tobol region (border of 3rd–2nd mill. BCE), and in Central and Northern Kazakhstan – the Nurtai and Petrovka cultures. These formations are on the whole synchronous with the Sintashta and late post-Catacomb formations of Eastern Europe: Lola and Babinskaya cultures, the Krivolukskaya cultural group, and the Pokrovsky-type monuments of Srubnaya community [8; 22, pp. 135].

A new wave of settlers was reflected in the recent data of paleogenetics on the Sintashta genotype, confirming the genetic relationship of the Sintashta population with clans from the western regions of the Eurasian steppe, which can be explained both by their migration from the western regions and by the genetic common relationship with their earlier Yamnaya relatives of the first wave of migration. And who settled here several generations before the Sintashta time and successfully developed in new territories on their own, mixing with the aboriginal population. Population genetics does not confirm the relationship of the Sintashta with any population groups in Anatolia or other regions of Asia, which definitely indicates their steppe, West Eurasian origin [1; 7] and does not support the hypothesis of their migration from Anatolia [11].

Monuments of the Sintashta-Petrovka type (in our understanding, early Andronovo, corresponding to the initial stage of the formation of the Andronovo cultural and historical community) contain a convincing series of evidence that the population was familiar with the horse-drawn chariot (fig. 4) [3, pp. 215–228; 6; 18; 19, pp. 40–65].

The total interval of Sintashta – Petrovka dates obtained to 2010–1770 (68,2%) or 2200–1650 (95,4%) BCE, can be synchronized with the Old Babylonian Kingdom no later than the reign of Hammurabi (1848–1806 according to the long chronology). The appearance of the Mitanni chariot complex

can be dated to the 17th century BCE and is associated with the conquests of the Indo-European population groups that migrated to Mesopotamia from the north. The beginning of the Second Intermediate Period in the Egyptian radiocarbon chronology is dated to 1746–1645 (68,2%) or 1871–1616 (95,4%) BCE. Completion can be dated between 1596–1582 (68%) BCE or 1601–1573 BCE [5, pp. 274–285].

In the very south of Central Asia, in Margiana and Bactria, complex ethnocultural processes also took place associated with the communications of the population of the steppes, Harappa and the Middle East [21]. The outpost of these communications became: Sarazm [12, pp. 204–228], and especially Gonur-depe [26]. For the materials of the last monument, there is a solid series of 59 radiocarbon calibrated dates that determine the time of existence of the Margian capital within the 25th–15th centuries BCE. Its most intensive use was at the turn of 2000 BCE, and by 1500 BCE life on the monument ceased [30, pp. 166–179].

Discussion

In general, in the period of time considered above, Western migrants brought a number of progressive innovations to the life of local, autochthonous communities (fig. 2–4). Thus, a feature of the livestock economy of the population of Central Asia in general and the Kazakh steppe itself, in contrast to the previous, Botai time, is not only the active use of horses, but also cattle, sheep, goats and even dogs of Middle Eastern breeds. Groups of pastoralists migrating from the west (clans, production groups such as a large patriarchal family) include the local autochthonous population in the orbit of their influence. At the same time, animal husbandry was successfully combined with agriculture in those places where it was possible, as evidenced by the found seeds of cultivated plants and isotope analysis [23, pp. 23–34].

Subsequently, with the advent of a new related western component, new waves of transcontinental migrations and the global

movement of metal and tin [4], complexes of the Elunino, Petrovka and other cultural types are formed, oriented to local deposits of tin, the main additive for artistic bronze foundry. A new stage begins in Central Asia – Andronovo, during which (the Middle Bronze Age) here, on the basis of innovations in the use of the wheel brought from the West, a light and fast two-horse chariot was apparently invented, the progressive design of which most optimally corresponded to the use of a pair of horses as a draft strength and maximum realization of the advantages of the anatomy of these animals in teams in comparison with previously used camels, bulls or donkeys.

A similar chronology of the Seima-Turbino, Sintashta and Abashevo complexes is generally accepted. However, the burials of the Sopka II site, containing metal of the Seima-Turbino type, date back to the last quarter of the 3rd – the border of 3rd–2nd mill. BCE and clearly indicate the asynchrony of these cultural phenomena. We consider the producers of highly artistic Seima-Turbino items to be the production groups of blacksmith artisans, incorporated in various communities throughout the Eurasian steppe in the Early Bronze Age, and who were the keepers of the secrets of the complex bronze casting technology for casting advanced types of weapons in molds with a blind sleeve. At the same time, the natural geographical movement of the Seima-Turbino artifacts should not be surprising due to the already highly developed communications of the population during this period.

From the point of view of the development of artistic, visual communications, these datings are of exceptional importance, since they determine the possible center of the origin of this bronze casting tradition and determine the dating of images in a similar style on the rocks. It is in the Seima-Turbino bronze casting tradition of artistic casting that a feature of many horse sculptures is an accentuated mane, in some cases hanging over the head in the form of a bangs.

The role of the horse during this period has already been discussed in detail in a recent review [29, pp. 198–215]. The situation with the Seima-Turbino art objects (fig. 2–3) can be explained using the latest data on the genetics of ancient horse species [10; 16]. Thus, the Botai horses turned out to be the ancestors of the Przewalski's horse and are genetically different from other breeds of the *equus caballus* species, which in later periods of history were actively used by man in his economic activities.

Such a dead-end branch in the process of domestication and evolution: the Przewalski wild horse, apparently, was partially domesticated in the Botai and actively used in economic activities, including harnessing to a chariot, and in later periods, as a result of breed selection, import of horses from other regions in Sintashta time, probably leading its pedigree from tarpans, it lost in the competitive struggle of species and again became wild, remaining until recently in large numbers in the area of its origin habitat in its original, wild form as a special Asian breed of mustangs, like the modern breed of a short Mongolian horse, leading a semi-wild existence and, as necessary, re-tamed for economic needs.

It is likely that the Botai horse was not completely domesticated in the modern sense of this process, and did not reach the level when the horse is no longer afraid to be outside the herd, overcomes its inherent persistent herd instinct and is independently and individually used for riding and wheeled transport. As a result of this process, as unnecessary, it returned to original state of a wild horse.

This assumption allows us to explain the invention of snaffle-type headbands used by the population of the Sintashta, Petrovka, Alakul and other cultures to control draft animals and containing cheek-pieces with spikes as the main working tool, the effect of which was very painful for the horse, both separately and in combination with goads found in synchronous archaeological sites.

The evolution of the horse bridle during this period demonstrates their transforma-

tion from painful, snaffle-type bits to more free and gentle types for horses, which can be associated both with the types of horses used in the harness and with the need to compensate for shortcomings in their training. It is noteworthy that according to the finds of this type of cheek-pieces with spikes and goads in graves and in settlements in the steppes of Eurasia, it is possible to determine the time of their existence exclusively within the first half of the 2nd millennium BCE (fig. 4). Later, this type of cheek-pieces transforms into ordinary horse-head harness distributors or rod cheek-pieces without any spikes that are painful for the horse [6].

Figurative monuments and the mythology of that time reflected in them help to clarify the features of this process. In this regard, the idea of the Indo-Europeans about the horse as an animal alien, aggressive and even hostile to them, which must be subjugated and which is clearly preserved in their mythology, is interesting [2; 27].

This plot is recorded among different peoples of Eurasia in several versions, but its essence boils down to how a God molds figures of a Man and a Woman from clay, and a horse or two horses, often winged, break these figures. Then the Creator creates a dog or two dogs that drive away these attacking semi-wild horses and protect the first people. The horse is punished – it is deprived of wings and freedom, from now on it must serve a person and be beaten.

The very desire of the horse to prevent the creation of man is caused by the fear that people will harness it and deprive it of freedom, because before the creation of man, horses inhabited the earth and they were free as the wind. The efforts of vicious horses to trample Adam's body made of clay were in vain thanks to the dog, which has since guarded the man as his closest friend. And on the human body there was a mark on the stomach – a navel, a mark from a hoof strike.

The distribution of this plot is recorded everywhere on the Eurasian continent with different interpretations of characters in the regions, but with a single plot. It is assumed

that this myth spread to the territory of India in the period from the beginning of the 2nd to the middle of the 1st millennium BCE and is associated with the penetration of the Indo-Europeans into the peninsula in 1900–1200 BCE, which suggests its formation in the Eurasian steppes in 3rd mill. BCE. The lower limit of its appearance is determined by the time of the domestication of the horse, the upper limit by the penetration of the plot into South Asia in 2000 BCE [2].

The role of the horse in this myth corresponds to the idea of the complexity of the process of taming it and using it in harness. Obviously, at the initial stages of the domestication of the horse, the communities of the Indo-European root could not participate in it, since it began earlier than their first attempts to develop the steppe spaces of Eurasia at the beginning of the 3rd millennium BCE. In teams at that time in the Eurasian steppe and in Ciscaucasia, only bulls were used.

Horses of a wild species – the Przewalski's horse or tarpan for clans in Eastern Europe at that time were meat animals, an important object of hunting. They naturally tried to tame it (we are talking about the yet unidentified species of ancestors of the true horse – *equus caballus*, probably tarpan) and breed at that time exclusively for food. Probably, on the Dnieper (Dereivka, Repin Khutor) the tarpan and its descendants were tamed, and on Botai at that time they experimented with the Przewalski horse instead of the tarpan.

Only with the invention of light chariots on a pair of horses and with the development of wheeled innovations and means of controlling a bronco horse – with cheek-pieces of the snaffle type [6], at the turn of 3rd-2nd mill. BCE, it became possible to harness the Botai horse to a chariot, and only much later – to actively use under the top in economic and military practice already other breeds of true horses, the most advanced in the process of domestication, brought from the western Eurasian steppes and crossed with the local Kazakh breed, the selection of which is based

on the domestication of the species of Przewalski's horse.

It is no coincidence that Yu. E. Berezkin identified a stable mythological idea of a pair of horses (a pair of winged horses). The fact of the discovery of a pair of horse teams that pulled a light wagon became so important, and the role of the horse so contradictory and unpredictable (not yet fully tamed) in this process, that this knowledge was presented in a wonderful form, in the form of this myth. It is also important that this process took place through beating the horse and causing it pain – a kind of verbal instruction to relatives and members of society – how to tame a horse and control it in a harness.

Another important conclusion that comes from the reconstructed myth is the motive for punishing the antagonist horse – the very fact of putting on the yoke and using it in the cart (subjugating the rebellious) – an act of submission and conversion for the benefit of the one who conquered. This act turned out to be so important that it was reflected in the mythological consciousness of the majority of the peoples inhabiting Eurasia, and became a key plot in the Indo-Iranian pictorial and mythological traditions.

In addition, in the period under review, in addition to external communications, expressed in explicit migrations of certain groups of the population, peculiar internal communications developed, expressed in the mythological and pictorial traditions mentioned above, which we conventionally called Yamnaya-Afanasievo and Andronovo [25, pp. 208, 223; 28].

Conclusions

Thus, the waves of migration of Western livestock breeders to the east of Eurasia from the end of the 4th and during the entire 3rd – the beginning of the 2nd millennium BCE became one of the most striking, without any reservations, a turning point in the history of Central Asia and humanity as a whole (fig. 1). This time is characterized by a system of interrelated innovations – technological,

economic, social and ideological. The mineral wealth of the Ural-Kazakhstan and Altai regions naturally determined them to be one of the main centers for the extraction of ore, additives and copper smelting, including them in the widest network of cultural ties and migrations of a pan-Eurasian scale from Balkans to the China. A necessary condition for the emergence and maintenance of such communications was the development of overland means of wheeled transport.

With the appearance in the first quarter of 3rd mill. BCE Yamnaya (Pit's), Afanasievo, Chemurchek and later – Sintashta population periodically, in waves coming from the western steppes of Eurasia, global changes occur in the Kazakh steppe, which lead not only to the appearance here of progressive forms of animal husbandry, developed metallurgy and development of ore sources, but also to a change in the anthropological type of the population (its genetic composition), as well as some cult and religious ideas. It is obvious that these innovations found their expression in the new communications of local communities and naturally reflected in the fine and rock arts.

In this situation, it is not so important who won in this confrontation between the native Botai population and newcomers. It is obvious that everyone has benefited, since progress is evident in the development of key activities of both settlers and local communities: a synergy that led to progress. Moreover, this migration took place in the form of the promotion of small production groups of the population, which naturally perceived many elements of local cultures, became the local elite, but, ultimately, dissolved in them through their local wives, changing the gene pool of local communities.

The reason for these migrations may lie in global natural disasters, in a significant aridization of the climate, aggravated in the southern regions by floods and volcanic eruptions. But, it is obvious that their cause also lies within the pre-state social and public steppe structures that developed at that time and their production units – self-sufficient

clans of blood relatives, who are socially at the level of chiefdoms and began the struggle for the redistribution of the previously established system of pastures and water use, for control over the traditional communications prevailing in the steppe (crossings, pastures, water sources, dominant heights, passes, roads, etc.).

Many leaders of these clans began to understand that the resources of the ecological niches in which their societies had successfully developed and bred up to that time, in the conditions of demographic growth, turned out to be completely insufficient. Naturally, they came to the conclusion that the well-being and bright future of new generations lies in the expansion of pastures and living space for their fellow tribesmen. Awareness of the extensive, or rather expansionist, way of development and procreation is an important motivating reason for these migrations and the westward movement of individual warlike and, of course, elite clans with the most advanced innovations.

Such a militant, expansionist ideology basically comes from the depths of the nomadic mode of economic activity of these communities and clans. But such an expansion, which we are witnessing at that time, was impossible without the active use of progressive innovations: revolutionary changes could ensure such a large-scale advancement, primarily in communications – in the creation of universal sign systems (various pictorial traditions and styles), which originated in the bowels of each communities and determined its social structure and hierarchy, as well as in the economy and, above all, in horse equipment, transport, new types of bronze weapons and production tools.

Traditional horse breeding in the Kazakh steppe obviously became the most advanced type of economic activity, perhaps, in all of Central Asia at that time and, undoubtedly, was of considerable interest to warlike neighbors, as a region providing massive supplies of excellent and trained horses. The earliest stages of horse domestication took place here, the local population achieved signifi-

cant success in breeding the Kazakh horse breed in its native habitat – in Saryarka (Kazakh steppe) and massively supplied trained riding (chariot) horses to all its neighbors and not only. Horses from the Kazakh Steppe were actively used by the early nomads of Altai; traditionally, for many centuries, local horses were supplied to China, as narrated by numerous Chinese written sources and osteological data [9].

Probably, long before the Great Silk Road, the Tin, and a little later, the Horse Great Roads arose, the main vector of which, rather, was directed not from China to the west, but on the contrary – from the west, from the steppe – to the east, to the territory of the Great Chinese Plain. And control over such strategically important territories undoubtedly provided geopolitical superiority to precisely those elite clans that could lead this process and were guaranteed to receive excellent horses for their military campaigns in the right quantity.

The history of communications and the development of rock art in the Kazakh steppe and Central Asia as a whole, as well as megalithic, statuary, ornamental traditions, very well corresponds to the ethnocultural situation in the north of Central Asia and coincides with significant population movements recorded by archaeological methods and written Chinese sources. Moreover, stationary pictorial monuments are markers of such movements and geographically record the presence of certain ethnic groups (clans or communities) in a particular region, since only the bearers of pictorial traditions themselves, the creators of petroglyphs, can move, not a rock.

Recorded by archaeological and paleogenetic methods in the Eneolithic–Early Bronze Age, the long migrations of the Yamnaya-Afanasevo (or Chemurchek) population to the east of the continent gave a powerful impetus to the development of local arts and were vividly reflected in local fine art monuments – in petroglyphs and stone sculptures. The advances of the Sintashta, Seima-Turbino, and possibly the late Gonur

population in the Middle Bronze Age led to a new surge in fine art – a bright Andronovo pictorial and ornamental tradition arose.

Obviously, the historically formed communication channels were quite stable, fixed geographically, since they were tied to the most convenient routes of movement in the steppe and between valleys, along river valleys, to water sources, to traditional craft (repair) centers, which later became caravan cities, to passes, crossings, to food and rest points, which later took shape in caravanse-rais on traditional trade roads. Along them, these trade roads, traditionally significant migrations of the population took place, innovations, ideas, knowledge, and cults spread.

The success of such hegemony or expansion was directly ensured by the possession of specific progressive innovations, inventions, technologies or know-how. Therefore, the archaeological study of a particular society for the possession of such innovations and the study of their typological and technological development over time is the main sign of a possible migration or expansion.

No less important were the internal communications of the community: sign, pictorial, statuary, ornamental, megalithic, verbal, musical traditions and, finally, writing as the most universal way of communication. In pre-literate societies, the need for a universal pictorial language of communication was so urgent that it became the main marker of self-identification of related and even foreign societies. This function was also important in cases of the introduction of individual clans into a foreign cultural environment, when, in the conditions of multicultural and linguistic diversity, a universal communication tool was required that was understandable to everyone.

Internal communications, clothed in the only mythological form possible in pre-literate societies, served the purposes of education, upbringing, transfer of information and knowledge, forming the ideological basis of community, successfully ensuring hegemony and hierarchy within the clan of close relatives.

Elite and powerful clans, combined with the secret innovations they possessed, successfully used this «language» for their own purposes of hegemony and domination over less progressive and developed societies, forming a thin superstratum of the nobility in such societies, often ethnically alien to them. But it was these elite clans, the nobility and the stratum of leaders/priests/shamans, that became the main carriers of fine traditions and innovations, and social progress in general.

The factors and features noted above form a complex model of communication and interaction of the most ancient societies in the steppe Eurasia, which at different stages of the historical process constantly demonstrates the inevitable hegemony or expansion of small but progressive clans that subjugated significant groups of the less technologically advanced population, even sometimes not changing their ethnic identity.

Дата поступления в редакцию 22.09.2022

REFERENCES

1. Allentoft M. E., Sikora M., Sjögren K.-G., et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, no. 522, pp. 167–172.
2. Berezkin Yu. E. [«Seven brothers», «heavenly cart» and the ancestral home of the Indo-Europeans]. In: *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 2015, no. 3, pp. 3–14.
3. Cheremisin D. V., Komissarov S. A., Soloviev A. I. [Rock images of Central Asian chariots as a marker of mobility and migration]. In: *Mobilnost i migratsiya: kontsptsii, metody, rezultaty* [Mobility and migration: concepts, methods, results]. Novosibirsk, 2019, pp. 215–228.
4. Chernykh E. N. *Stepnoy poyas Evrazii: fenomen kochevykh kultur* [The steppe belt of Eurasia: Phenomenon of nomadic cultures]. Moscow, Rukopisi Drevney Rusi Publ., 2009. 622 p.
5. Chechushkov I. V. [Distribution of wheeled transport in the light of radiocarbon chronology]. In: Epimakhov A. V., ed. *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshikh nomadov stepey Evrazii. Kollektivnaya monografiya pamyati E. E. Kuzminoy* [The mystery of the ethnic history of the most ancient nomads of the steppe Eurasia. Collective monograph in memory of E. E. Kuzmina]. Almaty, Ostrov Krym Publ., 2014. P. 274–285.
6. Chechushkov I., Epimakhov A., Bersenev A. Early horse bridle with cheekpieces as a marker of social change: An experimental and statistical study. In: *Journal of Archaeological Science*, 2018, no. 97, pp. 125–136.
7. Damgaard P., Martiniano R., Kamm J., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: *Science*, 2018, no. 556. DOI: 10.1126/science.aar771
8. Epimakhov A. V., Hanks B., Renfrew K. [Radiocarbon chronology of the Bronze Age sites in the Trans-Urals]. In: *Rossiyskaya arkhеologiya* [Russian Archaeology], 2005, no. 4, pp. 92–102.
9. Gaiduchenko L. L. [Seven millennia of the history of the Kazakh horse]. In: *Vsadniki Velikoy Stepi: traditsii i novatsii. Trudy Instituta arkhеologii. Vip. IV* [Riders of the Great Steppe: traditions and innovations. Proceedings of the Institute of Archaeology. Iss. IV]. Astana, 2014. P. 300–310.
10. Gaunitz Ch., Fages A., Hanghøj K., et al. Ancient genomes revisit the ancestry of domestic and Przewalski's horses. In: *Science* 2018, 22. DOI: 10.1126/science.aao3297
11. Grigoriev S. A. *Drevnie indoevropeytsy* [Ancient Indo-Europeans]. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2015. 443 p.
12. Kasparov A. R., Avanesova N. A. [From the Volga to the Zeravshan: Intercultural Interactions in the Paleometallic Age]. In: Ionesov V. I., ed. *Samara–Samarkand: nasledie i sovremennost v dialoge kultur ot Volgi do Zeravshana: materialy Mezhdunarodnoy nauchnoy konferentsii (Samara, 2016)* [Samara–Samarkand: heritage and modernity in the dialogue of cultures from the Volga to Zeravshan. Materials of the International Scientific Conf. (Samara, 2016)]. Samara, Institut Kultury, 2017. P. 204–228.
13. Khokhlov A. A., Kitov E. P. [The physical appearance of representatives of the Botai Eneolithic culture in the context of the problem of the formation of the steppe population of Kazakhstan]. In: *Kazakhskoe khanstvo v potoke istorii: sb. nauchnykh statey, posvyaschenny 550-letiyu obrazovaniya Kazakhskogo khanstva* [Kazakh Khanate in the flow of history: dedicated to 550th anniversary of the formation of the Kazakh Khanate]. Almaty, Institut Archaeologii Publ., 2015. P. 437–445.
14. Klein L. S. Once again on the issue of Tocharian migration. In: *Stratum plus*, 2011, no. 2, pp. 183–186.

15. Kovalev A. A. [Ancient Europeans in the heart of Asia: Chemurchek phenomenon as a key to solving the problem of the Tocharian ancestral home]. In: *Kultury stepnoy Evrazii i ikh vzaimodeystvie s drevnimi tsivilizatsiyami. Kniga 2* [Cultures of the steppe Eurasia and their interaction with ancient civilizations. Book 2]. St. Petersburg, 2012. P. 49–56.
16. Kosintsev P. A. [Chariot horses]. In: Kuznetsov P. F., ed. *Koni, kolesnitsy, kolesnichie stepey Evrazii* [Horses, chariots and charioteers of the steppes of Eurasia]. Yekaterinburg, Samara, Donetsk, 2010. P. 21–79.
17. Kristiansen K., et al. Trade and civilisation: economic networks and cultural ties, from prehistory to the early modern era. Cambridge, Cambridge University Press, 2018. 564 p.
18. Kukushkin I. A. [Archaeological complexes of Kazakhstan with chariot paraphernalia. A new aspect in the archaeology of the bronze of Kazakhstan]. In: Baitanaev B. A., ed. *Svideteli tysyacheletiya: Arkheologicheskaya nauka Kazakhstana za 20 let (1991–2011)* [Witnesses of millennia: Archaeological science of Kazakhstan for 20 years (1991–2011)]. Almaty, Institut Archaeologii Publ., 2011. P. 97–113.
19. Kupriyanova E., Epimakhov A., Berseneva N., et al. Bronze Age charioteers of the Eurasian steppe: a part-time occupation for select men? In: *Præhisitorische Zeitschrift* 2017, no. 1, pp. 40–65.
20. Kuzmina E. E. *Predystoriya Velikogo Shyolkovogo puti: Dialog kultur Evropa-Aziya* [Prehistory of the Great Silk Road: Dialogue of Europe-Asia Cultures]. Moscow, Komkniga Publ., 2010. 236 p.
21. Masson V. M. *Kulturogenez drevney Tsentralnoy Azii* [Cultural genesis of ancient Central Asia]. St. Petersburg, 2006. 379 p.
22. Merts I. V., Svyatko S. V. Radiocarbon chronology of the Early Bronze Age sites of North-Eastern and Eastern Kazakhstan. First experience. In: *Theory and practice of archeological research* 2016, no. 1 (13), pp. 126–150.
23. Motuzaite Matuzeviciute G., Lightfoot E., O'Connell T., et al. The extent of cereal cultivation among the Bronze Age to Turkic period societies of Kazakhstan determined using stable isotope analysis of bone collagen. In: *Journal of Archaeological Science* 2015, no. 59, pp. 23–34.
24. Novozhenov V. A. *Chudo kommunikatsii i drevneyshiy kolyosniy transport Evrazii* [The Miracle of Communication and the Earliest Wheeled Transport of Eurasia]. Ed. E. Kuzmina. Moscow: Taus, 2012. (Russian)
25. Novozhenov V. A. [The Great Steppe: Human in the System of Ancient Communications]. In: Epimakhov A. V., ed. *Tainstvo etnicheskoy istorii drevneyshikh nomadov stepey Evrazii. Kollektivnaya monografiya pamyati E. E. Kuzminoy* [The mystery of the ethnic history of the most ancient nomads of the steppe Eurasia. Collective monograph in memory of E. E. Kuzmina]. Almaty, 2014. P. 18–267.
26. Novozhenov V. A. [Communications and transport of the country of Margush in space and time]. In: *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. 6. V pamyat V. I. Sarianidi* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition. Vol. 6. In memory of V. I. Sarianidi]. Moscow, Staryi Sad Publ., 2016. P. 361–377.
27. Novozhenov V. A. *Rock Art Chronicles of Golden Steppe. Vol. 1: Model of Communication in Antiquity and Early Middle Ages* Almaty: UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures, 2020. 780 p.
28. Sher Ya. A. *Petroglify Sredney i Tsentral'noy Azii* [Petroglyphs of Middle and Central Asia]. Moscow: Science, 1980. 328 p.
29. Usmanova E. R., Chechushkov I. V., Kosintsev P. A., et al. [The horse in the spiritual culture and social structure of the population of the Ural-Kazakhstan steppes in the Bronze Age (based on materials from the burial ground Novoilyinovsky II)]. In: Zdanovich D. G., ed. *Stepnaya Evraziya v epokhu bronzy: kul'tury, idei, tekhnologii: k 80-letiyu G. B. Zdanovicha* [Steppe Eurasia in the Bronze Age: Cultures, Ideas, Technologies: to the 80th anniversary of G. B. Zdanovich]. Chelyabinsk, 2018. P. 198–215.
30. Zaitseva G. I., Dubova N. A., Sementsov A. A., et al. [Radiocarbon chronology of the Gonur-Depe site]. In: *Trudy Margianskoy arkheologicheskoy ekspeditsii. T. 2* [Proceedings of the Margiana archaeological expedition. Vol. 2]. Moscow, Nauka Publ., 2008. P. 166–178.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Victor A. Novozhenov – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, UNESCO Center for the Rapprochement of Cultures;

e-mail: vnovozhenov@gmail.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Новоженков Виктор Александрович – кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник
Международного центра сближения культур под эгидой ЮНЕСКО;
e-mail: vnovozhenov@gmail.com

FOR CITATION

Novozhenov V. A. Botai horse-breeders vs Yamnaya migrants: who won? In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 9–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-9-23

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Новоженков В. А. Ботайские коневоды против ямных переселенцев: кто победил? // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 9–23.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-9-23

УДК 94(470.65“637”)+39

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-24-44

ИНДОАРИЙСКАЯ АТРИБУЦИЯ СТЕПНОГО ВАРИАНТА КУБАНО-ТЕРСКОЙ КУЛЬТУРЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ КУРГАНОВ У СТ. ТЕРСКАЯ МОЗДОКСКОГО РАЙОНА СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ)

Николаева Н. А.¹, Сафронов А. В.¹, Карлова К. Ф.^{1,2}

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация;

² *Институт востоковедения Российской академии наук*

107031, г. Москва, ул. Рождественка, д. 12, Российская Федерация

Аннотация.

Цель. Уточнить представления об этнокультурных процессах в бронзовом веке на пограничье Степь-Предгорье с учётом новых памятников, вводимых в научный оборот.

Процедуры и методы. Приведено описание ранее неизвестных курганных памятников эпохи бронзы в степных районах Северной Осетии. Методом стратиграфии установлено хронологическое соотношение погребений в деревянных ящиках относительно катакомб среднебронзового века Предкавказья и синхронность изученных памятников Степи с периодами предгорной кубано-терской культуры (КТК) Северного Кавказа. На основе сравнительно-типологического анализа комплекса бронзовых украшений в деревянных ящиках зафиксирован факт их импорта из предгорий Северной Осетии.

Результаты. По итогам исследования определены хронологическая позиция и лингвокультурная атрибуция вновь публикуемых памятников среднебронзового века Кубано-Терского междуречья.

Теоретическая и/или практическая значимость. Модель этнокультурных процессов в бронзовом веке на Северном Кавказе дополнена новыми деталями. Подтверждена ранее выдвинутая гипотеза о европейском происхождении, поликультурности и многовариантности среднебронзового века Северного Кавказа.

Ключевые слова: Центральное Предкавказье, среднебронзовый век, курганы, погребальный обряд, катакомбная культура, кубано-терская культура, миграции

Благодарности. Авторы выражают искреннюю благодарность за помощь в оформлении таблиц иллюстраций Людмиле Витальевне Гудиной и Даниилу Юрьевичу Куксу.

THE INDO-ARYAN ATTRIBUTION OF THE KUBAN-TEREK CULTURE STEPPE VARIANT, BASED ON KURGANS NEAR TERSKAYA. MOZDOK DISTRICT, NORTH OSSETIA

N. Nikolaeva¹, A. Safronov¹, K. Karlova²

¹*Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow Region, Russian Federation

²*Institute of Oriental Studies Russian Academy of Sciences*

ul. Rozhdestvenka 12, Moscow 107031, Russian Federation

Abstract

Aim. To refine the ideas on Bronze Age ethno-cultural processes in the steppe-foothills borderland, based on newly introduced landmarks.

Methodology. A description of previously unknown Bronze Age kurgans in the steppe regions of North Ossetia is provided. Using the stratigraphic method, the relative chronology of burials in wooden boxes relative to the Middle Bronze Age catacombs of the Pre-Caucasus is established as well as the synchrony of the studied Steppe monuments with the periods of the foothill Kuban-terek culture of the North Caucasus. Based on a comparative typological analysis of bronze ornaments from wooden boxes, a conclusion is made that they had been imported from the foothills of North Ossetia.

Results. Based on the study findings, the chronological position and linguo-cultural attribution of the newly introduced Middle Bronze Age sites in the Kuban-Terek watershed is defined.

Research implications. The model of ethno-cultural processes in Bronze Age North Caucasus was supplemented with new details, and the previously proposed hypothesis about their European origin, multiculturalism and heterogeneity of the Middle Bronze Age population of the North Caucasus was confirmed.

Keywords: Central Pre-Caucasus, Middle Bronze Age, kurgans, burial rite, Catacomb culture, Kuban-Terek culture, migrations

Acknowledgements. The authors express their sincere gratitude for the help in the design of the illustration tables to Lyudmila Vitalievna Grudina and Daniil Yurievich Kuks.

Введение

К середине XX в. был подведён итог изучению археологии эпохи бронзы Северного Кавказа: установлена относительная хронология как последовательность ключевых памятников от Большого Майкопского кургана до каменных ящиков кобанской культуры и принята трёх-этапная модель развития бронзового века в рамках XXV–XII вв. до н. э. [6].

Результаты масштабных раскопок на Северном Кавказе и в Предкавказье, развернувшихся с 1970-х гг. [2; 3; 5; 8; 9; 14; 18–20; 22], требовали большей ясности в понимании сложных явлений в бронзовом веке Кавказа и новых подходов к разработке хронологии и периодизации бронзового века этих регионов. Первая и пока единственная доказательная периодизация и хронология северокавказских древностей была разработана В. А. Сафроновым [16]. Исследователь успешно использовал последовательность северокавказских импортов в культурных группах (I–VI) в стратифицированных курганах степного Северо-Восточного Предкавказья (Калмыкия) [16, с. 23–124] в качестве основы для построения шкалы относительной хронологии средне-

бронзового века Северного Кавказа. Периодизация бронзового века Северного Кавказа была им представлена 6 этапами, обозначенными, как Среднебронзовый I «а, b, с», Среднебронзовый II «а, b», Среднебронзовый III [16, с. 124–199].

Хронологический подход к классификации древностей Северного Кавказа имел в тот период свои основания, однако при постановке задачи исторической реконструкции в междисциплинарном поле (археология, лингвистика, этнология), когда нужно знать субъект действия, следует обратиться к культурным дефинициям. Таким эквивалентом в той или иной степени этносу или носителю языка рассматривается «археологическая культура», которая может им соответствовать при проведении определённых процедур [10, с. 83, 164–170].

Таким образом, следующий этап исследования – историческая реконструкция – связан с решением задачи выделения археологических культур в среднебронзовом веке Северного Кавказа, поскольку термины «майкопская культура» и «северокавказская культура» в реальности относились к нескольким культурам и к нескольким субъектам дей-

ствия, имеющим разное происхождение [10, с. 10–19, 164 сл.]. В 1974 г. было доказано, что майкопская и новосвободненская культуры имеют разное происхождение, а керамический комплекс дольменов Новосвободной сложился на базе культур европейского позднего неолита (культуры воронковидных кубков, шаровидных амфор и «бесшнуровой» фазы шнуровых керамик [16, с. 174–199]. В 1989 г. эта концепция была поддержана материалами раскопок А. Д. Резепкина в урочище «Клады» (в районе ст. Новосвободная). В 1980 г. в круге тех же европейских культур КВК, КША, КШК, но уже в фазе их позднего взаимодействия, были найдены аналогии керамике, характерной для группы памятников «северокавказской культуры», и керамике дольменов Новосвободной [10, с. 164–170]. В археологии Западной Европы за ними закрепилось название «амфоры» [10, с. 167, 192, 195 сл., с. 526, ссылка 245]. Совокупность памятников, содержащих так называемый амфорный комплекс, была определена термином «кубано-терская культура» (далее КТК), в которой было выделено 2 варианта – предгорный и степной [10, с. 182]. Так была предложена новая модель раннего и среднебронзового века Северного Кавказа в виде последовательности культур с *общеευропейскими корнями*, а именно культуры дольменов Новосвободной или новосвободненской культуры, кубано-терской (КТК) и катакомбной культур [10, с. 526 ссылка 246], причём последние 2 культуры были практически синхронны и существовали параллельно на Северном Кавказе и в Предкавказье с эпизодическими контактами. Только на последнем этапе КТК катакомбные памятники появляются в предгорьях Северного Кавказа, вытесняя кубано-терскую культуру в высокогорье.

Практическое значение предложенной новой модели [10] состоит в том, что она позволяет сравнивать и разделять контактирующие культуры, определять культурную доминанту в смешанных памятниках,

имея в качестве точки отсчёта «кубано-терскую культуру», которая, в отличие от «северокавказской культуры»¹, является хронологически дифференцированной общностью генетического порядка. Очерченные здесь проблемы имеют прямое отношение к решению задачи определения границ степных культур и предгорной кубано-терской культуры в регионе Северная Осетия, которая поставлена в этой статье.

Раскопки курганов под Моздоком проводились в 30-е гг. XX в. Б. Б. Пиотровским [15], в 1970-х гг. – В. Х. Тменовым [20–21], а в 1980 г. – В. А. Сафроновым и Н. А. Николаевой², где были обнаружены погребения, относящиеся к кубано-терской культуре, её степному варианту.

Публикация материалов из раскопок стратифицированных курганов у ст. Терская Моздокского района имеет своей *целью* ввести в научный оборот памятники докатакомбного времени степной зоны Северной Осетии, синхронные предгорным памятникам кубано-терской культуры (в курганах у с. Дзуарикау, Ногир, Хазнидон), и поставить вопрос об их лингвокультурной атрибуции.

Раскопки курганов велись на землях, принадлежащих колхозу «Знамя Ленина» Моздокского района Северо-Осетинской АССР, в зоне строительства площадей орошения, в 80 км от Владикавказа. Ос-

¹ «Северокавказская культура от моря до моря», по В. И. Марковину, изначально не являлась полноценной археологической культурой и была не «общностью» родственных культур, но лишь обозначением «области», и, скорее, соответствовала по содержанию понятия названию монографии В. И. Марковина «Культура племён Северного Кавказа во II тыс. до н.э.» [7].

² Сафронов В. А., Николаева Н. А. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северокавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году. Хранится в Архиве Института археологии РАН, №№ Р-1 8050 и Р-1 8050а. Местность изобиловала холмами, в которых устраивались аланские катакомбы. Были раскопаны 7 аланских катакомб, и почти все они были ограблены. Помимо погребений бронзового века, в курганах были обнаружены сарматские и аланские памятники.

новное внимание в данной работе сосредоточено на исследовании курганов бронзового века. Это курганы 1–3, 10. Курганы не образовывали компактных групп, а были разбросаны в радиусе 350 м. Высота курганов варьировала от 3 до 6 м. Исследован целый пласт (14 погребений) докатакомбного времени в

стратиграфическом соотношении с катакомбами бронзового века не самого раннего периода.

Описание погребений бронзового века¹

Курган 1 (рис. 1). До начала раскопок курган представлял собой высокую на-

I. К. 1: 1, 3–4 – П. 4 основное; 2 – П. 2 в ящике;

II. К. 1. П. 1: 1 – план 2; 3 – ложковидные подвески; 4–5 – бусы;

III. К. 1. П. 16: 1–2, 3, 4, 5. П. 12: 6 – план, разрез. П. 13: 7–11, 12;

IV. К. 1. П. 14: 1 – план, разрезы, 2–3 – «выпрямители стрел»;

V. К. 1. П. 5: 1 – план; 2 – модель колеса; 3 – повозка

(открытый кузов); 4 – модель полукрытой повозки;

VI. К. 2. П. 9: 1 – план и разрез катакомбы; 2 – сосуд-кружка;

К. 2 П. 10: 3 – план и разрез; 4 – подвеска в 1,5 оборота (золото).

Рис. 1 / Fig. 1. Терская, Курган 1–2 / Terskaya, Kurgan 1–2

Источник: Сафронов В. А., Николаева Н. А. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северо-кавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году. Хранится в Архиве Института археологии РАН под номером Р–1 8050 и Р–1 8050 а

¹ Прим.: Последовательность погребений начинается с основного погребения, при этом нарушается порядок полевой нумерации; отсутствуют описание и номера погребений сарматской и аланской эпохи и отдельные комплексы, которые не идентифицируются.

сыпь с крутым северным склоном и пологим южным. Вершина кургана была повреждена на площади 17х23 м впадинами и всхолмлениями от перекопов и обозначена условно. Она смещена к северу от вершины древнейшего кургана. Высота кургана с разных сторон от вершины до современной дневной поверхности – 4,8 м и 4,2 м. Высота кургана от вершины до древней дневной поверхности – 3,75 м. Диаметр кургана с севера на юг – 43 м; с запада на восток – 36 м.

Курган 1 погребение № 4 (рис. 1.1.1, К. 1 П. 4) – **основное**. Погребальная камера обнаружена по белому тлену, оконтурившему яму, на глубине 4,4 м. Её северный край срезан погребением № 2. Погребение № 4 представляло собой яму с заплечиками; размеры сохранившейся части ямы – 1,07 × 0,48 × 0,13 м. Ориентирована по линии СВВ–ЮЮЗ. Детский скелет, по-видимому, лежал на спине с подогнутыми вверх ногами, головой на ССВ. Череп повёрнут на левую сторону, ноги упали влево. Найден инвентарь:

1. *сосуд* (фрагмент профиля) необычной удлинённо-баночной формы (рис. 1.1.3). Внутренняя поверхность покрыта жёлтым ангобом, внешняя – тёмно-серого цвета;
2. *пронизка* из бронзы (рис. 1.1.4).

Курган 1 погребение № 2 (рис. 1.1.2, К. 1 П. 2) – яма 3,0 × 2,5 × 0,2 м неправильной формы с закруглёнными углами. Находилась в северо-западном секторе кургана на глубине 4,4 м от вершины; ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ. На дне стоял деревянный ящик, перекрытый поперечными плахами. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на СВВ. Углы согнутости ног – 95° и 50°¹. Руки согнуты под углом 90°. Погребение № 2 было впускным относительно основного погребения № 4, которое было совершено на древнем горизонте.

¹ Далее сокращённо будем отмечать «углы согнутости», подразумевая угол между позвоночником и бедренными костями и угол между бедренными и берцовыми костями.

Курган 1 погребение № 1 (рис. 1.1.1, К. 1 П. 1) обнаружено в северо-западном секторе кургана на глубине 4,6 м. Яма трапецевидной формы с закруглёнными углами, ориентирована по линии ЮЮЗ–ССВ. Размеры: 3,4 × 2,1 м. В яме находился деревянный «ящик» (2,00 × 0,65 × 0,3 м.) Конструкция представляла собой раму² из поставленных на ребро плах шириной 15 см (от них сохранился древесный тлен, перемешанный с землей). Сверху была перекрыта поперечными досками шириной 10–20 см. Дно под скелетом и вне ящика было устлано, видимо, корой. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на ЮВ. Череп сильно повреждён. Вокруг щиколотки правой ноги лежали:

1. *9 подвесок* ложковидных, бронзовых, длиной 1,9 см, (рис. 1.1.2–3);
2. *2 бусины* бронзовые, бочковидные, длиной 1,4 см (рис. 1.1.4–5).

Погребение впущено в полу слоя III; перекрыто слоем II; близко по времени или синхронно погребению 1/5 (с моделью повозки) и с погребениями 1/13, 1/16.

Курган 1 погребение № 12 (рис. 1.1.1.6, К. 1 П. 12) обнаружено в юго-западном секторе кургана на глубине 5,3 м. Яма трапецевидной формы 2,06 × 1,84 м. На глубине 20 см от уровня пятна были зафиксированы заплечики и переход к малой яме (1,6 × 0,8 м), ориентированной по линии ЮЮЗ–ССВ. Вдоль длинных сторон на заплечиках фиксировались остатки деревянной конструкции. На дне местами прослеживался органический тлен сиреневого цвета от подстилки. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на ЮЮЗ. Около черепа и левого локтя обнаружены пятна охры. Слева от скелета лежала челюсть животного.

Курган 1 погребение № 13 (рис. 1.1.1.7–12, К. 1 П. 13). Обнаружено в СЗ секторе кургана на глубине 4,4 м. Стратиграфически находилось над более древним погребением с заплечиками. Яма погребения

² Здесь и далее будем использовать для этой конструкции обозначение «ящик», имея в виду, что это деревянная рама, перекрытая сверху плахами.

прямоугольной формы $0,92 \times 0,46$ м, ориентирована по линии З–В.

Детский скелет лежал скорченно, на левом боку, головой на В, завалившись на грудь. Кости очень плохой сохранности и все, кроме черепа и шейных позвонков, смещены: череп лежал на заплечике более древней ямы, а сам скелет «просел» в яму. Кости рук и почти вся грудная клетка отсутствуют. Углы согнутости: 90° и 45° (рис. 1.ІІІ.12). За черепом был обнаружен комплекс бронзовых украшений:

1. *подвеска* кольцевидная с несомкнутыми концами (диаметр – 1 см; толщина – 0,2 см) (рис. 1.ІІІ.8);
2. *пронизка* из тонкого, скрученного в трубочку листа бронзы (рис. 1.ІІІ.7) (длина – 1,6 см, диаметр – 0,3 см);
3. *подвески* ложковидные бронзовые (длина – от 0,9 до 1,5 см; ширина – до 0,6 см; диаметр отверстия – 0,2 см) (рис. 1.ІІІ.9);
4. литые *стерженьки-подвески* 2 типов: с гладким и орнаментированным стержнем и со стержнем (1,6 см) (рис. 1.ІІІ.10–11).

Курган 1 погребение № 16 (рис. 1.ІІІ.1–5, К. 1 П. 16). Находилось под погребением № 13. Яма с заплечиками, прямоугольной формы $2,2 \times 1,5$ м; ниже заплечиков размер ямы $1,4 \times 0,9 \times 0,5$ м. Яма ориентирована по линии З–В. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на восток, правая рука – на грудной клетке, левая – вытянута вдоль туловища. У плеча были найдены:

- 1) *подвески* кольцевидные, бронзовые с литым шнуровым орнаментом (диаметр внешний – 2 и 1,3 см, внутренний диаметр – 1,2 и 0,6 см) (рис. 1.ІІІ.5);
- 2) *бусы* пастовые, цилиндрические (рис. 1.ІІІ.1) (длина – 0,5 см; диаметр – 0,3 см);
- 3) *стерженьки-подвески* литые, с раздвоенным шариком на конце (длина – 2,3 см, толщина – 0,6 см) (рис. 1.ІІІ.2);

- 4) *пронизка* спиралевидная длиной 1,6 см) (рис. 1.ІІІ.3).

Курган 1 погребение № 9 (К. 1 П. 9). Обнаружено в материке, в юго-восточном секторе кургана. Яма неправильной овальной формы $2 \times 0,8 \times 0,36$ м, ориентирована СВВ–ЮЗЗ. Скелет взрослого человека лежал вытянуто на спине, головой на СВВ. Возле него отмечено пятно охры.

Курган 1 погребение № 14 (рис. 1.ІV, К. 1 П. 14). Обнаружено в ЮВ секторе кургана на глубине 4 м. Яма прямоугольной формы, ориентирована по линии СЗЗ–ЮВВ; размеры $1,48 \times 0,86 \times 0,86$ м. Погребённый лежал скорченно на левом боку, с отклонением на спину, головой на ВСВ. Череп находился у левого плеча. Углы скорченности ног: 90° и 60° . Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая – слегка согнутая, лежала на грудной клетке, кистью – на правом крыле таза. За скелетом между бедренными и берцовыми костями находились 2 каменных бруска с желобком посередине – «выпрямители стрел» (рис. 1.ІV.2–3).

Курган 1 погребение № 5 (рис. 1.ІV, К. 1 П. 5). Обнаружено в юго-западном секторе кургана на глубине 3,83 м. Контур ямы не прослежен. Скелет подростка лежал скорченно на левом боку, с отклонением на спину, головой на ССВ. Углы согнутости: 100° и 45° (рис. 1.ІV.1). В 18 см от погребённого был обнаружен уникальный комплекс – *глиняная модель повозки*: 4 колеса, 2 короба/кузова (рис. 1.ІV):

- 1) *модель четырёх колес с двусторонней ступицей* (диаметр колеса – 15 см; диаметр ступицы – 6,5 см; высота ступицы – 4,5 см; диаметр отверстия – 1,6 см. (рис. 1.ІV.2);
- 2) «открытый кузов» имел форму «корыта» с уголками, оттянутыми в виде горизонтальных ушек с отверстиями (длина по дну – 10,8 см, ширина – 3,2 см, длина по верхнему краю – 11,2 см, ширина – 5,4 см, высота стенки – 3 см, размеры «ушка» – в среднем 1×1 см; диаметр отверстия – 0,4 см (рис. 1.ІV.3);

- 3) «*полукрытый кузов повозки*»: свод приподнят над стенками кузова на 3 см и загнут внутрь, длина по дну – 13 см; длина по верхнему краю – 14 см; ширина дна от 2 до 3,5 см; ширина по верхнему краю – от 3,2 см до 5 см; высота стенок – от 2,6 см. Верх кузова с внешней стороны украшен шнуровым орнаментом: на одной из сторон вертикальные оттиски шнура перемежаются с линией ямочных вдавлений; на другой стороне оттиски шнура образуют зигзаг (рис. 1.IV.4).

Стратиграфия кургана 1. В процессе исследования кургана были оставлены 4 бровки, ориентированные по линии север-юг. Наибольшая длина разрезов бровок – 34 м. В бровках прослеживалось 4 насыпных курганных слоя. Слой V фиксировался только в бровке 2 и был связан с основным погребением № 4 и впускным № 2. Материковых выкидов в разрезах не было, поскольку все захоронения были неглубокими и находились в предматерике. В бровке 1 прослежены те же слои, а также 2 выкида: один выкид от погребения № 1 на слое III в южной части бровки, может быть связан с возведением слоя II, и выкид с подсыпкой над погребением № 12, впускным с поверхности слоя IV в северной части кургана. В кургане были обнаружены 11 погребений, а также 2 несвязанных с ними комплекса.

Основное погребение № 4 (с сосудом неясной атрибуции) находилось в ящике на древней дневной поверхности, и над ним был насыпан курган (слой V). Край захоронения № 4 был срезан погребением в ящике № 2, впускном с поверхности древнейшего кургана (слой V), что составляет факт прямой стратиграфии погребений № 2 и № 4. Яма № 2 перекрыта слоем IV (бровка 2). Слой V выклинивается в других бровках. В полу IV слоя были впускены также 3 погребения: безынвентарное № 12 в яме с заплечиками, выкид от которой был законсервирован подсыпкой; 2 других – погребение № 16 в яме (с ложко-

видными подвесками) и погребение № 14 в яме (с «выпрямителями стрел»). Установлен факт прямой стратиграфии погребения № 13 и № 16 (с кольцевидными бляшками и ложковидными подвесками). Слой III законсервировал подсыпку над № 12 и погребения № 13–14, 16. В свою очередь, погребение в ящике № 1 (с ложковидными подвесками) было впускено уже в слой III с юга и перекрыто слоем II. Последним впускным погребением эпохи бронзы было погребение № 9 срубной культуры.

Последовательность погребений в кургане, по нашим предположениям, была следующая: 4–2–13–16–12–1–14–5–9. Металлокомплекс с украшениями относится к кубано-терской культуре. Модель повозки и «выпрямители стрел» – атрибуты раннекатакомбной эпохи, которая характеризуется ямами с левобочными захоронениями без катакомб.

Курган 2 (рис. 1.VI) представлял собой сильно разрушенную в центральной части и в юго-восточном секторе насыпь. Высота кургана до современной дневной поверхности – 2,9 м с севера и 2,75 м – с запада. Высота кургана до материка – 3 м. Диаметр кургана со всех направлений – 36 м.

Курган 2 погребение № 10 (рис. 1.VI.3–4, К. 2 П. 4) – **основное**. Обнаружено по центру в материке, на глубине 1,3 м от древней дневной поверхности. Яма имела размеры 2 × 1,9 × 1,3 м. В большой яме стоял ящик меньшего размера 1,5 × 0,7 × 0,3 м. Между ящиком и стенками ямы была земля. Скелет взрослого человека лежал на левом боку с отклонением на спину (признак кубано-днепровской/новотитаровской культуры), головой на СВ. Правая рука согнута в локте под углом 90° (второй признак обряда КДК). Была также найдена *золотая подвеска* в 1,5 оборота (рис. 1.VI.4).

Ранний докатакомбный возраст подчёркивается обрядом, характерным для кубано-днепровской культуры, и присутствием золота как раннего признака бронзового века Северного Кавказа.

Курган 2 погребение № 8 – катакомбное, частично находилось в насыпи. Обнаружено по пятну заполнения коричневого цвета в восточном секторе кургана, в траншее, на глубине 4,28 м. Входная яма не была зафиксирована, т. к. расположена в тёмном курганном слое и, вероятно, имела наклон к камере. Камера ориентирована по линии 3-В, входная яма, по видимому, была с южной стороны. На дне катакомбы лежал детский скелет, на левом боку с подогнутыми ногами, головой на ВСВ. Руки погребённого протянуты к коленям. Углы согнутости: 90° и 45°. Перед лицом погребённого стоял *сосуд-кружка* с уступом высотой 8,4 см. Сосуд представлял собой полную аналогию сосуду из катакомбы № 9.

Курган 2 погребение № 9 (рис. 1. VI.1, 3) – **катакомбное, впускное в материке**. Обнаружено в ЮВ секторе кургана, на глубине 4,6 м, по пятну заполнения, в 45° к горизонту. Дромос длиной 90 см вёл в овальную камеру (1,3 × 1,0 × 0,7 м) Т-образной катакомбы. Свод катакомбы фиксируется лишь местами (сохранившаяся высота 0,7 м). В катакомбе лежал детский скелет на левом боку; углы согнутости ног 90° и 45°; руки протянуты к коленям, головой на В, лицом к входу. У его головы стоял целый *сосуд-кружка* с уступом жёлтого цвета с орнаментом и ручкой, высотой – 11 см, диаметр тулова – 12 см, диаметр горловины – 10 см, диаметр дна – 5 см; ручка ленточная, орнаментированная (рис. 1.VI.2).

Стратиграфия кургана 2. Был зачищен западный разрез бровки 0. В разрезе прослежено 4 слоя. Длина разреза – 34 м. Высота – 3 м. Материк залегал на глубине 2,8–3,0 м от вершины кургана. В кургане существенными для темы статьи являются только 3 погребения. Древнейшим было погребение № 10 в деревянном ящике с золотой подвеской в 1,5 оборота. Первыми впускными в курган были синхронные катакомбы с захоронениями на левом боку. Погребение № 8 и погребение № 9 – с однотипными характерными

сосудами-кружками (так называемый «моздокский тип»).

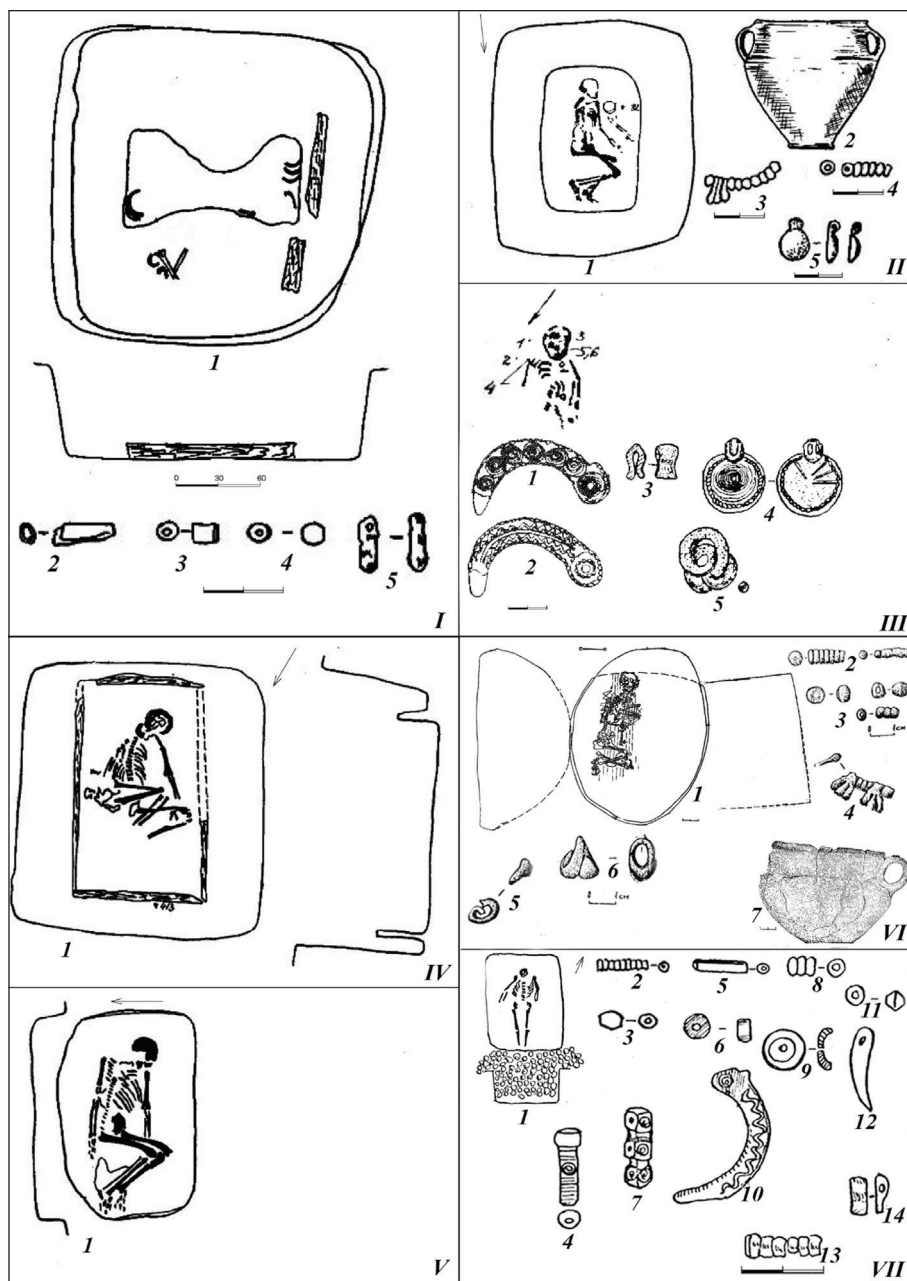
Таким образом, исследование кургана 2 показывает, что погребения в деревянных ящиках по времени – раньше катакомб развитого периода в этом микрорегионе.

Курган 3 (рис. 2). Находился к северо-западу от кургана 1. Представлял собой высокую пологую насыпь, поросшую высокой травой. Площадка размерами 9 × 7 м на вершине являлась грабительской ямой, разрушившей основное погребение № 5. Высота кургана с запада 3 м и 2,3 м с востока. Диаметр кургана с севера на юг – 34 м, с запада на восток – 30 м. Оставлено 2 бровки¹.

Курган 3 погребение 5 (рис. 2.1, К. 3 П. 5) – **основное**. Обнаружено на глубине 3,53 м от вершины кургана. Указанием на это захоронение стал материковый выкид в центральной бровке, лежавший на древней дневной поверхности по обе стороны от ямы. Погребальная камера квадратно-трапециевидной в плане и в разрезе формы. Размеры по верхнему краю 2,2 × 2,1 × 0,7 м и 2,1 × 2 м по дну. В яме стоял деревянный ящик по типу ящика в погребении № 11. Размеры ящика – около 1,6–1,8 × 1,3 м – указывают на скорченное положение в нём погребённого. В его центре расчищен органический тлен, на котором были разбросаны кости человеческого скелета, подвески, пронизки и костяные бусы:

- 1) *подвески* ложковидные, бронзовые (5 шт.) лежали у правой руки, длина – 1,7 см, диаметр отверстия – 0,1 см (рис. 2.1);
- 2) *кованая* четырёхгранная бронзовая *пронизка*, длина – 1,5 см, толщина – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,15 см (рис. 2.1.2);

¹ Сафронов В. А. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северокавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году. Хранится в Архиве Института археологии РАН номер Р-1 8050 и Р-1 8050а

I. Терская, К. 3 П. 5, план разрушенного ящика, инвентарь;

II. Терская, К. 3 П. 3, инвентарь погребения;

III. Терская, К. 3 П. 9, план, инвентарь;

IV. Терская, К. 3 П. 10, план, разрез деревянного ящика;

V. Терская, К. 3 П. 11, план, разрез;

VI. Терская, К. 3 П. 6, план разрез катакомбы, инвентарь;

VII. Усть-Джегутинская, К. 40 П. 1: 1 – план; 2–7 – бусы, пронизи, подвески литые; 10 – подвески в виде «стилизованного» животного

Рис. 2 / Fig. 2. Терская, Усть-Джегутинская / Terskaya, Ust-Dzhegutinskaya

Источник: Сафронов В. А., Николаева Н. А. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северо-кавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году. Хранится в Архиве Института археологии РАН под номером Р-1 8050 и Р-1 8050 а

3) *бронзовый стержень-подвеска*, длина – 1,5 см (рис. 2.I.5);

4) *костяные бусы* цилиндрической формы (4 шт.), длина – 0,6–0,4 см, диаметр – 0,4 см.

Курган 3 погребение № 3 (рис. 2.II).

Обнаружено в ЮЗ секторе, на глубине 3,25 м. Яма с заплечиками. Размеры выше заплечиков – 2,1 × 1,8 м; ниже – 1,7 × 1,4 м. Ориентирована по линии С-Ю. На дне ямы согнуто лежал скелет женщины на левом боку и грудью вниз, головой на Ю, углы согнутости: 100° и 60° (рис. 2.II.1):

1) у правой руки стоял *необычный сосуд с двумя ручками* на поддоне, сероглиняный, лепной, с примесью песка и известняка; высота – 13 см, длина ручки – 4,5 см, высота поддона – 0,4 см (рис. 2.II.2);

2) *пронизка* (1 экз.) бронзовая, кованая, четырёхгранная на правой руке, длина – 2,5 см, толщина – 0,5 см, диаметр отверстия – 0,3 см (рис. 2.II.4).

3) *стержень-подвеска* с раздвоенным утолщением на конце у правой руки (3 экз.), длина – 1,3–1,6 см (рис. 2.II.4);

4) *бусы* бронзовые (6 экз.) у левой руки, длина – 3,4 см; диаметр – 0,4 см (рис. 2.II.4);

5) *подвеска* в виде шарового сегмента (рис. 2.II.5).

Курган 3 погребение № 9 (рис. 2.III).

Обнаружено по костям в ЮЗ секторе кургана на глубине 3,5 м. Форма ямы не устанавливается. Костяк, вероятно, лежал на спине. Кости черепа лежали на левой стороне. Также найдены:

1) *медальон* бронзовый дисковидный (рис. 2.III.4);

2) *подвески* бронзовые, литые, дугообразные, плоские в виде условно «стилизованного» барашка (рис. 2.III.1–2);

3) *кольцо* бронзовое височное в 1,5 оборота (рис. 2.III.5);

4) *кольца* с несомкнутыми концами (2 шт.);

5) *бронзовые скобки-пронизки* со сжатыми концами (16 шт.) (рис. 2.III.3).

Курган 3 погребение 10 (рис. 2.III.V).

Обнаружено в материке в ЮВ секторе кургана, на глубине 3,5 м. Яма неправильной формы, с отвесными стенками; размеры: 1,6 × 1,0 × 0,24 м, ориентирована по линии 3-В. Вероятно, были заплечики, на которых лежало перекрытие. На дне ямы на циновке коричневого цвета лежал скелет на левом боку согнуто, головой на В. Между стопами и тазом отмечено яркое пятно охры.

Курган 3 погребение 11 (рис. 2.IV). Обнаружено в ЮЗ секторе на глубине 3,3 м, в материке. Размеры ямы: 2 × 2 × 1 м. На глубине 4 м был обнаружен деревянный ящик (1,7 × 1,1 × 1,4 м). Толщина досок – 8 см.

Погребённый лежал в ящике скорченно на левом боку, головой на ЮЮВ. Левая рука находилась под левым коленом, правая рука согнута в локте под углом 90° и лежала на грудной клетке. Углы согнутости: 90° и 25°.

Курган 3 погребение № 6 (рис. 2.VI) – *катакомбное*. Обнаружено в южном секторе кургана по пятну заполнения обрушившейся камеры, на глубине 3,7 м. Камера – овальная в плане. Размеры 2,2 × 1,7 м. Входная яма с южной стороны – 1,2 × 1,7 м. Реконструируемая высота свода – 0,6 м. В камере на подстилке лежал скелет на левом боку, головой на В. Левая рука была вытянута вдоль туловища, правая – согнута в локте. Череп плохой сохранности, слегка повернут на левый бок. Углы согнутости: 90–100° в тазобедренных суставах, под углом 30° – в коленных суставах. Были также найдены:

1) *бронзовое височное кольцо* в 1,5 оборота, лежало у черепа, диаметр кольца – 1,6 см (рис. 2.VI.5);

2) *бусы белые пастовые* – найдены у левого предплечья (10 экз.);

3) *бусы бочонковидные* со следами голубой окраски (2 экз.);

4) *сегментированная бусина* из четырёх шариков (1 экз.);

- 5) цилиндрическая *гагатовая бусина*, диаметр – 0,8–0,5 см;
- 6) бронзовые *стерженьки* (9 экз.), длина – 1,5 см, толщина – 0,35 см (рис. 2.VI.4);
- 7) бронзовая *веерная подвеска* из трёх соединённых стерженьков с утолщением на конце, длина – 1,1 см (рис. 2.VI.4);
- 8) бронзовая трехчастная *пронизка*, длина – 1 см; диаметр – 0,4 см;
- 9) *подвеска* в форме овального несомкнутого кольца, диаметр – 1,1 см, толщина проволоки – 0,35 см (рис. 2.VI.5);
- 10) *бусина* костяная, длина – 0,4 см, диаметр – 0,7 см;
- 11) *бусы* бронзовые, 8–13 фрагментов (рис. 2.VI);
- 12) *пронизы* бронзовые литые, рубленные, с разделителями в виде круглых бусин;
- 13) *подвеска* в 1,5 оборота с расширяющимися концами (рис. 2.VI.6);
- 14) *кружка* неорнаментированная, дно плоское, тулово отделено от горловины уступом, венчик в форме круглого валика, ручка ленточная, расширяющаяся у оснований, с круглым плоским налепом (рис. 2.VI.7).

Стратиграфия кургана 3. В бровках прослеживалось 4 слоя, погребённая почва, дёрн и материк. I слой – почвенный. II слой – курганный, состоит из светло-коричневого суглинка длиной 25 м, который законсервировал материковый выкид из погребения № 3. Выкидов, связанных с III слоем, не прослеживается, но он законсервировал погребение № 11 в ящике. В северной части слой разрушен ямой. IV слой – древнейший курган (длина – 13 м, высота – 1,6 м). Глубина залегания материка – 3 м от 0. Возведён над основным погребением № 5. В южную полу древнейшего кургана впущено погребение № 11. Основное погребение в кургане было устроено в деревянном ящике в большой яме. Выкид от погребения № 5 законсервирован IV слоем. В его полу

впущены погребения в ящике № 11 и в яме № 10. Одно из них было законсервировано III слоем. В полу III слоя впущено погребение № 3, выкид из которого перекрыт курганным слоем II. Погребение № 9, в любом случае, относится к докатакомбному времени. Последним погребением бронзового века стала катакомба № 6. Катакомбное погребение относится не к самому раннему этапу катакомбной культуры, по периодизации Калмыкии, а ко второму этапу катакомбной культуры с монохромными сосудами в глубоких камерах Н-образной катакомб с большим перепадом дна камеры и входной ямы.

Последовательность захоронений в кургане № 2 следующая: 5–11–10–3–9–6.

Курган 10 (рис. 3). Был самым высоким на исследуемой территории. По центру разрушен воронкой. Площадь разрушенной вершины кургана 24 × 19 м. Глубина воронки – 2,5 м. Высота кургана со всех стороны практически одинакова и равна 5 м. Глубина от вершины до материка – 4,2 м. Диаметр кургана с севера на юг – 60 м, с запада на восток – 64 м.

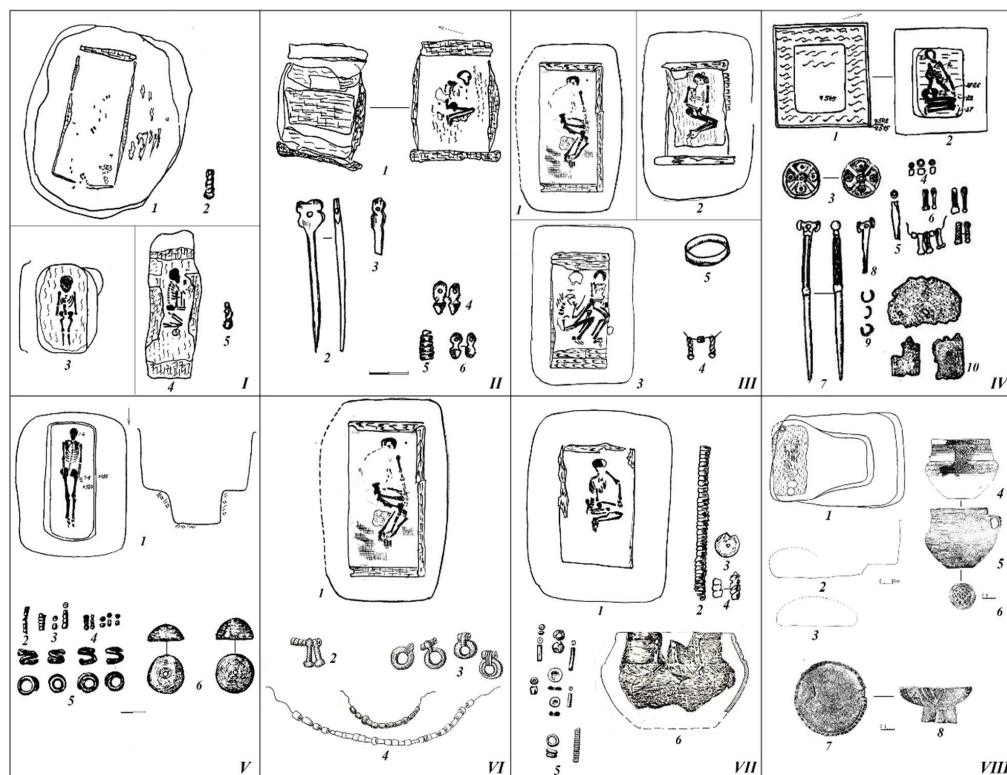
Курган 10 погребение № 13 (рис. 3.I.1) – **основное**. Яма неправильной формы обнаружена под центральной бровкой на глубине 4,93 м. На глубине 60 см от пятна были обнаружены остатки деревянного ящика в яме, ориентированного по СЗЗ–ЮВВ. Размеры: 2,3 × 1,1 м.

Погребение было ограблено, кости полностью отсутствовали. На дне ямы найдены:

1. бронзовая *подвеска* в 1,5 оборота;
2. бронзовый *стерженек-подвеска* (рис. 3.VII.2).

Курган 10 погребение № 1. Обнаружено в траншее 0–2 на глубине 3,6 м. Форма ямы не прослеживается. Скелет плохой сохранности, был частично разрушен при обнаружении. Лежал скорченно на левом боку с отклонением на спину. Ориентирован головой на ЮВ. Инвентарь:

1. длинная *низка* (30 см) костяных колец, нарезанных из кости овцы

I. 1–2 – П. 13, план ящика и ямы, стерженёк-подвеска;
3 – П. 23, план; 4–5 – П. 20, план, стерженёк-подвеска;
II. 1 – П. 5, ящик и план погребения, 2–3 – П. 5, костяные
молоточковидные булавы; 4, 6 – П. 5, стерженьки-
подвески; 5 – П. 5, проволока из проволоки;
III. 1 – П. 16; 2, 5 – П. 17; 3 – П. 18, план; 4 – П. 18,
стерженёк-подвеска; 5 – П. 18, костяное кольцо

IV. П. 12;

V. П. 8;

VI. П. 16;

VII. П. 25;

VIII. 1–3 – П. 21, план и разрезы катакомбы; 4–5 – П. 21,
сосуд-кружка; 6 – П. 21, донце сосуда с отпечатками
ткани; 7–8 – П. 21, курильница на 3-х сросшихся ножках

Рис. 3 / Fig. 3. Терская, курган 10 / Terskaya, kurgan 10

Источник: Сафронов В. А., Николаева Н. А. Отчёт о раскопках курганов, проведённых Северо-кавказской археологической экспедицией в Краснодарском крае и в Северо-Осетинской АССР в 1980 году. Хранится в Архиве Института археологии РАН под номером Р-1 8050 и Р-1 8050 а

(48 шт.); диаметр кольца – 1,8 см, ширина кольца – 0,5 см;

2. бараний *астрагал* – найден в области стоп.

По инвентарю и обряду относится к катакомбной культуре.

Курган 10 погребение № 5 (рис. 3. II). Обнаружено по остаткам деревянной конструкции в юго-восточном секторе кургана, в насыпи, на глубине 4,34 м. Пятно заполнения ямы не читалось, но был выявлен деревянный ящик (1,4 × 1 × 0,4 м).

Ориентирован по линии СВ–ЮЗ. Ящик образован четырьмя вертикально поставленными плахами. Его крышка состоит из трёх широких поперечных плах. На дне ямы, на подстилке, от которой сохранился тлен, лежал согнуто на левом боку скелет ребёнка плохой сохранности, головой на СВ. Кости рук сохранились. Углы скрещенности ног: 90° и 20°. Слева и под коленями отмечены пятна охры ярко-красного цвета (рис. 3. II. 1). Перед грудью и у колен ребенка были обнаружены:

1. костяная булава с плоским навершием (длина – 6,5 см) и фрагменты 2 других булавок (рис. 3.П.2–3);
2. бронзовые стерженьки – подвески нестандартной формы (2 шт., длина – 1,2 см и 1,4 см) (рис. 3.П.4, 6);
3. бусина – лежала за черепом;
4. бронзовые пронизы – найдены в северном углу ящика (рис. 3.П);
5. в заполнении был обнаружен неидентифицируемый фрагмент керамики [1, рис. 234–235].

Курган 10 погребение № 6 [1, рис. 237–240] – **катакомбное**, обнаружено в материке на глубине 4,5 м. Форма погребального сооружения: Н-образная катакомба с трёхступенчатой входной ямой. Длина входной ямы – 2,4 м, ширина верхней ступеньки – 0,25 м, ширина нижней – 0,5 м, ширина ступеньки перед входом в камеру – 0,4 м. Камера ориентирована по линии С–Ю. Размеры камеры – 1,6 × 1 м, предполагаемая высота свода – 1,2 м. Глубина камеры от поверхности кургана – 5,8 м. На дне камеры вытянуто на спине лежал скелет погребённого, головой на С. Череп фрагментирован, лицевые кости и челюсти отсутствуют. Верхняя часть костяка отсутствует, но кости таза и ног лежат в анатомическом порядке. Из инвентаря в северо-восточном углу ямы найдены:

1. стенка сосуда от жаровни;
2. бусы бронзовые бочонковидные (3 экз.) длиной 0,5–0,7 см;
3. стерженьки-подвески бронзовые.

Курган 10 погребение № 8 (рис. 3.V) – яма с заплечиками обнаружена в северо-восточном секторе кургана по пятну заполнения на глубине 4,5 м. Размер ямы – 2,7 × 2,2 м; ниже заплечиков размеры ямы – 2,2 × 1 м, ориентирована по линии С–Ю. Дно ямы от поверхности кургана находилось на глубине 5,25 м. Погребённый лежал вытянуто на спине, головой на юг, на подстилке. Инвентарь:

1. бусы бронзовые, шаровидные (30 шт.), диаметр – 0,6 см;
2. бусы пастовые, жёлто-зеленого цве-

та, цилиндрические (4 шт.), длина – 0,3 см; ширина – 0,25 см;

3. подвески бронзовые в 1,5 оборота у левого виска (3 шт.), диаметр – 1,7 см (рис. 3.V.5);
4. подвески бронзовые у правого виска в 1,5 и 2 оборота, аналогичные предыдущим (4 шт.) (рис. 3.V.5);
5. пронизы бронзовые из скрученной бронзовой ленты (4 шт.), длина – 2,4 см; диаметр 0,6 см; ширина ленты – 0,3 см (рис. 3.V.2);
6. стерженьки-подвески (рис. 3.V.4);
7. бляхи–«умбоны» бронзовые полусферической формы с отверстием в центре выпуклости (2 шт.), диаметр бляхи – 3 см; высота – 1 и 3 см, диаметр отверстия – 0,4 см (рис. 3.V.6).

Курган 10 погребение № 12 (рис. 3.IV). Обнаружено по остаткам деревянной конструкции в южном секторе кургана, на глубине 5 м. Яма квадратной в плане формы с перекрытием на заплечиках. Размеры ямы выше заплечиков – 1,7 × 1,6 м; ниже заплечиков – 1,14 × 0,84 м. Остатки поперечных древесных плах фиксировались как на заплечиках, так и над ямой. На дне ямы на истлевшей подстилке белого цвета скорченно на левом боку, головой на СВВ, лежал погребённый. Руки протянуты к коленям. Углы согнутости: 90° и 10°.

Инвентарь:

1. молотчковидная бронзовая булава с отверстием в верхней части – найдена в западном углу ямы. Длина булавы – 10,7 см. В верхней части булава орнаментирована по бокам рельефной волнистой линией (символ воды или змеи). Нижняя часть булавы гладкая, в сечении круглая, внизу сужается (рис. 3.IV.7);
2. фрагмент другой молотчковидной булавы меньших размеров – найден у правого колена. Длина фрагмента – 3,4 см (рис. 3.IV.8);
3. на груди погребённого были обнаружены пронизки (рис. 3.IV.4),

свёрнутые из листа бронзы, и 2 нестандартные *бляхи* в виде бронзового литого кружка с рельефным орнаментом с отверстием в центре и валиком по краю, диаметр – 2,5 см (рис. 3.IV.3);

4. в области кистей рук погребённого были обнаружены *бусы* бронзовые бочонковидной формы и бронзовые *стерженьки-подвески* разных типов, длиной 1,3–1,6 см (рис. 3.IV.6);
5. у правой стопы были найдены 3 фрагмента бронзовых пластин. Пластины были, по-видимому, круглой и прямоугольной форм с несколькими отверстиями, их диаметр – 5 см, диаметр отверстия – 0,4 см (рис. 3.IV.10).

Курган 10 погребение № 16 (рис. 3.VI).

Обнаружено по пятну заполнения в материке, в 2 м к югу от центра под бровкой. Размеры ямы: 2,6 × 1,6 м. В яме находился деревянный ящик (1,9 × 1 × 0,2 м), ориентированный по линии СЗ–ЮВ. Погребённый лежал скорченно на левом боку, головой на ЮВВ, в ящике, на подстилке. Скелет очень плохой сохранности: череп сильно фрагментирован, левая рука была вытянута и отведена от корпуса, кисть находилась у правого колена; правая – согнута в локте, кистью лежала у правого колена. Углы согнутости: 120° и 90°. Под скелетом отмечены меловая подсыпка и тлен. Инвентарь:

1. на кистях рук погребённого обнаружены бронзовые шаровидные *бусы* (18 шт., длиной 3–5 см, шириной 3–5 см; диаметр отверстия – 1 мм (рис. 3.VI.2);
2. на шее находились пастовые цилиндрические *бусы* (155 шт.) длиной – 3 и 6 мм; шириной – 3 и 6 мм, диаметр отверстия – 1 и 2 мм. Кольцевидные подвески и *стерженьки-подвески* входили в низку с пастовыми бусами (рис. 3.VI.2, 3).

Курган 10 погребение № 17 (рис. 3.III.2,5). Обнаружено к западу от по-

гребений № 16 и № 12, в юго-западном секторе кургана. Яма прямоугольная в плане (2,6 × 1,7 м), ориентирована по линии З–В. На дне стоял деревянный ящик (1,6 × 1 м). Хорошо прослеживались западная и восточная стенки ящика; от двух других остался только светлый тлен. Ящик был покрыт сверху поперечными плахами и, по-видимому, замазан в щелях, где сохранились следы обмазки зелёной глиной. Погребённый лежал скорченно на спине, с подогнутыми вверх и завалившимися налево ногами, на дне ящика, на подстилке, головой на В. Ноги были согнуты в коленях под углом 45°. У локтя погребённого были обнаружены костяные *кольца*, диаметр – 1,8 см, ширина – 0,5 см. (рис. 3.III.5).

Курган 10 погребение № 18 (рис. 3.III.3–4). Яма прямоугольной формы с закруглёнными углами (2,4 × 1,6 м). На дне ямы стоял деревянный ящик (1,7 × 0,9 м). Плахи, некогда составлявшие ящик, сохранились в виде тлена с древесной структурой. Длинной осью яма и ящик были ориентированы по линии З–В. Восточная стенка ящика упала плашмя (ширина 14 см).

В ящике обнаружено парное погребение. Детский скелет лежал вдоль южной стенки скорченно на левом боку, головой на В. Возможно, погребения были впущены неодновременно, т. к. некоторые кости детского скелета были сдвинуты. Угол между бедренными и берцовыми костями – 90°. Скелет взрослого человека лежал в более скорченной позе на левом боку, головой на В. Череп и шейные позвонки очень плохо сохранились. Руки погребённого были согнуты под углом 25°. Углы согнутости ног: 65° и 30°. Стопы лежали в анатомическом порядке. У правой кисти детского скелета обнаружены (рис. 3.III.4):

1. *стерженьки-подвески*;
2. пастовая *бусина*.

Курган 10 погребение № 20 (рис. 3.I.4).

Обнаружено по пятну после снятия скрепером разрушенной бровки 4, на глубине

4,65 м. Яма в виде длинного прямоугольника ($1,7 \times 0,6$ м) оконтуривалась древесным тленом от настила и была ориентирована по оси СВ–ЮЗ. Вероятно, это был ящик в яме с деревянным перекрытием, т. к. плахи начинались не от края ямы. Дно ящика было покрыто белым тленом, на котором отпечатались следы упавших плах.

Скелет ребенка лежал на дне скорченно на левом боку, головой на СЗ, левая рука слегка согнута, кисть у колена, правая была согнута под углом 90° . Плечевая кость находилась на рёбрах, лучевая и локтевая – над левой рукой. Углы согнутости ног: 130° и 45° . Инвентарь:

1. на берцовых костях находились 2 бронзовых *стерженька-подвески* и пастовая цилиндрическая *бусина* (рис. 3.I.4);
2. перед грудью лежали *астргалы*.

Курган 10 погребение № 21 (рис. 3.VIII) – *катакомбное*. Обнаружено в северо-восточном секторе, в бровке 4. Форма ямы – катакомба с полуобвалившимся сводом, её стенки были покрыты белым тленом. В большой входной яме (размеры $1,7 \times 2,2 \times 1,1$ м) была вырыта другая – меньших размеров ($1,7 \times 1,3 \times 0,2$ м). Уровень дна малой входной ямы по направлению ко входу понижался на 15 см (рис. 3.VIII.2–3). Камера ориентирована по линии СЗ–ЮЗ. В заполнении входной ямы были расчищены плахи, которые, вероятно, закрывали большую входную яму. Ступеньки между входной ямой и камерой не было; высота свода достигала 60 см и выше входной ямы. Камера прямоугольной формы. На дне отмечен тлен от настила.

Погребение расчленённое. Берцовые кости лежали на тазовых, череп – на боку, лицом ко входу. Бедренные кости и лопатки были положены сверху. Погребение ориентировано по оси СВ–ЮЗ, череп на СВ. У берцовых костей зафиксировано белое пятно охры (рис. 3.VIII.1).

Инвентарь:

1. за черепом погребённого лежала на боку ручкой вверх *кружка*. На её

дне сохранились отпечатки грубой ткани, орнамент «ёлочка», высота – 14 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр венчика – 14 см (рис. 3.VIII.4–6);

2. у ног погребённого стояла курильница на трёх сросшихся ножках. Орнамент – оттиски шнурового штампа, диаметр венчика – 16 см, высота – 8 см (рис. 3.VIII.7–8).

Курган 10 погребение-комплекс № 22.

Обнаружено в юго-западном секторе, в траншее 3–5, как нечёткое пятно. По мере расчистки выявлялись остатки деревянной конструкции – рамы повозки без колёс. 4 поперечные жерди лежали с равными интервалами в 35 см друг от друга по оси СВ–ЮЗ (длина жердей 1 м). Их пересекала по диагонали длинная жердь-перекладина (2,2 м). У самой крайней к востоку поперечной жерди стоял сосуд с рельефными налепами и прочерченными треугольниками (рис. 3.VII. 6), аналогичный сосуду из К. 10 П. 25.

Курган 10 погребение № 23 (рис. 3.I.3).

Обнаружено в северо-западном секторе. К северу от погребения № 22, на глубине 3,5 м, по остаткам деревянного перекрытия. Яма подпрямоугольной формы с закруглёнными углами (размеры $1 \times 0,7 \times 0,1$ м), ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне ямы, на подстилке лежал ребёнок вытянуто на спине, головой на СВ. У его стоп отмечено пятно охры.

Курган 10 погребение № 24. Обнаружено в западном секторе кургана, на глубине 5 м, по пятну заполнения ямы. Яма подпрямоугольной в плане формы с закруглёнными углами ($2,9 \times 2,4$ м). В яме стоял деревянный ящик ($1,9 \times 1,3$ м), ориентированный по линии СЗ–ЮВ.

Погребение ограблено, плахи были разбросаны. Под сохранившимися непо тревоженными поперечными плахами расчищено парное погребение. Мужской скелет лежал на левом боку, головой на ЮЮВ. Руки согнуты, правая рука лежит на бедре. Угол скорченности: 100° и 45° . Второй, женский, скелет лежал скорчен-

но на левом боку, завалившись на грудь, головой на Ю. Женщина, вероятно, была умерщвлена, т. к. на затылочных костях имеется отверстие от удара.

Курган 10 погребение № 25 (рис. 3. VII). Обнаружено по пятну заполнения ямы в траншее 0–1 на уровне 5 м, в материке. Яма прямоугольной формы (3,2 × 2,5 м), ориентирована по линии СВ–ЮЗ. На дне стоял деревянный ящик, от которого сохранились продольные стенки из плах, лежащих плашмя. От поперечных плах перекрытия сохранились 4: 2 рядом – в СВ части ямы и 2 – в южной части, шириной 20–22 см.

На дне ящика скорченно на левом боку лежал погребённый, головой на СВ. Левая рука согнута и отведена от корпуса, кисть у колен. Правая также согнута под углом 90°. Углы согнутости ног: 90° и 20°. Стопы лежали в анатомическом порядке. Найденный инвентарь (рис. 3. VII):

1. *пронизи*, скрученные в спираль из бронзовой ленты (длина – 1,7 см; ширина ленты – 0,3 см);
2. бронзовые рельефные *трубочки* (длина – 9,5 см, диаметр – 0,6 см);
3. бронзовая *круглая пластинка* с отверстием в центре (диаметр – 1,5 см, отверстие треугольной формы, высота треугольника – 0,3 см);
4. *фрагмент сосуда* – венчик и часть тулова; орнамент ниже венчика состоит из прочерченных и направленных вершинами вниз треугольников; на горловине имеются вертикальные налесты с треугольными углублениями; диаметр венчика – 12 см, диаметр тулова – 15 см, диаметр дна – 8 см, толщина стенки – 0,4 см (рис. 3. VII.6). Сосуд по форме аналогичен сосуду из комплекса № 22.

Стратиграфия кургана 10. Основное погребение в деревянном ящике № 13 было ограблено. В полу древнейшего кургана, возведённого над погребением № 13, были впущены 5 идентичных и синхронных погребений в деревянных

ящиках № 5, 12, 16–18, 25 (с сосудом) с ориентировкой по кругу. Следующими по времени были погребения № 22 и 23. Катакомба бронзового века № 21, хотя и не имела сохранившегося выкида, но была впущена с III слоя, поскольку выкид от погребения № 8 с бронзовыми бляхами-умбонами перекрывал эту катакомбу (один случай обратной стратиграфии и факт синхронности К. 10 П. 8 с катакомбой К. 10 П. 21), определяя тем самым её дату. Погребения № 2 и 11 относились к сарматам, а № 14 и 15 – к аланам [1].

Обсуждение

В исследованных курганах у ст. Терской Моздокского района Северной Осетии [10, каталог № 256–280] для захоронения бронзового века использовались, кроме простых ям и ям с заплечиками, деревянные ящики в ямах (их число равно 9) и катакомбы. Они были основными и самыми ранними во всех 4 курганах. По данным курганной стратиграфии, катакомбы перекрывали основные (погребения с деревянными ящиками) и другие впускные захоронения в ямах. В предгорной зоне Северной Осетии таких деревянных конструкций не встречается, что может быть культурным отличием даже при общих предметах погребального инвентаря.

Положение погребённых в деревянных ящиках зафиксировано в 2 случаях «вытянуто на спине» (Терская, К. 1 П. 1) и в 7 случаях – «скорченно на боку». В единичных случаях левобочные погребения имели особенность, относящуюся к главным признакам погребального обряда кубано-днепровской/новотитаровской культуры (на боку с отклонением на спину с рукой, согнутой под углом 90° [10, с. 211 и сл.]. Примечателен факт сосуществования 4 обрядов в Терской: «вытянуто на спине», «скорченно на боку» и единичных – «скорченно на боку с отклонением на спину с согнутой рукой под углом 90°» и «скорченно на боку с руками перед лицом». Все эти разновидности погребаль-

ного обряда фиксируются как в курганах предгорной Северной Осетии, так и в предгорьях других районов центрального Северного Кавказа [10, с. 148–160].

Так, в Верхнем Прикубанье, в курганах у ст. Усть-Джегутинская [8] К. 24 П. 1, 2 [10, рис. 7.I–II]; К. 32 П. 8, 10 [10, рис. 10.I, III]; К. 33 П. 1–2 [10, рис. 11.I–II]; К. 36 П. 6; [10, рис. 13.IV]; Холоднородниковский К. 4 П. 1 [10, рис. 28.I] в 9 случаях встречаются деревянные ящичные конструкции докатакомбного времени с инвентарём, относящимся к разным этапам кубано-терской культуры (КТК). Некоторые категории металлокомплекса КТК встречены и в ящичных погребениях в ст. Терской. Выборки соизмеримы, учитывая, что в Усть-Джегутинской раскопано 45 курганов и 105 погребений КТК [8, с. 12], а в Терской – 4 кургана с 25 погребениями КТК.

В Кабарде [3] в курганах деревянные ящики эпохи средней бронзы обнаружены тоже в 6 случаях Чегем К. 5 П. 1 [10, рис. 56.2], Кызбурун III К. 3 [10, рис. 78.I], Кызбурун III К. 6, К. 7 [10, рис. 78.III–IV], Кызбурун III К. 17 [10, рис. 80.II], Кызбурун III К. 27 [10, рис. 81.II], с керамикой и бронзовыми украшениями КТК.

Вытянутое положение погребённых в Усть-Джегутинской зафиксировано в 8 ящиках и в 1 – на боку, при этом В. А. Сафронов [16] и А. Л. Нечитайло [8], как и В. И. Марковин [6], отмечают более ранний возраст скорченных на боку относительно вытянутых. В Кабарде из 6 случаев погребений в ящиках [3; 10] половина погребений совершена по обряду «вытянуто на спине» и половина – «скорченно на боку».

В Северной Осетии в предгорной степи захоронения на боку относятся к более раннему периоду, чем вытянутые погребения, но также продолжают существовать параллельно с обрядом «вытянуто на спине». Однако, возможно, у ранних и поздних погребений на боку, разделённых в курганах вытянутыми погребениями, разное происхождение [11].

В Моздокской степи вытянутых погребений меньше – 3 случая, погребения «скорченно на левом боку» отмечены в 11 случаях.

Отсутствие керамики – характерная черта ящичных погребений ст. Терской (2 найденных сосуда имеют необычную форму) в отличие от курганов Верхнего Прикубанья и Кабарды – не позволяет определить однозначно культурную атрибуцию ящичных погребений. Таким культурным маркером могли бы стать украшения в инвентаре погребений в курганах ст. Терской, и по этому признаку погребения Моздокской степи могли бы считаться вариантом КТК. Однако складывается впечатление, что набор украшений, которых мало в курганах ст. Терской, носит случайный характер с утратой их первоначальной функции или смысла, поэтому трактовать их следует просто как украшения и импорт из кубано-терской культуры, не определяющий надёжно их культурную атрибуцию.

Хронологически украшения из Терской определяются III и IV этапом периодизации кубано-терской культуры [10, с. 494–500]. Номенклатура и хронологические рамки для каждой категории украшений указаны в скобках после названия (I–IV этапы КТК). Эта датировка подтверждается тем, что некоторые типы украшений КТК и в погребениях Терской, как и технология производства металлокомплекса, были заимствованы от куроаракской культуры, контакт которой с КТК начинается только на II этапе КТК [10, с. 69, 439; 17], поэтому некоторые формы украшений из кости, рога, пасты, окаменелостей, зубов животных, присущие докуроаракскому населению Предкавказья и Северного Кавказа, могли быть воспроизведены в бронзе КТК. Костяные молоточковидные булавки на позднеямной/раннекатакомбной стадиях воспроизводятся в металле и сопровождаются квадратными бронзовыми бляхами. Такое сочетание встречено в разных частях Предкавказья [4; 17]. Таким образом,

II этап КТК является *terminus post quem* для появления бронзовых украшений в степных памятниках типа Терской.

Если к этим рассуждениям и фактам прибавить форму могильного сооружения – деревянный ящик/раму и конструкцию типа повозки в Терская К. 10 П. 22, являющихся реминисценцией повозок – характерного элемента погребальной обрядности кубано-днепровской/индоарийской культуры [10, с. 217–220] и обряд положения нескольких погребений по обряду КДК/новотитаровской культуры «на боку с отклонением на спину и рукой согнутой под углом 90°», то ящичные погребения в Терской можно было бы атрибутировать как пережиточные памятники КДК/новотитаровской, оставшиеся в степном Предкавказье, тогда как их соплеменники ушли через Кавказский хребет в Закавказье, где были зафиксированы в памятниках Марткопи-Бедени [23, с. 78–79, рис. 19]. Факт этой индоарийской миграции засвидетельствован данными археологии и лингвистики [10, с. 211–224; 21].

Комплекс с «моделью повозки» (Терская К. 1 П. 5) и керамика катакомбной культуры К. 2 П. 9, К. 10 П. 6 относятся к IV или к рубежу IV/V этапа КТК, который соответствует ранней донецкой культуре, IV группе катакомб в Калмыкии, рубежу горизонтов В и С, по В. А. Сафронову [16, с. 90–97, рис. 17.4] или времени ямно-катакомбной культуры, по Н. И. Шишлиной [22] и М. В. Андреевой [2]. Весь этот пласт погребений в ящиках и простых ямах перекрывается ранними катакомбами восточноманычской культуры с курильницами, но в Терской наряду с курильницами в инвентарь включены и кружки, которые характерны для следующего этапа предкавказской катакомбной культуры уже как импорт из КТК [12]. С появлением ранних классических катакомб V группы, по Сафронову [16, с. 100–102] (новый термин – восточноманычская, по М. В. Андреевой [1]), в Пред-

кавказье у степного населения уменьшается интерес к набору украшений КТК, что свидетельствует об изменении характера контактов Степь-Предгорье. В таких катакомбах встречается керамика КТК [11; 12], но бронзовых украшений минимально [11–13].

Заключение

Установлено хронологическое соотношение погребений в деревянных ящиках между собой и относительно катакомб среднебронзового века Предкавказья. На основе сравнительно-типологического анализа комплекса бронзовых украшений в деревянных ящиках зафиксирован факт их импорта из предгорий Северной Осетии в степь, свидетельствующий о синхронности изученных памятников Степи с соответствующими периодами предгорной кубано-терской культуры Северного Кавказа.

Ранее культурная атрибуция этих памятников была обозначена как степной вариант кубано-терской культуры (древнеевропейской, по данным лингвистики) [10]. Однако в свете приведённых фактов более обоснованно выглядит гипотеза об индоарийской атрибуции ящичных погребений. Контакты культуры степных ящичных погребений с кубано-терской культурой проходили по той же схеме, что и связи культуры дольменов Новосвободной (древнеевропейской по данным лингвистики [10]) с кубано-днепровской культурой с повозками (индоарийской, по данным лингвистики и археологии) [10; 21].

Значение публикуемых материалов заключается в возможности дополнить новыми деталями картину этнокультурных процессов в бронзовом веке на Северном Кавказе и подтвердить ранее выдвинутую гипотезу [10] о поликультурности и многовариантности среднебронзового века Северного Кавказа.

Дата поступления в редакцию 31.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреева М. В. Восточноманычская катакомбная культура: анализ материалов погребальных памятников. М.: Таус, 2014. 272 с.
2. Андреева М. В. Курганы у Чограйского водохранилища (по материалам раскопок экспедиции 1979 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука, 1989. С. 24–124.
3. Археологические исследования на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1979 / под ред. В. И. Марковина. Нальчик: Эльбрус, 1984. 302 с.
4. Гей А. Н., Корневский С. Н. Два погребения с трапециевидными бронзовыми бляхами из Ставрополя и Прикубанья // Древности Ставрополя. М.: Наука, 1989. С. 270–279.
5. Державин В. Л. Погребения эпохи бронзы из курганов у хут. Веселая Роща (по материалам 1980 г.) // Древности Ставрополя. М.: Наука, 1989. С. 125–196.
6. Марковин В. И. Культура племен Северного Кавказа в эпоху бронзы (II тыс. до н. э.). М.: Издательство Академии наук, 1960. 151 с.
7. Марковин В. И. Северокавказская культурно-историческая общность // Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. С. 254–369.
8. Нечитайло А. Л. Верхнее Прикубанье в бронзовом веке. Киев: Наукова Думка, 1978. 150 с.
9. Нечитайло А. Л. Суворовский могильник. Киев: Наукова Думка, 1979. 85 с.
10. Николаева Н. А. Этнокультурные процессы на Северном Кавказе в III–II тыс. до н. э. в контексте древней истории Европы и Ближнего Востока (выделение древнеевропейской линии развития). М.: Изд-во МГОУ, 2011. 500 с.
11. Николаева Н. А., Сафронов А. В. Курган у с. Ногир и проблемы среднебронзового века Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. С. 164–179.
12. Николаева Н. А., Сафронов А. В. «Северокавказский компонент» в керамике катакомбной культуры Калмыкии (происхождение и хронология) // Oriental Studies. Elista. 2020. № 13 (5). С. 1292–1309.
13. Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Периодизация катакомбной культуры по материалам курганов у с. Чиколы Северной Осетии // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. С. 129–149.
14. Очир-Горяева М. А. Археологические памятники Волго-Манычских степей (свод памятников, исследованных на территории Республики Калмыкия в 1929–1997 гг.). Элиста: Герел, 2008. 298 с.
15. Пиотровский Ю. Ю. Моздокские курганы эпохи бронзы // Археологический сборник. Вып. 18. Л.: Аврора, 1977. С. 15–22.
16. Сафронов В. А. Классификация и датировка памятников бронзового века Северного Кавказа // Сообщения научно-методического совета по охране памятников культуры Министерства культуры СССР. Вып. VII. М.: Знание, 1974. С. 23–306.
17. Сафронов В. А., Николаева Н. А. Происхождение костяных молоточковидных булавок // Краткие сообщения Института археологии. 1975. Вып. 142. С. 11–17.
18. Сеницын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 1. Саратов: Изд-во Саратовского университета, 1978. 122 с.
19. Сеницын И. В. Древние памятники Восточного Маныча. Ч. 2. Изд-во Саратовского университета, 1978. 118 с.
20. Тменов В. Х. Курганы эпохи бронзы у станицы Новоосетинской Моздокского района СО АССР // Материалы по археологии и древней истории Северной Осетии. Т. 3. Орджоникидзе, 1975. С. 113–131.
21. Трубачёв О. Н. INDOARICA в Северном Причерноморье. М.: Наука, 1999. 320 с.
22. Шишлина Н. И. Северо-Западный Прикаспий в эпоху бронзы (V–III тыс.): дис. док. ист. наук. М., 2008. 523 с.
23. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза / отв. ред. К. Х. Кушнарева, В. И. Марковин. М.: Наука, 1994. 382 с.

REFERENCES

1. Andreeva M. V. *Vostochnomanychskaya katakombnaya kultura: analiz materialov pogrebalnykh pamyatnikov* [Vostochnomanychskaya catacomb culture: analysis of materials of burial monuments]. Moscow, Taus Publ., 2014. 272 p.
2. Andreeva M. V. [Kurgan at the Chograi reservoir (based on the excavations of the 1979 expedition)]. In: *Drevnosti Stavropolya* [Antiquities of Stavropol]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 24–124.
3. Markovina V. I., ed. *Arkheologicheskiye issledovaniya na novostroykakh Kabardino-Balkarii v 1972–1979 gg.* [Archaeological research on new buildings in Kabardino-Balkaria in 1972–1979]. Nalchik, Elbrus Publ., 1984. 302 p.
4. Gey A. N., Korenevsky S. N. [Two burials with trapezoidal bronze plaques from Stavropol and the Kuban region]. In: *Drevnosti Stavropolya* [Antiquities of Stavropol]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 270–279.
5. Derzhavin. V. L. [Burials of the Bronze Age from kurgans near farmsteads Merry Grove (based on materials from 1980)]. In: *Drevnosti Stavropolya* [Antiquities of Stavropol]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 125–196.
6. Markovin V. I. *Kultura plemen Severnogo Kavkaza v epokhu bronzy (II tys. do n. e.)* [The culture of the tribes of the North Caucasus in the Bronze Age (II millennium BC)]. Moscow, Izdatelstvo Akademii nauk Publ., 1960. 151 p.
7. Markovin V. I. [North Caucasian cultural and historical community]. In: Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., eds. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyya i srednyaya bronza Kavkaza* [Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and Middle Bronze Age of the Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1994. P. 254–369.
8. Nechitailo A. L. *Verkhneye Prikubanye v bronzovom veke* [Upper Kuban region in the Bronze Age]. Kiev, Naukova Dumka Publ., 1978. 150 p.
9. Nechitailo A. L. *Suvorovskiy mogilnik* [Suvorov burial ground]. Kiev, Naukova Dumka, 1979. 85 p.
10. Nikolaeva N. A. *Etnokulturnyye protsessy na Severnom Kavkaze v III–II tys. do n. e. v kontekste drevney istorii Yevropy i Blizhnego Vostoka (vydeleniye drevneyevropeyskoy linii razvitiya)* [Ethnocultural processes in the North Caucasus in the 3^d–2^d millennium BC in the context of the ancient history of Europe and the Middle East (highlighting the ancient European line of development)]. Moscow, MRSU Publ., 2011. 500 p.
11. Nikolaeva N. A., Safronov A. V. [A kurgan near the village of Nogir and the problem of cultural attribution of Middle Bronze Age monuments in North Ossetia]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and political sciences], 2020, no. 5, pp. 164–179.
12. Nikolaeva N. A., Safronov A. V. [“North Caucasian component” in Catacomb Ceramics of Kalmykia: Cultural and Chronological attribution]. In: *Oriental Studies. Elista*, 2020, vol. 13 (5), pp. 1292–1309.
13. Nikolaeva N. A., Safronov A. V., Karlova K. F. [Periodization of the Catacomb culture (based on the materials of the mounds near the village of Chikola, North Ossetia)]. In: *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblasnogo universiteta. Seriya: Istoriya i politicheskiye nauki* [Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences], 2021, no. 5, pp. 129–149.
14. Ochir-Goryaeva M. A. *Arkheologicheskiye pamyatniki Volgo-Manychskikh stepey (svod pamyatnikov, issledovannykh na territorii Respubliki Kalmykiya v 1929–1997 gg.)* [Archaeological sites of the Volga-Manych steppes (a collection of sites explored on the territory of the Republic of Kalmykia in 1929–1997)]. Elista, Gerel Publ., 2008. 298 p.
15. Piotrovsky Yu. Yu. [Mozdok mounds of the Bronze Age]. In: *Arkheologicheskiy sbornik. Vyp. 18* [Archaeological collection. Iss. 18]. Leningrad, Avrora Publ., 1977. P. 15–22.
16. Safronov V. A. [Classification and dating of the Bronze Age monuments in the North Caucasus]. In: *Soobshcheniya nauchno-metodicheskogo soveta po okhrane pamyatnikov kul'tury Ministerstva kul'tury SSSR. Vip. VII* [Messages of the Scientific and Methodological Council for the Protection of Cultural Monuments of the Ministry of Culture of the USSR. Iss. VII]. Moscow, Znanie, 1974. P. 23–306.
17. Safronov V. A., Nikolaeva N. A. [Origin of bony hammer pins]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta arkheologii* [Summary reports of the Institute of Archeology], 1975, no. 142, pp. 11–17.
18. Sinitsyn I. V. *Drevniye pamyatniki Vostochnogo Manycha. Ch. 1.* [Ancient monuments of Eastern Manych. Part 1]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 1978. 122 p.

19. Sinitsyn I. V. *Drevniye pamyatniki Vostochnogo Manycha. Ch. 2.* [Ancient monuments of Eastern Manych. Part 2]. Saratov, Izd-vo Saratovskogo universiteta Publ., 1978. 122 p.
20. Tmenov V. Kh. [Mounds of the Bronze Age near the village of Novoossetinskaya, Mozdok District, SO ASSR]. In: *Materialy po arkheologii i drevney istorii Severnoy Osetii. T. 3.* [Materials on Archeology and Ancient History of North Ossetia. Vol. 3]. Ordzhonikidze, 1975. P. 113–131.
21. Trubachev O. N. *INDOARICA v Severnom Prichernomor'ye* [INDOARICA in the Northern Black Sea region]. Moscow, Nauka Publ., 1999. 320 p.
22. Shishlina N. I. *Severo-Zapadnyi Prikaspii v epokhu bronzy (V–III tys.): diss. ... dok. ist. nauk* [North-western Caspian Sea in the Bronze Age (5th–3^d millennia): D. thesis in History]. Moscow, 2008. 523 p.
23. Kushnareva K. Kh., Markovin V. I., eds. *Epokha bronzy Kavkaza i Sredney Azii. Rannyyaya i srednyaya bronza* [Bronze Age of the Caucasus and Central Asia. Early and middle bronze]. Moscow, Nauka Publ., 1994. 382 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Николаева Надежда Алексеевна – кандидат исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, археологии и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Сафронов Александр Владимирович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии Московского государственного областного университета;
e-mail: safron1477@yandex.ru

Карлова Ксения Федоровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии Московского государственного областного университета, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Древнего Востока Института востоковедения Российской академии наук;
e-mail: kseniadom87@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda A. Nikolaeva – Cand. Sci. (History), Prof., Department of General History, Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: nikolaeva3145@yandex.ru

Aleksander V. Safronov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of General History. Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: safron1477@yandex.ru

Ksenia F. Karlova – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of Ancient Orient, Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Department of General History, Archeology and Methodology of History, Moscow Region State University;
e-mail: kseniadom87@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Николаева Н. А., Сафронов А. В., Карлова К. Ф. Индоарийская атрибуция степного варианта Кубано-Терской культуры (по материалам курганов у ст. Терская Моздокского района Северной Осетии) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. С. 24–44.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-24-44.

FOR CITATION

Nikolaeva N. A., Safronov A. V., Karlova K. F. The Indo-Aryan attribution of the Kuban-Terek culture steppe variant, based on kurgans near Terskaya. Mozdok district, North Ossetia. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, pp. 24–44.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-24-44

УДК 904

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-45-56

ANOTHER ANALYSIS OF THE CAUSE OF ORIGIN OF THE INDO-EUROPEANS

H. Shephard*Archaeological Institute of America**Philadelphia, Pennsylvania, USA***Abstract**

Aim. The following article considers a new theory for resolving the longstanding problem of identifying the geographic and temporal origin of Indo-Europeans. All existing theories provided thus far for the origin of Indo-Europeans suffer from one common error: the approaches presuppose an economic deterministic model for understanding historical transformation. However, Indo-Europeans were a community circumscribed by common language, therefore culture seems a more proper domain for analysis of origins than does an economic approach.

Methodology. The Indo-European population as a bounded community, however, is circumscribed by its common cultural formation, that of language. In this paper, we present an alternative theory for the emergence of Indo-Europeans and situate this origin in time and place. We rely on the Weberian hypothesis of a spiritual axial shift spurring an early prehistoric cultural transformation. By synthesizing historical linguistic and archaeological evidence, the approach offered below aims to solve problems corresponding to a vulgar materialism's economic determinist approach to Indo-European origin.

Results. This paper proposes that the proper basis for analysis of cultural origins of Indo-Europeans resides at the level of spiritual production. A shortcoming of traditional archaeological formulations is its reliance on materialist models for spiritual and cultural concerns.

Research implications. By shifting the methodological and theoretical framing of the problem, this paper seeks to bypass the perpetual circling of the problem by proponents of the materialist model. This article is an English translation and adaptation of the Russian draft version.

Keywords: causal role of factors in Indo-European origin, sociohistorical factors in Indo-European origin, material culture and spiritual production, Max Weber's social theory

ДРУГОЙ (ИНОЙ) АНАЛИЗ ПРИЧИНЫ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ИНДОЕВРОПЕЙЦЕВ

Шеппард Г.*Археологический институт Америки**Филадельфия, Пенсильвания, США***Аннотация**

Цель. В данной статье рассматривается новая теория для решения давней проблемы определения географического и временного происхождения индоевропейцев. Все существующие до сих пор теории происхождения индоевропейцев имеют одну общую ошибку: эти подходы предполагают экономическую детерминированную модель для понимания исторической трансформации. Однако индоевропейцы были сообществом, ограниченным общим языком, поэтому культура представляется более подходящей областью для анализа происхождения, чем экономический подход.

Процедура и методы. Поскольку индоевропейцы являлись сообществом, ограниченным общим родством языка, автор предлагает рассматривать культуру как более подходящую область для анализа происхождения индоевропейцев. В ходе адекватной структуризации предметных полей и соответствующих им методик анализа представленная альтернативная теория появления индоевропейцев позволяет поместить их происхождение в наиболее конкретном времени и локальности. Теория основывается на гипотезе Макса Вебера о духовном осевом сдвиге, каузально стимулирующем раннюю доисторическую культурную трансформацию. Путём синтеза исторических лингвистических и археологических свидетельств предлагаемый анализ направлен на преодоление казуальной проблемы хозяйственного подхода.

Результаты. В статье предлагается рассматривать казуальную основу для анализа происхождения индоевропейцев в предметном поле духовного производства. По мнению автора, недостатком традиционных индоевропейских формулировок является их излишний упор на использование модели материального производства для анализа предметного поля духовного производства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Изменяя методологическую и теоретическую формулировку проблемы, автор пытается обойти постоянное вращение вокруг проблемы сторонников хозяйственной модели казуальности.

Ключевые слова: причинная роль факторов индоевропейского происхождения, социально-исторические факторы индоевропейского происхождения, материальная культура и духовное производство, социальная теория Макса Вебера

Материал публикуется в авторской редакции

Introduction

In assessing the explanations for the origin and early florescence of the Indo-European language family, we must first clarify the relevant questions. Do any etymological elements indicate the relevant sociohistorical factors involved in the appearance and development of Indo-European? Might any of these elements have had material correlates? To this second question, this paper addresses the methodological possibility of marshalling archaeological evidence toward illuminating a proposed prehistoric prototype who likely played a causal role in the origin of the Proto-European language family. This paper contends that based on the synthesis of the relevant historical linguistic and archaeological material evidence, we can attribute the development of Proto-European to an axial shift in ritual worship from a communal base to a theological framework centering individual salvation.

The Indo-Europeans are generally taken as a coherent linguistic community based on

inferences made from historical linguistic reconstruction and the archaeological record [2; 32]. A historical etymological analysis of transformations in signifying nominative content can provide evidence for the spheres of life playing a decisive role in the emergence of Indo-European, the language and the corresponding linguistic community. Certain ancestral Proto-European lexicographic referents correspond to the material attributes related to the communities mythic and prehistoric origin. Further, from these root referents, specific corporeal and socio-cultural details can be deduced at the level of an individual historic prototype. Put another way, historical linguistic analysis of the Proto-European family group might allow us to make inferences with high enough resolution to tell us something about an individual personage involved in the community's mythic and actual prehistoric origin. What might archaeological evidence have to offer vis a vis «ground-truthing» the linguistic matters of concern.

On a broad level, this discussion scrutinizes Marx's thesis that material modes and relations of production determine an epiphenomenal superstructure, or ideology, whether social, political, religious, or in this case, linguistic. Does historical linguistic reconstruction of the Indo-European linguistic community give credence to the Marxian proposition that the mode and relations of production determined the expansion of the community's linguistic repertoire? Is the development of the Proto-European linguistic community attributable to transformations in material economic factors, as is often proposed, such as horse domestication, sedentary agriculture, and technologies, for example, the wheel and chariot? If not material economic factors, then what might have been the independent variables determining such a rapid expansion of a new family of languages and cultures?

This paper holds to the thesis that root referents in a language family can tell us much about the historical material circumstances of its speakers. Following from this proposition, then, after the linguistic reconstruction and analysis of the meaningful representational content of an extensive list of the common roots of time-modified derivatives of Old Indo-European, we might be able to single out an associated range of concepts related to an integrated complex of potentially verifiable prehistoric material phenomena. This semiotically and historically associated bundle of lexicographic elements can then signify the prehistoric and sociocultural factors that functionally necessitated the emergence of a new language and culture. These sociohistorical factors could be economic, as noted above (migration, novel relations of production and exchange, technological innovations), military (new forms of weapons, military conflict and conquest), natural (drought, climatic fluctuations, natural disasters), or, on the other hand, immaterial, as in, spiritual or rituo-religious.

Hypotheses of Indo-European emergence

Indo-Europeanists have traditionally promoted the economic determinist model for Indo-European emergence. Despite theoretical divergences, the major paradigms, whether Anatolian, Kurgan or other, all basically adhere to an orthodox materialist foundational framework.

To put it rather schematically, according to the Kurgan Hypothesis, Proto-Indo-European origin was inferred to be determined by the emergences of the following sociohistorical material conditions:

Pastoralism, including the domestication of cattle, horses, and dogs [1; 30].

Sedentary agriculture founded in cereal cultivation and the corresponding technological advancements ascribed to the Late Neolithic period, for example, the plow [11].

Waterborne transport.

The solid wheel and its use for wagon transport (not yet spoked wheels for chariot use)

New offensive weapons, the results of which were improved conditions for migration and cultural and economic exchange and diffusion.

This speculative vision of material determinism at first appears quite plausible. The theory's integration into historical linguistics' hegemonic paradigms has led its proponents to take this set of a priori's for granted in their assessment of and inference from material and linguistic strands of evidence. Recently, however, newly available empirical evidence has presented a strong challenge to the material determinist approach. Most recently, the latest results of Nature's paleogenetic study of horse domestication has rejected the traditionally accepted relationship between horseback riding and the mass diffusion of pastoralists from the steppe into Eastern Europe, one of the long-proposed contributors to the spread of the ancestral Indo-European language [18].

In this paper, we turn from Marx to a different canonical Modern German social the-

orist, Max Weber, on the question of potential causes for Indo-European development and expansion. Specifically, Max Weber's sociology of religion offers us an alternative approach to thinking about the relationship between material and culture, or, in Marxian terms, material and superstructure. This paper takes a language system as corresponding to that sphere that might provisionally be called «culture», conceived in the most conservative terms as having something to do with a shared system of ideas or beliefs. To Marx, this is conceptualized in terms of ideology, or superstructure, and is determined by material modes and relations of production. But Weber inverts this formula. Weber hypothesized the origination of a categorically new normative world religion at some hazy point in the imaged prehistoric period. Weber hypothesized that this religious transformation contingently fueled the motor of a historical rupture, which at first glance appears reminiscent of Hegel's Spirit driving the triumphalist dialectical progression of history. But for Weber, this process was couched in a contingent set of sociohistorical conditions rather than these conditions having been necessitated by dialectical historical determinants.

Weber, though, could do little more than speculate, making inferences about an original sociohistorical state of nature as a kind of thought experiment, very much in the line with classical European social theorists from Hobbes, Locke, and Rousseau through Marx through Nietzsche. For these thinkers, that hypothetical pristine mythic origin sets up a series of philosophical deductions in the theorist's elaboration of a social system. Weber hypothesized a contingent moment that initiated a feedback loop in historical development. This was the moment of an axial transformation from the ritual protagonist residing on the scale of the tribe as a community to the protagonist being scaled down to the unit of the individual subject in his relation to salvation. This, in the end, is what distinguishes Weber's approach from Marx's. Rather than material

economic determinants, Weber points his finger at a spiritual cause for historical rupture. But, of course, relevant archaeological evidence being unavailable at the time, Weber was limited to parlor room speculation. Might recent archaeological advances allow us to subject Weber's hypothetic origin moment to scientific verification? What would be the material correlates of Weber's theory of spiritual factors playing the decisive role in a proposed moment of dramatic social and historical transformation and growth? Could Weber's theory of contingent spiritual determinism offer us ways forward in conceptualizing Indo-European emergence and rapid expansion?

A shift in the ritual terrain from the tribe to the individual was likewise a shift in the grounds of salvation. With this Weberian transformation, ritual (what we might provisionally call «religion») afforded the individual subject protection from turmoil, pain, disaster, and all manner of misfortune. A shift in the frame from the tribe to the individual would have required of the community a new cognition of individual subjectivity. This transformation would have required a differentiation and diversification of vocabulary that could account for an individual's subjective interiority. That is, this proposed Weberian moment would have played a pivotal role in the linguistic articulation of prehistoric subjectivity. We might be able to identify, through historical linguist analysis, a prehistoric moment of growth of a host of lexical signifiers, which would be associated to each other by their common reference to emotions of deprivation—emotions that would demand salvation for the individual subject.

By analyzing the Old Indo-European roots of a proliferating cluster of words denoting these emotions of deprivation and inferring the process of the words' formation based on their representational content, we might designate the semantic boundaries of the cluster and the functional reasons for their initial appearance in relation to the rapid development of a new language. Follow-

ing, we can infer the primary material factors responsible for triggering the language's emergence. Transformative conditions related to these new words that are inflected by negative connotations could be traced to various causal factors: natural, economic, health-related, or interpersonal. Based on the semantic and functional content of the related derivative words, we can determine conditioning factors for the linguistic transformation. With the Weberian hypothetical transition from communal to individual salvation, linguistic expressions of subjective interiority would have become necessary, both for the supplication's efficacy and for the weight of potential salvation to be meaningful to the supplicant. The more figurative and concretely specific the verbal formulation, the more deeply the subjective effects of a promised salvation. The previous tribal verbal formulations foreclosed a diversification of the expressiveness of an individual's interiority.

As a linguistic example, in Russian, one of the foundational denotations of negative affect is the word *beda*, which means the loss of someone or something. A synonym of this expression of trouble in Russian, the Slavic derivative of which has Indo-European roots, is the word *gore*. In Ukrainian, the word is *hore*; in English, «grief»; in German, *gram*; in Latin, *gravis*; in ancient Greek, *Boreas*, «north,» and *θλίψις* *thlipsis* [3], «tension» (in a figurative sense), «oppression», «misfortune», which is extended in the meanings of «grief» and «sorrow». For the purposes of the present argument, it is worth emphasizing that grief, as an affective response to loss, might only be redeemed by a religious compact offering the individual redemptive salvation.

An analysis of the origin of the Slavic *gore* leads us to the common Indo-European root of a host of derivative language branches: Balto-Slavic, Germanic, Romance, Celtic, Indo-Aryan. Finally, the Slavic word for «grief» is derived from the Proto-Indo-European stem **gwerH-*, which also serves as the root of the aforementioned words in a host of re-

lated Proto-European language branches, as well as extinct proto-languages which in turn derived from the Proto-Slavic root *gora*.

At first, seemingly paradoxically, the Proto-Indo-European ancestral root to the Russian word for grief (*gore*), **gwerH-*, signifies «to express approval»; «to praise, to elevate»; as well as denoting something that is «high, big, large»; «fire, flame, heat», «praise, approve» and «priest». The derivative in Greek is *γῆρυς* in Dorian, *γᾶρυς* («voice»); and in Old Irish, *gair* («call, cry»). Despite Vasmar's objections, this root can also, with high probability, be related to the Gothic, *kara* («complaint, mourning»); and possibly too, with that language's word, *hora*, meaning, «singing/crying» and «dancing», since this word, also, through semiotic association, relates to «voice», voiced actions, and a kind of voiced expression [26].

This cluster of related linguistic morphological structures and their associated meanings are, remarkably, in accordance with archaeological evidence of a particular prehistoric prototype as expressed in a single individual. This cluster of meanings associated with and derived from the proto-root, **gwerH-*, seemingly disparate as they are, converge at an entangled semantic knot in a particular human burial; in its phenotype, associated grave goods, and ritual context. This burial was uncovered at the site Kurgan 1 near Purcari (Moldova), on the northwestern Black Sea coast. The individual was a member of the 21st Usatove culture group. Among the material characteristics I aim to relate to the cluster of related linguistic referents noted above are the signs of a cult of immortality, the elevated stature of the individual and the height of the mound in which he was buried, a wound with a flint arrowhead lodged in his right femur, and evidence of ritual imitation surrounding the burial in a confined radius, outlining a zone of mimetic ritual worship. Foreseeably, without effective treatment of this buried subject's wound, the post-traumatic and psychopathological symptom of epilepsy could have been noted in the prototype, the result of which would

have been a heightened state of charisma in the individual. This condition, epilepsy (falling sickness), is denoted by the Serbo-Croatian word, *zora*, another clear derivative of **gwerH-*.

Charisma, of course, would induce a change in the personality of the victim, endowing him with ecstatic leadership qualities amenable to ritually uniting various factions and competing powers. Objections could be made that it was likely common for someone to be struck by an arrow in the leg during the period in question. To that, we respond that this symptom, and the probable corresponding charisma, alongside the other relevant semantically associated material indexes can be taking together as a particular cluster of factors that could, under the precise contingent sociohistorical conditions, result in the prototypical emergence of a new ritual worldview, the topic of which we are presently concerned.

This archaeological evidence was uncovered by E. Yarovoj at the excavations at Purcari kurgan, the ritual replication of which is present in the distribution zone (Fig. 1). These mimetic ritual practices are evidenced in other human burials by the presence of flint-arrows embedded in the soft tissue of their lower limbs. This area is also defined by the coterminous prevalence of dynastic symbolic representations in the form of thyrsoidal pin badges worn on the breast of an ancestor-hero's probable descendants. Being fashioned from valuable Late Neolithic material – copper, silver – these were not utilitarian adornments. The zone of superimposition of these two phenomena – flint arrows lodged in lower limbs and symbolic dynastic adornments – in the context of a single spatiotemporal culture can be considered the earliest evidence for a Pra-Dionysian cult, given the correspondence of these visual signs with elements in the Pra-Dionysian mythology plot (see Fig. 2 for detailed summary of archaeological evidence for Purcari culture's relation to Pra-Dionysian mythology and corresponding Indo-European origin). Specifically, twice-born Dionysus was first born

of a flash of lightning and then born a second time from the *right thigh of Zeus*, who had stitched Dionysus into his leg during the death of Dionysus's mother, *Semele*. Zeus became temporarily lame through this act, and his son, Dionysus, was called «the child of a crippled». Further, this mythological occurrence corresponds to onomastic meanings of the northwestern Black Sea culture region: the hydronyms of *Tiras*, *Nistru* and *Dniester* rivers; the ethnonym *Agathyrsi* and eponymous *Agathyrus*, which mean «lame». These words have similar roots as differentially derived variants of a single theonym as well as the reconstructed name of the thyrsoidal pin badges uncovered in excavations. This is the term used for «staff» associated specifically with the myth of Dionysus only. As noted above, the two archaeological distribution zones, that of the pin badges and of the ritual imitations of the arrow shooting of the lower limb, correspond in that they can be considered a single catchment area, or a single culture area. Taken together, the historical linguistic and archaeological strands of evidence and their semiotic associations suggest that this culture area provides credence to the thesis that a spiritual transformation was responsible for emergence of Indo-Europeans as a linguistic community. Through analyzing the common roots and associated significations for a host of Indo-European languages, we can lend some credence to Max Weber's hypothesis that a new ritual form, one that shifted the locus of salvation to the individual, played a role in the initial take-off of Indo-Europeans, the language and linguistic community.

We must first note that the reconstructed ancestral roots noted above are predominantly verbal forms and could be in use before the Proto-European branches diverged. This suggests, for example, that words such as «phallus» could have initially referred to a host of denotations with a unifying principle of action. «Elevation», as such, for example did not yet exist in the form of a separate nominative form. The explanation, for this convergence of meanings would be uncov-

1. Corpaci (Moldova), Mound 3, Burial 1;
2. Porohi (Ukraine), Mound 3, Burial 15;
3. Ocnitsa (Ukraine), Mound 6, Burial 18;
4. Bravicheni (Moldova), Mound 18, Burial 3;
5. Roshkani (Moldova), Mound 4, Burial 16;
6. Taraclia II (Moldova), Mound 3, Burial 3;
7. Bogatoc (Ukraine), Mound 2, Burial 6;
8. Mirmoje (Ukraine), Mound 1, Burial 53;
9. Belolesie (Ukraine), Mound 3, Burial 27;
10. Turlaki (Ukraine), Mound 2, Burial 6;
11. Caplani (Moldova), Mound 1, Burial 3;
12. Hlinoe (Moldova/Pridnestrovie) / DOT, Mound 1, Burial 18;
13. Slobodzeya (Moldova/Pridnestrovie), Mound 1, Burial 28;
14. Majaki (Ukraine), Ground burial I, Burial 5;
15. Usatovo (Ukraine), Ground Burial Ground II, Burial 5;
16. Usatovo (Ukraine), Burial Mound I, Mound 12, Burial 2; 1;
17. Usatovo (Ukraine), Burial Mound I, Mound 13, Burial 1;
18. Novogrigorievka (Ukraine), Mound 2, Burial 7;
19. Arichesti (Romania), Mound 1, Burial 3.
20. Purkari (Moldova) in yellow and blue – proposed center of this ritual imitation

Fig. 1 / Рис. 1. Distribution zone of early Bronze Age findings of flint arrowheads in Moldova, Ukraine, and Romania. These arrowheads possibly indicate arrow-inflicted leg wounds as a sign of ritual imitation of the myth narrating Dionysus's premature birth from Zeus's thigh / Зона распространения кремневых наконечников стрел эпохи ранней бронзы в Молдове, Украине и Румынии. Эти наконечники стрел, возможно, указывают на нанесённые стрелками раны ног как на признак ритуального подражания мифу, повествующему о преждевременных родах Диониса от бедра Зевса

The source: compiled by the author

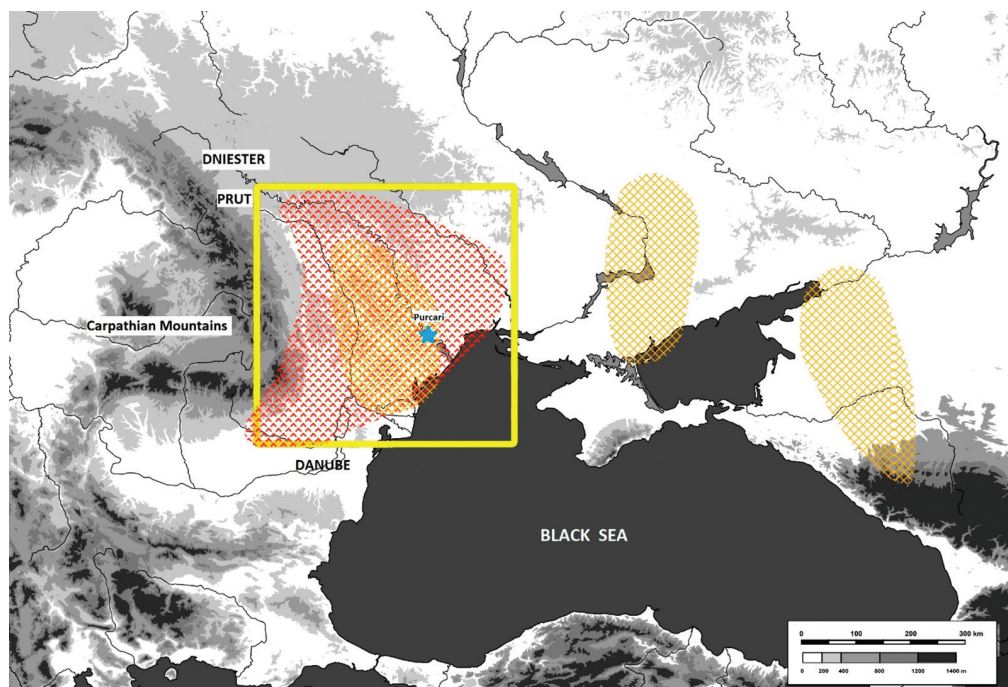

Fig. 2 / Рис. 2. Superimposed distributions of thyrsoid-shaped pins in the chest area and flint arrowheads lodged in soft tissues of lower limbs of burials recovered in the northern Black Sea region (yellow square indicates overlap of the two zones observed in the interfluvial zone of r. Prut and r. Dniester) / Наложенные распределения тирсоидообразных штырей в области грудной клетки и кремневых наконечников стрел, лежащих в мягких тканях нижних конечностей погребений, восстановленных в северной части Причерноморья (жёлтый квадрат указывает на перекрытие двух зон, наблюдаемых в междуречной зоне р. Прут и р. Днестр)

The source: compiled by the author

ered in a single ancestral verbal root that diverged and diversified as denotations were sedimented in different nominatives. In this case, a candidate for that root is **gwerH-* as, in its reconstruction and analysis, the word relates semantically to several denotations in *the mythological plot of the birth of Dionysus*. The myth incorporates meanings associated with the worship of a cult of fertility. Based on structural semantic reconstruction, those denotations were derived from an ancestral root during the development and branching of Indo-European languages.

In a later derivative form, the Russian word for «grief» shows itself to have emerged from novel conditions of ritual practice, practices informed by a belief in individual salvation in the form of immortality. This fact of the word's semantic and semiotic

origin and evolution is yet another strand of historic linguistic evidence the thesis of a ritual determination of the proliferation and specification of words and their meanings during Proto-European development. The functional meanings crystallized in this Russian word characterize the determinant of human relationships, not material economic causes. Further, two other referents of a form of this particular Slavic derivative are «health» and «epilepsy». This relic denotation likely points to another factor in the subjective state of grief. Based on semantic analysis, grief likely derived, as an affective state, from bodily malady and a concomitant psychopathological symptom. This constellation of physical and affective meanings in the ancestral root indicates the way that the promise of individual salvation was a criti-

cal precursor in this critical Proto-European root. That is, this constellation of meanings coheres with Weber's thesis for the spiritual production of history and culture. This contrasts with the conventional thesis of material economic determinants of Proto-European emergence.

To take another parallel semantic example, the Bulgarian word *gora* means «mountain» and clearly derives from the same ancestral root as the Russian word for «grief», *gore*. This word in Bulgarian means «forest, thicket, wood» as well as the obsolete nominal «mountain man» in the sense of a tall man, or giant. The internal consistency of meaning is found in a common ancestral meaning of something or someone high up, or tall. Moreover, one meaning for the ancestral form **gwerH-* is likewise something that is high in elevation or stature. This root referent is found in the mythological appearance of *the cult of Dionysus*. Associated with this mythological context are the derivative words meaning «mountain» (high barrow) and «wood/forest» (flora as signifying fertility), both having their common origin in Indo-European. To understand this significance, one must assume a vantage point from the foundation and broad commonality expressed in the mythological denotations. The root word diversified and was specified in relation to its semantic and structural content. There was a functional need for proliferating derivative meanings that could be situated within a myth and its attendant diverse and specific subjective elements. This clarifies the ritual explanation for the derived meanings, a necessitation of an expansion of vocabulary so that the supplicant could make manifold subjective claims to immortal salvation. This ritual and mythological intersubjective setting required linguistic and self-referential vocalization beyond indexical facial expressions and bodily gestures. And observing the ancestral linguistic semantic referents, we note the prevalence of significations connoting this intersubjective relationship between supplicant and confessor. These contrast meanings related to economic and other ma-

terial factors. In the Bulgarian example, the entangled meanings in the word *gora*, «forest» and «giant», are united by a ritual semi-otic, connected by analogy to fertility, the ritual context of which is explained by a cult of fertility. And that is precisely what we note in reference to the archaeological evidence noted above: a material analog in the initial leg injury of an ancestor-hero and its ritual replication in the identified catchment culture area. These are the precise functional ritual circumstances one might expect to serve as a determinative precursor to the themes found in the *myth of Dionysus's birth* and the commonality of meaning in the derivative forms of the Proto-European word **gwerH-*.

One more example. One of the cognates in the long list of derivatives to the stem **gwerH-* is the Old Church Slavic term- *zhrti* (an alternative form of *zreti*), the root of which is the Proto-Slavic **zrti*. It is generally assumed that this word is related to the Proto-Balto-Slavic **girtei*, which means «praise». And tellingly, the Sanskrit word गृणाति (*grṇāti*) likewise means «to praise, call». This is a case where the ritual root determinant of the word remains in its contemporary usage. Some might protest that the meaning of the ancestral root **gwerH-*, as indicated by some of its derivatives, must have been material disaster, evidence of a non-religious material determinant. They might point to the Belarusian *garets* («to burn», «to be devoured by fire»), relating as it does to the Russian word *gore* and the Ukrainian *gore*, both of which refer to trouble in a general sense. But this point is outweighed by the ample evidence provided above, showing the most probable foundational meaning of this root Proto-European word is a ritual context of a particular ancestral fertility cult, the ultimate goal of which is to achieve individual immortality, or to redeem and rectify the subjective state of grief. Secondly, without exception, these meanings are materialized in the material prehistoric prototype inferred from the combination of archaeological and historic linguistic evidence. This is the culture area demarcated by the prevalence of characteristics of the Pra-

Dynastic orgiastic cult of immortality: the superimposed regions containing evidence of ritual injury of a lower extremity and the numerous valuable thyrsoidal pin badges. And if in the ancient Greek the derivative of this ancestral root (**gwerH-*), Boreas, means «north, then we might expect the ancestral geographic origin to be located north of the ancient Greeks in Peloponnese and the Aegean, precisely in the region of the Northwestern Black Sea where the relevant archaeological evidence has been identified. Could this not be the *Hyperborea*, the mythohistoric ancestral land of the ancient Greeks that has occupied scholars for generations?

In sum, the correspondences between the linguistic reconstructive and archaeological material evidence illuminate the emergence of an ancestral ritual theology shifting the locus of salvation from the tribal community to the individual. This ritual basis for the florescence of Indo-European, the language and the community of practice, is consistent with Weber's sociological deduction of a spiritual foundation for an ancestral contingent historical transformation. The Indo-European ancestral root for an assemblage of derivative contemporary linguistic elements and their meanings further clarifies the relation between religious belief and the rupture, subsequent development, and eventual divergent evolution of the Indo-European language family. The host of associated significations of derivatives of *g*werH* – «something high up, fire, priest, sacrifice» – along with ritual affective states and practices – «bard, poet, dance, song, crying, invocation, death knell» – further point to a ritual basis for the expansion of Indo-European words and their referents.

Although many infirmities might cause of the troubles expressed in the word «grief», only one retains its significance in light of the archaeological evidence. That is the word for «epilepsy», shown in the material evidence of a severe skeletal injury and the inferred infectious fever in a Purcari shaman-chieftain of the Usatovo culture. This, too, establishes Weber's proposed ritual foundation for his-

torical transformation and corollary, in this case, linguistic development. We have specified this culture area as coterminous with the origin of Indo-European, related as the area is with material traits of Pra-Dionysism in the northwestern Black Sea region.

While considering the credibility of this archaeolinguistic evidence for an axial shift in religious worship, we must anticipate responses that this argument is unduly self-assured and self-confident. Beyond establishing an origin point post-facto, do we have enough evidence to primarily infer a historical prototype related to a transformation in spiritual belief? Do we have the evidence to support a relationship between spiritual belief and the material signs of the lower extremities and the image of an arrow as seen in the archaeological evidence? We must succinctly end this paper by summarizing the lines of evidence allowing for the inference of this prehistoric relationship:

The association of lower extremity and the image of an arrow with subsequent Indo-European mythological tropes:

The weak point of *Achilles*, his heel.

Krishna's body being invincible except for the soles of his feet. And it is this part of his body that a fatal arrow strikes.

In Ferdowsi's epic *Shahnameh* («Epic of Kings»), legendary Persian hero *Esfandiyar*'s body is believed to be invulnerable, until *Rostam* strikes his eye with a double-headed arrow.

Soslan's knees were unprotected, and it was his knees that what were struck by a flying wheel.

The Irish hero *Congancnes mac Dedac* can only be killed by red hot spits lodged in his soles and thrust up into his shins.

As a result of churning the thighs of *King Vena* in Hindu mythology, a new man was born, *Bahu* (बाहु) or *Bahuka* (बाहुक) (*Bacchus* in Greek) [7]. The sages began to knead the dead king's thighs. After the kneading, a dwarf appearing like a short pillar emerged from the thighs. The dwarf came to be called *Nishada* from, the word for sitting in «The Vishnu Purana».

Heroes are historically endowed with charismatic qualities causing them to stand apart from their peers. In battles, these figures attain immortal glory. This charisma can be the result of epilepsy as a psychosomatic symptom resulting from an infected wound. Weber speaks of charisma as one of the critical variables in an axial shift toward belief in individual salvation.

An axial shift in religious belief toward individual salvation necessitates the need for new language expressing subjectivity and interiority so that the supplicant might adequately communicate to a deity confessor. The plots of many mythological narratives rely on such an interpersonal relationship between the hero and his father.

Conclusion

All these facts point to the probability of identifying a prehistoric prototype from which Indo-European mythological tropes diverged and evolved. This fact is supported by the identification of the association between a Purcari burial and the image of an arrow striking his thigh. Surrounding this point lies a culture area and catchment area evidencing the ritual replication of this original injury. V. I. Ivanov calls this constellation of ritual factors Pra-Dionysus. We might use

his inference to further elaborate these factors' relationship with the emergence of a new culture its language, today called «the Old Indo-European ancestral layer».

In the absence of documentary evidence, with the interdisciplinary archaeolinguistic method articulated here, we might identify a probable prehistoric prototype as the contingent origin point for the development and growth of a new language and corollary culture. Neither archaeology nor linguistics alone is able to incontestably argue this point. Archaeology and anthropology, more generally, are concerned with identifying types and patterns. And one identifies a type by the presence of particular attributes or their absences. Comparisons attained on the basis of presence or absence are unable to account for particular prehistoric origins. The fragmentary nature of archaeological evidence further undermines its probability of identifying an origin point. Historical linguistics, when taken alongside archaeological evidence, does, on the other hand, allow for such possibilities of specifying a material origin. In this paper, we have laid out a line of inquiry based on the affordances provided by bringing archaeological and historical linguistic methods together.

Дата поступления в редакцию 28.09.2022

REFERENCES

1. Anthony D. W., Ringe D. The Indo-European Homeland from Linguistic and Archaeological Perspectives. In: *Annual Review of Linguistics*, 2015, vol. 1, pp. 199–219.
2. Apollodorus H. R. *The Library of Greek Mythology*. Oxford University Press, 1997. 336 p.
3. Bailly A. *Dictionnaire grec-français*. Vol. 2. Hachette, 1895. 2227 p.
4. Berneker E. *Slavisches etymologisches Wurterbuch*. Univ. of Heidelberg, 1924. 772 p.
5. Boyadzhiev A. *Staroblgarskaya Chitanka*. Sofia, 2016. 619 p.
6. Carling G., Cronhamn S., Farren R., Aliyev E., Frid J. The causality of borrowing: Lexical loans in Eurasian languages. In: *PloS One*, 2019. DOI: 10.1371/journal.pone.0223588
7. Das G. D. *Bhagavata Subodhini. The Fourth Stage of Creation. Chapter 14: History of the king of Vena. Song 4*. Tulsi Books, 2022.
8. Demiraj B. Albanische Etymologien: Untersuchungen zum albanischen Erbwortschatz. In: *Leiden Studies in Indo-European Series*. Rodopi, 1997. 180 p.
9. Derkson R. *Etymological Dictionary of the Slavic Inherited Lexicon*. Boston, Brill Publ., 2008. 726 p.
10. De Vaan M. *Etymological Dictionary of Latin and the other Italic Languages*. Boston, Brill Publ., 2008. 825 p.
11. Fagan B. M., ed. *The Oxford Companion to Archaeology*. Oxford University Press, 1996. 864 p.
12. Farnell L. R. Roscher's Lexicon of Mythology – Greek Section (Vol. 3 Letter «N», Nestos № 4, line 1-576), B.G. Teubner, 1888. Line 433.
13. Fasmer M. *Etymological Dictionary Russian Language. In 4 vols*. Moscow, AST Publ., 2022.

14. Guidolotto L. T., Lucian O. S. *Dialogues of the Gods*. 1518.
15. Hunter R., ed. *Apollonius of Rhodes: Argonautica Book IV*. Cambridge University Press, 2015. 339 p.
16. Ivanov V. I. *Dionysos und die vordionysischen Kulte*. Mohr Siebeck, 2012. 416 p.
17. Kroonen G. *Etymological Dictionary of Proto-Germanic*. Vol. 47. Boston, Brill Publ., 2013. 750 p.
18. Librado P., Khan N., Fages A., et al. *The origins and spread of domestic horses from the Western Eurasian steppes*. In: *Nature*, 2021, no. 598, pp. 634–640.
19. Miklosich M. *Lexicon Linguae Slovenicae Veteris Dialecti*. Vindobonae, 1850. 204 p.
20. Nonnos. *Dionysiaca. Books 1–15*. Harvard University Press, 1940. 576 p.
21. Olander T. *Common Slavic Accentological Word List*. Editiones Olander, 2001. 28 p.
22. Orel V. E. *A Handbook of Germanic Etymology*. Boston, Brill Publ., 2012. 683 p.
23. Orel V. E. *Albanian Etymological Dictionary*. Boston, Brill Publ., 1998. 670 p.
24. Ovid. *Metamorphoses*. Spring Publications, 1989. 359 p.
25. Preller L. *Griechische Mythologie*. Vol. 1. Leather Bound, 1894. 964 p.
26. Hujer O., Smetónka E., Weingart M., Havróněk B., eds. *Příruční slovník jazyka českého. Vol I*. Praha, 1935–1957.
27. Ringe D. *From Proto-Indo-European to Proto-Germanic*. Oxford University Press, 2006. 416 p.
28. Hujer O., Smetónka E. et al., eds. *Slovník spisovného jazyka českého*. Praha, 1960–1971, 1989. 528 p.
29. Smoczyński W. Indoeuropejskie podstawy słownictwa bałtyckiego. In: *Acta Baltico-Slavica*, 1982, vol. 14, pp. 235–236.
30. Watkins C. *The American Heritage Dictionary of the English Language*. Houghton Mifflin Harcourt, 2000. 149 p.
31. Weber M. *Anthology. Society image*. Moscow, Jurist Publ., 1994. 702 p.
32. West M. L. *Indo-European Poetry and Myth*. Oxford University Press, 2007. 525 p.
33. Wodtko D. S. *Handbook of Comparative and Historical Indo-European Linguistics*. De Gruyter Mouton, 2017. 1256 p.
34. Yarovoy E. V. *Mounds of the Eneolithic-Bronze Age of the Lower Dniester*. Kishinev, Shtiintsa, 1990. 270 p.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Henry M. Shephard – member signature, Archaeological Institute of America;
e-mail: drhenryshephard@yahoo.com

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Генри М. Шепард – сотрудник Археологического института Америки;
e-mail: drhenryshephard@yahoo.com

FOR CITATION

Shephard H. Another analysis of the cause of origin of the Indo-Europeans. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 45–56.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-45-56

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Шеппард Г. Другой (иной) анализ причины происхождения индоевропейцев // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 45–56.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-45-56

УДК 575; 903;94

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-57-70

ПОПУЛЯЦИОННО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ПРОИСХОЖДЕНИЯ ЭТРУСКОВ

Коньков А. С.*Центр палеоэтнологических исследований**109012, г. Москва, Новая площадь, д. 12/5, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Установить место прародины этрусков при анализе существующих данных генетики.

Процедура и методы. Сделан анализ данных, опубликованных в специальной литературе и полученных при помощи разных биоинформационных алгоритмов.

Результаты. Оспорены выводы об однозначно автохтонном происхождении этрусков в Италии. Хотя автор согласен, что генофонд этрусков сформирован теми же популяционными процессами, что и у остального населения Апеннинского полуострова, и с тем, что в генофонде этрусков не существует следа особой миграции из Эгейского бассейна на рубеже бронзы и железа, но существуют возможность миграции предков этрусков в более ранние эпохи.

Теоретическая и/или практическая значимость. Предложены 3 модели миграции предков этрусков из Эгейского региона и Малой Азии: 1) в раннем неолите, 2) позднем неолите и 3) конце эпохи бронзы. Обозначена важность более подробного изучения миграции эгейского населения в Сицилию во II тыс. до н. э. и перемещения населения Кумтепе на Апеннинский полуостров в конце неолита.

Ключевые слова: этруски, генетика, палео ДНК, Эгейское море, Малая Азия, Италия

POPULATION-GENETIC HISTORY OF THE ETRUSCANS ORIGIN

A. Konkov*Paleoethnology Research Center**Novaya ploschad 12/5, Moscow 109012, Russian Federation*

Abstract

Aim. To determine the Etruscan homeland by the analysis of available genetic data.

Methodology. Comparison of published data from literature sources obtained by different bioinformatics methods is the main approach.

Results. The author disputed the conclusions about the uniquely autochthonous origin of the Etruscans in Italy. Although the author agrees that the Etruscan gene pool was formed by the common population process for all inhabitants of the Apennine Peninsula, that is the trace of a special migration from the Aegean basin is absent at the turn of the Bronze and Iron Ages, there are migration of the Etruscan ancestors could occur in earlier eras.

Research implications. Three possible ways of migration from the Aegean region and Asia Minor have been described that could occur 1) in the early Neolithic, 2) in the late Neolithic, 3) in the late Bronze Age. The importance of a more detailed study of two migrations is indicated: of the Aegean population movement to Sicily in the 2nd millennium BC and the population of Kumtepe to the Apennine Peninsula at the end of the Neolithic period.

Keywords: Etruscans, genetics, ancient DNA, Aegean Sea, Asia Minor, Italy

Введение

Этруски – один из самых загадочных народов Европы. В Италии этими людьми создана первая городская цивилизация местного происхождения и интересная культура с таинственным и сумрачным интересом к смерти и загробной жизни. Раздробленность Этрусской земли не мешала её экспансии в другие районы Италии, которые подпали под влияние этрусков от р. По до Кампании. В этом отношении этруски были предтечами римлян в экспансии. Итальянские греки и молодой подающий надежды Рим также попали под их давление. Только тиранам Сиракуз из сицилийской Великой Греции и вторжению галлов удалось ослабить этрусскую гегемонию. К эпохе Пунических войн этруски отдали первенство в Италии её новым властителям – римлянам, и к началу нашей эры этруски полностью растворились как этнос в этом новом народе.

Главная и до сих пор не решённая в исторической науке загадка – место и время происхождения этрусков, а также их родственной связи. Все существующие версии, восходящие ещё к античности, рассматривают этрусков либо как автохтонов, либо считают их пришельцами с востока из Эгеиды или Анатолии. Версия местного происхождения этрусков была озвучена ещё Дионисием Галикарнасским, а предположения об их происхождении от мореходов-тирренов, переселившихся с лидийского побережья Малой Азии, высказаны были Фукидидом и отцом истории – Геродотом.

В языковом отношении этруски близки только ретам – древнему народу, обитавшему в центральных Альпах, и носителям реликтового языка Лемносской стелы – потомкам догреческого населения. Существует гипотеза о связи этрусков с народами моря, в которой их сопоставляют с туршами-терсенами [1; 2]. Эти связи вроде бы указывают на восточные истоки их прародин, но пока остаются во многом гипотетичны, как и их принадлежность к единой тирренской

языковой семье, которая признаётся не всеми исследователями. В отношении этрусского языка, как и близкого ему ретского, можно достоверно сказать следующее: они не имеют родства как с индоевропейскими языками, так и с языками неиндоевропейского населения Италии и Иберийского полуострова: лигуров, иберов, сиканов Сицилии.

Согласно данным археологии, этруски ранее связывали с культурой Вилланова начала I тыс. до н. э., которую отличали стремительное социальное развитие и рост населения, а её поселения стали ядром всех будущих этрусских городов. Теперь эта культура в большей степени связывается с италиками-умбрами. То, что территории культуры Вилланова были захвачены новым населением, подтверждается резким отличием погребальных традиций этрусков от других италийских племён. Этруски практиковали особый обряд трупоположения, тогда как умбры, как и другие италики, включая носителей культуры Вилланова, хоронили кремированные останки в погребальных урнах. Эта традиция, принесённая из Центральной Европы в конце эпохи бронзы, оставалась в Италии на протяжении столетий неизменной. Потому этруски должны быть недавними пришельцами в регионе или жить в глухой периферии по отношению к племенам италиков как малочисленная реликтовая группа, подобная сицилийским сиканам. В случае версии автохтонности этрусков мало понятно, почему они лингвистически не близки ни одному неиндоевропейскому народу в регионе, за исключением ретов.

Если этруски-переселенцы из Эгейского мира и связаны с народами моря, тогда эту версию усложняет проникновение ретов, близких этрускам по языку, в горные районы Альп. Кроме того, потребуется более внятная и детальная картина сосуществования неиндоевропейских предков этрусков на Эгейской прародине с индоевропейскими хетто-лувийскими и греческими народами среди индоевропейцев.

Невозможно допустить переселение этрусков на полуостров из более северных регионов Европы. Для такого особого этнического анклава с иными языковыми и погребальными традициями в Центральной Европе просто не найдётся места, так как в эпоху бронзы она была прочно занята культурами различных ветвей индоевропейского населения. Если же учесть, что во II тыс. в Италии происходило бурное переселение индоевропейских групп с предками италиков и венетов, этрусская прародина никак не может располагаться к северу от Апеннинского полуострова.

Противоречия в этих фактах крайне запутывают поиски этрусской прародины. Можно сказать твёрдо только то, что этруски родственны индоевропейцам. Потому их исходная прародина не связана с происхождением любых индоевропейских групп и должна находиться в стороне. Индоевропейцы во время своих перемещений могли лишь изгнать этрусков с какой-либо исходной зоны их обитания. Потому прародина этрусков в Центральной Европе полностью исключается. Местное происхождение на Апеннинском полуострове возможно, но требует объяснений. Их же происхождение в Малой Азии и Эгейском регионе выглядит самым достоверным, но требует дополнительных доказательств.

Информация со стороны генетики обретает высокую прогностическую ценность в этом сложном противоречивом клубке фактов и неполной информации.

Популяционная история Апеннинского полуострова от мезолита до начала этрусского времени

Мезолит. Самые ранние мезолитические обитатели Апеннин были близки западноевропейским охотникам-собираателям, жившим в раннем голоцене от Британии до Греции, чей генофонд отличался преобладанием так называемого компонента WHG. В XI–VIII тыс. до н. э. это население было однородным на всей территории современной Италии [5; 23; 29].

Неолит и энеолит. В период VII–VI тыс. до н. э. на Апеннинский полуостров вместе с носителями культуры импрессо проникают неолитические земледельцы. Они распространялись с юга Балкан по всей южной Европе через Средиземноморское побережье. Эти люди принесли на территорию Италии компонент анатолийских земледельцев, который был основой их генофонда [19]. Пришельцы полностью поглотили прежних обитателей региона на всей территории Апеннинского полуострова [5; 19; 29], а также на островах Сардинии и Сицилии [14]. Вклад охотников-собираателей мезолита на полуострове снизился до 5%.

В конце неолита Италию достигла еще одна миграционная волна из Малой Азии, близкая населению Кумтепе из северо-западной Анатолии и Тепеджик-Чифтлик из её южных районов. Эта миграция принесла в регион небольшую долю компонента, характерного для земледельческого населения Ирана и Южного Кавказа. По своим масштабам и вкладу она уступала первой ранненеолитической волне. Мигранты позднего неолита не распространялись далее Апеннинского полуострова [5; 20; 21; 26].

В той популяционной среде, которая возникла после этих 2 миграций, сформировался генофонд населения таких культур медного века, как Ринальдоне, Ремедело популяция, к которой относился «ледяной человек» Этци из тирольских Альп, и обитатели из прочих районов Центральной (могильник Ла Сасса) и Северной Италии (могильники Гатоллино, Бройон). Все эти группы были близки между собой и с населением энеолитической Сардинии [4; 5; 21; 29].

Бронзовый век. В бронзовом веке генофонд Апеннинского полуострова вновь подвергается резкой трансформации. На рубеже III–II тыс. до н. э. в Северную Италию прибывают носители культуры колоколовидных кубков, которые приносят сюда из Центральной Европы степной компонент. К XVI в. до н. э.

носители этого компонента расселяются в центре полуострова, включая Этрурию и Лаций. Есть все основания считать, что с этой миграцией распространялись носители италийских языков, включая пра-родителей латинов [5; 25; 28; 29]. Весь мир популяций Апеннинского полуострова к середине II тыс. до н. э. стал единым в генетическом отношении [5; 28].

Популяционная история Сардинии и Сицилии в бронзовом веке протекала независимо от материковой Италии и друг от друга. Сардиния сохранила генофонд неолита и не была затронута миграциями. На Сицилию к XXIII в. до н. э. переселились носители степного компонента со стороны Испании, т. е. их проникновение произошло раньше, чем на Апеннинский полуостров, и происходило по иному маршруту. Позже, в середине II тыс. на Сицилию переселились выходцы со стороны Эгейского региона, которые принесли сюда в XIX–XVI вв. до н. э. иранский компонент [15].

Железный век. В Сардинии в I тыс. до н. э. носители степного компонента через прибрежные районы, наконец, распространяются на острове, впервые меняя его генофонд с эпохи неолита. Население же полуострова остаётся неизменным за исключением двух новых черт. В I тыс. до н. э. в некоторых приморских поселениях стали появляться *индивиды ближневосточного и североафриканского происхождения*, которые были связаны с финикийским миром [11; 28], а в северные районы полуострова проникают *кельты* с повышенной до 40% долей степного компонента, чьи отдельные группы достигли Этрурии [28]. Но присутствие этих двух групп пришельцев не изменило ядра генофонда полуострова, в котором они остались лишь единичными вкраплениями [5; 28].

Этруски в этот период генетически неотличимы от италиков-латинов [5; 28]. Эта однородность и неразличимость между собой популяций материковой Италии будет сохраняться в течение все-

го I тыс. до н. э. даже после римского завоевания. Только в имперский период Римской державы, когда в Италию хлынет поток выходцев из других римских регионов, эта однородность будет нарушена [5; 28].

Где бы ни находились изначальные истоки этрусков, в ту эпоху, когда они вышли на историческую арену, они обладали тем же популяционным обликом и не имели каких-то генетических отличий от индоевропейцев-италиков. Основа их генофонда, как и других популяций полуострова, сформировалась в середине II тыс. до н. э. при смешении индоевропейских племен с севера с потомками двух неолитических миграций.

Популяционная история Эгейского региона от мезолита до начала этрусского времени

Мезолит. В мезолите Греция и Балканы, как и Италия, были заселены популяциями западноевропейских охотников-собирателей [24]. Сразу после окончания ледниковой эпохи в Европу переселились анатолийские охотники-собиратели, которые оставили ощутимый вклад, равный 25% населения бассейна Дуная, но они не затронули Грецию [12].

Неолит и энеолит. В эпоху неолита, в докерамический период 10,3–9,8 тыс. лет назад через южное побережье Малой Азии пришла новая волна мигрантов из Анатолии, которая несла 10% примеси с обитателей Иранского нагорья. Она распространилась по средиземноморскому побережью Малой Азии и через проливы на острова Эгейского моря.

Вторая миграция эпохи неолита происходила уже в керамический период – 9–8 тыс. лет назад. Она распространялась через внутренние районы Турции и Босфорский перешеек. Именно эта группа земледельцев заселила Европу, распространив в ней сельскохозяйственную революцию, двумя путями – через внутриконтинентальные районы и через побережья [4; 12; 20]. Мигрантами этой вол-

ны были заселены современные Греция и Италия [5; 24].

В конце неолита произошла ещё одна, третья миграция. Её представители в Малой Азии вновь испытали влияние со стороны населения, близкого Закавказью и Ирану, а затем через Босфор достигли Апеннинского полуострова [21].

Население позднего неолита и энеолита в Греции и Балканах сохранило митохондриальный генофонд населения раннего неолита, но в более северных районах произошло незначительно увеличение мезолитического компонента [9; 24; 30].

В конце неолитического периода со стороны Балканского полуострова происходило обратное культурное влияние на Циркумпонтийский регион, которое простиралось до поселения Икиз-тепе на черноморском побережье Турции, но, согласно данным генетики, оно не сопровождалось переселением населения в Анатолию [31].

Бронзовый век. В начале бронзового века на территорию Эгейского региона вновь переселились обитатели южного побережья Малой Азии, которые полностью повторили маршрут и миграционный сценарий мигрантов эпохи докерамического неолита. Эти люди пришли через средиземноморское побережье Анатолии и расселились по островам Эгейского моря и в материковой Греции. Их появление в регионе внесло во все местные популяции 17–27% примеси компонента, характерного для Закавказья и Ирана. На основе смешения пришельцев из Малой Азии и потомков неолитических земледельцев сформировались популяции носителей минойской культуры на Крите, кикладской культуры на островах и элладской культуры в материковой Греции. Население всех этих культур обрело схожий генетический облик, и его единообразие сохранялось на протяжении всего III тыс. до н. э. в начале эпохи бронзы [9; 22]. Позже, в начале II тыс. до н. э., какая-то часть этих лю-

дей переселилась из островов Эгейского моря на Сицилию [14].

В середине эпохи бронзы, в начале II тыс. до н. э., на территорию материковой Греции проникают носители степного компонента. С ними могли распространяться носители греческих диалектов. На севере в погребениях Элладской культуры XX–XVIII вв. до н. э. его вклад был выше, а на юге – ниже. Население Крита середины бронзы с плато Лашиту не испытало влияние степного населения и ничем не отличалось от местных обитателей начала бронзового века, каким оно возникло после миграции из Малой Азии [9; 22]. Влияние степного населения также не затронуло и Малую Азию. Геномы хеттов не несут примеси выходцев из степей Восточной Европы [10].

К моменту возможного исхода этрусков из Эгейского региона здесь существовало 2 группы населения. Одна на материковой части Греции, которая включала степной компонент и была связана с носителями греческой ветви индоевропейских языков. Вторая на островной части Греции, которая не испытала влияния носителей степного населения.

Далее будут приведены аргументы в пользу того, что обитатели островной части Эгейского региона, которые подверглись влиянию степного компонента, сохранили и неиндоевропейскую речь. Также важно, что именно из зоны Эгейского архипелага в начале II тыс. до н. э. происходило переселение части жителей Эгейского региона на Сицилию.

Генетическая характеристика древних этрусков и современных тосканцев

После описания популяционного контекста регионов, которые связаны с этногенезом этрусков, важно дать более подробное описание генофонда этрусков, дополнив его информацией по современным, средневековым и античным жителям Тосканы – исторической области Италии, которая во многом соответствует по своим границам древней Этрурии.

Данные маркеров Y-хромосомы и митохондриальной ДНК. Население г. Вольтерры, который находился в сердце древней Этрурии, по данным изменчивости Y-хромосомы выделяется по отношению к северу и югу Италии сближением с Анатолией [17]. Данные по изменчивости Y-хромосомы, среди самих этрусков в силу её худшей сохранности в материале ДНК менее информативны.

Уже первое исследование изменчивости митохондриальной ДНК в середине 90-х гг. XX в., которое было посвящено связи современных тосканцев с этрусками, выявило большее сближение современных тосканцев с жителями Ближнего Востока по сравнению с другими обитателями Южной Европы [15]. Расширенная выборка современных тосканцев обнаружила повышенную частоту ближневосточных гаплотипов в г. Мурло [3]. Ещё одно исследование выявило в Тоскане кладу U7a2a (в современной классификации переименованную в U7b1), которая относится к числу вариантов бесспорно ближневосточного происхождения. Её частота в генофонде тосканцев равна 10%, а возраст этой клады, равный 2,7–1,7 тыс. лет, перекрывается с эпохой этрусков [7; 8].

В первом исследовании могильников самих этрусков, датированных с VII по III вв. до н. э., их выборка оказалась ближе населению Восточного Средиземноморья, чем все современные итальянские группы, включая тосканцев [33]. Несмотря на то, что некоторые элементы митохондриального генофонда этрусков были унаследованы современными тосканцами [8], между этрусками и жителями современной и средневековой Тосканы существует популяционный разрыв, что говорит о замещении этрусского генофонда в более поздние времена [6; 18].

Более поздние работы внесли серьёзные коррективы в эту схему. Компьютерная симуляция установила, что в современном населении Тосканы от этрусков напрямую происходит женское население

городов Вольтерра (один из сохранившихся городов самого Этрусского Двенадцатиградья) и Казентино [6; 16]. Связи тосканцев с этрусками были намного сильнее ещё недавно, в Средние века, а замещение потомков этрусков иным населением произошло только в последние пять веков [16]. Кроме того, все без исключения ближневосточные клады в этруском и тосканском генофонде были принесены на Апеннинский полуостров в эпоху неолитической революции [16; 23; 32].

Следовательно, в митохондриальном генофонде нет сигнала особой миграции из Малой Азии. Все ближневосточные клады в нём унаследованы от населения эпохи неолита. Более того, генофонд этрусков, кроме двух городов Вольтерры и Казентино, замещён в более поздних процессах.

Данные полногеномного анализа современных тосканцев. Полногеномные исследования современных популяций Тосканы выявили неожиданно высокую долю примеси ближневосточного населения, которая оказалось равна 25–34% будучи выше, чем у других южноевропейских популяций. Более того, её анализ выявил неожиданное: у тосканцев обнаружилось больше общих аллелей с армянами и грузинами, чем с турками из западных районов Малой Азии [27].

Такая особенность генофонда тосканцев не может быть объяснена только вкладом неолитических земледельцев, которые отличались преобладанием анатолийского компонента. В этом случае происходило бы равномерное удаление тосканцев от популяций Западной Азии по мере движения на восток [31]. Существование такого странного сближения явно указывало на прибытие какой-то дополнительной волны в Тоскану из районов близких Закавказью [27]. Более того, датировка примеси этих аллелей из Закавказья, равная 3,1–2,6 тыс. лет, совпадает с периодом этрусской истории.

Согласно исследованию Дж. Пардо-Секо, А. Гомеса-Карбалья и Дж. Амиго

«Общегеномное исследование современных тосканцев: пересмотр теории Геродота о происхождении этрусков» [27], предки этрусков должны были переселиться в нынешнюю Тоскану из Малой Азии отдельным независимым потоком 3 тыс. лет назад. Но авторами было сделано одно методическое нарушение, об изначальных истоках этрусков в ещё более ранние времена. По выстроенной ими модели исходное происхождение предков этрусков связывается с Ираном, откуда они 5 тыс. лет назад якобы мигрировали в Закавказье, и только промежуточного пребывания в этом регионе, протоэтрусски мигрировали 3 тыс. лет назад на Апеннинский полуостров. Причиной такой неверной интерпретации является существование общей примеси компонента у жителей Закавказья и Иранского нагорья. Этот компонент, будучи нехарактерным для Западной Анатолии, распространялся на Кавказе и на востоке Малой Азии 5,5–5 тыс. лет назад [31; 34]. Но помещать на этом основании этрусскую прародину в Иран также некорректно, как говорить об африканских корнях этрусков на том основании, что предки всех евразийцев вышли из Чёрного континента.

Итак, Пардо-Секо и его коллеги [27] сделали вывод, что предки этрусков пришли из Малой Азии, будучи потомками местной группы, воспринявшей примесь со стороны кавказского населения. Но данную схему опровергли выводы полногеномного анализа самих этрусских могильников.

Данные полногеномного анализа этрусков. Полногеномные исследования 50 образцов с территории древней Этрурии из их страны на отрезке с IX в. до н. э. до рубежа нашей эры установили, что генофонд этрусков включал 3 составляющие:

1. компонент западноевропейских охотников-собирателей (WHG), который представляет древний пласт, восходящий к эпохе мезолита;

2. анатолийский компонент, доставшийся от неолитических земледельцев доэтрусского времени;

3. степной компонент, проникший из Центральной Европы в эпоху бронзы с италийскими племенами, который оставил в генофонде этрусков ощутимый вклад – 25% [28].

Этруски формировались теми же популяционными процессами, что и другие народы Апеннинского полуострова. И в популяционном отношении этруски неразличимы от италиков.

Хотя среди этрусков обитали генетически отличные от них кельты, они подверглись их влиянию. Специальное моделирование не выявило в генофонде этрусков в I тыс. до н. э. сигнала дополнительной миграции из Эгейского мира и Малой Азии, отличной от неолитической. Более того, в железном веке наблюдалось уменьшение доли всех компонентов ближневосточного происхождения по сравнению с неолитом. Правда среди этрусских могильников выделились отдельные индивиды, отличные от общей массы, с сильной североафриканской или ближневосточной примесью [5; 28]. Но этими людьми могли быть и выходцы из мира финикийских колоний, т. к. финикийцы и этруски вступили в плотные контакты между собой в период подъёма Этрурии [11; 28].

Новое увеличение ближневосточного населения наступило только в Имперский период Римской эпохи, когда этруски как этнос были уже целиком поглощены римлянами. Рост ближневосточных компонентов был связан с выходцами из восточных окраин Римской державы, которые переселялись в Центральную Италию. В первые века нашей эры это были преимущественно выходцы из Леванта и Анатолии. Их наплыв был настолько резким, что увеличил долю выходцев в Этрурии и Лации до 40 до 60% [5; 28]. Возможно, вклад потомков этих переселенцев стал причиной сближения современных тосканцев, обитающих на месте бывшей Этрурии, с жителями Кавказа. В этом слу-

чае большее сближение с жителями Грузии и Армении в сравнении с западными районами Турции и обитателями Леванта потребует дополнительного прояснения в новых исследованиях [27; 28].

Локализация исходной прародины этрусков и время их переселения на Апеннинский полуостров

Сопоставление всех полученных данных о популяционных особенностях этрусков свидетельствует в пользу автохтонной гипотезы происхождения этого народа на Апеннинском полуострове. Генофонд этрусков сформировался на основе тех же популяционных компонентов и процессов, что и все прочие популяции Апеннинского полуострова, как индоевропейского, так и неиндоевропейского происхождения, из-за чего этруски генетически неотличимы от своих соседей латинов. При этом нет доказательств в пользу отдельной миграции из Эгейского региона и Малой Азии в Центральную Италию на рубеже II и I тыс. до н. э. Следы такого влияния на современное население Тосканы объяснимы вкладом переселенцев из восточных провинций Римской державы.

Но отсутствие признаков миграции в конце бронзового и начале железного веков вовсе не свидетельствует однозначно о формировании этрусков в Италии. В пользу возможности переселения их прародителей на Апеннинский полуостров со стороны Эгейского архипелага и Анатолии свидетельствуют следующие факты: миграция конца неолита из северо-западных районов Малой Азии [21] и морская миграция начала II тыс. до н. э. из Эгейских островов на Сицилию [14]. Они предлагают 2 альтернативные версии происхождения этрусков, которые оказываются очень привлекательными при сопоставлении их с данными иных исторических дисциплин.

Первая версия допускает, что предки этрусков, вместе с предками ретов, могли переселиться из Малой Азии в со-

ставе той поздненеолитической волны, которая связана с населением Кумтепе из северо-западной Анатолии и Тепеджик-Чифтлик на юго-востоке Турции.

Если проследить всю территорию популяционного влияния этой миграции, окажется, что она охватывает ареал гипотетической тирренской языковой семьи, куда входит и этрусский язык. Северо-запад Малой Азии, связанный с популяциями Кумтепе, совпадёт с зоной расселения тевкров/тирренов/тирсенов Трояды, которые близки этрускам по языку [1], популяция тирольского человека будет близка ареалу ретов, а популяции в зоне охвата этой миграции на самом Апеннинском полуострове соответствуют непосредственным предкам этрусков. Эту версию делает ещё более убедительной то, что миграция из Турции не оказала влияния на территорию Южной Европы, где проживало другое неиндоевропейское население [20; 21; 26]. Её влияния нет во Франции и Испании, в зоне обитания лигуров и носителей иберийских языков. Позже, в бронзовом веке, потомки переселенцев из Кумтепе могли подвергнуться влиянию индоевропейцев-италиков, включив в свой генофонд часть мигрантов, но сохранить среди предков этрусков исходный тирренский язык. Дополнительное сильное место этой версии в том, что вместе с появлением этрусков она хорошо объясняет и появление ретов в альпийском высокогорье.

Вторая версия допускает появление предков этрусков в составе морской миграции из Эгейских островов на Сицилию в первой половине II тыс. до н. э. В этом случае часть мореплавателей после освоения Сицилии продолжила путь на земли будущей Этрурии. Та группа, которая продолжила движение на Апеннины, должна была раствориться в генофонде местных популяций, уже испытывавших влияние индоевропейских мигрантов с севера, передав им свой язык.

В пользу этой версии говорит то, что это переселение сопровождалось распро-

странением иранского компонента, характерного для всей Эгейской зоны ещё с доминойского и докикладского времени, без степного компонента. Во II тыс. до н. э. распространение греческих наречий в материковой Греции сопровождалось увеличением степного компонента. Островная Греция при этом не была затронута этим популяционным влиянием. Значит, переселение на Сицилию происходило с территории, где продолжало сохраняться неиндоевропейское население. В случае неиндоевропейской атрибуции языка этрусков именно это и ожидаемо. Более того, даже в середине I тыс. до н. э., когда весь Эгейский регион прочно перешёл под полное господство греческой речи, здесь пережиточно существовал язык лемносской стелы, близкий этрускому [1] и ретскому.

Ещё одной группой населения из зоны Эгейского региона, которая была свободна от влияния носителей греческого языка и степного компонента во II тыс. до н. э., были обитатели западного побережья Малой Азии. Неиндоевропейское население было представлено тирсенами и туршами, тевкрами из Трояды, которые, по многочисленным данным из египетских источников и греческой традиции, имели много общих связей с этрусками и, скорее всего, были им родственны [1; 2]. Здесь также обитало и индоевропейское хетто-лувийское население, но важно, что в Малой Азии, в отличие от материковой и островной Греции, индоевропейские и неиндоевропейские группы были популяционно неотличимы. Это значит, что на Сицилию группы морских переселенцев могли перемещаться ещё из тех областей западного побережья Малой Азии, которые были заселены неиндоевропейцами тирсенами, туршами, тевкрами. Конечно, нельзя исключать, что на Сицилию переселялись и хетто-лувийские группы, но намного более правдоподобно, что на Сицилию из Малой Азии стали переселяться неиндоевропейские группы, связанные с тирсенами, ибо в

ином случае язык этрусков был бы родственен хетто-лувийским языкам, чего не наблюдается.

Слабыми местами в этой версии являются пока не найденные свидетельства в пользу какого-то миграционного следа со стороны населения Сицилии на территорию Апеннинского полуострова во II тыс. до н. э. Кроме того, потребуется прояснение, почему произошло поглощение мигрантов из Сицилии местным населением Апеннинских островов при одновременном усвоении им речи у пришельцев. Также в случае этой модели трудно понять путь проникновения предков ретов в Альпийские районы.

Ещё один аспект связан со временем миграции эгейского населения на Сицилию, которая, согласно её датировкам первой волновины II тыс. до н. э., должна была происходить до эпохи расселения народов моря, оставившего сильный популяционный след в населении Средиземноморья конца эпохи бронзы, например, в Палестине [13].

Некоторым из этих вопросов можно найти объяснение даже при существующей неполноте информации. Миграция со стороны Сицилии ещё может быть выявлена при более подробном изучении могильников Апеннинского полуострова II тыс. до н. э. доэтруского времени, по которым пока ещё не хватает материала. Пришельцы из Сицилии могли быть многочисленными, а намного более бурное встречное движение италиков с севера могло сразу же стереть этот след сицилийской миграции в популяции этрусков ещё на ранних этапах их популяционной истории. Датировка миграции на Сицилию может быть скорректирована в будущих работах, в действительности совпадая с эпохой экспансии народов моря. Но вполне допустимо существование особой волны перемещения эгейского населения на Сицилию за несколько веков до массового вторжения народов моря.

В случае подтверждения версии происхождения этрусков во время морской

миграции их прародина должна будет находиться на западе Малой Азии или на востоке Эгейских островов.

Третья версия предполагает, что предки этрусков и ретов могли прийти в составе первой волны неолитических мигрантов, которая могла просто представлять разноязычный массив, объединённый схожими археологическими традициями культуры импрессо. Тогда носители языка Лемноской стелы и тирсены/тевкры Троады – далёкие потомки их родственников, оставшихся в арьергарде на Эгейском архипелаге. Эту версию даже можно считать мягким вариантом автохтонной гипотезы. Аргументом в её пользу является высокое лингвистическое разнообразие в Южной Европе в I тыс. до н. э., где носители даже неиндоевропейских языков представляют собой несколько несхожих, неродственных друг другу языковых массивов (среди носителей иберийских языков, лигуров, сиканов Сицилии и тирренских языков). Но существование второй миграции конца неолита, влияние которой совпадает с ареалом тирренских языков, всё же в большей степени свидетельствует в пользу отдельной и более поздней миграции носителей этрусского языка.

Хотя эта версия и является слабой, её нельзя исключать целиком. В случае справедливости этого сценария, прародина этрусков продолжает тяготеть к региону Эгейского моря и западу Малой Азии, т. к. после всех бурных языковых и популяционных трансформаций эпохи неолита и бронзы здесь продолжают обитать группы населения, близкие этрускам и ретам, а зона старта самой неолитической миграции начинается на территории Греции и Анатолии [12; 19; 20; 24].

Стоит совершенно исключить ещё одну версию глубокой автохтонности этрусков, в которой этрусский язык мог быть унаследован у местного мезолитического населения Италии, а исходный генофонд был заменён в более поздних миграциях. В этом случае языки этрусков

не смогли бы сохранить близкие связи с языками носителей Лемноской стелы и тефкоров/тирсенов. На протяжении 9 тыс. лет любые подобные связи неизбежно изгладились.

Таким образом, вопрос генезиса этрусской популяции пока ещё продолжает оставаться открытой и до конца не прояснённой научной задачей.

Заключение

Если суммировать все факты, касающиеся происхождения этрусков, то гипотеза автохтонного апеннинского происхождения этрусков, которая кажется более доказанной со стороны генетики, уступает двум альтернативным сценариям, которые предполагают переселение предков этрусков в Италию из зоны Эгейского моря и Малой Азии.

1) *Версия позднелинитической миграции*, согласно которой предки этрусков связаны с обитателями Кумптепе из северо-западной Турции. Зона их миграции в Южной Европе совпадает с зоной распространения гипотетической Тирренской семьи. В случае справедливости этой версии прародина этрусков в позднем неолите находилась на юго-западе Причерноморья или на северо-востоке Эгейского бассейна. Эта версия наиболее непротиворечива.

2) *Версия морской миграции*, согласно которой переселение предков этрусков происходило в первой половине II тыс. из Эгейского ареала. Она происходила из зоны, не затронутой в этот период вторжением носителей степного компонента и одновременно ещё и носителей греческого языка, в которой в более поздние эпохи обитали близкие этрускам тирренам/тирсены и носители языка Лемноской стелы. Для её подтверждения необходимо обнаружить следы миграции со стороны Сицилии в Этрурию. В случае верности этой гипотезы прародина этрусков располагалась на западном побережье Малой Азии или на островах Эгейского архипелага.

3) *Версия, которая предполагает появление этрусков в Италии с земледельцами раннего неолита. Она наиболее слаба, но не может быть исключена в силу возможности языковой неоднородности в составе носителей культуры импрессо. Об этом свидетельствует большое разнообразие неродственных друг другу языков на юге Европы даже в I тыс. до н. э. В случае справедливости этой гипотезы прародина этрусков также тяготеет в сторону Эгеиды и Малой Азии.*

Более полное понимание проблемы этрусского этногенеза дадут будущие исследования при междисциплинарном взаимодействии палеогенетиков с представителями других исторических дисциплин и при появлении новых данных со стороны генетики, археологии, языкознания, а может быть, и со стороны источников, датируемых хеттским временем и эпохой народов моря.

Дата поступления в редакцию 03.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Сафронов А. В. «Народы Моря и Кипр»: История и легендарная традиция // Индоевропейское языкознание и классическая филология XVIII (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: Наука, 2014. С. 831–841.
2. Сафронов А. В. Греческая традиция о пеласагах и тирсенах в Анатолии и ее египетские соответствия // Индоевропейское языкознание и классическая филология XIX (чтения памяти И. М. Тронского). СПб.: Наука, 2015. С. 803–809.
3. Achilli A., Olivieri A., Pala M., et al. Mitochondrial DNA variation of modern Tuscans supports the Near Eastern origin of Etruscans // The American Journal of Human Genetics. 2007. Vol. 80. P. 759–768.
4. Allentoft M. E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 167–172.
5. Antonio M. L., Gao Z., Moots H., et al. Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean // Science. 2019. Vol. 366. № 6466. P. 708–714.
6. Belle E., Ramakrishnan U., Mountain J., et al. Serial coalescent simulations suggest a weak genealogical relationship between Etruscans and modern Tuscans // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2006. Vol. 103. № 21. P. 8012–8017.
7. Brisighelli F., Álvarez-Iglesias V., Fondevila M., et al. Uniparental markers of contemporary Italian population reveals details on its pre-Roman heritage // PLoS One. 2012. Vol. 7. № 12. DOI:10.1371/journal.pone.0050794
8. Brisighelli F., Capelli C., Alvarez-Iglesias A., et al. The Etruscan timeline: a recent Anatolian connection // European Journal of Human Genetics. 2009. Vol. 17. P. 693–696.
9. Clemente F., Unterländer M., Dolgova O., et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations // Cell. 2021. Vol. 184. P. 2565–2586.
10. Damgaard de Barros P., Martiniano R., Kamm J., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia // Science. 2018. Vol. 360. Iss. 6396. DOI:10.1126/science.aar7711
11. Di Gaetano C., Cerutti N., Crobu F., et al. Differential Greek and northern African migrations to Sicily are supported by genetic evidence from the Y chromosome // European Journal of Human Genetics. 2009. Vol. 17. № 1. P. 91–99.
12. Feldman M., Fernández-Domínguez E., Reynolds L., et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia // Nature Communications. 2019. Vol. 10. № 1. DOI:10.1038/s41467-019-09209-7
13. Feldman M., Master D. M., Bianco R. A., et al. Ancient DNA sheds light on the genetic origins of early Iron Age Philistines // Science Advances. 2019. Vol. 5. № 7. DOI:10.1126/sciadv.aax0061
14. Fernandes D., Mittnik A., Olalde I., et al. The spread of steppe and Iranian-related ancestry in the islands of the western Mediterranean // Nature. Ecology. Evolution. 2020. Vol. 4. № 3. P. 334–345.
15. Francalacci P., Bertranpetit J., Calafell F., et al. Sequence diversity of the control region of mitochondrial DNA in Tuscany and its implications for the peopling of Europe // American journal of physical anthropology. 1996. Vol. 100. № 4. P. 443–460.

16. Ghirotto S., Tassi F., Fumagalli E., et al. Origins and Evolution of the Etruscans' mtDNA // PLoS One. 2013. Vol. 8. № 2. DOI:10.1371/journal.pone.0055519
17. Grugni V., Raveane A., Mattioli F., et al. Reconstructing the genetic history of Italians: new insights from a male (Y-chromosome) perspective // Annals of Human Biology. 2018. Vol. 45. № 1. P. 44–56.
18. Guimaraes S., Ghirotto S., Benazzo A., et al. Genealogical discontinuities among Etruscan, Medieval, and contemporary Tuscans // Molecular Biology and Evolution. 2009. Vol. 26. № 9. DOI:10.1093/molbev/msp126
19. Haak W., Lazaridis I., Patterson N., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe // Nature. 2015. Vol. 522. № 7555. P. 207–211.
20. Hofmanova Z., Kreutzer S., Hellenthal G., et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2016. Vol. 113. № 25. P. 6886–6891.
21. Kılınç G.M., Omrak A., Özer F., et al. The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia // Current Biology. 2016. Vol. 26. № 19. DOI:10.1016/j.cub.2016.07.057
22. Lazaridis I., Mittnik A., Patterson N., et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaean // Nature. 2017. Vol. 548. № 7666. P. 214–218.
23. Leonardi M., Sandionigi A., Conzato A., et al. The female ancestor's tale: Long-term matrilineal continuity in a nonisolated region of Tuscany // American Journal of Physical Anthropology. 2018. Vol. 167. № 3. P. 497–506.
24. Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., et al. The genomic history of southeastern Europe // Nature. 2018. Vol. 555. № 7. P. 197–203.
25. Modi A., Lancioni H., Cardinali I., et al. The mitogenome portrait of Umbria in Central Italy as depicted by contemporary inhabitants and pre-Roman remains // Scientific Reports. 2020. Vol. 10. № 1. DOI:10.1038/s41598-020-67445-0
26. Omrak A., Günther T., Valdiosera C., et al. Genomic Evidence Establishes Anatolia as the Source of the European Neolithic Gene Pool // Current Biology. 2016. Vol. 26. № 2. P. 270–275.
27. Pardo-Seco J., Gomez-Carballa A., Amigo J. A genome-wide study of modern-day Tuscans: revisiting Herodotus's theory on the origin of the Etruscans // PLoS One. 2014. № 9 (9). DOI:10.1371/journal.pone.0105920
28. Posth G., Zaro V., Spyrou M., et al. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect // Science Advances. 2021. Vol. 7. № 39. DOI:10.1126/sciadv.abi7673
29. Saue F., Montinaro C., Scaggion N., et al. Ancient genomes reveal structural shifts after the arrival of Steppe-related ancestry in the Italian Peninsula // Current Biology. 2021. № 31. DOI:10.1016/j.cub.2021.04.022
30. Silva N., Kreutzer S., Souleles A., et al. Ancient mitochondrial diversity reveals population homogeneity in Neolithic Greece and identifies population dynamics along the Danubian expansion axis // Scientific Reports. 2022. Vol. 12. № 1. DOI:10.1038/s41598-022-16745-8
31. Skourtanioti E., Erdal Y., Frangipane M., et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus // Cell. 2020. Vol. 181. № 5. P. 1158–1175.
32. Tassi F., Ghirotto S., Caramelli D., et al. Genetic evidence does not support an Etruscan origin in Anatolia // American Journal of Physical Anthropology. 2013. Vol. 152. № 1. P. 11–18.
33. Vernesi C., Caramelli D., Dupanloup I., et al. The Etruscans: A Population-Genetic Study // The American Journal of Human Genetics. 2004. Vol. 74. № 4. P. 694–704.
34. Wang C., Reinhold S., Kalmykov A., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions // Nature Communication. 2019. Vol. 10. № 1. DOI:10.1038/s41467-018-08220-8

REFERENCES

1. Safronov A. V. [The Greek tradition about Tyrsenians and Pelasgians in Anatolia and its Egyptian counterparts]. In: *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XVIII (Chteniya pamyati I. M. Tronskogo)* [Indo-European Linguistics and Classical Philology XVIII (Joseph M. Tronsky memorial Conference)]. St. Petersburg, Nauka Publ., 2014. P. 831–841.
2. Safronov A. V. [The Sea Peoples and Cyprus: history and legendary tradition]. In: *Indoevropskoe yazykoznanie i klassicheskaya filologiya-XIX (Chteniya pamyati I. M. Tronskogo)* [Indo-European

- Linguistics and Classical Philology XIX (Joseph M. Tronsky memorial Conference)]. St.Petersburg, Nauka Publ., 2015. P. 803–809.
3. Achilli A., Olivieri A., Pala M., et al. Mitochondrial DNA variation of modern Tuscans supports the Near Eastern origin of Etruscans. In: *The American Journal of Human Genetics*, 2007, vol. 80, pp. 759–768.
 4. Allentoft M. E. et al. Population genomics of Bronze Age Eurasia. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 167–172.
 5. Antonio M. L., Gao Z., Moots H., et al. Ancient Rome: A genetic crossroads of Europe and the Mediterranean. In: *Science*, 2019, vol. 366, no. 6466, pp. 708–714.
 6. Belle E., Ramakrishnan U., Mountain J., et al. Serial coalescent simulations suggest a weak genealogical relationship between Etruscans and modern Tuscans. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2006, vol. 103, no. 21, pp. 8012–8017.
 7. Brisighelli F., Álvarez-Iglesias V., Fondevila M., et al. Uniparental markers of contemporary Italian population reveals details on its pre-Roman heritage. In: *PLoS One*, 2012, vol. 7, no. 12. DOI:10.1371/journal.pone.0050794
 8. Brisighelli F., Capelli C., Álvarez-Iglesias A., et al. The Etruscan timeline: a recent Anatolian connection. In: *European Journal of Human Genetics*, 2009, vol. 17, pp. 693–696.
 9. Clemente F., Unterländer M., Dolgova O., et al. The genomic history of the Aegean palatial civilizations. In: *Cell*, 2021, vol. 184, pp. 2565–2586.
 10. Damgaard de Barros P., Martiniano R., Kamm J., et al. The first horse herders and the impact of early Bronze Age steppe expansions into Asia. In: *Science*, 2018, vol. 360, iss. 6396. DOI:10.1126/science.aar7711
 11. Di Gaetano C., Cerutti N., Crobu F., et al. Differential Greek and northern African migrations to Sicily are supported by genetic evidence from the Y chromosome. In: *European Journal of Human Genetics*, 2009, vol. 17, no. 1, pp. 91–99.
 12. Feldman M., Fernández-Domínguez E., Reynolds L., et al. Late Pleistocene human genome suggests a local origin for the first farmers of central Anatolia // *Nature Communications*. 2019. Vol. 10. № 1. DOI:10.1038/s41467-019-09209-7
 13. Feldman M., Master D. M., Bianco R. A., et al. Ancient DNA sheds light on the genetic origins of early Iron Age Philistines // *Science Advances*. 2019. Vol. 5. № 7. DOI:10.1126/sciadv.aax0061
 14. Fernandes D., Mittnik A., Olalde I., et al. The spread of steppe and Iranian-related ancestry in the islands of the western Mediterranean. In: *Nature, Ecology, Evolution*, 2020, vol. 4, no. 3, pp. 334–345.
 15. Francalacci P., Bertranpetit J., Calafell F., et al. Sequence diversity of the control region of mitochondrial DNA in Tuscany and its implications for the peopling of Europe. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 1996, vol. 100, no. 4, pp. 443–460.
 16. Ghirotto S., Tassi F., Fumagalli E., et al. Origins and Evolution of the Etruscans' mtDNA. In: *PLoS One*, 2013, vol. 8, no. 2. DOI:10.1371/journal.pone.0055519
 17. Grugni V., Raveane A., Mattioli F., et al. Reconstructing the genetic history of Italians: new insights from a male (Y-chromosome) perspective. In: *Annals of Human Biology*, 2018, vol. 45, no. 1, pp. 44–56.
 18. Guimaraes S., Ghirotto S., Benazzo A., et al. Genealogical discontinuities among Etruscan, Medieval, and contemporary Tuscans. In: *Molecular Biology and Evolution*, 2009, vol. 26, no. 9. DOI:10.1093/molbev/msp126
 19. Haak W., Lazaridis I., Patterson N., et al. Massive migration from the steppe was a source for Indo-European languages in Europe. In: *Nature*, 2015, vol. 522, no. 7555, pp. 207–211.
 20. Hofmanova Z., Kreutzer S., Hellenthal G., et al. Early farmers from across Europe directly descended from Neolithic Aegeans. In: *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2016, vol. 113, no. 25, pp. 6886–6891.
 21. Kılınç G.M., Omrak A., Özer F., et al. The Demographic Development of the First Farmers in Anatolia. In: *Current Biology*, 2016, vol. 26, no. 19. DOI:10.1016/j.cub.2016.07.057
 22. Lazaridis I., Mittnik A., Patterson N., et al. Genetic origins of the Minoans and Mycenaean. In: *Nature*, 2017, vol. 548, no. 7666, pp. 214–218.
 23. Leonardi M., Sandionigi A., Conzato A., et al. The female ancestor's tale: Long-term matrilineal continuity in a nonisolated region of Tuscany. In: *American Journal of Physical Anthropol*, 2018, vol. 167, no. 3, pp. 497–506.

24. Mathieson I., Alpaslan-Roodenberg S., Posth C., et al. The genomic history of southeastern Europe. In: *Nature*, 2018, vol. 555, no. 7, pp. 197–203.
25. Modi A., Lancioni H., Cardinali I., et al. The mitogenome portrait of Umbria in Central Italy as depicted by contemporary inhabitants and pre-Roman remains. In: *Scientific Reports*, 2020, vol. 10, no. 1. DOI:10.1038/s41598-020-67445-0
26. Omrak A., Günther T., Valdiosera C., et al. Genomic Evidence Establishes Anatolia as the Source of the European Neolithic Gene Pool. In: *Current Biology*, 2016, vol. 26, no. 2, pp. 270–275.
27. Pardo-Seco J., Gomez-Carballa A., Amigo J. A genome-wide study of modern-day Tuscans: revisiting Herodotus's theory on the origin of the Etruscans. In: *PLoS One*, 2014, no. 9 (9). DOI:10.1371/journal.pone.0105920
28. Posth G., Zaro V., Spyrou M., et al. The origin and legacy of the Etruscans through a 2000-year archeogenomic time transect. In: *Science Advances*, 2021, vol. 7, no. 39. DOI:10.1126/sciadv.abi7673
29. Saue F., Montinaro C., Scaggion N., et al. Ancient genomes reveal structural shifts after the arrival of Steppe-related ancestry in the Italian Peninsula. In: *Current Biology*, 2021, no. 31. DOI:10.1016/j.cub.2021.04.022
30. Silva N., Kreutzer S., Souleles A., et al. Ancient mitochondrial diversity reveals population homogeneity in Neolithic Greece and identifies population dynamics along the Danubian expansion axis. In: *Scientific Reports*, 2022, vol. 12, no. 1. DOI:10.1038/s41598-022-16745-8
31. Skourtanioti E., Erdal Y., Frangipane M., et al. Genomic History of Neolithic to Bronze Age Anatolia, Northern Levant, and Southern Caucasus. In: *Cell*, 2020, vol. 181, no. 5, pp. 1158–1175.
32. Tassi F., Chiroto S., Caramelli D., et al. Genetic evidence does not support an Etruscan origin in Anatolia. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2013, vol. 152, no. 1, pp. 11–18.
33. Vernesi C., Caramelli D., Dupanloup I., et al. The Etruscans: A Population-Genetic Study. In: *The American Journal of Human Genetics*, 2004, vol. 74, no. 4, pp. 694–704.
34. Wang C. C., Reinhold S., Kalmykov A., et al. Ancient human genome-wide data from a 3000-year interval in the Caucasus corresponds with eco-geographic regions. In: *Nature Communication*, 2019, vol. 10, no. 1. DOI:10.1038/s41467-018-08220-8

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Коньков Андрей Сергеевич – кандидат биологических наук, старший научный сотрудник Центра палеоэтнологических исследований;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andrey S. Konkov – Cand. Sci. (Biology), Senior Researcher, Paleoethnology Research Center;
e-mail: andrey.s.konkov@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Коньков А. С. Популяционно-генетическая история происхождения этрусков // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 57–70.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-57-70

FOR CITATION

Konkov A. S. Population-genetic history of the Etruscans origin. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 57–70.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-57-70

УДК

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-71-84

ДОЛЬМЕН «БЖИД» В ТУАПСИНСКОМ РАЙОНЕ КРАСНОДАРСКОГО КРАЯ

Дубовенко С. В., Пьянков А. В.*Краснодарский государственный институт культуры**350072, г. Краснодар, ул. имени 40-летия Победы, д. 33, Российская Федерация***Аннотация**

Цель. Описать историю открытия и введения в научный оборот нового памятника дольменной культуры.

Процедура и методы. Проведены анализ полученных данных с места раскопок и аналогия с ранее изученными дольменами и его классификация. Также использовались практические методы исследования: наблюдение, сравнение, измерение и описание.

Результаты. Изучен и описан уникальный дольмен.

Теоретическая и/или практическая значимость. Описание мегалитического сооружения и находок позволит продолжить его теоретическое изучение и разработать проект музеефикации дольмена «Бжид».

Ключевые слова: дольмен, дольменная культура, керамика, раскопки, Туапсинский район

DOLMEN «BZHID» IN THE TUAPSE REGION OF KRASNODAR KRAI

S. Dubovenko, A. Pyankov*Krasnodar State Institute of Culture**ul. imeni 40-letiya Pobedy 33, Krasnodar 350072, Russian Federation***Abstract**

Aim. To describe the history of discovery and introduction to scientific discourse a new monument of the Dolmen culture.

Methodology. The article analyzes the data obtained from the excavation site and draws an analogy with the previously studied dolmens and their classification. Practical research methods such as observation, comparison, measurement, and description were also used in the study.

Results. A unique dolmen has been studied and described.

Research implications. The description of the megalithic structure and finds will allow it to continue its theoretical study and develop a project of museumification of the “Brzid” dolmen.

Keywords: dolmen, dolmen culture, ceramics, excavations, Tuapse region

Введение

В 1982 г. в Туапсинском районе прошёл мощный смерч; он выбросил на г. Плоский Бжид огромные массы морской воды, которые обнажили в тальвегах остатки погребальных сооружений. Место было осмотрено сотрудником Туапсинского музея М. К. Тешевым. Исследователь открыл интересный археологический комплекс – могильник «Бжид 1», состоявший из грунтовых погребений и разрушенных курганных насыпей. Им же были подготовлены документы для постановки могильника на госохрану.

В 1990 г. к раскопкам могильника «Бжид 1» (гос. № 5007) приступила Южно-Кубанская археологическая экспедиция Краснодарского государственного историко-археологического музея-заповедника под руководством А. В. Пьянкова (рис. 1) [3, с. 48–54]. Во время расчистки погребения 41, открытого на глубине 1,3 м от поверхности земли, каменный ящик, ориентированный по линии СВ–ЮЗ с костяком и инвентарём, был врезан в край крупной каменной плиты (рис. 2). После разборки погребения выяснилось, что ка-

мень является покровной плитой dolmen и ящик разрушил не только часть покровной плиты, но и часть боковой стенки (рис. 3). Фрагменты каменных плит, образовавшиеся в результате разрушения, частично использовались для сооружения каменного ящика погребения № 41.

Силами экспедиции dolmen был раскопан и получил название «Бжид». Поскольку dolmeny с сохранившимися захоронениями встречаются нечасто, авторы решили опубликовать dolmenный комплекс в отдельной работе.

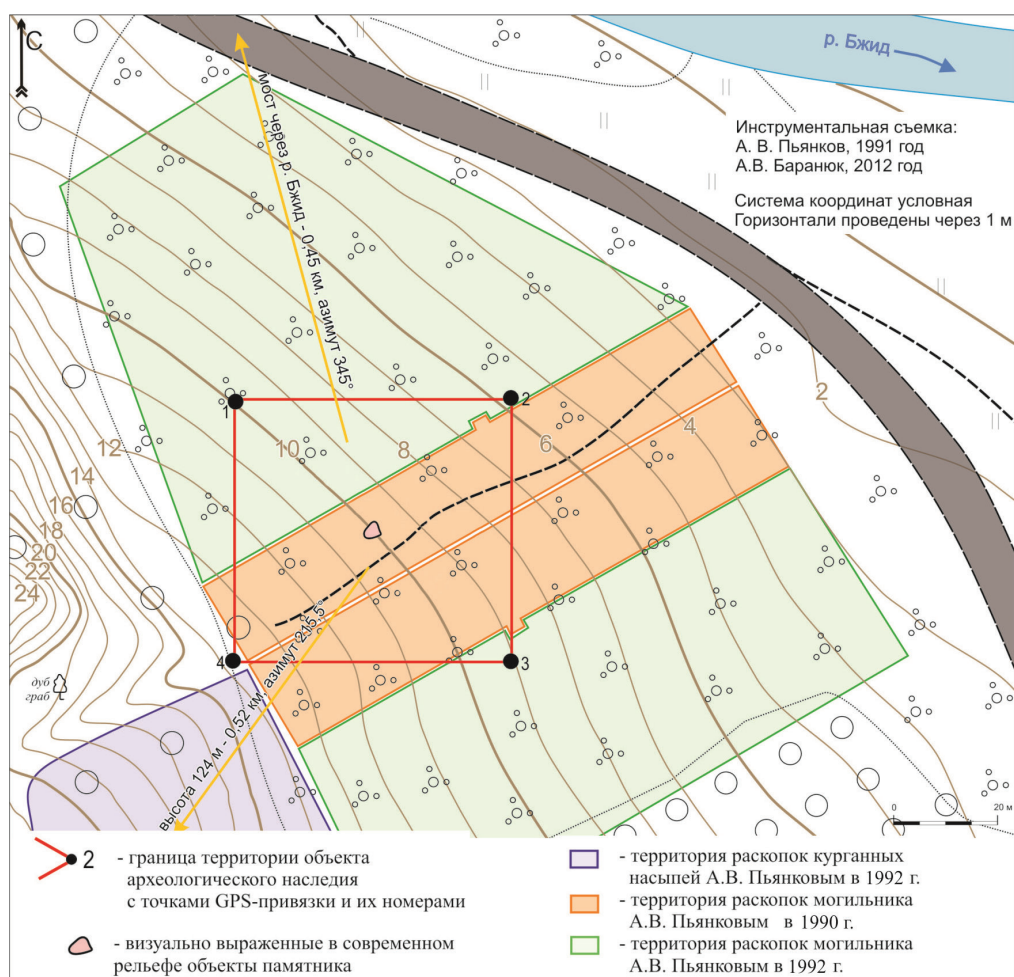

Рис. 1 / Fig. 1. Дольмен «Бжид» на топоплане / The Dolmen «Brzyd» on the topographic map

Источник: схема составлена А. В. Пьянковым, А. В. Баранюк

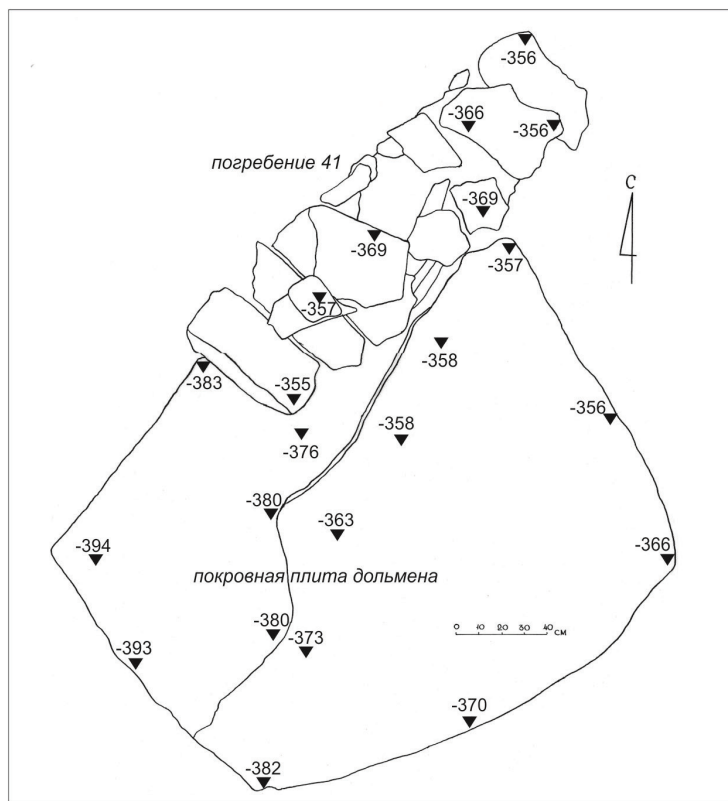

Рис. 2 / Fig. 2. Дольмен «Бжид» и погребение 41 / The Dolmen «Brzyd» and burial 41

Источник: рисунок Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

Рис. 3 / Fig. 3. Дольмен «Бжид» в процессе раскопок, 1990 г. / The Dolmen «Brzyd» in the process of excavation, 1990

Источник: фото А. В. Пьянкова

Описание раскопок дольмена

Дольмен «Бжид» расположен в нижней части северо-восточного склона г. Плоский Бжид в 100 м к западу от дороги, ведущей в Голубую бухту, на правом берегу р. Бжид в 700–500 м от впадения её в Чёрное море (рис. 1).

Памятник расположен на пологом задернованном склоне, заросшем кустарником и молодым лесом. Следует отметить особенность ориентировки дольмена: дольмен расположен фасадом вниз по склону, поперёк долины р. Бжид, и отверстием в порталной плите направлен на впадину между хребтами напротив, где в летний период восходит солнце. Материал – песчаник. Дольмен состоит из покровной плиты, 4 вертикальных стен и пяточной плиты, расколотой на несколько частей. Толщина плит – от 21 до 30 см. Покровная плита: длина – 2,5 м, ширина – 2,1 м. Высота от пола – 1,4 м. Портальная плита: высота – 1,2 м, ширина внизу – 1,35 м, сверху – 1,05 м. В порталной плите имеется отверстие овальной формы: высота – 27 см, ширина – 33 см. Отверстие выбито на расстоянии 70 см от верха плиты. Пробки, которой он когда-то закрывался, найти не удалось.

В плане камера дольмена имеет форму удлинённой трапеции. Её размеры: длина – 1,77 м, ширина у фасада – 1,35 м, сзади – 1,17 м. Задняя плита: высота – 0,9 м, ширина – 1,35 м. Покровная и боковые плиты слегка выступают снаружи порталной плиты. Северная боковая плита разбита в верхней части, вследствие чего образован лаз в дольмен.

Фасадом дольмен ориентирован на северо-восток (азимут – 60°). Снаружи боковых плит имеются камни-контрфорсы (рис. 3–5). На дольмене не обнаружено орнаментального декора. Дольмен был заполнен землёй почти на 65 см, расчистка производилась в 4 этапа, снимался слой толщиной примерно по 16 см. При снятии первого слоя были обнаружены лишь фрагменты каменных плит

(рис. 6.1). На втором уровне зачистки были обнаружены лепные сосуды и человеческие кости (рис. 6.2). На третьем уровне по двум противоположным углам зачищены 2 сосуда и найдены ещё кости (рис. 6.3). На четвёртом уровне, он же дно дольмена, обнаружена гагатовая бузина и ещё фрагменты сосудов (рис. 6.4). В связи с тем, что лаз дольмена не был закрыт пробкой, а вода протекала через повреждённую крышу и северную боковую плиту, то часть содержимого дольмена была вымыта через лаз и находилась перед порталом. Во время расчистки обнаружили кости человека и фрагменты лепных сосудов (рис. 7). Рядом с южной боковой плитой был найден хорошо обработанный каменный шар, предположительно являющийся инструментом строителей дольмена (рис. 4, 10.2).

После камеральной обработки находок стало ясно, что в дольмене находилось 10 лепных, различных по форме сосудов, они имеют разную степень сохранности, а некоторые представлены только несколькими фрагментами. Человеческие кости были внимательно изучены – выявлены останки 10 человек.

Описание находок

1. *Сосуд 1* (рис. 8.1). Сосудик серо-коричневый, покрытый красным ангобом, имеет короткое горло, венчик отогнут наружу и закруглён. Сохранилась часть горла и плечика, цвет на изломе серо-коричневый. Отощитель – дресва. Диаметр венчика – 13,8 см. Всего 12 фрагментов. Обнаружен у входа в дольмен снаружи.

2. *Сосуд 2* (рис. 8.2). Фрагменты лепного сосуда серо-коричневого цвета на ложно-кольцевом поддоне диаметром 8 см. Форма не восстанавливается. Цвет на изломе коричнево-серо-коричневый. Отощитель – дресва. Найден в дольмене.

3. *Сосуд 3* (рис. 8.3). Сосуд лепной, серо-коричневый, во фрагментах. Имеет короткое горло, следы налепов, венчик отогнут наружу и уплощён. Дно уплощено. На изломе цвет однослойный. Отощи-

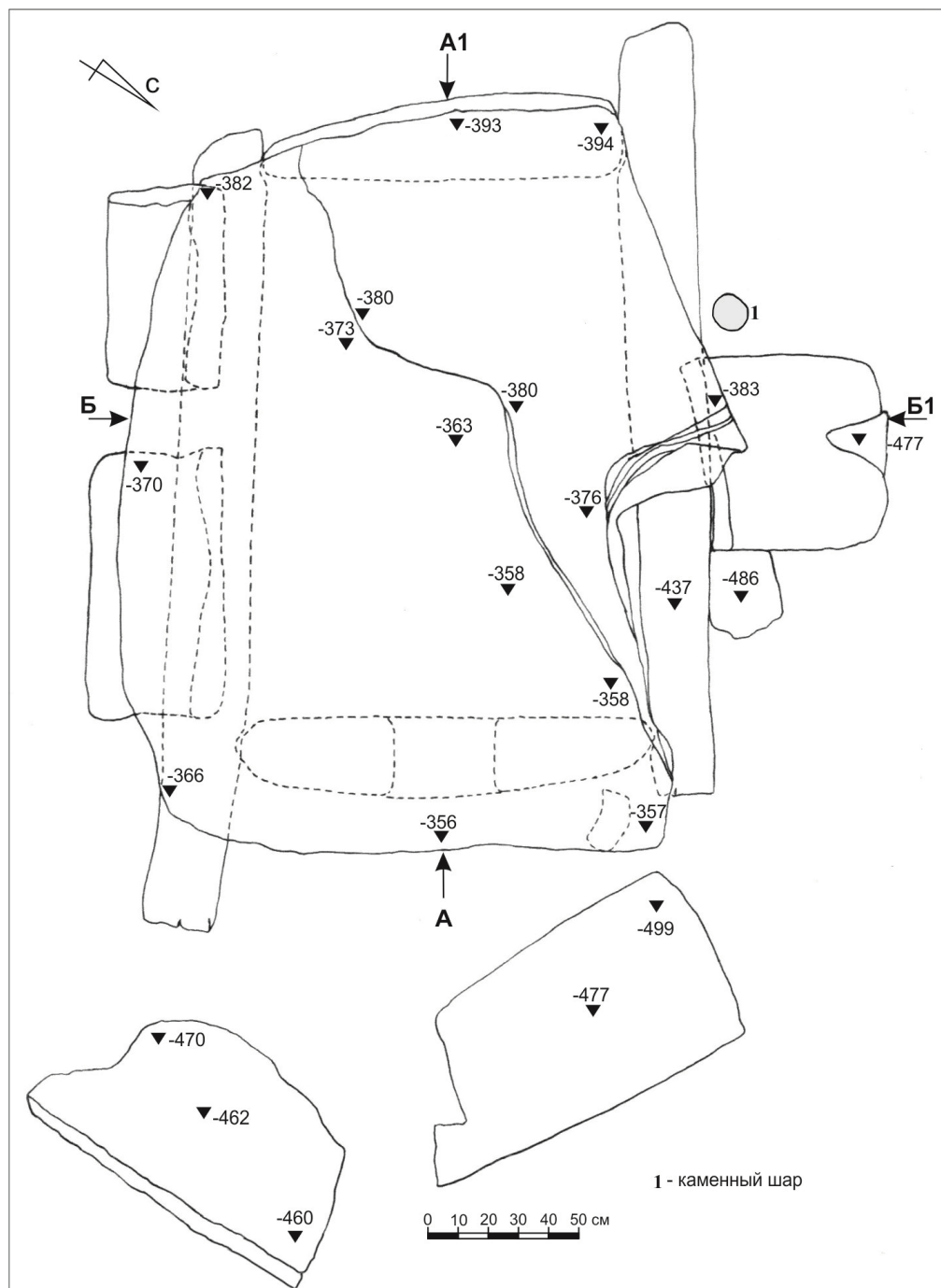

Рис. 4 / Fig. 4. Дольмен «Бжид». План / The Dolmen «Brzyd». The plan

Источник: рисунок Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

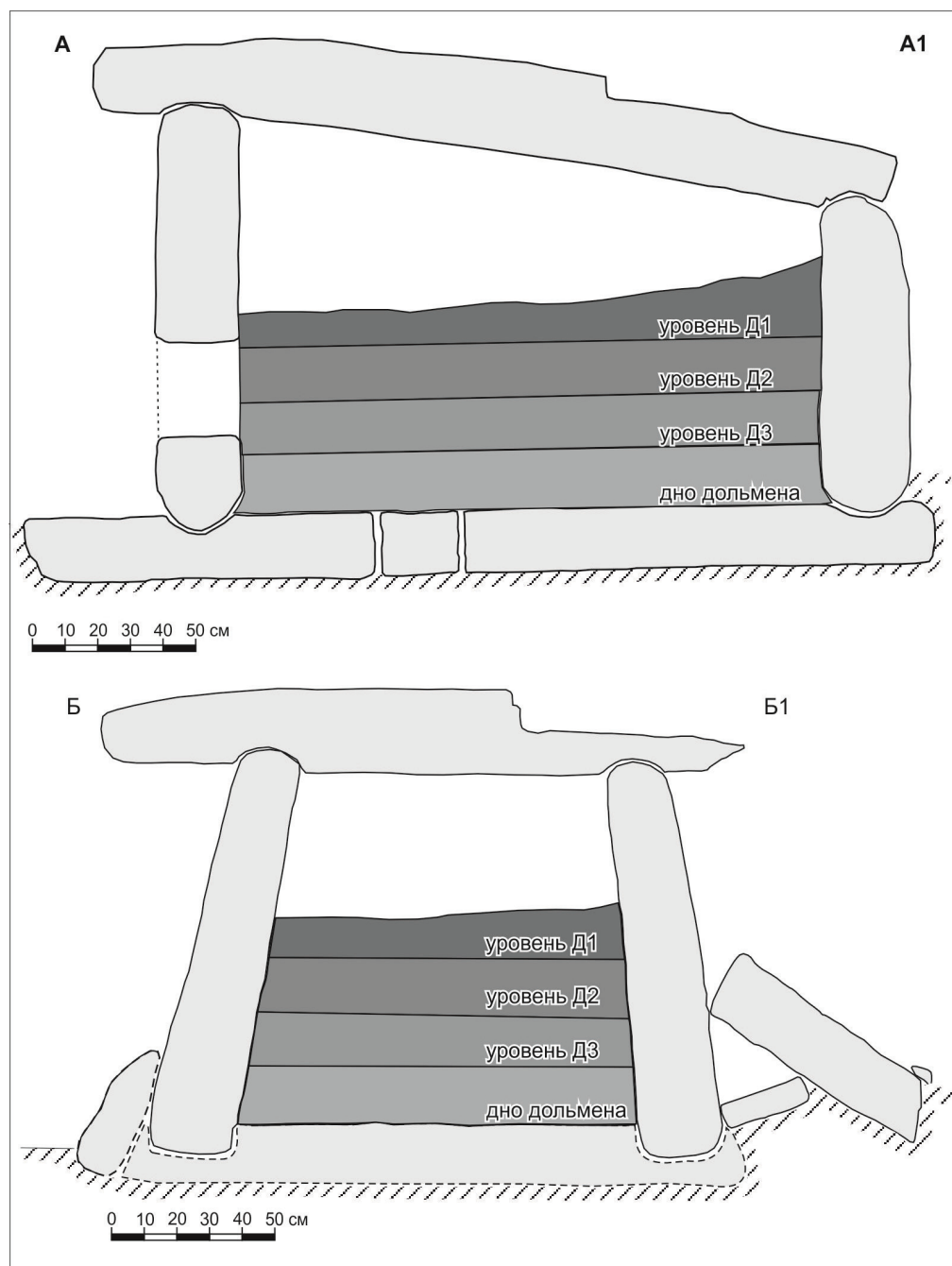
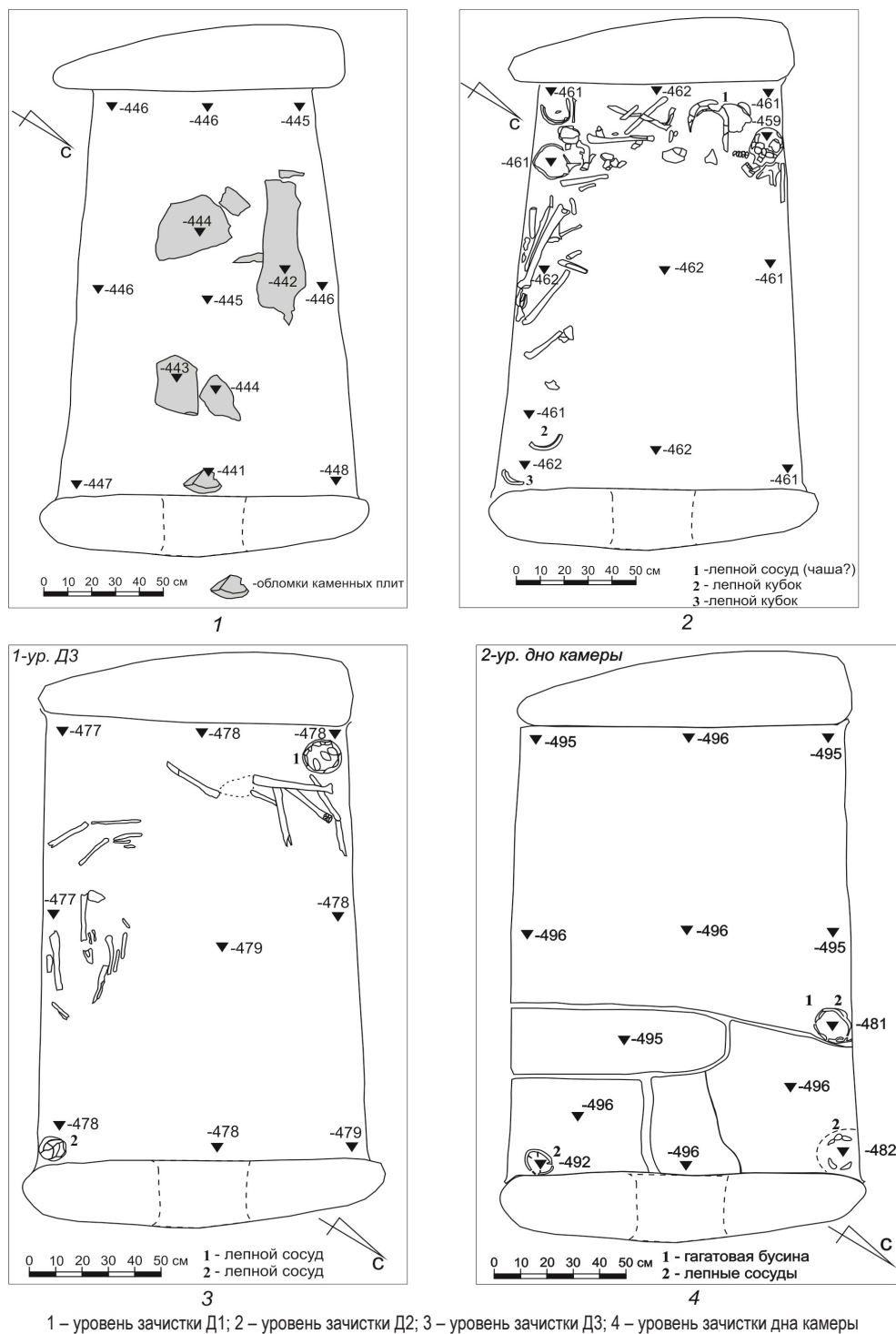

Рис. 5 / Fig. 5. Дольмен «Бжид». Разрезы / The Dolmen «Brzyd». The sections

Источник: рисунок Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

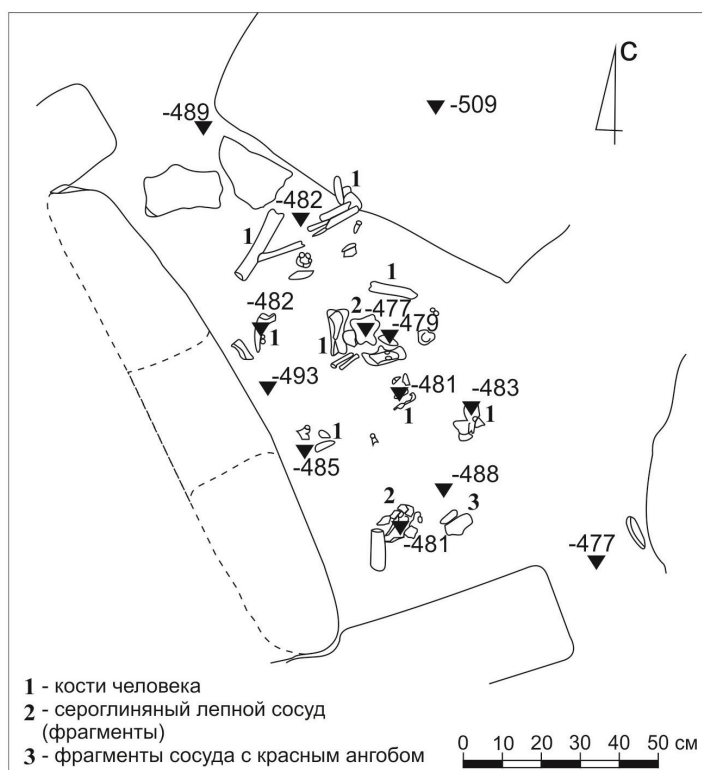
1 – уровень зачистки Д1; 2 – уровень зачистки Д2; 3 – уровень зачистки Д3; 4 – уровень зачистки дна камеры

Рис. 6 / Fig. 6. Дольмен «Бжид». План. Уровни зачистки Д1–Д3 / The Dolmen «Brzyd». Cleaning levels of the D1–D3 and bottom of the chamber

Источник: рисунки Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

1

2

1 – фото; 2 – план

Рис. 7 / Fig. 7. Дольмен «Бжид». Уровень зачистки перед порталной плитой / The Dolmen «Brzyd». Cleaning level in front of the portal plate

Источник: фото А. В. Пьянкова, рисунки Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

тель – дресва. Высота – 11 см, диаметр тулова – 15,3 см, диаметр венчика – 14,4 см. Найден в дольмене.

4. *Сосуд 4* (рис. 8.4). Сосуд тёмно-серый, лепной, во фрагментах. Имеет короткое горло, покрытое волнистой врезной линией. Венчик отогнут наружу. Тулово покрыто косыми насечками. Дно, вероятно, на ложно-кольцевом поддоне. Высота – 9,6 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр венчика – 14,8 см, диаметр дна – около 8 см. Найден в дольмене.

5. *Сосуд 5* (рис. 8.5). Сосуд сероглиняный, лепной, лощёный, с коротким бортиком. Венчик закруглён и слегка загнут вовнутрь, дно плоское. На изломе цвет однослойный. Отощитель – дресва. По бортику имеются врезные линии. Высота – 9,6 см, диаметр тулова – 14 см, диаметр венчика – 12,2 см, диаметр дна – 6,8 см. Найден в дольмене.

6. *Сосуд 6* (рис. 9.1). Сосуд лепной, серо-коричневый, с широким туловом на ложно-кольцевом поддоне. Покрыт ногтевыми вдавлениями. Цвет на изломе серый–тёмно-серый–коричневый. Отощитель – дресва, шамот. Высота – 14 см, диаметр тулова – 18 см, диаметр венчика – 13 см, диаметр дна – 7,4 см. Найден в дольмене.

7. *Сосуд 7* (рис. 9.2). Сосуд лепной, серо-коричневый, во фрагментах. Имеет закруглённый короткий бортик, слабо изогнутый наружу. Тулово баночной формы. Цвет на изломе серо-коричневый. Отощитель – дресва. Дно уплощено. Высота – 11 см, диаметр тулова – 13,5 см, диаметр венчика – 11,5 см. Найден в дольмене.

8. *Сосуд 8* (рис. 9.3). Сосуд лепной, сероглиняный, баночной формы. Бортик короткий, венчик отогнут наружу. Цвет на изломе однослойный. Отощитель – дресва. Диаметр тулова – 12,4 см, диаметр венчика – 11 см. Найден в дольмене.

9. *Сосуд 9* (рис. 9.4). Сосуд лепной, серой глины, с коротким бортиком. Поддон высокий, тулово округлое, с валиком по тулову. Отощитель – дресва. Диаметр

поддона – 6 см, диаметр тулова – 12,6 см, диаметр венчика – 11,6 см, высота – 11,5 см. Найден в дольмене.

10. *Сосуд 10* (рис. 10.1). Сосуд коричневого цвета, с высоким горлом, отогнутым венчиком и конической придонной частью. Бортик закруглён. Во фрагментах. Цвет на изломе коричнево-серо-коричневый. Отощитель – дресва, шамот. Диаметр тулова – около 16,5 см, диаметр венчика – около 13,5 см. Найден в дольмене.

11. *Фрагмент гагатовой бусины* эллипсоидной формы, дважды симметрично усечённой поперёк (рис. 6.4, 10.3). Размеры: высота – 1 см, диаметр – 1,3 см, диаметр отверстия – 0,3 см. Найдена в дольмене.

12. *Каменный шар* (отбойник) из мелкозернистого песчаника (рис. 4, 10.2). Диаметр – 10,7х11 см. Найден рядом с дольменом.

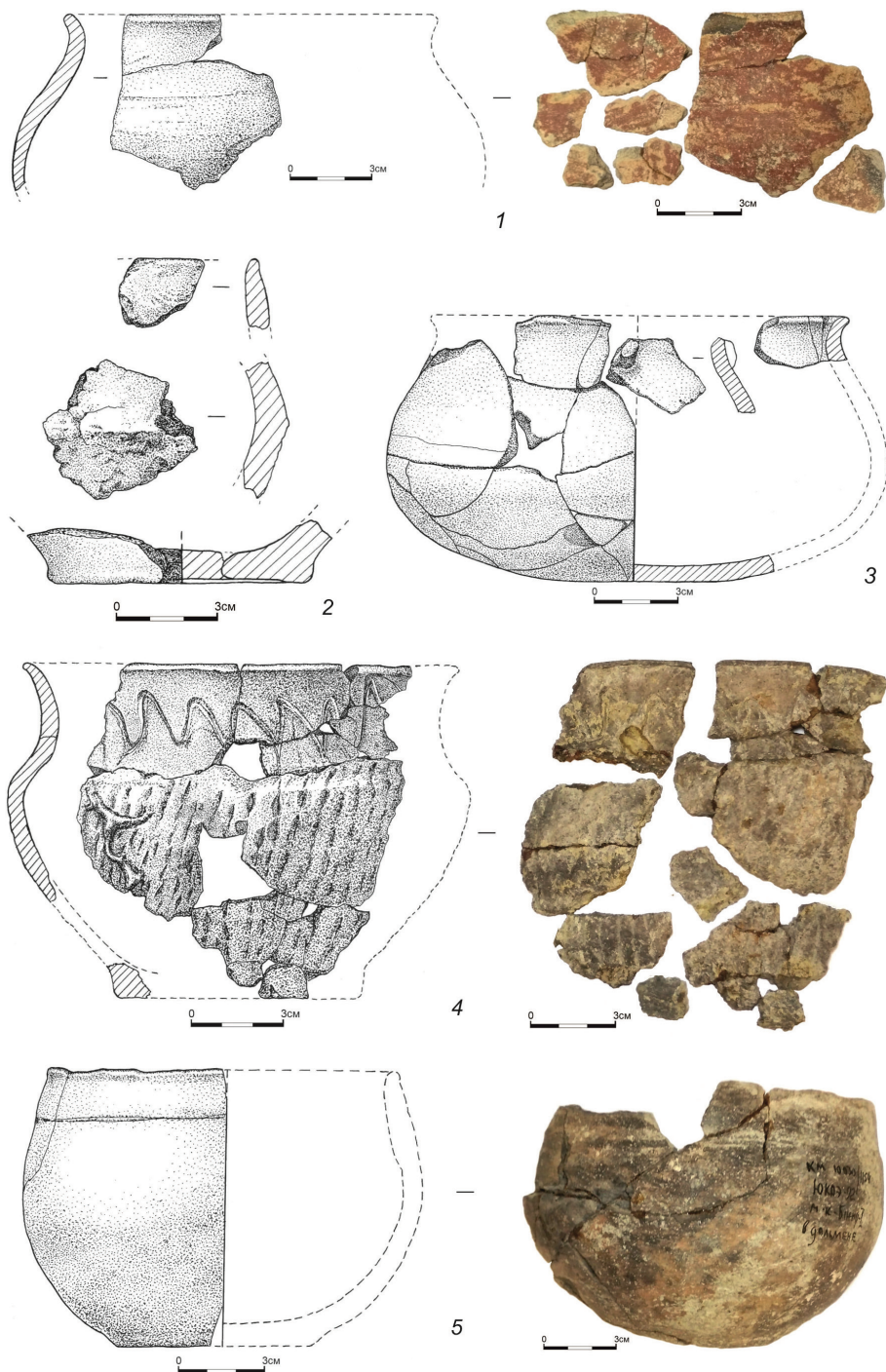
13. *Слиток бронзы* неопределённой формы (рис. 10.4). Найден в р. Бжид напротив могильника.

Все находки хранятся в Краснодарском государственном историко-археологическом музее-заповеднике имени Е. Д. Фелицына.

Предварительный анализ

Дольмен «Бжид», согласно типологии В. И. Марковина, относится к самому распространённому типу – плиточным дольменам, а именно ко второй разновидности четвертого варианта, к средней хронологической группе [1, с. 105–106]. В. А. Трифонов предлагает за этим «самым массовым по исполнению на Западном Кавказе инженерно-архитектурным проектом» закрепить название «Пшада» [4, с. 34], т. е. по названию района, где впервые были выявлены подобные памятники.

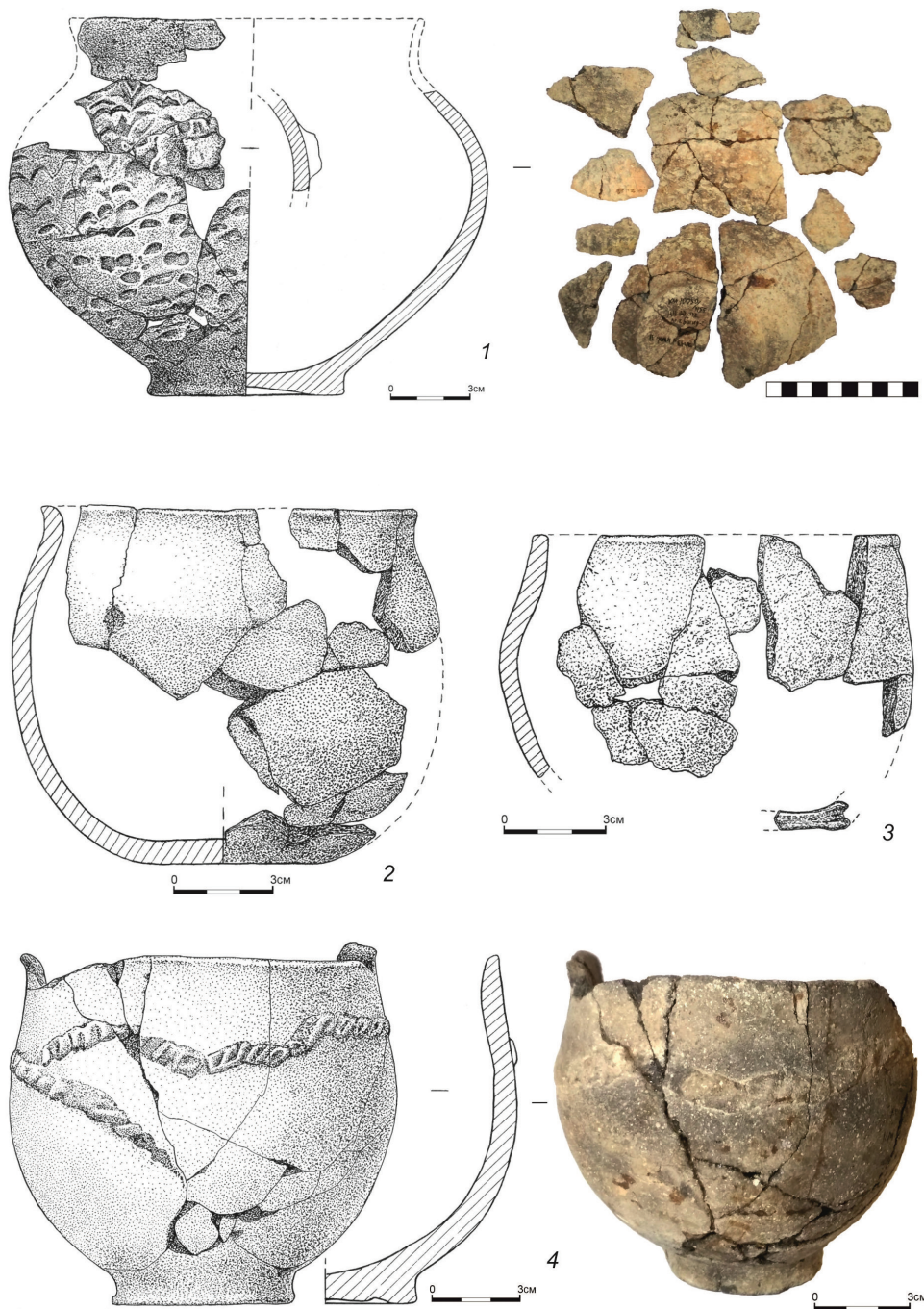
В соответствии с трёхчленной схемой эволюции дольменных памятников В. И. Марковина постройку дольмена «Бжид» можно отнести к эпохе расцвета дольменной культуры, который при-

1 – сосуд 1; 2 – сосуд 2; 3 – сосуд 3; 4 – сосуд 4; 5 – сосуд 5

Рис. 8 / Fig. 8. Дольмен «Бжид». Находки. Сосуды 1–5 / The Dolmen «Brzyd». The Finds. Vessels 1–5

Источник: рисунки Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

1 – сосуд 6; 2 – сосуд 7; 3 – сосуд 8; 4 – сосуд 9

Рис. 9 / Fig. 9. Дольмен «Бжид». Находки. Керамика / The Dolmen «Brzyd». The Finds. Ceramics

Источник: рисунки Е. Г. Пьянковой, отрисовка С. В. Дубовенко

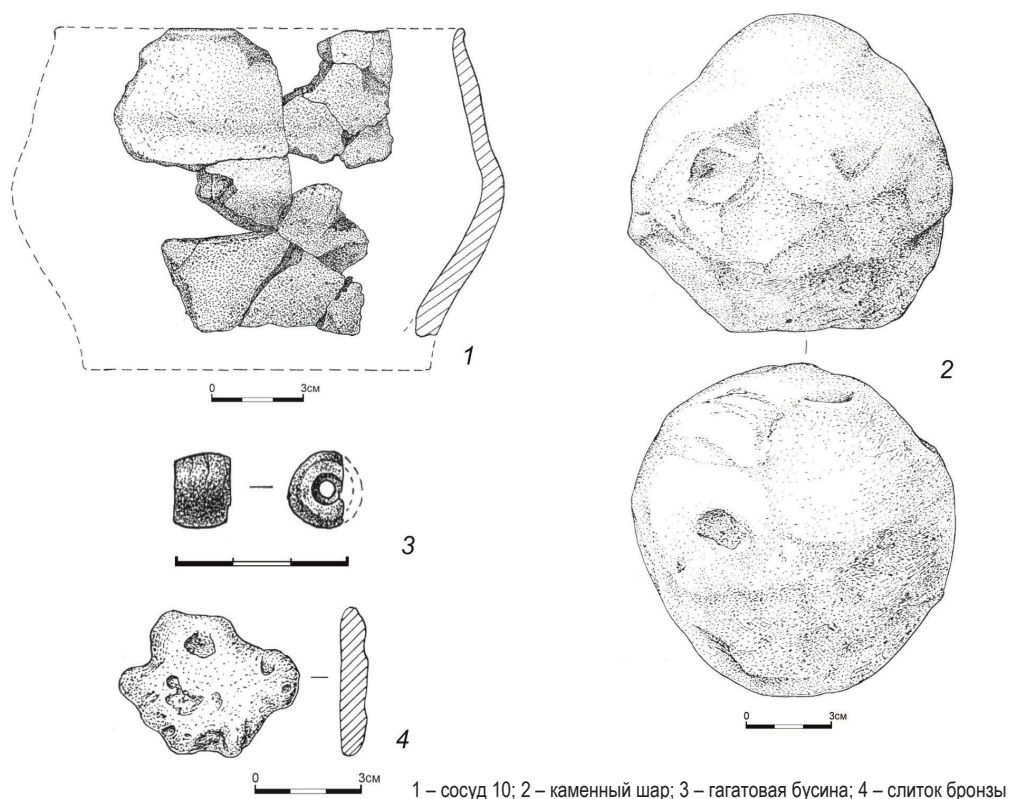

Рис. 10 / Fig. 10. Дольмен «Бжид». Находки / The Dolmen «Brzyd». The Finds

Источник: рисунки Е. Г. Пьянковой

ходится на конец III – первую половину II тыс. до н. э. [2, с. 398]. Что же касается керамического инвентаря, найденного в дольмене, то можно отметить, что формы и орнаментация некоторых сосудов дольмена «Бжид» имеют параллели в керамике периода Шушук-II (XVIII–XVI вв. до н. э.) исследованных памятников, расположенных в Майкопском районе Адыгеи: археологического комплекса «Шушук» (раскопки В. Р. Эрлиха, 2015–2019 гг.) и дольменного могильника «Шушук» (исследования А. Д. Резепкина, 2009–2011 гг.) [5, с. 36–53]. Вопрос его культурно-хронологической принадлежности требует дальнейшего детального изучения.

Заключение

В целом можно отметить, что дольмен «Бжид» – это типовое сооружение эпохи расцвета дольменной культуры. Район Черноморского побережья, включающий в себя юго-восточную часть г.-к. Геленджика и северо-западную часть Туапсинского района, являет собой полное господство плиточных дольменов (другие типы здесь редки и единичны). Более детально разобраться с местом дольмена «Бжид» среди других мегалитов Западного Кавказа помогут дальнейшие раскопки памятника. Ведь при всём относительном богатстве находок из камеры дольмена данный комплекс полностью не исследован.

Рис. 11 / Fig. 11. Дольмен «Бжид». Современное состояние / The Dolmen «Brzyd». The current state

Источник: фото Хемуль-2016

В рамках готовящегося проекта музеефикации этого памятника (рис. 11) планируется провести полное исследование всей территории объекта культурного наследия, в ходе которого возможно выявление но-

вых деталей дольменного комплекса: жертвенника, дворики, кромлеха и других конструктивно-функциональных элементов.

Дата поступления в редакцию 05.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Марковин В. И. Дольмены Западного Кавказа. М.: Наука, 1978. 328 с.
2. Марковин В. И. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М., 1997. 404 с.
3. Пьянков А. В. Раскопки могильника Бжид 1 на черноморском побережье Краснодарского края: предварительные итоги // Древности Кубани. Вып. 8. / сост. А. В. Пьянков, Ю. В. Зеленский, А. П. Винидиктов, Б. Е. Фролов. Краснодар, 1998. С. 48–54.
4. Трифонов В. А. Что мы знаем о дольменах Западного Кавказа и чему учит история их изучения? // Трифонов В. А. Дольмены, современники древних цивилизаций. Краснодар, 2001. С. 20–55.
5. Эрлих В. Р., Гак Е. И. Древнейшие оловянные бронзы на Северо-Западном Кавказе. Новые данные // Восток (Oriens). 2020. № 5. С. 36–53.

REFERENCES

1. Markovin V. I. *Dolmeny Zapadnogo Kavkaza* [Dolmen of the West Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1978. 328 p.
2. Markovin V. I. *Dolmennyye pamyatniki Prikubanya i Prichernomorya* [Dolmen monuments of Prikuban and Black Sea region]. Moscow, 1997. 404 p.

3. Pyankov A. V. [Excavations of the Bjid 1 burial ground on the Black Sea coast of the Krasnodar Territory: preliminary results]. In: Pyankov A. V., Zelensky Yu. V., Vinidiktov A. P., Frolov B. E., eds. *Drevnosti Kubani*. Vyp. 8. [Antiquities of the Kuban. Iss. 8]. Krasnodar, 1998. P. 48–54.
4. Trifonov V. A. [What do we know about the dolmen of the Western Caucasus and what does the history of their study teach?]. In: Trifonov V. A. *Dolmeny, sovremenniki drevnikh tsivilizatsiy* [Dolmen, contemporaries of ancient civilizations]. Krasnodar, 2001. P. 20–55.
5. Erlich V. R., Gak E. I. [The most ancient tin bronzes in the North-Western Caucasus. New data]. In: *Vostok (Oriens)* [East (Oriens)], 2020, no. 5, pp. 36–53.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дубовенко Светлана Владимировна – научный сотрудник Краснодарского государственного института культуры, директор ООО «АрхГеоЮг»;
e-mail: svetija@mail.ru

Пьянков Алексей Васильевич – старший преподаватель кафедры истории, культурологии и музееведения факультета ДИИГО Краснодарского государственного института культуры, научный сотрудник ООО «Западно-Кавказской Археологической Экспедиции»;
e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Svetlana V. Dubovenko – Researcher, Krasnodar State Institute of Culture, director, PLC «Archgeoyug»,
e-mail: svetija@mail.ru

Alexey V. Pyankov – Senior lecturer, Department of History, Cultural Studies and Museology, Faculty of Design, Fine Arts and Humanities Education, Krasnodar State Institute of Culture, Researcher of the PLC “West Caucasian Archaeological Expedition”;
e-mail: a.v.pyankov@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дубовенко С. В., Пьянков А. В. Дольмен «Бжид» в Туапсинском районе Краснодарского края // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 71–84.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-71-84

FOR CITATION

Dubovenko S. V., Pyankov A. V. Dolmen “Bzhid” in the Tuapse Region of Krasnodar Krai. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 71–84.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-71-84

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-85-102

К ПРОБЛЕМЕ ГЕНЕЗИСА КИЗИЛ-КОБИНСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Лучинский Н. Д.*Институт археологии РАН**117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Разработать концепцию генезиса кизил-кобинской культуры. Концепция основана на современных хронологических данных и накопленных материалах кизил-кобинских памятников.

Процедура и методы. Проведён анализ материалов ранней кизил-кобинской культуры. На основе полученных хронологических данных были выявлены наиболее ранние памятники кизил-кобинской культуры. Уточнена хронология и периодизация этих памятников. Проведён сравнительный анализ ранней кизил-кобинской культуры с культурами Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы – начала раннего железного века (XI–VII вв. до н. э.).

Результаты. Предложена гипотеза, согласно которой кизил-кобинская культура сложилась на основе поздней белозерской культуры Предгорного Крыма в XI–X вв. до н. э. под влиянием гальштатских культур Северо-Западного Причерноморья.

Теоретическая и/или практическая значимость. В работе используются новые хронологические данные, архивные материалы, которые не публиковались ранее или были опубликованы частично. Это способствует решению проблемы генезиса кизил-кобинской культуры.

Ключевые слова: Предгорный Крым, Северо-Западное Причерноморье, бронзовый и железный век, кизил-кобинская культура, гальштат, белозерская культура

ABOUT THE ORIGIN OF KIZIL-KOBA CULTURE

N. Luchinsky*Institute of Archeology of the Russian Academy Sciences**ul. Dmitriya Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation*

Abstract

Aim. To develop the concept of the genesis of the Kizil-Koba culture. This concept is based on modern chronological data and the collected materials of the Kizil-Koba culture monuments.

Methodology. The analysis of materials of early Kizil-Koba culture is carried out. Based on the obtained chronological data, the earliest monuments of the Kizil-Koba culture are identified. The chronology and periodization of these monuments is clarified. A comparative analysis of the early Kizil-Koba culture with the cultures of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age – Early Iron Age (9th–7th centuries BC) is carried out.

Results. The article proposes a hypothesis according to which the Kizil-Koba culture was formed on the basis of the Late Belozerskaya culture of the Foothill Crimea in the 11th–9th centuries BC, under the influence of the Hallstatt cultures of the Northwestern Black Sea region.

Research implications. The work uses new chronological data, archival materials that have not been published before, or have been partially published. This contributes to solving the problem of the genesis of the Kizil-Koba culture.

Keywords: Foothill Crimea, North-Western Black Sea region, Bronze and Iron Age, Kizil-Koba culture, Hallstatt, Belozerskaya culture

Введение

История изучения кизил-кобинской культуры Горного Крыма насчитывает более 200 лет, однако за это продолжительное время так и не был решен вопрос о её происхождении. Это было связано с нехваткой материала, так как кизил-кобинские памятники исследовались малыми площадями, многие из них известны только по разведкам. Тем не менее к настоящему времени в архивах и фондах музеев накопилось достаточное количество материалов, которые необходимо привлечь и опубликовать для решения поставленной проблемы. К тому же, в 2014–2018 гг. в Крыму при строительстве трассы «Таврида» археологическими экспедициями были проведены значительные работы. Раскопки памятников эпохи бронзы – раннего железного века дали значительное количество материалов. Эти материалы позволяют по-новому взглянуть на проблему происхождения кизил-кобинской культуры, делая её актуальной именно на современном этапе исследований.

К настоящему времени оформились несколько гипотез генезиса кизил-кобинской культуры. Согласно А. М. Лескову [23], основу кизил-кобинской культуры составили племена поздней кобанской культуры Северного Кавказа, которые частично мигрировали в Горный Крым к началу I тыс. до н. э. [23, с. 158–159]. В 1990-е гг. В. А. Колотухин выдвинул гипотезу, согласно которой основу кизил-кобинской культуры составили племена поздней белозерской культуры Горного Крыма [15, с. 64–71]. Э. А. Кравченко [20] считает, что субстратную основу кизил-кобинской культуры составили белозерские племена Крыма, а также часть населения гальштата и позднее – Северного Кавказа [20, с. 110–112]. Цель данного исследования – предложить концепцию генезиса кизил-кобинской культуры, основанную на анализе накопленных материалов, а также современных данных по

хронологии Северного Причерноморья поздней бронзы – начала раннего железа. Для достижения поставленной цели необходимо решить задачи выявления наиболее ранних кизил-кобинских памятников, дать их периодизацию.

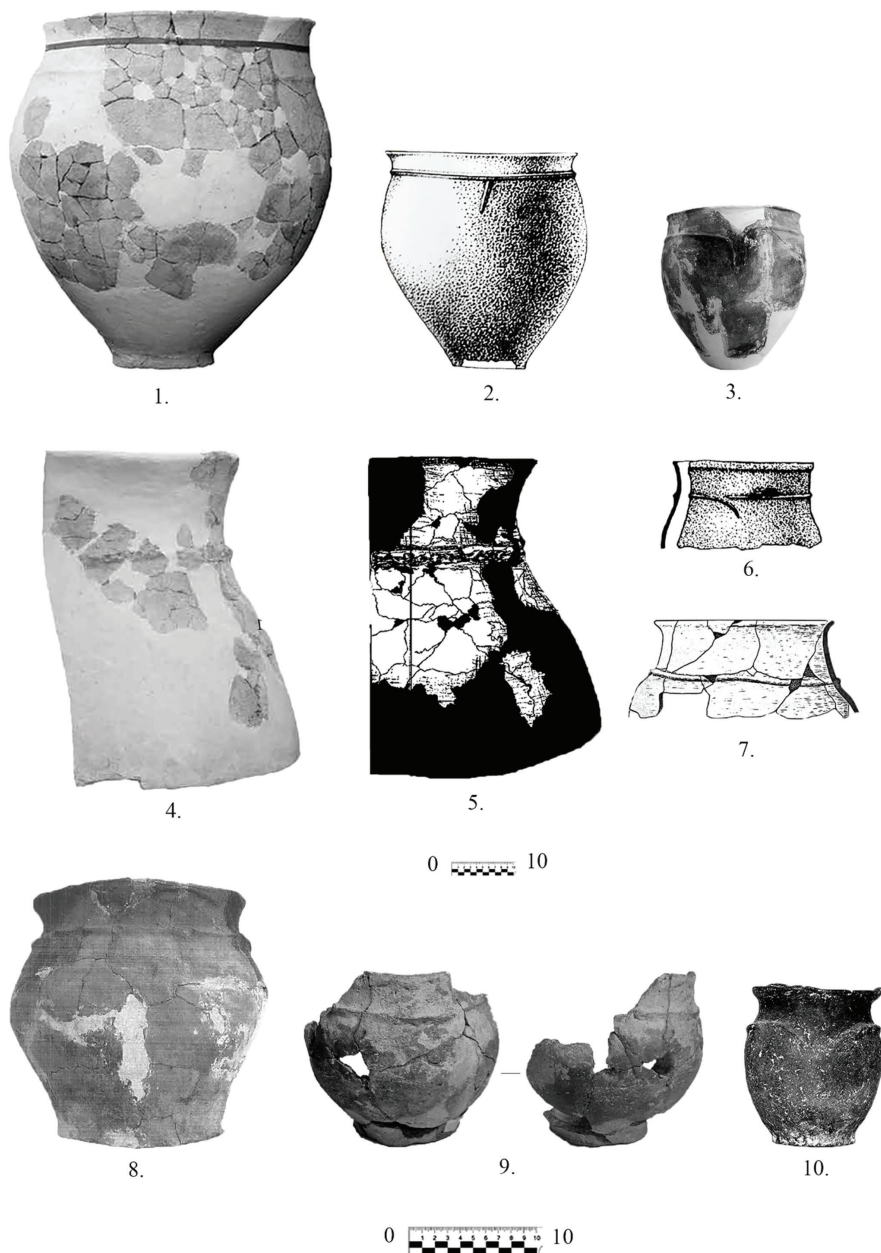
Хронология и периодизация ранней кизил-кобинской культуры

Относительная хронология кизил-кобинской культуры строится в первую очередь на сравнительном анализе её комплекса посуды [16; 27]. Для нелощёной посуды ранней кизил-кобинской культуры характерны пифосоподобные горшки крупных размеров (рис. 1.1–7). Их общая высота составляет от 30–40 см до 1 м [20, рис. 137.6, 159; 23, с. 93, рис. 2.22]. Они имеют короткий, слегка отогнутый или почти прямой венчик, наибольшее расширение в средней части тулова, которое резко сужается к узкому плоскому донцу. Часто орнаментированы наlepным валиком под венчиком гладким или с округлыми вдавлениями. Близки к ним по форме горшки более вытянутых пропорций [20, рис. 159]. Схожие формы встречаются на памятниках белогрудовской и чернолесской культур (рис. 2.1–2), поселении Великая Андрусовка, могильнике Малополовецкое (белогрудовский горизонт), Субботовском городище [7, рис. 128.6; 22, рис. 42.1; 24, рис. 5.2, 19.5–6, 8]¹.

В настоящее время белогрудовская и чернолесская культуры датируются XII–IX вв. до н. э. [11, с. 362, табл. XI; 24, с. 100]. Наиболее схожий сосуд Б. Н. Граков относил к I ступени чернолесской культуры [7, рис. 128.6], т. е. не позже X в. до н. э. по новым датировкам. Наиболее приемлемая дата для относительной датировки кизил-кобинских пифосоподобных горшков – XI–X вв. до н. э.

Другую разновидность представляют горшки средних размеров (общая высота около 20–30 см), с плавно отогнутым

¹ Автор выражает благодарность за консультацию по данному вопросу С. Д. Лысенко.

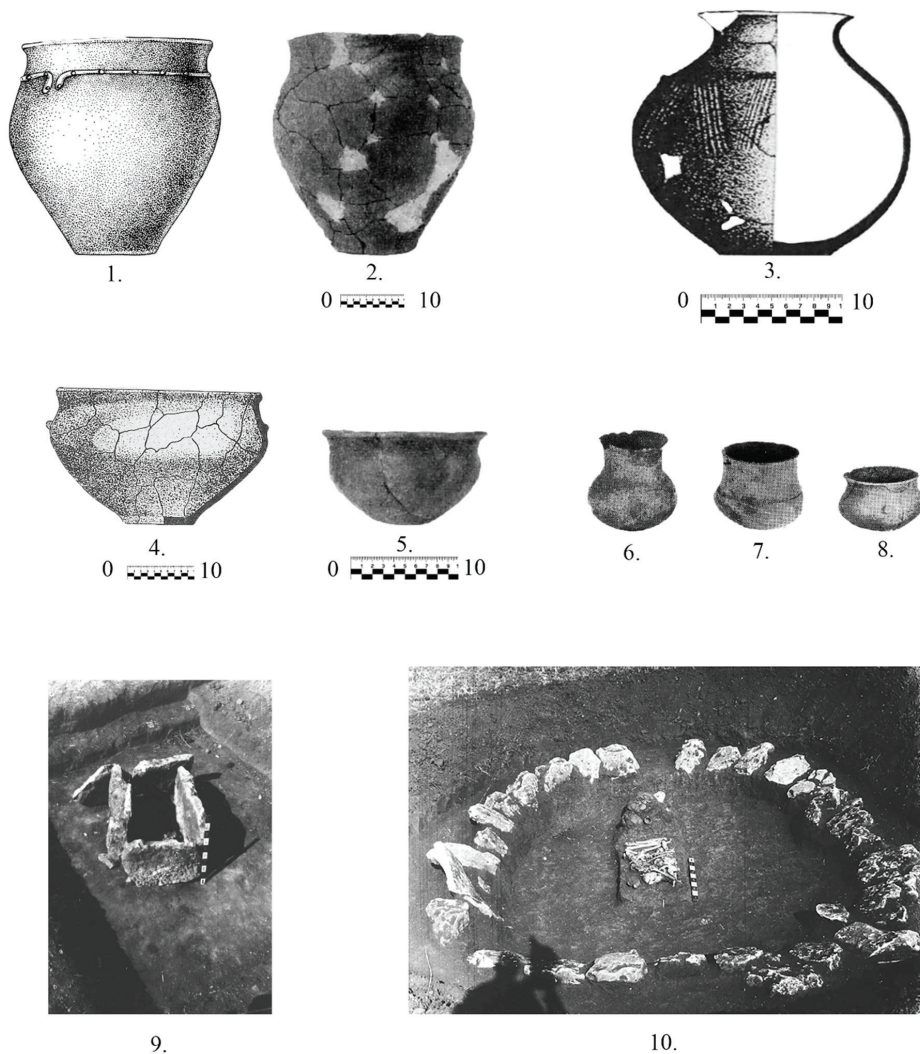

1, 4–6 – пос. Уч-Баш;
2 – пос. Фонтаны;

3, 8–9 – пос. Тууш 3 (Льговское);
7, 10 – пос. Кизил-Коба

Рис. 1 / Fig. 1. Нелощёные горшки ранней кизил-кобинской культуры / Unpolished pots of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1, 4–6 [15; 20]; 2 – Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 11; 8 [21]; 9 – фото автора, 2017 г.; 7, 10 – Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций. Рис. 222.4, рис. 232.2

1–2 – белгородская и чернолесская культуры, горшки;
3 – корчага предкифского времени;

4–8 – миски и кубки белозерской культуры;
9–10 – погребения культуры Козия-Сахарна

Рис. 2 / Fig. 2. Аналогии ранней кизил-кобинской культуре в культурах Северного Причерноморья позднего бронзового – начала раннего железного веков / Analogies of the early Kizil-Koba culture in the cultures of the Black Sea region of the late Bronze Age and the early Iron Age

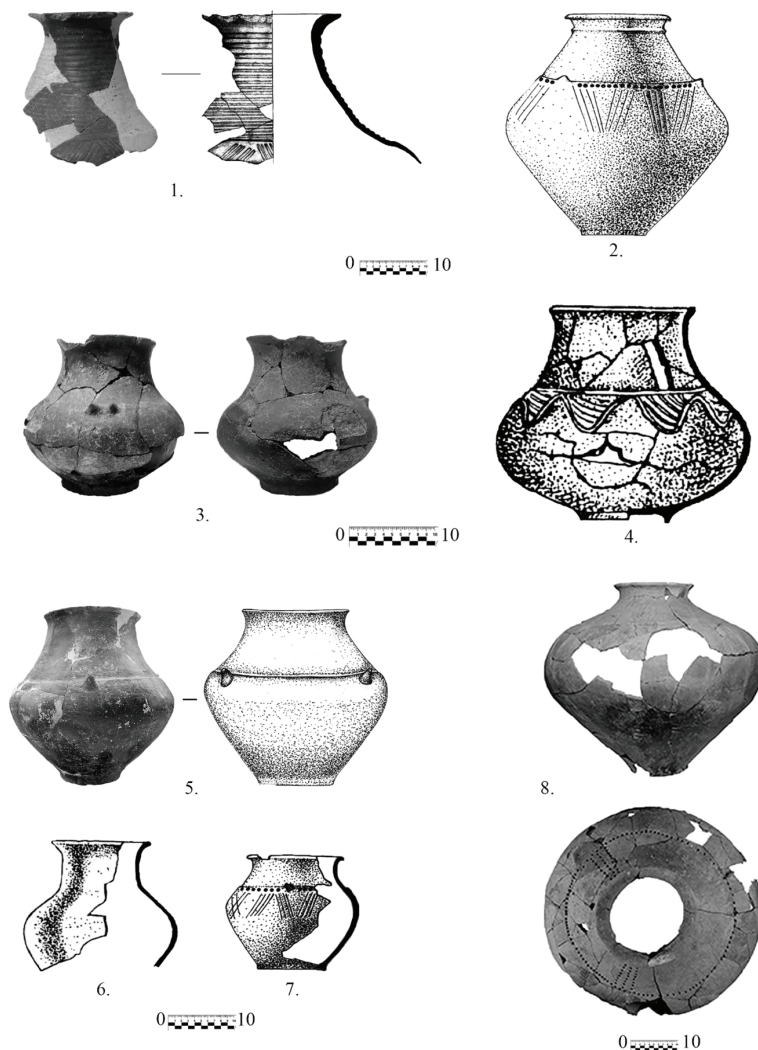
Источник: 1–2 [7; 8], 3 [5], 4–8 [3], 9–10 [11]

венчиком, шаровидным туловом и выделенным плоским донцем, часто украшенные наlepным валиком под венчиком, с опускающимися или заходящими друг за друга концами (рис. 1.8–10) [8; 15, рис. 24.7, 39.7; 20, рис. 158]. Многочисленные аналогии этой разнообразно-

сти кизил-кобинских нелощёных горшков имеются на памятниках белозерской культуры, группы Балта Буго-Днестровского междуречья [3, рис. 26.1, 29.2]. По этим аналогиям, кизил-кобинские горшки с шаровидным туловом датируются XI–X вв. до н. э.

Одни из наиболее ранних лощёных корчаг представлены довольно редкими и специфическими сосудами с поселений Дружное-2 [15, рис. 15.1–2] и Тууш 3 (рис. 3.3–4). Аналогии им подобрать

трудно. Они имеют коническое горло с плавно отогнутым венчиком, расширение в нижней части тулова и узкое плоское донце. Размеры этих корчаг средние (высота около 18 см). Часто они имеют

1 – пос. Уч-Баш;
2, 7 – пос. Холодная балка;
3, 5 – пос. Тууш 3 (Льговское-2017);

4 – пос. Дружное 2;
6 – пос. Кизил-Коба;
8 – пос. Фронтное 2

Рис. 3 / Fig. 3. Лощёные корчаги ранней кизил-кобинской культуры / Polished earthenware pots of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1 [20]; 2, 7 – Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 52.3, 6; 3 – фото автора; 4, 6 [15]; 5, 8 [21]

налепной орнамент в виде валика на плече сосуда, конических налепов на тулове, прочерченный орнамент в виде скруглённых заштрихованных треугольников вершиной вниз. Судя по контексту находок, их следует датировать временем не позже X в. до н. э.

Также к наиболее ранним относятся биконические корчаги с конусовидным горлом, украшенные горизонтальными каннелюрами, резным геометрическим орнаментом (рис. 3.1) [20, с. 56–57, 57.1, 58.1, 168]. Судя по их нечастой встречаемости на кизил-кобинских памятниках, они представляют собой импорты. Аналогии им имеются в культуре Гава [20, с. 56–57], а также в предскифских памятниках: кургане у с. Львовское [21, с. 49–50, рис. 22.1–2], в кургане 1 погребении 2 (К. 1 П. 2) с. Калиновка Еланецкого района Николаевской области [5, с. 124, кат. № 174; 28, с. 47].

В Крыму, судя по контексту находок, подобные корчаги датируются X–VIII вв. до н. э. Несколько более поздними являются корчаги с дуговидной или цилиндрической шейкой и наибольшим расширением тулова в середине высоты сосуда, которое сужается к небольшому донцу (рис. 3.5–6). Часто они орнаментированы различными налечами¹ [5, с. 108–110, 112–116; 7, рис. 44.1–2; 15, рис. 25.4, 29.5; 20, рис. 170; 25, с. 127, рис. 11]. По всей видимости, в Крыму они появляются ещё в X–IX вв. до н. э., но основной период их распространения в кизил-кобинской культуре падает на VIII в. до н. э.

Вероятно, к IX–VIII вв. до н. э. относятся крупные биконические корчаги (высота около 30 см), имеющие сглаженное ребро на середине высоты сосуда (рис. 3.2). Часто они декорированы типичным кизил-кобинским резным орнаментом – поясом горизонтальных наколов по плечу сосуда с опускающимися от него косыми линиями или заштрихованными треугольниками² [15, рис. 38.8–9;

20, рис. 129]. Аналогии им имеются на могильнике белозерской культуры Кочковатое (К. 50 П. 16), на памятниках предскифского времени X–VIII вв. до н. э. [5, с. 101, 103, кат. № 131–132, 134, рис. 47]. Особенно следует отметить наибольшее сходство биконической корчаги с округлыми боками из К. 6 П. 1 с. Клунниково, Антрацитовского р-на Луганской области [5, с. 102, кат. 132, рис. 47.3], орнаментация которой полностью аналогична кизил-кобинской (рис. 2: 3).

На заключительной стадии раннего этапа кизил-кобинской культуры появляются специфические корчаги крупных размеров (общая высота и диаметр тулова могут составлять более 40 см) с дуговидно отогнутым венчиком, плавно переходящим в цилиндрическое или раструбовидное горло, сильно расширенным туловом на верхней трети высоты сосуда, которое резко сужается к узкому плоскому донцу (рис. 3.8). Эти корчаги часто украшены резным кизил-кобинским орнаментом – поясом горизонтальных наколов с опускающимися от них косыми линиями, или длинными заштрихованными треугольниками вершиной вниз [20, рис. 112, 137.1; 21, с. 274, рис. 22].

Единственная аналогия, которая мне пока известна, приведена в монографии Н. Л. Членовой – это сосуд с поселения Ирмень I южнее Новосибирска [29, таб. 64.21]. Н. Л. Членова рассматривает подобные корчаги в контексте связей поздней карасукской культуры (и её производных) с культурами Евразии поздней бронзы – начала раннего железа [29, с. 133, таб. 64.20–23]. По всей видимости, появление таких корчаг в ареале кизил-кобинской культуры следует датировать не ранее конца VIII в. до н. э. В целом наиболее приемлемой датой для этого вида корчаг представляется VII в. до н. э.

К особой, промежуточной группе между корчагами и кубками следует от-

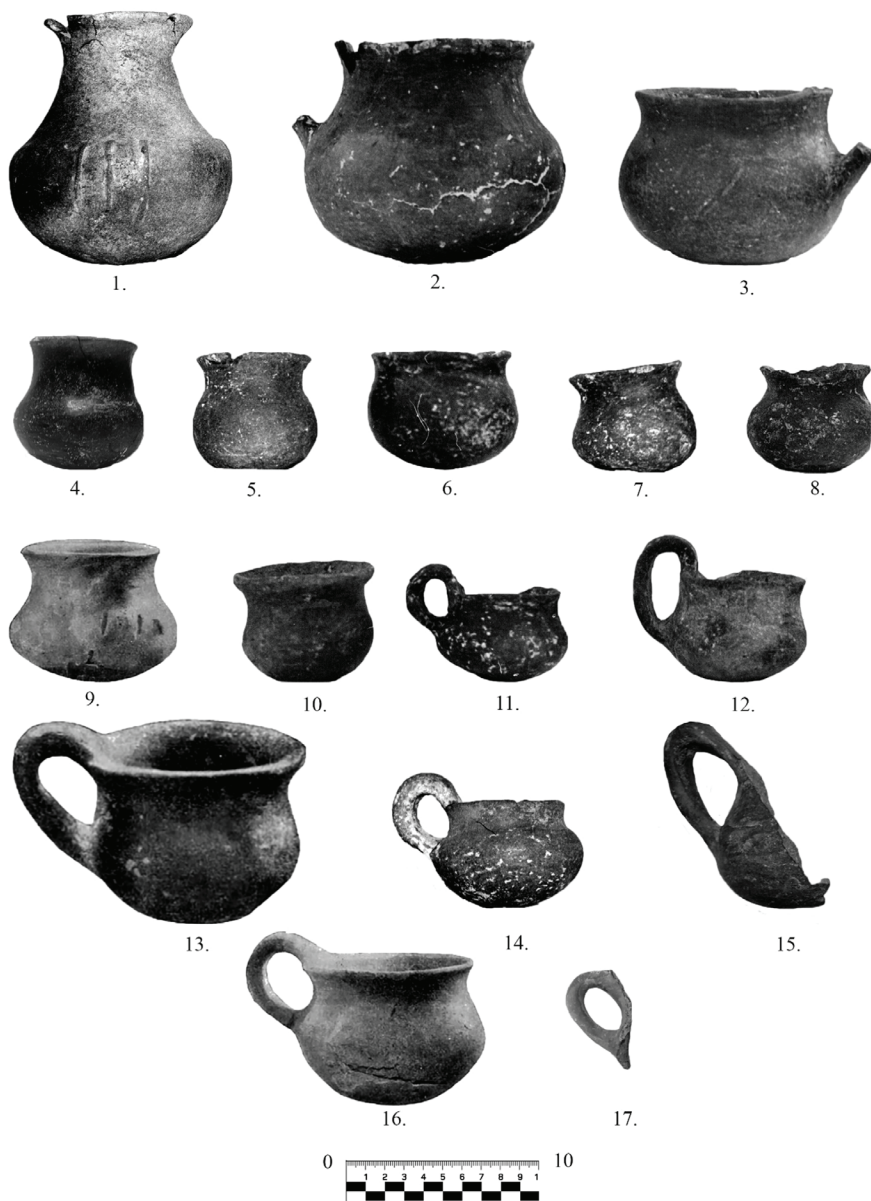
¹ Фонды ИАМЗ «Неаполь Скифский» (г. Симферополь, далее – ИАМЗ НС), К. о. 006.

² Колотухин В. А. Отчёт об археологических развед-

ках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 52.1, 3.

нести кубковидные сосуды, напоминающие в целом корчаги малых размеров, с отогнутым венчиком, цилиндрической или дуговидной шейкой, высотой около

15–20 см, диаметр тулова которых обычно равен высоте, или немного меньше его (рис. 4.1) [15, с. 41, рис. 25.10, 43.9; 20, рис. 171]. Относительно схожие по форме

1–3, 5–8, 10–12, 14 – пос. Кизил-Коба; 4, 15, 17 – пос. Тууш 3 (Львовское-2017); 9, 13, 16 – пос. Ашлама-Дере

Рис. 4 / Fig. 4. Кубки и черпаки ранней кизил-кобинской культуры / Cups and ladles of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1–3, 5–8, 10–12, 14 – Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 году.

Часть II. Альбом иллюстраций; 4, 15, 17 – фото автора; 9, 13, 16 – Советская археология.

Вып. XXIV. 1955. С. 184–196

сосуды имеются на памятниках белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья [3, рис. 31.9], в памятниках предскифского времени [5, с. 93, 96, 98, 121, кат. №№ 117, 122, 127, 168, рис. 43]. По этим аналогиям кубковидные сосуды ранней кизил-кобинской культуры датируются второй половиной – концом X – VIII вв. до н. э.

Среди кубков наиболее ранними являются сосуды с высокой дуговидной или цилиндрической шейкой, уплощённым туловом и округлым дном с лунковидным углублением – омфалом. Их высота – около 6–10 см¹ [15, рис. 15.6, 16.2, 20.9, 22.1]. Другой тип кубков – с плавно отогнутым венчиком, короткой дуговидной шейкой и уплощённым туловом с омфалом на округлом донце, как правило, высотой около 6–7 см [15, рис. 23.1, 3; 20, рис. 175]. Им полностью соответствуют черпаки, снабжённые петельчатой ручкой, и Э. А. Кравченко объединяет их в одни типы [20]. Аналогии этим кубкам/черпакам (рис. 4.4–12) имеются на многих памятниках белозерской культуры, по которым они датируются XI–X вв. до н. э., но в Крыму, возможно, могли бытовать и в начале – середине IX вв. до н. э. Трудно подобрать аналогии кубкам/черпакам малых размеров высотой до 5–6 см, с толщиной стенок около 3–4 мм. Эти сосуды представлены типами с S-видным профилем, со скруглённым ребром на середине высоты (рис. 4: 7–10). Черпаки этих типов часто имеют изящную тонкую петельчатую ручку небольших размеров² (рис. 4.17) [15, рис. 19.5, 22.6, 32 1–2]. Судя по сопутствующему инвентарю, их следует датировать временем не позже X в. до н. э.³

К IX–VIII вв. до н. э. относятся приземистые кубки с шаровидным туловом, округлым дном и слабо выделенной шей-

кой [20, рис. 173–174], имеющие многочисленные аналогии на памятниках Северо-Западного Причерноморья предскифского времени [5, с. 86, кат. 105].

Среди группы черпаков к наиболее ранним относятся довольно массивные для этой разновидности сосуды с толстыми стенками, высотой до 10 см и диаметром тулова около 15 см, с массивной петельчатой ручкой (рис. 4.14–15). Они имеют плавно отогнутый венчик, уплощённое тулово, округлое дно, S-видный профиль⁴ [15, рис. 26.8]. Аналогии им имеются на памятниках поздней белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья [3, рис. 25.9, 25.12]. По этим аналогиям, данный тип черпаков датируется XI–X вв. до н. э.

К VIII–VII вв. до н. э. относятся чаши уплощённой формы с округлым дном, часто украшенные типичным резным кизил-кобинским орнаментом [15, рис. 39.10, 39.15, 41.2–3]. Аналогии им имеются в предскифских погребениях Степного и Предгорного Крыма (рис. 5.1–3) [17, рис. 15.1].

Среди лощёных мисок (рис. 5.4) для датировок особое значение имеют профилированные сосуды так называемой «шлемовидной» формы [15, рис. 18.4]. Аналогии им имеются на памятниках поздней белозерской культуры (рис. 2: 4–5), в группе Балта. Датируются подобные миски XI–X вв. до н. э. [3, рис. 28.11, 30.8].

Абсолютная хронология ранних кизил-кобинских памятников

Хроноиндикаторами для построения абсолютной хронологии ранней кизил-кобинской культуры служат предметы конской упряжи и вооружения, украшения и детали костюма (рис. 6).

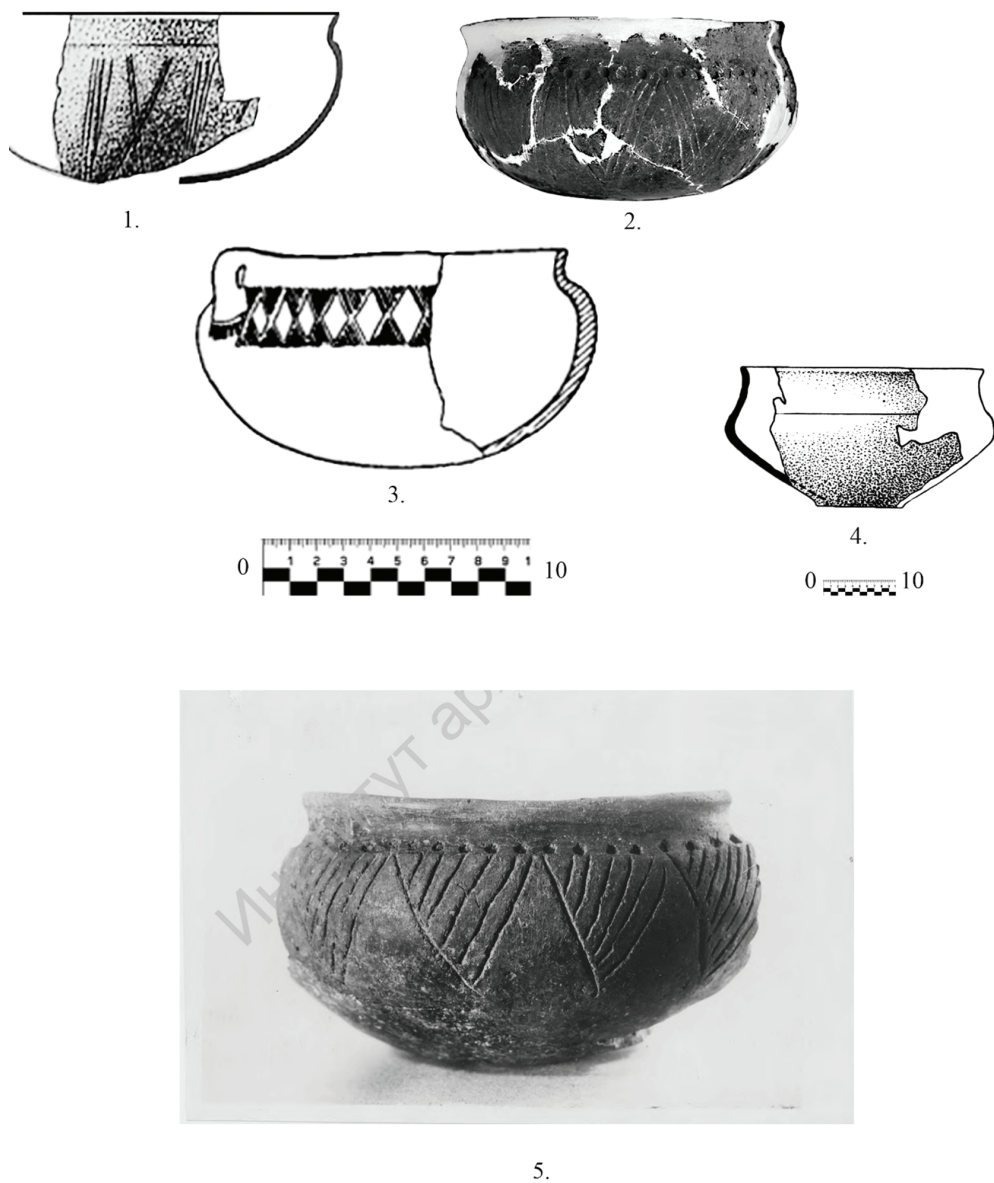
К позднему белозерскому времени относятся костяные и роговые псалии (рис. 6.1, 3–4), костяные наконечники стрел различных типов (рис. 6.5–6). Пса-

¹ Фонды ИАМЗ НС, К. о. №№ 05, 08, 09, 10, 17, 19, 20, 30, 32, 34.

² Фонды ИАМЗ НС, К. о. № 31.

³ Прим.: Автор выражает благодарность С. Г. Колтухову за консультацию по данному вопросу.

⁴ Фонды ИАМЗ НС, К. о. №140.

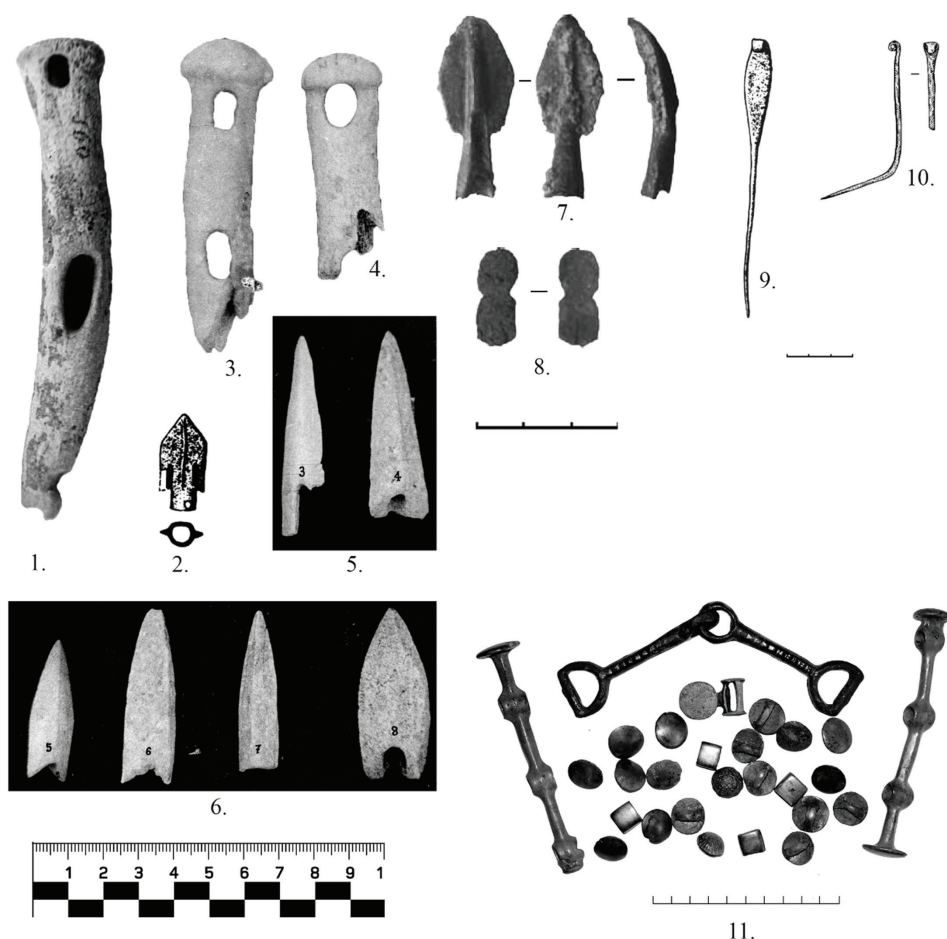

1 – пос. Холодная балка;
2 – пам. Пролом 1

3, 5 – Симферопольское поселение;
4 – пос. Фонтаны

Рис. 5 / Fig. 5. Чаши и миски ранней кизил-кобинской культуры / Bowls of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1, 4 – Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 11.9; 52; 2 [17, рис. 15.1]; 3 – Советская археология. 1958. №3. Рис. 2.4; 5 – Шульц П. Н. Отчёт об археологических разведках тавро-скифской экспедиции. 1949 г. архив ИА РАН: Р-1. №389. Рис. 5

1, 3, 4–6 – роговые и костяные псалии, наконечники стрел;
2 – бронзовый двулопастной килевидный наконечник
стрелы могильника Дружное 1;
7–8 – бронзовые двулопастные наконечники стрел;

9 – бронзовая булавка, пос. Таш-Джарган 1;
10 – бронзовая булавка с могильника Таш-Джарган;
11 – бронзовые уздечные наборы предскифского
времени, случайная находка у городища и поселения
Кара-Тау, горный массив Кубалач

Рис. 6 / Fig. 6. Хроноиндикаторы ранней кизил-кобинской культуры / Chronological indicators of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1, 9 – Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв.А-77. Рис. 17, 70; 2 [4]; 3–6 – Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций; 7–8 [20]; 10 – Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981. Табл. 45.6; 11 [10]

лии стержневидной формы, как правило, с 3 отверстиями, расположенными в одной плоскости. Наиболее ранние, с большим центральным отверстием, имеются на поселениях Фонтаны¹ и Тууш 3². Аналогичные псалии имеются в ареале белогрудовской и чернолесской культур, на белозерских памятниках [8, рис. 7.1–2; 28, рис. 85]. По этим аналогиям, крымские псалии с большим центральным отверстием датируются XI–X вв. до н. э. К X–IX вв. до н. э. относятся найденные на поселениях Уч-Баш, Кизил-Коба³ и Дружное⁴ костяные и роговые псалии с 3 отверстиями равной величины [4, рис. 14; 15, рис. 27.1–2, 33.1]. Аналогичные псалии имеются в белозерской, чернолесской культурах, в культуре Козия-Сахарна, на протомеотском Николаевском могильнике [3, рис. 35.17; 7, рис. 120.1–2; 11, рис. XXX. 4–7, 10, 12; 28, рис. 84.3].

Костяные наконечники стрел со скрытой втулкой, найденные на поселениях Уч-Баш, Кизил-Коба, Дружное [4, рис. 1–12], имеют аналогии на памятниках поздней бронзы – черноговорского времени Северного Причерноморья (белозерская культура, Козия-Сахарна, белогрудовская и чернолесская культуры) [3, рис. 35.8; 8, рис. 7.6–8; 11, рис. XXIX.16–17], и датируются в рамках XI – начала IX вв. до н. э. Следует обратить внимание, что, к примеру, сегодня поздние чернолесские памятники датируются не позже рубежа IX–VIII вв. до н. э. [9].

На могильнике Дружное 1 был обнаружен бронзовый двухлопастной на-

конечник стрелы килевидной формы (рис. 6.2), подобия которому известны в памятниках предскифского времени [28, с. 137, рис. 82.4], что позволяет датировать его временем не позже рубежа IX–VIII вв. до н. э.

К поздней бронзы – началу раннего железа относятся бронзовые булавы малых размеров (общая длина около 7–10 см) с раскованным щитком (рис. 6.9–10). Они обнаружены на поселениях Дружное 1, Таш-Джарган 1, Тууш 3⁵, в могильнике Таш-Джарган⁶ [15, рис. 33.8, 40.8]. Близкие по типу булавы с петельчатой головкой широко распространены в культурах поздней бронзы Северного Причерноморья [25, рис. 18.3, 19.6, 21.9, 22.7], и бытовали в широком хронологическом диапазоне. По контексту других находок они датируются XI–IX вв. до н. э. Булава с могильника Таш-Джарган датируется не позже VIII в. до н. э. Бронзовые булавы со спирально скрученной головкой из ранних кизил-кобинских памятников (могильники Чуюнча, Карлы-Кая, Черкес-Кермен «Е») [23, рис. 18.1, 5–6, 19.1–2] также имеют аналогии в белозерских и предскифских памятниках Северного Причерноморья и датируются XI–VIII вв. до н. э.

Находки на ряде кизил-кобинских памятников предскифских – раннескифских бронзовых удил и псалиев [10, рис. 45], восьмёрковидных и пуговицевидных бронзовых бляшек [10, рис. 45, 48.25–26] позволяют датировать эти памятники IX – серединой VII вв. до н. э. (рис. 5.8, 11). Бронзовые двухлопастные наконечники стрел с шипом и выступающей втулкой, а также трёхлопастные наконечники и двухлопастные наконечники без шипа [10, рис. 44.34, 39, 36, 42–43] находят многочисленные аналогии на поздних предскифских – ранних скиф-

¹ Колотухин В. А. Отчёт об археологических разведках в урочище Таш-Джарган под Симферополем в 1977 году // Фонды ИАК РАН. Симферополь, 1978. Папка 130. ОАСА. Инв. А-77. Рис. 17.

² Фонды ИАМЗ НС. К. о. № 255.

³ Фонд О-1. Описание 1. Дело 378. (Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций). Рис. 220.1–2.

⁴ Папка 126. ОАСА. Инв. А-№75. (Отчёт об охраняемых археологических раскопках кизил-кобинского поселения у села Дружное в Крыму в 1977 году). Рис. 12.1.

⁵ Фонды ИАМЗ НС, К. о. №296, КП6031 М2201.

⁶ Единственный рисунок булавы из этого могильника мне известен по публикации: Крис Х. И. Кизил-кобинская культура и тавры. М.: Наука, 1981, табл. 45.6. Однако из этого рисунка неясно, целый это экземпляр или фрагмент.

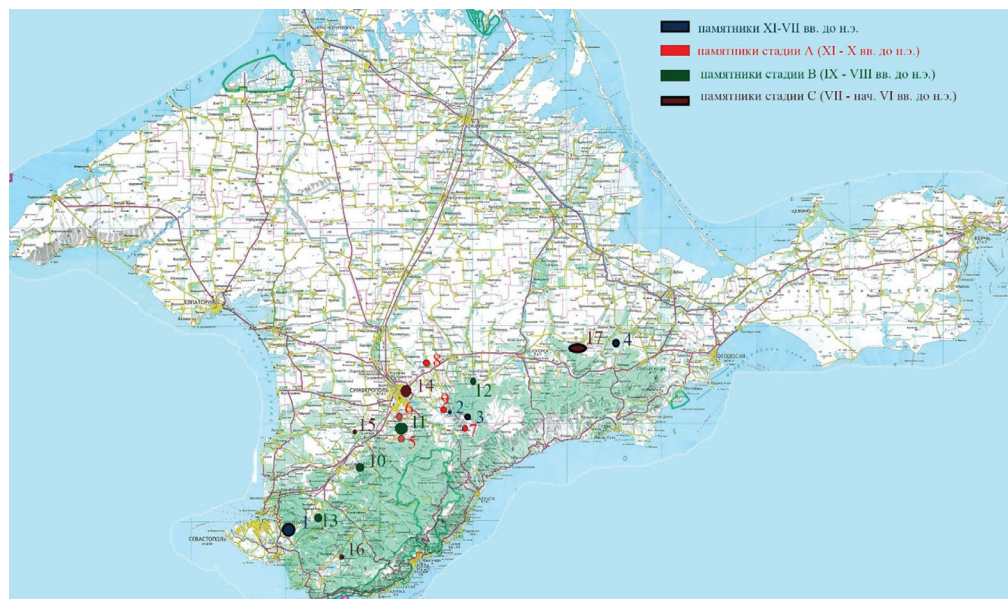
ских памятниках (Келермесские курганы) [6, с. 108–109]. Эти бронзовые наконечники стрел позволяют определить верхнюю границу ранних кизил-кобинских памятников не позже VII в. до н. э.

Таким образом, ранний этап кизил-кобинской культуры подразделяется на 3 стадии:

А. XI–X вв. до н. э.: в керамическом комплексе представлены пифосоподобные горшки, средние горшки с шаровидным туловом, лощёные импортные корчаги с коническим горлом (традиции культуры Гава), корчаги средних размеров с дуговидным горлом и уплощённым туловом, кубки и черпаки поздних белозерских типов. Абсолютными хроноин-

дикаторами выступают костяные и роговые псалии, костяные наконечники стрел со скрытой втулкой. К I стадии относятся ранние горизонты поселений Уч-Баш, Альма 1-2, Кизил-Коба, Дружное, Фонтаны, Тууш 3; могильники Суучхан, Донское, Дружное 1. Могильники представлены погребениями в каменных ящиках, как правило, бессистемными (рис. 7.1–9).

В. IX–VIII вв. до н. э.: нелощёные горшки приобретают средние размеры; появляются лощёные корчаги с цилиндрическим и дуговидным горлом средних размеров, горшковидные корчаги (рис. 2.7), биконические корчаги; уплощённые чаши с округлым дном, приземистые кубки с уплощённым округлым

- 1 – Уч-Баш и Инкерманская долина;
- 2 – могильники Дружное 1–2;
- 3 – поселение Кизил-Коба;
- 4 – поселение Льговское (Тууш 3);
- 5 – поселение Альма 1–2;
- 6 – поселение Фонтаны;
- 7 – могильник Суучхан;
- 8 – могильник Донское;
- 9 – поселение Дружное;

- 10 – поселение Ашлама-Дере;
- 11 – группа памятников урочища Таш-Джарган;
- 12 – могильники Чуюнча и Карлы-Кая;
- 13 – могильники Черкес-Кермен (комплекс Е) и Отар-Алан;
- 14 – Симферопольское поселение;
- 15 – городище Альма-Кермен;
- 16 – могильник Мал-Муз, каменный ящик № 6;
- 17 – памятники горного массива Кубалач

Рис. 7 / Fig. 7. Карта памятников ранней кизил-кобинской культуры / Map of monuments of the early Kizil-Koba culture

Источник: составлено автором по материалам карты Крым. ГНПП «Геодезия». Масштаб 1:300 000

дном. Аналогии лощёной керамики этой стадии имеются в предскифских памятниках Крыма и Северного Причерноморья. Возникает типичный кизил-кобинский резной геометрический орнамент на

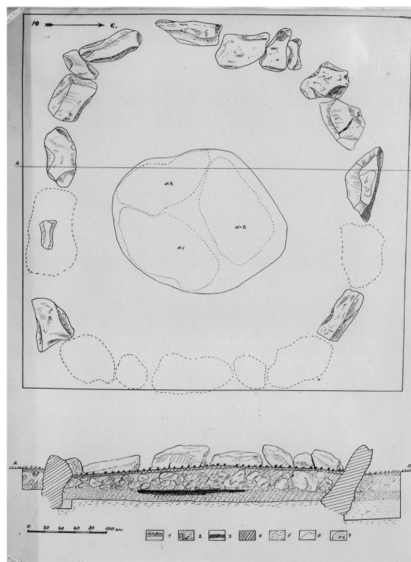
парадных сосудах. Продолжаются захоронения в каменных ящиках, появляются погребения с кромлехами (Таш-Джарган) (рис. 8.3). Могильники приобретают линейную структуру. Продолжают функ-

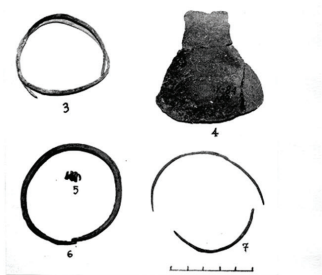
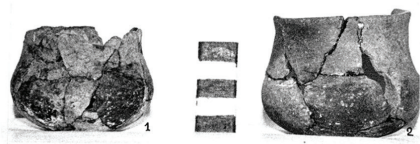
1.

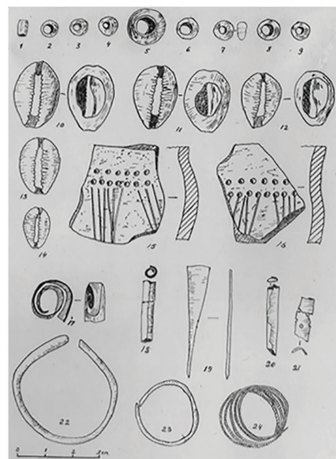
2.

3.

4.

5.

1–2, 4 – погребения и инвентарь могильника Суучхан;

3, 5 – могильник Таш-Джарган, кромлех, инвентарь погребений кромлеха

Рис. 8 / Fig. 8. Погребения ранней кизил-кобинской культуры / Burials of the early Kizil-Koba culture

Источник: 1–2, 4 – Отчёт о работах Северо-Крымской экспедиции в 1984 году. Часть II. Альбом иллюстраций; 3, 5 – Щепинский А. А. Отчёт о раскопках городища и могильника Таш-Джарган в 1954 г. Альбом иллюстраций. ОАСА. Ф. 1. Оп. 2. Д. 15. Т. 5

ционировать поселения Уч-Баш, Кизил-Коба, Тууш 3. Возникают поселения Ашлама-Дере, Таш-Джарган 1-2, Холодная и Калиновая балка. Возникают могильники: Черкес-Кермен (комплекс Е), Отар-Алан, Чуюнча, Карлы-Кая, северо-восточная группа Дружного 1, Дружное 2 (рис. 7.10–13).

С. VII – начало VI вв. до н. э.: в керамике появляются новые типы крупных корчаг с раструбовидным горлом, широким туловом и маленьким донцем. Появление синкретичных форм орнамента парадных сосудов: типичный кизил-кобинский вместе с лесостепным – степным орнаментом. Начало гребенчатой орнаментации посуды. Доминируют погребения в каменных ящиках. Могильники окончательно приобретают линейную структуру. Вокруг каменных ящиков возводятся округлые и прямоугольные ограды из камня. В погребениях резко возрастает количество ранних скифских украшений и предметов вооружения. К этой стадии относятся: Симферпольское поселение, городище Альма-Кермен, могильник Мал-Муз (каменный ящик № 6), могильники горного массива Кубалач (рис. 7.14–17).

Заключение

Итак, ряд исследователей связывает происхождение кизил-кобинской культуры с кобанской культурой. При этом упор делается на схожий обряд погребений в каменных ящиках. Однако если мы рассмотрим специфику кобанской культуры, то увидим её резкое отличие от кизил-кобинской, что отмечал еще Н. И. Репников [26]. Ряд кобанских поселений имеет сложные укрепления, что не характерно для ранних кизил-кобинских поселений [13, с. 63]. Комплекс керамики кобанской культуры – корчаги с расширенным книзу туловом и вытянутой тонкой дуговидной шейкой, кувшиноподобные сосуды с ручкой, черпаки сложных форм [1, таб. 104] не имеют аналогий на памятниках предгорного Крыма. Суще-

ственно отличается от кизил-кобинской и сложная геометрическая орнаментация кобанской посуды. Полиритуальные могильники Кавказа не имеют ничего общего с кизил-кобинскими могильниками. Каменные ящики в кобанской культуре совершенно иной конструкции – часто они составлены из отдельных обломков камня, а те могилы, которые относительно схожи с крымскими, относятся к более позднему времени – X–VII вв. до н. э. [14, рис. 2]. Тем более не имеет ничего общего с кизил-кобинским богатый металлокомплекс кобанской культуры [1, таб. 102].

То же самое можно сказать о кобяковской и протомеотской культурах. Типы кобяковских жилищ (с каменной облицовкой котлованов) отличаются от кизил-кобинских (наземных или слегка углублённых небольших помещений подквадратной конструкции с каркасно-плетневой конструкцией стен). Керамический комплекс существенно отличается по орнаментации. Обряд погребений в каменных ящиках совершенно не характерен для кобяковской культуры [30–31]. Для протомеотской культуры характерны грунтовые погребения. Каменные конструкции скорее сближают её с кобанской культурой, чем с кизил-кобинской. К тому же протомеотский период датируется только с IX в. до н. э., что значительно позже появления самых ранних кизил-кобинских памятников [1, с. 224–252].

Наибольшее сходство ранняя кизил-кобинская культура демонстрирует с поздней белозерской культурой. По сути рассмотренный выше керамический комплекс ранних кизил-кобинских поселений практически не отличим от поздних белозерских поселений Северного Причерноморья и Крыма. К тому же наибольшее сходство ранней кизил-кобинской керамики наблюдается с группой Балта, которая в последнее время считается ранней гальштатской культурной группой. Но что более важно – для белозерской культуры совершенно не характерен

обряд погребений в каменных ящиках. Хотя инвентарь кизил-кобинских погребений – типично белозерский (белозерские кубки, украшения из пастовых бус, бронзовые булавки). Типы кизил-кобинских погребений в каменных ящиках или с кромлехом (рис. 8) наиболее схожи с погребениями культуры Козия-Сахарна (рис. 2.9–10) [11, табл. I–VII, рис. IX].

На данный момент генезис и развитие ранней кизил-кобинской культуры представляются следующим образом. В XI–X вв. до н. э. происходит кризис и распад поздней белозерской культуры [2, с. 77]. Есть основания полагать, что некоторые группы мигрировали на запад, к Дунаю. Другие белозерские племена мигрировали в Лесостепь и Предгорный Крым. В это время в Крыму появились типичные поздние белозерские памятники: поселения Кировское, Балта-Чокрак, могильники Ташлы-Баир и Новокленовский. Синхронно здесь же появляются могильники Суучхан, Донское, Дружное 1 с захоронениями в каменных ящиках и белозерским инвентарем. Возникают поселения, составившие основу кизил-кобинской культуры, в материалах которых также фиксируется воздействие культур гальштата.

На данный момент можно вывести осторожную гипотезу, согласно которой ранняя кизил-кобинская культура сформировалась в Предгорном Крыму

в XI–X вв. до н. э. на белозерском субстрате при воздействии со стороны гальштатских культур Северо-Западного Причерноморья. Это выразилось в распространении типов жилищ каркасной конструкции, сходстве некоторых форм керамики и её орнаментации, в появлении скорченных погребений в каменных ящиках.

Дальнейшая специфика кизил-кобинской культуры определилась её независимым развитием в предскифское время. С IX–VIII вв. до н. э. формируется типичный кизил-кобинский орнамент лощёной керамики. Своё влияние оказывает воздействие черноговорско-новочеркасские группы: появляются новые формы керамики, аналогичные причерноморским IX–VIII вв. до н. э. На этой стадии появляются синкретичные памятники и элементы культуры в Предгорном Крыму: предскифские могильники с кизил-кобинской керамикой, сочетание кизил-кобинского и степного – лесостепного орнамента на парадной керамике. На последней стадии раннего этапа происходит окончательное оформление кизил-кобинской культуры. По всей видимости, своё воздействие здесь оказала скифская культура [18; 19]. С этими устойчивыми признаками кизил-кобинская культура существует до своего конца в IV–III вв. до н. э.

Дата поступления в редакцию 10.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Абрамова М. П., Бессонова С. С., Дашевская О. Д. и др. Археология СССР: Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. М.: Наука, 1989. 464 с.
2. Брумяк И. В. Ранние кочевники в Европе (X–V вв. до н. э.). Кишинев: Высшая Антропологическая Школа, 2005. 358 с.
3. Ванчугов В. П. Белозерские памятники в Северо-Западном Причерноморье. Проблема формирования белозерской культуры. Киев: Наукова думка, 1990. 168 с.
4. Власов В. П. О хронологических рамках кизил-кобинской (таврской) культуры // Древности. Харьковский историко-археологический ежегодник. 1996. Харьков, 1997. С. 15–22.
5. Гаврилюк Н. А. Лепная керамика ранних кочевников Северного Причерноморья (IX – первая половина VII вв. до н. э.). Киев, 2017. 338 с.
6. Галанина Л. К. Келермесские курганы: «Царские» погребения раннескифской эпохи. М.: Институт всеобщей истории РАН, 1997. 269 с.
7. Граков Б. Н. Ранний железный век. (Культуры Западной и Юго-Восточной Европы). М.: Изд-во Московского университета, 1977. 232 с.

8. Граков Б. Н., Тереножкин А. И. Субботовское городище // Советская археология. 1958. № 2. С. 164–178.
9. Дараган М. Н. Начало раннего железного века в Днепровской Правобережной Лесостепи. Киев: КНТ, 2011. 848 с.
10. Зайцев Ю. П., Шкрибляк И. И. Горный массив Кубалач как новый феномен археологии Крыма (первые результаты исследований) // Крым в эпоху эллинизма. Межкультурные процессы по данным археологических исследований. Симферополь: Тарпан, 2017. С. 139–153.
11. Кашуба М. Т. Раннее железо в Лесостепи между Днестром и Сиретом (культура Козия-Сахарна) // Stratum plus. 2000. № 3. С. 241–488.
12. Козенкова В. И. Кобанская культура. Восточный вариант. Вып. В2-5. М.: Наука, 1977. 89 с.
13. Козенкова В. И. Кобанская культура. Западный вариант. Вып. В2-6. М.: Наука, 1989. 197 с.
14. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (Узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 164 с.
15. Колотухин В. А. Горный Крым в эпоху поздней бронзы – начале железного века. (Этнокультурные процессы). Киев: Южногородские ведомости, 1996. 158 с.
16. Колотухин В. А. Кизил-кобинский посуд VIII – першої половини V ст. до н. е. // Археологія. 1990. № 2. С. 68–86.
17. Колтухов С. Г. Киммерийцы Степного и Предгорного Крыма (погребальные памятники и «комплекты» IX–VII вв. до н. э.). Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2022. 116 с.
18. Колтухов С. Г. Лепная керамика скифского населения Степного и Предгорного Крыма // Херсонесский сборник. 2004. Вып. 13. С. 68–121.
19. Колтухов С. Г. Скифы и кизил-кобинская культура Горного Крыма (к публикации одной коллекции) // История и археология Крыма. 2017. № 5. С. 46–47.
20. Кравченко Е. А. Кизил-кобинська культура у Західному Криму. Київ; Луцьк: ІА НАН, 2011. 272 с.
21. Крым – Таврида. Археологические исследования в Крыму в 2017–2018 гг. / ред. С. Ю. Внуков, О. В. Шаров. М.: Институт археологии РАН, 2019. 396 с.
22. Куштан Д. П. Південь Лісостепоного Подніпров'я за доби пізньої бронзи. Донецьк: Донбасс, 2013. 232 с.
23. Лесков А. М. Горный Крым в I тысячелетии до нашей эры. Киев: Наукова думка, 1965. 198 с.
24. Лысенко С. Д. Белогрудовский горизонт Малополовецкого археологического комплекса на Кивещине // Revista Arheologica. 2008. Vol. IV. № 1. С. 100–135.
25. Лысенко С. С. Украшения населения Северного Причерноморья эпохи поздней бронзы. Кишинёв: Stratum plus, 2021. 688 с.
26. Репников Н. И. О так называемых дольменах Крыма // ИТУАК. 1910. № 44. С. 11–24.
27. Сенаторов С. Н. Лепная керамика кизил-кобинской культуры: типология и хронология: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. СПб., 2002. 23 с.
28. Тереножкин А. И. Киммерийцы. Киев: Наукова думка, 1976. 223 с.
29. Членова Н. А. Хронология памятников карасукской эпохи. М.: Наука, 1972. 248 с.
30. Шарафутдинова Э. С. Заключительный этап позднего бронзового века на Нижнем дону (памятники кобьяковской культуры) // Советская археология. 1973. № 2. С. 3–26.
31. Шарафутдинова Э. С. Памятники предскифского времени на Нижнем Дону (кобьяковская культура). Л.: Наука, 1989, 128 с.

REFERENCES

1. Abramova M. P., Bessonova S. S., Dashevskaya O. D., et al. *Arkheologiya SSSR: Stepi yevropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Archeology of the USSR: Steppes of the European part of the USSR in the Scythian-Sarmatian time]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 464 p.
2. Bruyako I. V. *Ranniye kochevniki v Yevrope (X–V vv. Do n. e.)*. [Early nomads in Europe (10th–5th centuries BC)]. Kishinev, Vysshaya Antropologicheskaya Shkola Publ., 2005. 358 p.
3. Vanchugov V. P. *Belozerskiye pamyatniki v Severo-Zapadnom Prichernomor'ye. Problema formirovaniya belozerskoy kultury* [Belozersky monuments in the North-Western Black Sea region. The problem of the formation of the Belozersk culture]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1990. 168 p.

4. Vlasov V. P. [On the chronological composition of the Kizil-Koba (Taurus) culture]. In: *Drevnosti. Kharkovskiy istoriko-arkheologicheskiy yezhegodnik*. 1996. [Antiquities. Kharkov Historical and Archaeological Yearbook. 1996]. Kharkov, 1997. P. 15–22.
5. Gavriluk N. A. *Lepnaya keramika rannikh kochevnikov Severnogo Prichernomorya (IX – pervaya polovina VII vv. Do n. e.)* [Stucco ceramics of the early nomads of the Northern Black Sea region (9th – the first half of the 7th centuries BC). Kyiv, 2017. 338 p.
6. Galanina L. K. *Kelermesskiye kurgany: «Tsarskiye» pogrebeniya ranneskiyskoy epokhi* [Kelermes mounds: «Royal» burials of the early Scythian era]. Moscow, Institut vseobshchey istorii RAN Publ., 1997. 269 p.
7. Grakov B. N. *Ranniy zheleznyy vek. (Kultury Zapadnoy i Yugo-Vostochnoy Yevropy)* [Early Iron Age. (Cultures of Western and South-Eastern Europe). Moscow, Izd-vo Moskovskogo universiteta Publ., 1977. 232 p.
8. Grakov B. N., Terenozhkin A. I. [Subbotovskoe settlement]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1958, no. 2, pp. 164–178.
9. Daragan M. N. *Nachalo rannego zheleznoogo veka v Dneprovskoy Pravoberezhnoy Lesostepi* [Beginning of the Early Iron Age in the Dnieper Right-Bank Forest-Steppe]. Kyiv, KNT Publ., 2011. 848 p.
10. Zaitsev Yu. P., Shkriblyak I. I. [Kubalach mountain range as a new phenomenon of Crimean archeology (first results of research)]. In: *Krym v epokhu ellinizma. Mezhekulturnyye protsessy po dannym arkheologicheskikh issledovaniy* [Crimea in the era of Hellenism. Intercultural processes according to archaeological research]. Simferopol, Tarpan Publ., 2017. P. 139–153.
11. Kashuba M. T. [Early iron in the forest-steppe between the Dniester and Siret (Kozia-Saharna culture)]. In: *Stratum plus*, 2000, no. 3, pp. 241–488.
12. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kultura. Vostochnyy variant. Vyp. B2-5*. [Koban culture. Eastern variant. Issue. B2-5]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 89 p.
13. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kultura. Vostochnyy variant. Vyp. B2-6*. [Koban culture. Eastern variant. Issue. B2-6]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 197 p.
14. Kozenkova V. I. *Kulturno-istoricheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (Uzlovyye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kultury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and the Early Iron Age (Key problems of the origin and development of the Koban culture)]. Moscow, IA RAN Publ., 1996. 164 p.
15. Kolotukhin V. A. *Gornyy Krym v epokhu pozdney bronzy – nachale zheleznoogo veka. (Etnokulturnyye protsessy)* [Mountainous Crimea in the late Bronze Age – the beginning of the Iron Age. (Ethnocultural processes)]. Kyiv, Yuzhnogorodskie Vedomosti Publ., 1996. 158 p.
16. Kolotukhin V. A. [Kizil-Kobin ware of the 8th – first half of the 5th centuries BC]. In: *Arkheologiya* [Archeology], 1990, no. 2, pp. 68–86.
17. Koltukhov S. G. *Kimmeriysy Stepnogo i Predgornogo Kryma (pogrebalnyye pamyatniki i «komplekty» IX–VII vv. do n. e.)*. [Cimmerians of the Steppe and Foothill Crimea (funeral monuments and «sets» of the 9th–7th centuries BC)]. Simferopol, IT «ARIAL» Publ., 2022. 116 p.
18. Koltukhov S. G. [Stucco ceramics of the Scythian population of the Steppe and Foothill Crimea]. In: *Khersonesskiy sbornik* [Khersones collection], 2004, iss. 13, pp. 68–121.
19. Koltukhov S. G. [Scythians and Kizil-Koba culture of the Mountain Crimea (on the publication of one collection)]. In: *Istoriya i arkheologiya Kryma* [History and archeology of Crimea], 2017, no. 5, pp. 46–47.
20. Kravchenko E. A. *Kizil-kobinska kultura u Zakhudnomu Krimu* [Kizil-Kobinsky culture near the Western Crimea]. Kyiv, Lutsk, IA NAN Publ., 2011. 272 p.
21. Vnukov S. Yu., Sharov O. V., eds. *Krym – Tavrida. Arkheologicheskiye issledovaniya v Krymu v 2017–2018 gg.* [Crimea – Taurida. Archaeological research in Crimea in 2017–2018]. Moscow, Institut Arkheologii RAN Publ., 2019. 396 p.
22. Kushtan D. P. *Pivden Lisostepovoho Podniprova za doby piznoyi bronzy* [The South of the Forest-Steppe Dnieper during the Late Bronze Age]. Donetsk, Donbass Publ., 2013. 232 p.
23. Leskov A. M. *Gornyy Krym v I tysyacheletii do nashey ery* [Mountainous Crimea in the 1st millennium BC]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1965. 198 p.
24. Lysenko S. D. [Belogradovsky horizon of the Malopolovtsy archaeological complex in the Kiev region]. In: *Revista Arheologica*, 2008, vol. IV, no. 1, pp. 100–135.

25. Lysenko S. S. [Ornaments of the population of the Northern Black Sea region of the Late Bronze Age]. Kishinev, Stratum plus Publ., 2021. 688 p.
26. Repnikov N. I. [On the so-called dolmens of the Crimea]. In: *ITUAK* [ITUAK], 1910, no. 44, pp. 11–24.
27. Senatorov S. N. *Lepnaya keramika kizil-kobinskoy kul'tury: tipologiya i khronologiya: avtoref. diss. ... kand. ist. nauk* [Stucco ceramics of the Kizil-Koba culture: typology and chronology: author. abstract of Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. St. Petersburg, 2002. 23 p.
28. Terenozhkin A. I. *Cimmerians* [Kimmeriytsy]. Kyiv, Naukova Dumka Publ., 1976. 223 p.
29. Chlenova N. A. *Khronologiya pamyatnikov karasukskoy epokhi* [Chronology of the monuments of the Karasuk era]. Moscow, Nauka Publ., 1972. 248 p.
30. Sharafutdinova E. S. [The final stage of the late Bronze Age on the Lower Don (monuments of the Kobyakovo culture)]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archeology], 1973, no. 2, pp. 3–26.
31. Sharafutdinova E. S. *Pamyatniki predskifskogo vremeni na Nizhnem Donu (kobyakovskaya kultura)* [Monuments of the pre-Scythian time on the Lower Don (Kobyakovskaya culture)]. Leningrad, Nauka Publ., 1989. 128 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лучинский Николай Дмитриевич – сотрудник Института археологии Российской академии наук;
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Nikolay D. Luchinsky – Researcher, Institute of Archeology of the Russian Academy Sciences
e-mail: lunin.kolya2015@yandex.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Лучинский Н. Д. К проблеме генезиса кизил-кобинской культуры // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 85–102.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-85-102

FOR CITATION

Luchinsky N. D. About the origin of Kizil-Koba culture. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 85–102.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-85-102

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-103-114

ПОЯСНЫЕ БЛЯХИ «ТИПА ИСТИ-СУ»: ПРОИСХОЖДЕНИЕ, ТИПОЛОГИЯ, СЕМАНТИКА

Керцева (Вольная) Г. Н.¹, Керцев Р. Ю.²

¹ Институт истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания
362025, Республика Северная Осетия-Алания, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46,
Российская Федерация

² Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова
364024, Чеченская Республика, г. Грозный, ул. А. Шерипова, д. 32, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Анализ бронзовых птицевидных блях «типа Исти-Су» VI–V вв. до н. э. восточного варианта кобанской культуры.

Процедура и методы. В статье обобщается практический опыт исследования вышеуказанных блях российскими археологами. С помощью историко-типологического, стилистического, семиотического методов изучаются стилистические особенности блях, их происхождение, типология и семантика.

Результаты. Выделяются 2 группы блях, отличающиеся пропорциями, стилистикой, орнаментацией, количеством отверстий для крепления к поясу. Ранние бляхи отмечены влиянием ближневосточного искусства, а поздние – позднекобанского и скифского. Семантика изображений на них связана с культом плодородия и имеет прототипы в ближневосточном искусстве и мифологии. Ранние образцы создавались на заказ передневозточными мастерами, а позже появились подражания, выполненные местными северокавказскими мастерами.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования обобщают опыт почти 80-летнего изучения этих предметов и вносят вклад в изучение миграционных процессов с эпохи поздней бронзы до скифского периода, взаимовлияний прикладного искусства передневозточных цивилизаций и археологических культур Северного Кавказа.

Ключевые слова: восточный вариант кобанской культуры, Древний Восток, зооморфное искусство, поясные бляхи/пряжки «типа Исти-Су», скифы

BELT PLAQUES OF THE «ISTI-SU TYPE»: ORIGIN, TYPOLOGY, SEMANTICS

G. Kertseva (Volnaya)¹, R. Kertsev²

¹ Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania
ul. Vatutina 46, Vladikavkaz 362025, Republic of North Ossetia-Alania, Russian Federation

² Kadyrov Chechen State University
ul. A. Sheripova 32, Grozny 364024, Chechen Republic, Russian Federation

Abstract

Aim. To analyze the bird-shaped bronze plaques of the “Isti-Su type” of the eastern variant of the Koban culture dated to the 6th–5th centuries BC.

Methodology. The article summarizes the practical experience of Russian archaeologists’ research into this issue. With the help of historical-typological, stylistic, semiotic methods, the stylistic features of plaques, their origin, typology, and semantics are studied.

Results. There are 2 groups of plaques that differ in proportions, style, ornamentation, and the number of holes for attaching to the belt. The early plaques are marked by the influence of Middle Eastern art, and the later ones by Late Koban and Scythian art. The semantics of their images is associated with the cult of fertility and has prototypes in Middle Eastern art and mythology. Early samples were made to order by Far Eastern masters, and later there were imitations made by local North Caucasian masters.

Research implications. The results of the study summarize the experience of almost 80 years of studying these subjects and contribute to the study of migration processes from the Late Bronze Age to the Scythian period, as well as the mutual influence of the Far Eastern civilizations' applied art and the archaeological cultures of the North Caucasus.

Keywords: the eastern version of the Koban culture, the Ancient East, zoomorphic art, belt plaques/buckles of the "Isti-Su type", the Scythians

Введение

В памятниках кобанской культуры с XIII в. до н. э. по IV в. до н. э. встречаются бронзовые бляхи различных типов в виде фигурки летящей птицы [1, рис. 44]. Такие бляхи и пряжки известны на территории Центрального и Северо-Восточного Кавказа из памятников центрального и восточного вариантов кобанской культуры. Объединяет все пластинчатые птицевидные бляхи и пряжки изображение летящей птицы, а также их конструкция: крючок для застёгивания, имитирующий клюв, с одной стороны и отверстия для цепей, с помощью которых они стационарно крепились к поясу или другой бляхе, с другой. Цепи, в свою очередь, изображали хвост летящей птицы.

Бляхи «типа Исти-Су» отличала от других птицевидных блях и пряжек форма в виде стилизованной фигуры птицы с распахнутыми крыльями как бы сдвоенных, горизонтально расположенных секторов круга, а также изображение фигур хищников над крыльями, и, кроме того, орнаментация. Треугольники с заполнением рифления и без, двойные и одинарные зигзаги в верхней части бляхи передавали перьевой покров птицы.

Бляхи «типа Исти-Су» встречаются в основном на территории Северо-Восточного Кавказа в памятниках восточного варианта кобанской культуры. На настоящий момент было обнаружено 29 экземпляров. Первая бляха была найдена в крепости Воздвиженской, находка 1844 г.

В коллекции бронзовых предметов из могильников Терской области, собранных в 1887–1882 гг. Н. С. Семёновым, оказалась птицевидная бляха «типа Исти-Су» из Ичкерии¹, позднее проданная в ИАК. В 1937 и 1938 гг. в ходе работ СКАЭ ГА-ИМК под руководством А. П. Круглова у сс. Харачой и Исти-Су были обнаружены аналогичные предметы, которые по месту обнаружения получили название бляхи «типа Исти-Су»².

К середине XX в., во многом благодаря усилиям А. П. Круглова, собралась коллекция птицевидных пряжек «типа Исти-Су». В 1941 г. он погибает на фронте. О. А. Артамонова-Полтавцева объединила собранную им коллекцию с бляхами, найденными ею, и опубликовала их [1, с. 69–103]. В 1977 г. в Ялхой-Мохском могильнике № 4 в ходе работ 3 отряда предгорно-плоскостной археологической экспедиции Чечено-Ингушского госуниверситета (рук. В. А. Петренко) была найдена бронзовая поясная бляха «типа Исти-Су» [18, с. 136]. Коллекция зооморфных предметов в Чечне пополнялась и в дальнейшем, выходили новые работы, посвящённые их исследованию. Эти и новые находки таких пряжек скифского времени из сс. Элистанжи и Майртуп обогатили коллекцию, что позволило систематизировать их, проследить развитие типов [6–7; 17, с. 25]. Г. Н. Вольная

¹ Фотоархив Института истории материальной культуры РАН. Д. № II 20484; № II 25650.

² Там же. № II 39955; № II 39956; № II 409; № II 40910.

опубликовала коллекцию блях из Чечни [4, с. 42–44]. К сожалению, редакция перепутала иллюстрации и опубликовала пряжки из Хатуни и Хорочой дважды вместо Лугового и Шалинского могильников. В начале 90-х гг. XX в. М. П. Севостьянов собрал 4 бляхи «типа Исти-Су» из разрушенного могильника у ст. Ильинская в Чечне. Одна бляха находилась у строителей; ещё 3 он подобрал «в отвалах земли за котлованом» [14, с. 142].

Первоначально считалось, что большинство находок таких блях было сделано на юго-востоке Чечни и географически связаны с левобережьем Аргуна и междуречьем Хулхулау-Аргуна, бассейном рек Мечик и Гумс. Однако в последние годы география находок расширилась. Эти предметы стали находить как в горной зоне (могильник в с. Ялхой-Мохкский, с. Ца-Ведено), так и в предгорьях сс. Хорочой, Хатуни, а также на плоскости сс. Майртуп, Лермонтов-Юрт, Шалинский могильник, крепость Воздвиженская (4 экз.), сс. Исти-Су, Орехово, Элистанжи. Также были обнаружены недокументированные экземпляры, обозначенные как «Чечня», «Терская область», «с Урупа» [1; 6; 7, рис. 45.1; 9; 10, с. 55–56;]. Были получены сведения о находках подобных предметов из сс. Рошни-Чу и Пседах [7, с. 12]. Несколько поясных пряжек в 2000-х гг. были переданы А. Ю. Скакову: одна – из с. Зоны [19, с. 178, 182, рис. 1], другая – из с. Бачи-Юрт [20, с. 134–145].

Существует дискуссия по поводу назначения блях «типа Исти-Су».

О. А. Артамонова-Полтавцева полагала, что, судя по деформации отверстий, пряжки носили боком, крючком влево в качестве поясных пряжек. На некоторых пряжках есть остатки цепей овальной формы, служивших для соединения фигурной пластины с другой бляхой поясного набора, или же другая пластина служила наконечником кожаного пояса. У других пряжек отсутствуют цепи и стёртость отверстий несколько иная,

что может свидетельствовать о том, что они (сс. Исти-Су, Хатуни, Хорочой) крепились с помощью кожаных цепей. Изображения на этих пряжках были рассчитаны на вертикальное положение пояса, а не на горизонтальное, поскольку пряжки использовались не только как бытовая вещь, но и в ритуальных целях [1, с. 75].

В. И. Козенкова считает, что «весьма проблематична трактовка этих предметов как поясных пряжек. В ряде комплексов (сс. Луговое, Исти-Су, Ца-Ведено) вместе с бляхами дополнительно имели место пояса-цепи или поясные пряжки кобанского типа» [10, с. 56].

Поэтому мы используем нейтральное название этих предметов – «бляха» как металлическая пластинка, украшение или опознавательный знак, на которой имеется рисунок для обозначения чего-нибудь. В частности бляхи могут быть поясными или нагрудными.

Семантика изображений на бляхах «типа Исти-Су»

Судя по изображению «воротника» у птицы и крюка, имитирующего загнутый клюв, изображена птица, относящаяся к отряду соколообразных (*Falconiformes*) – орёл или беркут, обитающие преимущественно в горах, в т. ч. на территории Северного Кавказа¹.

В верхней части пряжек на крыльях птицы силуэтом симметрично изображены «скребущиеся» хищники, готовые к прыжку и терзанию птицы. Для хищников характерно лентовидное тело с выгнутой шеей. Вытянутая голова направлена вперёд, пасть открыта, рифлением в ряде случаев показаны зубы, длинные острые уши торчат или прижаты к голове. Удлинённая морда и острые уши животных больше всего напоминают очертания головы хищников семейства псовых – волков или собак. Хвосты хищников – длинные и тонкие, концы загнуты в кольца, что характерно для се-

¹ Красная книга Республики Северная Осетия-Алания. Владикавказ: Проект-Пресс, 1999. С. 163.

мейства кошачьих. Туловище хищников почти на всех бляхах покрыто пуансоном, поясками рифления. Орнаментированы лапы и туловище хищных животных – так декоративно изображается шерсть животных. Под лапами хищников изображены ряды штрихов. Таким способом мастера, видимо, пытались передать движение хищников, рвущихся к птице.

О. А. Артамонова-Полтавцева датирует бляхи «типа Исти-Су» VI–V вв. до н. э. [1, с. 69–103]. В. Б. Виноградов относит бляху из Шалинского могильника (рис. 1.11) к V в. до н. э. [3, с. 147–152, рис. 1, 23], С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев, З. И. Хасбулатова находку из с. Элистанжи по сопутствующему инвентарю – к VI в. до н. э. (рис. 2.4) [7, с. 9–11, рис. 3], остальные бляхи датируются в рамках VI–IV вв. до н. э. по комплексам, из которых они происходят, или по аналогиям.

Типология блях «типа Исти-Су»

О. А. Артамонова-Полтавцева выделяет пряжки «типа Исти-Су» с кожаными креплениями – из сс. Исти-Су, Хатуни, Хорочой (рис. 2.1–2, 2.6) – в I первоначальную группу, а пряжки с металлическими креплениями – пряжка № 4 из крепости Воздвиженской (Русский музей), пряжка № 5 из Чечни (Терская обл.) (Исторический музей), пряжка № 6 неизвестного происхождения (музей Грузии), пряжка № 7 из крепости Воздвиженской (Государственный Эрмитаж) (рис. 1.4, 1.8, 1.12) – во II позднейшую группу. По её мнению, развитие блях шло по пути раздвигания выступов боковых частей и растяжения дугообразного выгиба средней части, увеличивалось и количество отверстий для скрепления с трапециевидной бляхой. На бляхах с кожаными креплениями насчитываются 4–7 отверстий, на экземплярах с цепями – 10–15. Вследствие увеличения блях в ширину изменяется и положение фигур зверей, которое из вертикального становится наклонным. Исследовательница приводит наблюдения по изменению элемен-

тов орнаментации блях, подкрепляющие, по её мнению, выводы о направлении их типологической трансформации [1, с. 80–84; 7, с. 19–20]. Однако С. Л. Дударев, Х. М. Мамаев и З. И. Хасбулатова вслед за В. Б. Виноградовым полагают, что «генезис типа развивался как раз в обратном направлении. Самыми ранними следует считать образцы II группы (по О. А. Артамоновой-Полтавцевой) блях, которая характерна значительным преобладанием ширины над высотой. Ведущей тенденцией дальнейшего развития блях было установление примерно одинакового соотношения ширины и высоты» [7, с. 21, рис. 8]. Мы солидарны с мнением С. Л. Дударева и его соавторов в хронологии блях «типа Исти-Су».

Таким образом, к ранней хронологической группе относятся широкие бляхи с 10–15 отверстиями и с наклоном хищников по отношению к центральной оси менее 45°. Для этого типа (рис. 1.1–13) характерно лентовидное или жгутовидное изображение хищников, ведущее своё происхождение от изображений Хасанлу (X–VIII вв. до н. э.) и аналогичное изображениям Луристана (конца VIII – середины V в. до н. э.) [6, с. 254–283].

Ко II поздней группе имеют отношение пряжки с 4–7 отверстиями (рис. 2), наклоном хищников более 45° к оси, с примерно равным соотношением высоты и ширины пряжек. К этой группе, помимо указанных О. А. Артамоновой-Полтавцевой (рис. 2.1–2.6), относятся пряжки из сс. Ца-Ведено, Элистанжи, Зоны, Майртупского мог (рис. 2.3, 2.5, 2.7). У этих блях не сохранились цепи, скорее всего, они были изготовлены из органических материалов. На поздних пряжках II группы (рис. 2) изображение животных становится схематичным, создаётся впечатление вторичности их изображений, слепого копирования предыдущих образцов, увеличивается площадь поверхности покрытой орнаментом, отмечается скифское влияние, например, на бляхе «типа Исти-Су» из Майртупа (рис. 2.5) вместо

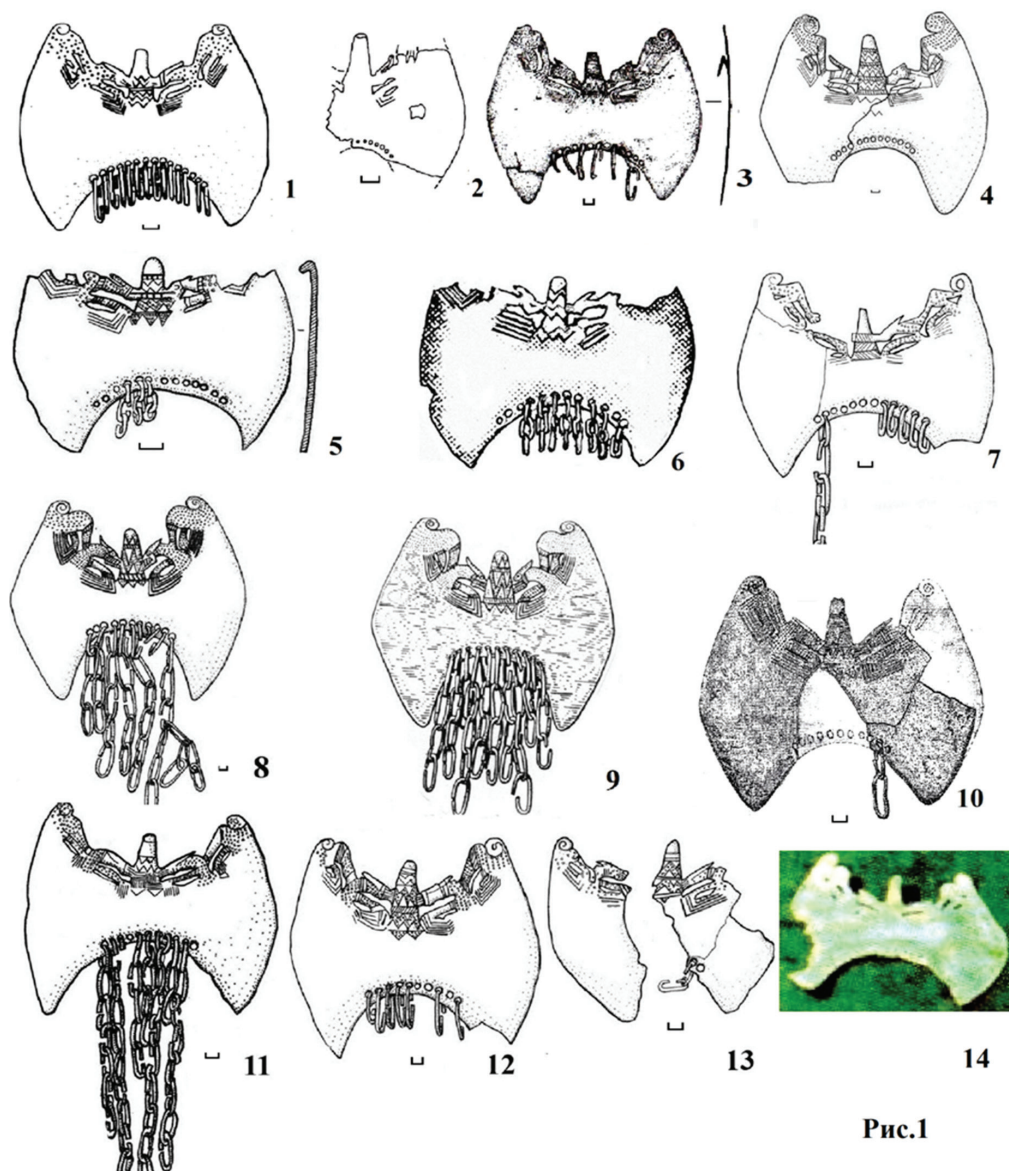

Рис.1

Рис. 1 / Fig. 1. Ранняя хронологическая группа блях «типа Исти-Су» / The early chronological group of “Isti-Su” type badge

Источник: 1, 4, 8, 12 – [1]; 2 – [19]; 3 – [20]; 5, 13 – [6]; 6 – [7]; 7 – [11]; 9 – [8]; 10 – [15]; 11 – [2]; 14 – Донди-Юрт – оазис чеченской культуры. Урус-Мартан, 2008. С. 38. Рис. 4.

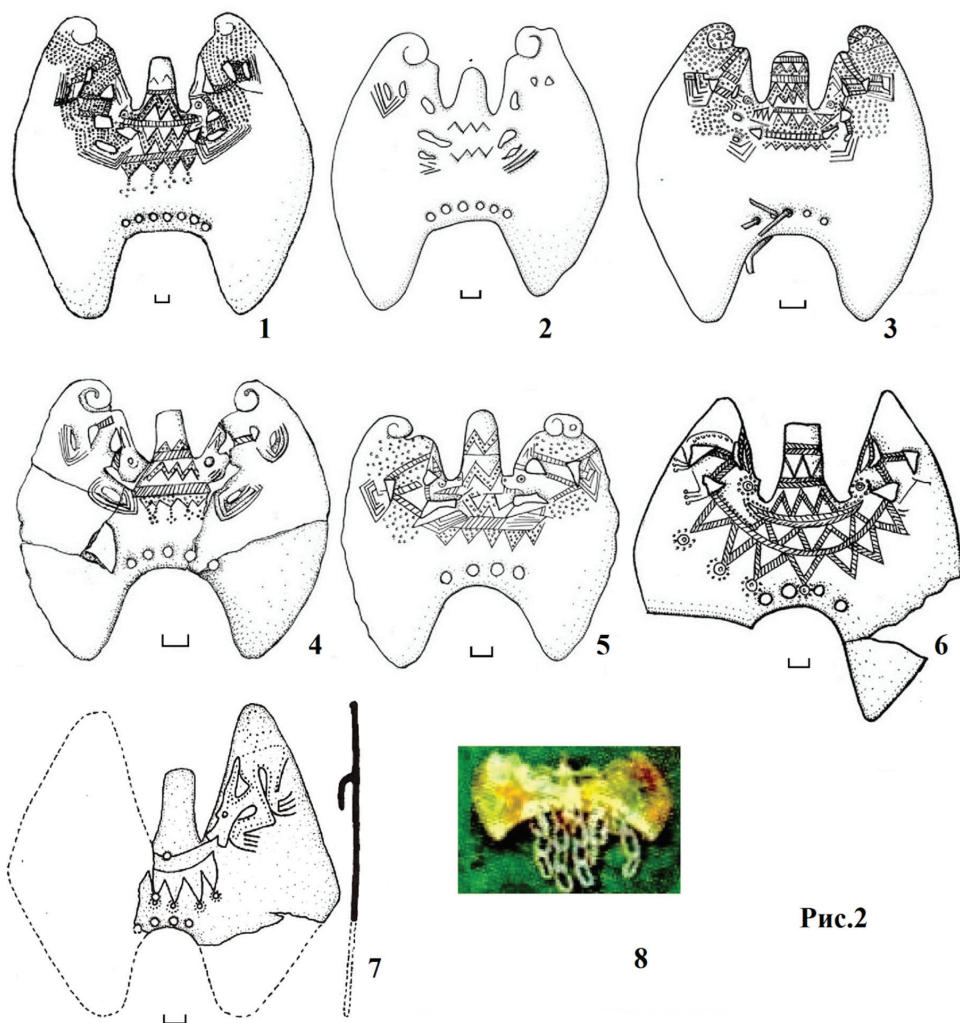

Рис.2

Рис. 2 / Fig. 2. Поздняя хронологическая группа блях «типа Исти-Су» / The late chronological group of “Isti-Su” type badge.

Источник: 1–2 – [1]; 3 – [13]; 4–6 – [7; 9]; 7 – [19]; 8 – Донди-Юрт – оазис чеченской культуры. Урус-Марган, 2008. С. 38.

одного из хвостов хищников изображена голова хищной птицы, что характерно для скифо-сибирского звериного стиля. Оформление скифскими зооморфными фигурками встречается и на поясных птицевидных пряжках дигорского типа из могильников Фаскау, Гастон Уота, Хор Гон. На концах зубцов некоторых экземпляров 2 типа (сс. Исти-Су, Элистанжи Хорохой, Зоны) (рис. 2.1–2.7) имеются

декоративные элементы в виде окружностей, крестов, которые отражают солнечную или астральную сущность птиц. Подобная орнаментация встречается на бронзовом топорике и бронзовом сосуде из Луристана начала I в. до н. э.¹

¹ Ванден-Берге Л. Древности страны лулов. Каталог выставки. СПб.: ГЭ; Брюссель: Королевский музей искусства и истории, 1992. Табл. 203; Wilson Ph. Art of Ancient Iran: Copper and Bronze. The Houshang Mahboubian Family Collection. London: Wilson, 1997. Fig. 43.

Происхождение и генезис блях «типа Исти-Су»

Появление центрально симметричных композиций на северокавказских предметах связано с влиянием искусства ближневосточных цивилизаций. О. А. Артамонова-Полтавцева отмечала, что «...в пряжке из Исти-Су» в наиболее отчётливом виде получила развитие композиция, вовсе неизвестная на поясах Закавказья, хотя по идее родственная с ними и с давних пор известная на Востоке», а прототип птицевидных пряжек видела в изображении крылатой богини «Владычице зверей» [1, с. 78, 94]. По мнению А. П. Мошинского, такие пряжки связаны с влиянием культуры древнего Ирана¹. Действительно, симметричная композиция с хищниками не характерна для ранних этапов кобанского искусства, зато часто встречается в искусстве Луристана на бронзовых псалях и бляхах (IX–VII вв. до н. э.) [5, с. 275, табл. 1–2]. О передневосточных влияниях свидетельствует иконография птицы и хищников, а также их декорировка.

Семантика изображений на бляхах «типа Исти-Су»

Образ большой птицы встречается не только в древнем ближневосточном искусстве, но и в фольклорных источниках. В шумеро-аккадской мифологии встречается огромная птица божественного происхождения Анзуд (шумер.) или Анзу (аккад.) в переводе – «буря» или «ветер». В мифах Анзуд обычно выступает как посредник между земной и небесной сферами, между богами и людьми, воплощая одновременно доброе и злое начала [5, с. 280, 283]. Она представляется в виде огромного орла, в ряде случаев с львиной головой. Этот образ находит отражение в глиптике: изображается птица, когтящая оленей или иных животных, расположен-

ных по сторонам от неё. Этой птице соответствуют Симург, Саена, Сенмурв и чудовищная птица Рук или Рух². В «Шах-намэ» Фирдоуси отмечает, что Симург живёт в горах, на горе Албруз (Эльбрус).

В. В. Кривицкий считает, что птицевидные бляхи связаны с культом плодородия, небесной влаги и изображают огромную птицу Зехап. По ингушским преданиям, «есть на свете синие птицы Зехап, во время дождя они летают в тучах, с большою силою машут крыльями и этим производят гром» [5, с. 280]. В пользу этой версии говорят шумящие цепочки-подвески, имитирующие стекающие с небес воду. В вайнахской мифологии сохранился образ огромной белой птицы Дунен беркат – в переводе «Земная благодать», с которой связано появление на земле воды и растительности. Она находится под покровительством богов и является носителем их воли, способна насыщать на землю беды³.

Изображение хищников на поясных пряжках «типа Исти-Су» также отражает сцену «благотворения».

А. П. Мошинский, считая, что бляхи изображают парящую птицу, предлагает трактовать их как изображения двойных секир. Он полагает, что у этих предметов трёхчленное строение. Верхняя часть представляет собой розетковидную бляху – символ солнца⁴ [11, с. 277].

Размещение барсо-волков на плоскости крыльев блях «типа Исти-Су», по мнению В. Б. Виноградова, – один из казусов, свидетельствующих о том, что широкий ареал заимствований схем и приёмов стилизации в сочетании с раз-

¹ Мошинский А. П. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе, 1988. С. 33–41.

² Schmidt H.-P. Simorg // Encyclopedia Iranica: [сайт]. URL: <https://iranicaonline.org/articles/simorg> (дата обращения: 15.08.2022).

³ Сказки и легенды чеченцев и ингушей. М.: Главная редакция восточной литературы, 1983. С. 105.

⁴ Мошинский А. П. Новая интерпретация кобанских птицевидных блях // Методика исследования и интерпретация археологических материалов Северного Кавказа. Орджоникидзе: Северо-Осетинский научно-исследовательский институт истории, филологии и экономики при Совете Министров Северо-Осетинской АССР, 1988. С. 33–41.

витыми местными традициями зооморфной пластики давал большой простор для нестандартных решений в раскрытии популярных мотивов, строго канонизированных в основных областях бытования скифо-сибирского звериного стиля. Постхарачоевские племена Юго-Восточной Чечни (Ичкерии) оказались фактически в стороне от новой моды, в их памятниках образцы скифо-сибирского звериного стиля и подражающие им изображения крайне редки и художественно маловыразительны, за исключением тех случаев, когда речь идёт об изделиях, попавших от кобанских соседей (например, птицевидные поясные бляхи из сс. Хоро-чой, Ца-Ведено, Хатуни) [5, с. 151–152].

Подобное оформление блях может свидетельствовать о том, что ранние из них, скорее всего, выполнены ближневосточными мастерами, знакомыми с художественными приёмами и технологией изготовления предметов Древнего Востока по заказу жителей Северного Кавказа. В дальнейшем местные мастера стали подражать этим предметам. Более поздние пряжки «типа Исти-Су» демонстрируют непонимание схемы образа хищника, тиражировавшегося на более ранних бляхах.

Заключение

В настоящее время известно 29 экземпляров блях II «типа Исти-Су» VI–V вв. до н. э. Исходя из типологического анализа находок, все известные в настоящее время бляхи «типа Исти-Су» можно разделить на 2 хронологические группы.

В раннюю хронологическую группу (рис. 1) входят бляхи с 10–15 отверстиями, их пропорции по горизонтали шире, чем по вертикали, центральный элемент с крюком на обороте – шея и голова птицы достаточно узкий. Хищники по отношению к центральной оси наклонены менее чем на 45°. Изображение хищников стилизовано, но они сохраняют пропорции реальных животных: тела вытянуты, изображены острые торчащие уши, шерсть

показана пуансоном. Изображения хищников схожи с древнеиранскими (Луристан, Хасанлу). Рисунок хищных животных занимает не более 1/3 пространства бляхи. Орнаментальных элементов не так много, все они помещены на фигурах животных или под их лапами.

Ранние бляхи выполнены по восковой модели. Фигуры птиц и хищников создавали отдельно, а потом монтировались вместе. При изготовлении хищников применялась жгутовая техника, при которой раскатанные в отдельные жгуты кусочки воска изгибались, моделировались и соединялись. Блях раннего типа насчитывается всего 14 экземпляров.

Ранняя хронологическая группа блях «типа Исти-Су» (рис. 1).

1. Неизвестного происхождения («с Урупа»). Хранится в Национальном музее Грузии в г. Тбилиси [1, рис. 36, 42,3 (бляха № 6); 6, рис. 23,2. (Ошибочно как Хатунь); 7, с. 8,1; 16, с. 304–305, рис. 13;]. 15 отверстий (рис. 1.1);
2. Неизвестного происхождения¹ [19, рис. 2, с. 178, 182]. Предположительно, 14 отверстий (сохранились 7 на половине пряжки) (рис. 1.2).
3. с. Бачи-Юрт, Курчалоевский р-н, Чечня [20, рис. 2]. 13 отверстий (рис. 1.3);
4. Крепость Воздвиженская. Урус-Мартановский р-н, Чечня [1, рис. 34 (бляха № 4); 5, табл. 1–2; 6, рис. 23.1 (как крепость Владикавказ)]. 13 отверстий (рис. 1.4);
5. Ялхой-Мохкский, могильник 4 [5, табл. 1,3; 6, рис. 20,4; 18, с. 136, рис. 37 (III)]. 13 отверстий (рис. 1.5);
6. с. Орехово, Ачхой-Мартановский р-н, Чечня [5, табл. 1, 3; 7]. 12 отверстий (рис. 1.6);
7. с. Лермонтов-Юрт. Ачхой-Мартановский район. Чечня [11, с. 113; 4, рис. 20,3. (ошибочно как с. Орехо-

¹ Guns: Оружейный портал [Электронный ресурс]. URL: <http://talks.guns.ru> (дата обращения: 15.08.2022).

во)]. 12 отверстий (рис. 1: 7).

8. Чечня, Терская обл. Случайная находка около 1893 г. Коллекция Н. Н. Муравьева-Карского. ГИМ [1, с. 73, рис. 35, 42.2 (бляха № 5); 4, рис. 22.3; 5, табл. 1.4]. 11 отверстий (рис. 1.8);
9. Крепость Воздвиженская. Урус-Мартановский р-н, Чечня. Коллекция Н. Н. Муравьева-Карского [7, рис. 8.5; 8, табл. XXV.4;]. 11 отверстий (рис. 1.9);
10. Луговой могильник. Сунженский р-н, с. Мужичи, Ингушетия [12, табл. LXXIII.1]. Предположительно, 11 отверстий (рис. 1.10);
11. Шалинский мог. Разрушенное погребение. Шалинский р-н, Чечня [2, рис. 4, с. 206; 3, рис. 1.23; 5, табл. 1, 6]. 11 отверстий (рис. 1.11);
12. Крепость Воздвиженская, находка 1844 г. Урус-Мартановский р-н, Чечня. Государственный Эрмитаж. Инв. № 1743/1 [1, рис. 37, 42.4 (бляха № 7); 5, табл. 1.1 (как Северный Кавказ); 6, рис. 21.2 (как Северный Кавказ); 7, с. 8.1]. 10 отверстий (рис. 1.12);
13. Ассиновский могильник, погребение № 8. Серноводский р-н, Чечня. СКАЭ 1957 г. Ассинский отряд¹ [6, рис. 22.1]. Отверстия не сохранились (рис. 1.13);
14. Урус-Мартановский р-н, Чечня. Музей «Донди-Юрт»² (рис. 1.14).

Поздняя хронологическая группа блях «типа Исти-Су»

В позднюю хронологическую группу (рис. 2) входят бляхи с 4–7 отверстиями. По вертикали они выше, чем по горизонтали, или имеют равные пропорции. Центральный элемент, образующий шею и голову птицы, более массивный. Хищники наклонены к центральной оси под

углом более чем 45°. Они более стилизованы, часто изображается одна голова, а туловище представляют декоративные элементы. Кончик хвоста иногда представлен в виде птичьих головок, что характерно для скифского звериного стиля. Декор занимает половину и более поверхности бляхи. Поздние бляхи отлиты в открытой форме и покрыты прорезным, гравированным и пуансонным орнаментом [1; 9]. Блях позднего типа известно 15 экземпляров.

1. Грунтовый могильник, погребение № 20. Гудермесский р-н, с. Исти-Су, Чечня. СКАЭ ГАИМ К (ЛОИМК) 1937 г.³ [1, рис. 31, 39, 41.1 (бляха № 1); 6, рис. 20.1; 7, рис. 8.7]. 7 отверстий (рис. 2.1);
2. Веденский р-н, с. Хатуни, Чечня. Найдена в 1890 г. Покупка АК 1895 г. Хранится в ГЭ⁴ [1, рис. 32, 41.2 (бляха № 2); 7, рис. 23.3]. 6 отверстий (рис. 2.2);
3. Веденский р-н, с. Ца-Ведено, Чечня. Разрушенное погребение 1965 г. [7, рис. 8.8; 9, с. 150–151, рис. 1; 10, табл. XXXIII (11); 13, с. 34–36]. 5 отверстий (рис. 2.3);
4. Веденский р-н, с. Элистажи, Чечня. Грунтовое погребение [5, табл. 1.8; 6, рис. 2.2; 7, рис. 3, с. 9–11]. 5 отверстий (рис. 2.4);
5. Майртупский могильник № 3. Курчалоевский р-н, Чечня [5, табл. 1.9; 6, рис. 21.1; 7, рис. 4, с. 12–13]. 4 отверстия (рис. 2.5);
6. Веденский р-н, с. Хорочой (Харачой), Чечня. Куплена в 1937 г. в ходе экспедиции СКАЭ ГАИМК⁵ [1, рис. 33; 5, табл. 1.10; 6, рис. 20.2. (ошибочно как Хатунь); 7, рис. 8.9;]. 4 отверстия (рис. 2.6);
7. Шатойский р-н, с. Зоны, Чечня [19, с. 178, 182, рис. 1]. 4 отверстия (рис. 2.7);

¹ Кузнецов В. А. Альбом к Отчёту о работах Северо-Кавказской археологической экспедиции. Ассинский отряд. 1957 г. Научный архив Института археологии РАН, рис. 24.

² Донди-Юрт – оазис чеченской культуры. Урус-Мартан, 2008. С. 38.

³ Фотоархив Института истории материальной культуры РАН. Д. № II 39956.

⁴ Там же. № II 25648

⁵ Там же. № II 39955. QB. 67.39.

8. Урус-Мартановский р-н, Чечня. Музей «Донди-Юрт» (рис. 2.8);
9. Также известны неопубликованные птицевидные бляхи «типа Исти-Су»;
10. 9–12. Грозненский район, ст. Ильинская, Чечня. Сборы М. П. Севостьянова 1970-х гг. [14, с. 142; 20, с. 135–136, 138];
11. 13. Урус-Мартановский р-н, с. Гойское, Чечня. Разрушенное погребение. Находка 2008 г. [15, с. 85, № 9. Гойские находки];
12. Урус-Мартановский р-н, с. Рошни-Чу, Чечня [7, с. 12];
13. Малгобекский район, с. Пседах, Ингушетия [7, с. 12].

Таким образом, количество отверстий на бляхах и стилистические особенности являются хронологическими маркерами для поясных блях «типа Исти-Су». В VIII в. на территории горной Чечни появляются аналогичные железные поясные бляхи [11, табл. 1, 11–12], которые по вертикали и горизонтали имеют равные параметры, приближаясь по форме к окружности, зооморфные изображения на них исчезают, остаются лишь орнаментальные мотивы. Форма пряжек в средние века показывает направление развития от широких пряжек к вытянутым по вертикали или округлым.

Дата поступления в редакцию 15.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Артамонова-Полтавцева О. А. Культура северо-восточного Кавказа в скифский период // Советская археология. 1950. № XIV. С. 20–101.
2. Виноградов В. Б. Новые комплексы скифского времени из Чечено-Ингушетии (VI–V вв. до н. э.) // Советская археология. 1970. № 3. С. 202–208.
3. Виноградов В. Б. К характеристике кобанского варианта в скифо-сибирском зверином стиле // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии / отв. ред. А. И. Мелюкова, М. Г. Мошкова. М.: Наука, 1976. С. 147–152.
4. Вольная Г. Н. История изучения предметов зооморфного искусства раннего железного века Из археологических памятников Чечни // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 2. С. 42–67.
5. Вольная Г. Н. К вопросу об иранских влияниях на Центральном и Северо-Восточном Кавказе (на примере бронзовых птицевидных пряжек «типа Исти-Су» // Indo-Iranica et orientalia. Studi Iranici Ravennati II. 2018. С. 271–292.
6. Вольная Г. Н. Прикладное искусство Притеречья середины I тыс. до н. э. Владикавказ: Издательство им. В. А. Гассиева, 2002. 145 с.
7. Дударев С. Л., Мамаев Х. М., Хасбулатова З. И. Новые находки скифского времени из с. Элистанжи и Майртуп // Новые материалы по археологии и этнографии Чечено-Ингушетии. Грозный: Чечено-Ингушское книжное издательство, 1987. С. 6–23.
8. Козенкова В. И. Кобанская культура: Восточный вариант. М.: Наука, 1977. 87 с.
9. Козенкова В. И. Предметы из Ца-Ведено (Чечено-Ингушетия) середины I тысячелетия до н. э. // Кавказ и Восточная Европа в древности. М., 1973. С. 149–158.
10. Козенкова В. И. Типология и хронологическая классификация предметов кобанской культуры. Восточный вариант. М.: Наука, 1982. 177 с.
11. Козенкова В. И., Кантемиров Э. С., Череповская О. В. Работы Северо-Кавказского отряда // Археологические открытия 1974 года. М.: Наука, 1975. С. 112–114.
12. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Наука, 1960. 520 с.
13. Крупнов Е. И. Новое в изучении истории Северного Кавказа // Археологические открытия 1965 г. М.: Наука, 1966. С. 33–36.
14. Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х., Нарожный Е. И. Археологические материалы из кургана у станицы Ильинская в Чечне // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2013. № 1. С. 133–147.
15. Мамаев Х. М., Мамаев Р. Х. Археологические памятники Урус-Мартановского района ЧР (материалы к археологической карте). Часть 1 // Вестник Академии наук Чеченской Республики. 2020. № 2. С. 82–90.

16. Миллер А. А. Изображение собаки в древностях Кавказа // Известия Российской академии истории материальной культуры. 1922. Т. 2. № 22. С. 287–324.
17. Мунчаев Р. М. Луговой могильник (исследования 1956–1957 гг.) // Древности Чечено-Ингушетии / отв. ред. Е. И. Крупнов. М.: Наука, 1963. С. 139–211.
18. Петренко В. А. Раскопки и разведки памятников раннежелезного века в Чечено-Ингушетии // Археологические открытия 1977 г. М.: Наука, 1978. С. 136–137.
19. Скаков А. Ю. Некоторые неопубликованные позднекобанские древности Чечни // Вестник Чеченской академии наук. 2007. № 12. С. 176–181.
20. Скаков А. Ю., Ахмаров А. У. Новая находка пряжки «типа Исти-Су» с территории Чечни // Кобанская культурно-историческая общность в контексте древностей Кавказа. Памяти доктора исторических наук В. И. Козенковой: сборник статей / под ред. А. А. Малышева, А. Ю. Скакова. М.: МАКС Пресс, 2021. С. 134–145.

REFERENCES

1. Artamonova-Poltavtseva O. A. [Culture of the northeastern Caucasus in the Scythian period]. In: *Sovetskaya arkeologiya* [Soviet archeology], 1950, no. XIV, pp. 20–101.
2. Vinogradov V. B. [New complexes of the Scythian time from Checheno-Ingushetia (6th–5th centuries BC)]. In: *Sovetskaya arkeologiya* [Soviet archaeology], 1970, no. 3, pp. 202–208.
3. Vinogradov V. B. [To the characterization of the Koban version in the Scythian-Siberian animal style]. In: Melyukova A. I., Moshkova M. G. eds. *Skifo-sibirskiy zverinyy stil v iskusstve narodov Yevrazii* [Scythian-Siberian animal style in the art of the peoples of Eurasia]. Moscow, Nauka Publ., 1976. P. 147–152.
4. Volnaya G. N. [History of studying objects of zoomorphic art of the early Iron Age From archaeological sites of Chechnya]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2013, no. 2, pp. 42–67.
5. Volnaya G. N. To the question of Iranian influences in the Central and Northeast Caucasus (on the example of bronze bird-like buckles «of the Isti-Su type»). In: *Indo-Iranica et orientalia. Studi Iranici Ravennati II*, 2018, pp. 271–292.
6. Volnaya G. N. *Prikladnoye iskusstvo Priterechya serediny I tys. Do n. e.* [Applied Art of the Near Middle of the 1st millennium BC]. Vladikavkaz, Izdatelstvo im. V. A. Gassiyeva Publ., 2002. 145 p.
7. Dudarev C. L., Mamaev Kh. M., Khasbulatova Z. I. [New finds of Scythian time from the village. Elistanzhi and Mayrtup]. In: *Novyye materialy po arkeologii i etnografii Checheno-Ingushetii* [New materials on archeology and ethnography of Chechen-Ingushetia]. Grozny, Checheno-Ingushskoye knizhnoye izdatelstvo Publ., 1987. P. 6–23.
8. Kozenkova V. I. *Kobanskaya kultura: Vostochnyy variant* [Koban culture: Eastern version]. Moscow, Nauka Publ., 1977. 87 p.
9. Kozenkova V. I. [Objects from TsA-Vedeno (Chechen-Ingushetia) in the middle of the 1st millennium BC]. In: *Kavkaz i Vostochnaya Yevropa v drevnosti* [Caucasus and Eastern Europe in antiquity], Moscow, 1973. P. 149–158.
10. Kozenkova V. I. *Tipologiya i khronologicheskaya klassifikatsiya predmetov kobanskoy kultury. Vostochnyy variant* [Typology and chronological classification of objects of Koban culture. Eastern variant]. Moscow, Nauka Publ., 1982. 177 p.
11. Kozenkova V. I., Kantemirov E. S., Cherepovskaya O. V. [Works of the North Caucasus detachment]. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya 1974 goda* [Archaeological discoveries of 1974]. Moscow, Nauka Publ., 1975. P. 112–114.
12. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, Nauka Publ., 1960. 520 p.
13. Krupnov E. I. [New in the study of the history of the North Caucasus]. In: *Archaeological discoveries in 1965* [Archaeological discoveries of 1965]. Moscow, Nauka Publ., 1966. P. 33–36.
14. Mamaev Kh. M., Mamaev R. Kh., Narozhny E. I. [Archaeological materials from a kurgan near the village of Ilyinskaya in Chechnya]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2013, no. 1, pp. 133–147.
15. Mamaev Kh. M., Mamaev R. Kh. [Archaeological monuments of Urus-Martan district (materials to the archaeological map). Part 1]. In: *Vestnik Akademii nauk Chechenskoy Respubliki* [Bulletin of the Academy of Sciences of the Chechen Republic], 2020, no. 2, pp. 82–90.

16. Miller A. A. [Image of a dog in the antiquities of the Caucasus]. In: *Izvestiya Rossiyskoy akademii istorii material'noy kultury* [Izvestia of the Russian Academy of the History of Material Culture], 1922, vol. 2, no. 22, pp. 287–324.
17. Munchaev R. M. [Lugovoy burial ground (Studies 1956–1957)]. In: Krupnov E. I., ed. *Drevnosti Checheno-Ingushetii* [Antiquities of Chechen-Ingushetia]. Moscow, Nauka Publ., 1963. P. 139–211.
18. Petrenko V. A. *Raskopki i razvedki pamyatnikov rannezheleznogo veka v Checheno-Ingushetii* [Excavations and exploration of early Iron Age sites in Checheno-Ingushetia]. In: *Arkheologicheskiye otkrytiya 1977 g.* [Archaeological Discoveries 1977]. Moscow, Nauka Publ., 1978. P. 136–137.
19. Skakov A. Yu. [Some unpublished late Koban antiquities of Chechnya]. In: *Vestnik Chechenskoy akademii nauk* [Bulletin of the Chechen Academy of Sciences], 2007, no. 12, pp. 176–181.
20. Skakov A. Yu., Akhmarov A. U. [New find of a buckle «of the Isti-Su type» from the territory of Chechnya]. In: Malyshev A. A., Skakov A. Yu., ed. *Kobanskaya kulturno-istoricheskaya obshchnost v kontekste drevnostey Kavkaza. Pamyati doktora istoricheskikh nauk V. I. Kozenkova: sb. statey* [Koban cultural and historical community in the context of the antiquities of the Caucasus. In memory of Doctor of Historical Sciences V. I. Kozenkova: a collection of articles]. Moscow, MAKS Press Publ., 2021. P. 134–145.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Керцева (Вольная) Галина Николаевна – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела археологии Института истории и археологии Республики Северная Осетия-Алания; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Керцев Руслан Юрьевич – студент 1 курса кафедры истории мировых цивилизаций исторического факультета Чеченского государственного университета имени А. А. Кадырова; e-mail: rkersev@gmail.com

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Galina N. Kertseva (Volnaya) – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Senior Researcher, Department of Archaeology, Institute of History and Archeology of the Republic of North Ossetia-Alania; e-mail: gal.volnaya@yandex.ru

Ruslan Yu. Kertsev – 1st year student, Department of the History of World Civilizations, Faculty of History, Federal Kadyrov Chechen State University; e-mail: rkersev@gmail.com

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Керцева (Вольная) Г. Н., Керцев Р. Ю. Поясные бляхи «типа Исти-Су»: происхождение, типология, семантика // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 103–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-103-114

FOR CITATION

Kertseva (Volnaya) G. N., Kertsev R. Yu. Belt plaques of the «Isti-Su type»: origin, typology, semantics. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpon-tica, iss. IV, pp. 103–114.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-103-114

УДК 03.09.23

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-115-141

ПАЛЕОАНТРОПОЛОГИЯ И ПАЛЕОПАТОЛОГИЯ КОСТНЫХ ОСТАНКОВ ИЗ ЗАХОРОНЕНИЙ VII В. ДО Н. Э. ИЗ МОГИЛЬНИКА НОР АРМАВИР (АРМЕНИЯ)

Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирацян Н. Г., Амаякян М. С.

Институт археологии и этнографии НАН Республики Армения

0025, г. Ереван, ул. Чаренца, д. 15, Республика Армения

Аннотация

Цель. Изучение скелетных останков 8 индивидов (2 мужчин, 5 женщин, 1 ребёнка), обнаруженных в августе 2020 г. во время раскопок могильника Нор Армавир.

Процедура и методы. Исследование осуществлялось путём визуального изучения костных останков, измерения и описания. Зафиксированы следы патологических процессов на скелетах и реконструирована их этиология.

Результаты. Выявлены трепанация, непреднамеренная теменная деформация и травматизм различной степени тяжести на костях черепа и посткраниального скелета. Анализируется несколько способов обращения с останками у населения эпохи позднего железа: расчленение тел и кремация. Наблюдалось среднее развитие мускулатуры пояса верхних и нижних конечностей. Воспалительные процессы на костях выявлены у взрослых и у ребенка. Совокупную оценку здоровья индивидов в целом следует считать неудовлетворительной.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в теорию антропологической экспертизы.

Ключевые слова: Армения, Урарту, краниология, остеология, одонтология, палеопатология

PALEOANTHROPOLOGY AND PALEOPATOLOGY OF BONE REMAINS FROM THE 7TH CENTURY BC BURIALS FOUND IN THE NOR ARMAVIR BURIAL GROUND (ARMENIA)

A. Khudaverdyan, S. Hmayakyan, N. Tiratsyan, M. Hmayakyan

Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Science

ul. Charentsa 15, Yerevan 0025, Republic of Armenia

Abstract

Aim. To examine the skeletal remains of 8 individuals (2 men, 5 women, 1 children) discovered in August 2020 during excavations in the Nor Armavir burial ground.

Methodology. The research methodology involved visual examination of skeletons, their measurements, and descriptions. The applied methodology revealed traces of pathological processes, whose etiology was further reconstructed.

Results. Trepanation, unintentional parietal deformation and injuries of varying severity on the bones of the skull and postcranial skeleton were revealed. The article analyzes several methods of treating buried remains of the Late Iron Age, such as: body dissection and cremation. A moderate development of the musculature of the girdle of the upper and lower extremities was observed. Inflamma-

tory processes on the bones were found in adults and children. The overall health assessment of individuals should be considered unsatisfactory.

Research implications. The research results contribute to the theory of anthropological expertise.

Keywords: Armenia, Urartu, physical anthropology, human osteology, odontology, paleopathology

Введение

Аргиштихинили (Армавир) – древний город Ванского царства (ассирийское название – Урарту), основанный на левом берегу Аракса, в его среднем течении. Бессмертный М. Хоренаци сохранил нам предание о постройке Армавира Арамаисом – внуком родоначальника армян Айка: «Арамаис строит себе жилище на блуре, [возвышающемся] на берегу реки, и по имени своему называет его Армавиrom, а реке даёт название Ерасх, по имени внука Араста» [16]. Как отмечает М. В. Никольский, «...предания о древности Армавира и его высоком значении в архаическую эпоху Армении коренятся в воспоминаниях, оставшихся из того периода истории этой страны, когда она заселена была урартским племенем, главный политический центр которого был г. Тушпа (Ван), а местным центром был Армавир» [11, с. 31–33]. Систематическое изучение Аргиштихинили-Армавира началось в 1962 г. по плану Института археологии и этнографии и по решению Президиума АН АрмССР. Единая Армавирская экспедиция вскоре разделилась на 2 самостоятельные экспедиции: на Нор Армавирскую, которая занималась в основном изучением г. Аргиштихинили, и на Армавирскую, с задачей исследования древнего Армавира.

Многочисленные исследователи, приступив к изучению памятника Аргиштихинили, представляли серьёзность и сложность проблемы восстановления облика большого урартского города, воссоздания картины его градостроительных особенностей, антропологического и этнического составов, исторических судеб, хозяйственной базы, общекультурного значения, удельного веса отдельных отраслей хозяйства, сложной социальной и этнической структур, взаимоотноше-

ний с урартскими городами и значения урартских городов в завершающийся период образования армянского народа, зарождения государственности и основ армянской культуры. Исследования, проведённые в последние годы, показали реальные возможности для биоархеологического изучения жизни древнейшего на территории Армении государственного образования [20].

Цели и задачи, решаемые в данном исследовании, заключались в комплексном изучении палеoантропологических материалов из захоронений, раскопанных в 2020 г. Настоящее исследование даёт подробную информацию о людях, живших в эпоху позднего железного века на территории Армении, а также способах обращения с телами умерших, которой ранее недоставало из-за использования неадекватных методов анализа.

Материалы для исследования были получены в 2020 г. в процессе работы Армавирской экспедиции Института археологии и этнографии НАН РА, возглавляемой С. Г. Амаякяном при участии Н. Г. Тирацян и М. С. Амаякяна. Могильник Нор Армавир находился в Армавирской области, к северу от р. Аракс, в 41.6 км к юго-западу от г. Еревана, на высоте 885 м над уровнем моря. Могильник был датирован археологами VII в. до н. э. (рис. 1). В погребениях скелетные останки фиксируются в расчленённом, кремированном, анатомически несогласованном порядке и представлены заведомо неполным набором костей. «Особые» виды погребений отражают малоизученные в армянской археологии специфические формы обращения с телом умершего и его костными останками.

Антропологический материал представлен 8 разновозрастными индивидами обоего пола, которые были исследова-

Рис. 1 / Fig. 1. Могильник Нор Армавир (раскопки 2020) / The Nor Armavir burial ground (excavations 2020)

Источник: фото авторов

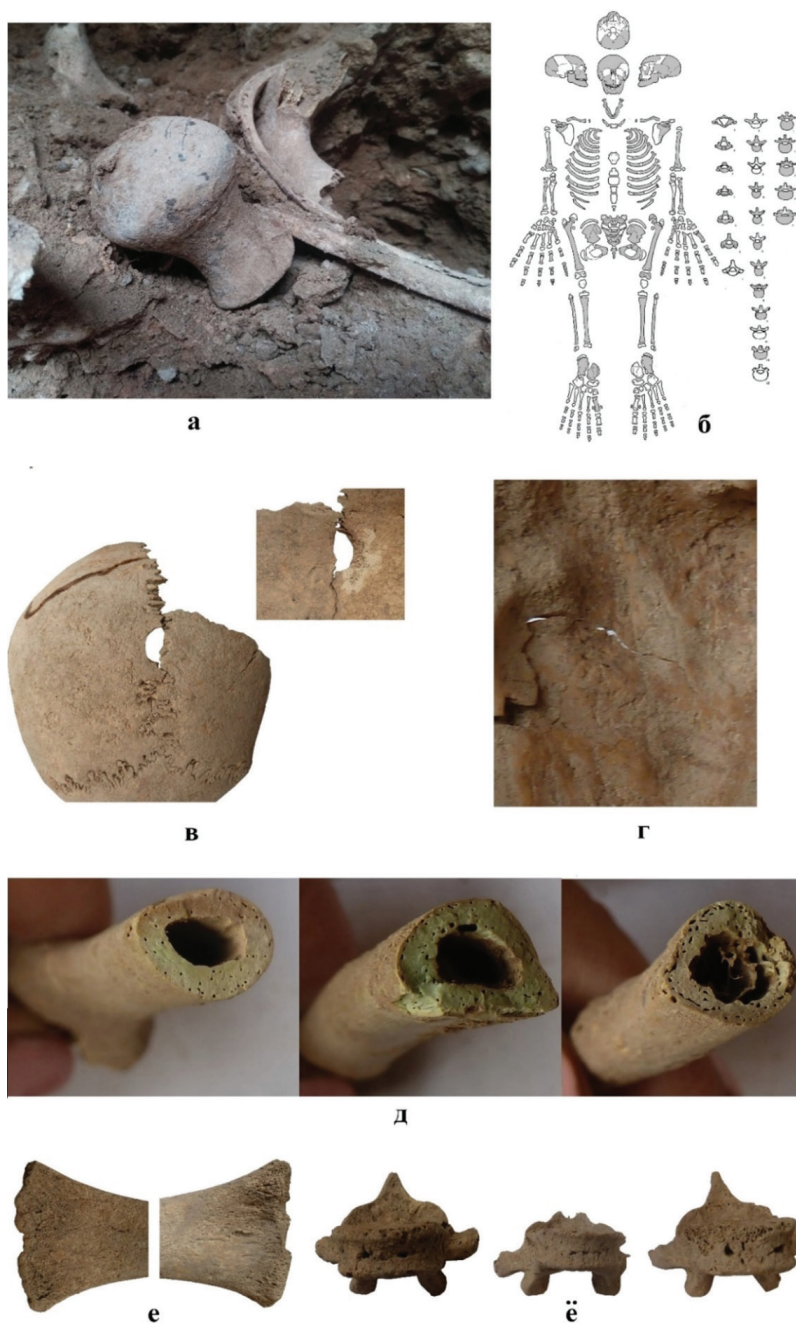
ны с помощью различных традиционных методик, принятых в физической антропологии и биоархеологии [2–3; 6–8; 10; 17; 19; 27]. Обследованные зубы индивидов находились *in situ*. Измерения диаметров коронок выполнялись по методу Р. Сельмера-Олсена, предполагающему опору на морфологически контактные точки. Пределы размерных категорий для каждого диаметра устанавливались в соответствии со шкалой А. А. Зубова [7, табл. 26, с. 98–99]. Рубрикации и размах вариаций показателей скелета взяты из работы Я. Я. Рогинского и М. Г. Левина [13]. Развитие рельефа длинных костей в местах прикрепления мускулатуры оценивалось по системе В. Н. Федосовой [15]. Рассчитана прижизненная длина тела (формулы М. Троттера и Г. Глезера, К. Пирсон и А. Ли) [2]. Кости изучались макроскопически. Патологические изменения описывались по методикам, разработанным рядом авторов [18; 21; 25]. Использована методика определения цветности для реконструкции процессов горения и воздействия высоких температур на костную ткань по шкале цветности, разработанной экспериментальным путём при сжигании образцов на опытных поверхностях грунта [29].

Исследование останков

Останки **индивида 1** представлены фрагментами костей черепа и посткраниального скелета (рис. 2а). Все части скелета не находились в анатомически правильном положении. Скелет принадлежал ребёнку (вероятно, девочке) возрастной категории от 6–8 лет.

Из 27 дискретно-варьирующих (краниоскопических) признаков на черепе обнаружены только 6 (табл. 1).

Вестибуло-лингвальные (VLcor) диаметры коронок первых и вторых верхних моляров попадают в категорию малых значений, а мезио-дистальные (MD cor) диаметры – в категорию больших значений. Вестибулярный бугорок на первых верхних премолярах несколько больше лингвального, но размеры бугорков сравнимы (таб. 2). На первых верхних молярах фиксируются бугорок Карабелли, форма 3 первой борозды эконуса (1eo). Бугорок Карабелли небольшого размера с отдельно стоящей вершиной (3 балла). Гипоконус первых верхних моляров слабо редуцирован (балл 4-), так же, как и метаконус (балл 2). Протяжённость межкорневого затёка эмали 3 мм, конец затёка не уходит между корнями и виден на вестибулярной поверхности (балл 5). Область лингвального бугорка левого клыка – плоская, довольно слабо выделяющаяся на общем

а) общий вид захоронения;
 б) сохранность антропологического материала;
 в) трепанация на сагитальном шве;
 г) эндокраниальная поверхность свода черепа с
 пальцевидными вдавлениями в центральной части;

д) расчленение костей;
 е) пористость в области нижних эпифизов бедренных;
 з) туберкулезные проявления на позвонках

Рис. 2 / Fig. 2. Захоронение № 1 / Burial no. 1

Источник: фото авторов

Таблица 1/ Table 1

Индивидуальные данные краниоскопических признаков / Individual data of cryoscopic (non-metric) traits

		Инд. 1	Инд. 3	Инд. 3-1	Инд. 3-2
1	Sutura frontalis	–	–	–	–
2	Foramina supraorbitalia	+	–	–	–
3	Foramina frontalia	–	–	–	–
4	Spina trochlearis	–		–	–
5	Foramina infraorbitalia	+			–
6	Foramina zygomaticofacialia		+	–	+
7	Os zygomaticum bipartitum tripartitum	–	+	–	+
8	Spina processus frontalis ossis zygomatici прямой выступ отросток	+	+	+	+
9	Stenocrotaphia Н-обр. К-обр. Х-обр.			+	
10	Processus frontalis squamae temporalis			+	
11	Processus temporalis ossis frontalis			–	
12	Os epiptericum			–	
13	Os Wormii suturae squamosum	+		+	
14	Os postsquamosum	–		–	+
15	Os parietale bipartitum	–	–	–	
16	Os Wormii suturae coronalis	–	–	–	–
17	Os bregmaticum	–	–	–	–
18	Os Wormii suturae sagittalis	–	–	–	–
19	Foramina parietalia	–	–	+	+
20	Os Incae completus	–	–	–	–
21	Os triquetrum	–	–	–	–
22	Os quadratum	–	–	–	–
23	Os apicis lambdae	–	–	–	–
24	Os interparietale s. sagittalis	–	–	–	–
25	Propcessus interparietalis	–	–	–	–
26	Os Wormii suturae lambdoidea	–	–	+	–
27	Sutura mendoza		–	+	
28	Torus occipitalis (0-3)			0	0
29	Os asterion	–	–	–	
30	Os Wormii sut. occipitomastoideum		–		
31	Foramina mastoidea на шве вне шва		–	–	+
		+	+	–	+

Окончание табл. 1

32	Sutura palatina transversa (форма шва) прямой выпуклый вогнутый извилистый п-образный				
33	Sutura incisiva	+	+	+	+
34	Foramen pterygospinosum				+
35	Canalis craniopharyngeus				
36	Отсутствие foramina spinosum		–		+
37	Condylus occipitalis bipartitum		–		
38	Processus paramastoideus		+		+
39	Tuberculum praecondylare		–		
40	Canalis condyloideus		+		+
41	Foramina mentalia				
42	Torus palatinus (0-3)		0	0	0
43	Sulcus mylohyoideus	–			–
44	Foramina mandibularia	–	–		
45	Torus mandibularis (0-3)	0	0		0

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

фоне поверхности. Первый нижний моляр пятибугорковый, тип узора – Y. На первом нижнем моляре обнаружена коленчатая складка метоконида. Второй нижний мо-

ляр четырёхбугорковый, тип узора – X. Здесь фиксируется редкая одонтоскопическая особенность – центральный окклюзионный бугорок (рис. 3).

Таблица 2 / Table 2

Индивидуальные размеры зубов из памятника Нор Армавир / Individual tooth sizes from the Nor Armavir burial ground

	<i>Нижняя челюсть</i>							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}							
	Индивид 1		Индивид 3		Индивид 3-2		Индивид 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
П1	–	–	6,2	6,2	5,7	–	–	–
П2	–	–	–	–	5,9	5,8	–	–
С	–	8,2	–	–	6,2	6	–	–
Р1	–	–	–	–	6,2	6	–	–
Р2	–	–	–	–	–	6,8	–	–
М1	10,5	10,5	–	–	9,2	9,1	–	–
М2	9,3?	9,8	–	–	9,2	–	–	–
М3	–	–	–	–	8,2	–	–	–

	Нижняя челюсть							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}							
	Индивид 1		Индивид 3		Индивид 3-2		Индивид 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
	Мезио-дистальный диаметр MD_{cor}							
I1	–	–	5,8	5,8	5,2	–	–	–
I2	–	–	–	–	4,9	5,2	–	–
C	–	6,8	–	–	6	5,9	–	–
P1	–	–	–	–	6,2	6,2	–	–
P2	–	–	–	–	–	6,2	–	–
M1	12,2	12,6	–	–	10,9	10,5	–	–
M2	11?	11,8	–	–	9,5	–	–	–
M3	–	–	–	–	9,3	–	–	–
	Высота коронки H_{cor}							
M1	8,4	8,3	–	–	6,1	6	–	–
M2	–	–	–	–	5,8	–	–	–
M3	–	–	–	–	5,4	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD_{col}							
M1	9,5	10,1	–	–	7,8	8	–	–
M2	–	–	–	–	7,4	–	–	–
M3	–	–	–	–	7,8	–	–	–
	Площадь коронки $MD \text{ Ч } VL$							
M1	128,1	132,3	–	–	100,3	95,6	–	–
M2	102,3	115,7	–	–	87,4	–	–	–
M3	–	–	–	–	76,3	–	–	–
	Индекс коронки I_{cor} (VL / MD) Ч 100							
M1	86,1	83,4	–	–	84,5	86,7	–	–
M2	84,6	83,1	–	–	96,9	–	–	–
M3	–	–	–	–	88,2	–	–	–
	Модуль коронки $m_{cor} MD + VL / 2$							
M1	11,4	11,6	–	–	10,1	9,8	–	–
M2	10,2	10,8	–	–	9,4	–	–	–
M3	–	–	–	–	8,8	–	–	–
	Верхняя челюсть							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL_{cor}							
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
I1	–	–	6,5	–	6,2	–	–	–
I2	–	–	–	–	5,5	5,4	–	–
C	–	–	–	–	7,7	–	–	–
P1	8,8	–	–	–	7,9	–	–	–
P2	–	–	–	–	8,1	–	–	–

Окончание табл. 1

	Нижняя челюсть							
	Вестибуло-лингвальный диаметр VL _{cor}							
	Индивид 1		Индивид 3		Индивид 3-2		Индивид 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
М1	12,1	12	–	–	10,4	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	9,9	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр MD _{cor}							
И1	–	–	8,2	–	7,4	–	–	–
И2	–	–	–	–	5,4	5,5	–	–
С	–	–	–	–	7	–	–	–
Р1	6,1	–	–	–	6,2	–	–	–
Р2	–	–	–	–	5,9	–	–	–
М1	10,7	10,7	–	–	9,5	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	8	–	–	–
	Высота коронки Н _{cor}							
М1	7,9	7,6	–	–	5,9	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	4,5	–	–	–
	Мезио-дистальный диаметр шейки MD _{col}							
М1	8,8	8,5	–	–	–	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	–	–	–	–
	Площадь коронки MD Ч VL							
М1	129,5	128,4	–	–	98,8	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	79,2	–	–	–
	Индекс коронки I _{cor} (VL / MD) Ч 100							
М1	113,1	112,2	–	–	109,5	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	123,8	–	–	–
	Модуль коронки m _{cor} MD + VL / 2							
М1	11,4	11,4	–	–	9,95	–	–	–
М2	–	–	–	–	–	–	–	–
М3	–	–	–	–	8,95	–	–	–

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

Рис. 3/ Fig. 3. Центральный окклюзионный бугорок на втором правом моляре/ Central occlusal tubercle on the right second molar

Источник: фото авторов

На сагитальном шве имелось трепанационное отверстие (рис. 2б). Однако процедура краниотомии не была завершена. Трепанация была проведена методом надреза. Отверстие неправильной, овальной формы (размеры 14,2 × 9 мм). Признаков заживления или воспаления не обнаружено. Вероятно, смерть ребёнка настигла в середине процедуры.

Пальцевидные вдавления фиксируются на эндокраниальной поверхности черепа (рис. 2г). Пальцевидные вдавления называют одним из признаков развития гипертензионного синдрома и повышенного внутричерепного давления. К причинам их развития относятся краниосиностозы, инфекции, опухоли, абсцессы, гематомы, паразитарные кисты, гидроцефалия и т. д.

Литические поражения локализуются на боковых поверхностях тел позвонков. Внутренняя поверхность рукоятки демонстрирует крупноячеистую трабекулярную структуру. Пористость и пороз костей наблюдается в области нижних эпифизов бедренных (рис. 2д), большеберцовых костей. Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность.

Впервые на норармавирском кладбище были обнаружены следы расчленения на правых локтевой и лучевой костях (рис. 2в). Расчленение проводили в то

время, когда кости были связаны с мягкими тканями.

Маркер эпизодического стресса – эмалевая гипоплазия – фиксируется на клыках и молярах. Данная патология не является маркером специфической болезни, а выступает показателем общего состояния здоровья у ребенка.

На грудных и поясничных позвонках выявлена начальная стадия туберкулёза (рис. 2е). Наблюдается изъеденность и разрушение (*wedge-shape vertebra*) тел позвонков. Развивается заболевание в результате попадания инфекции микобактерий туберкулёза из туберкулёзного очага в легких по лимфатическим и кровеносным сосудам в кости.

Останки **индивида 2** (черепок отсутствует) представлены фрагментами костей посткраниального скелета (рис. 4).

Пол погребённого – женский, возраст – 20–29 лет. Наибольшая ширина середины диафиза плечевой кости и окружность середины диафиза попадают в категорию малых величин; наименьшая окружность диафиза и наименьшая ширина середины диафиза также – малые (табл. 3).

Межмышцелковое отверстие (*foramen intercondy-loideum s.supratrochleare*) было зафиксировано на правой плечевой кости. Продольные размеры лучевой и локтевой костей попадают в рубрику малых величин. Наименьшая окружность диафиза локтевой кости – малая.

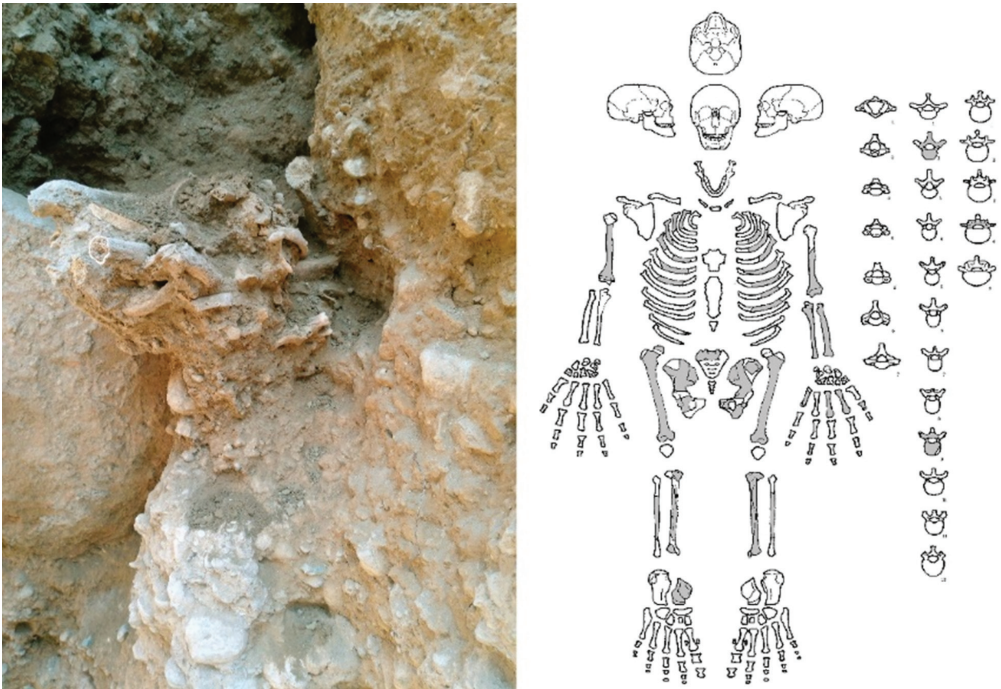

Рис. 4 / Fig. 4. Захоронение № 2, сохранность антропологического материала / Burial no. 2, preservation of anthropological material

Источник: фото авторов

Таблица 3 / Table 3

Индивидуальные размеры и указатели костей скелета из памятника Нор Армавир / Individual sizes and markers of skeletal bones from the Nor Armavir burial ground

	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Плечевая кость						
1. Наибольшая длина	–	–	–	–	–	–
2. Общая длина	–	–	–	–	–	–
3. Ширина верхнего эпифиза	–	–	–	–	–	–
4. Ширина нижнего эпифиза	–	56	–	–	–	–
5. Наибольший Ш середины диафиза	19,2	19	–	20,8	–	19,5
6. Наименьший Ш середины диафиза	15,6	15	–	14,8	–	15,5
7. Наименьшая окружность диафиза	53	54	–	57	–	–
7а. Окружность середины диафиза	58	56	–	61	–	57
7:1 Индекс массивности	–	–	–	–	–	–
6:5 Указатель поперечного сечения	81,3	78,95	–	71,2	–	79,5
Лучевая кость						
1. Наибольшая длина	–	212	–	–	–	–
2. Физиологическая длина	–	206	–	–	–	–
4. Поперечный Ш диафиза	–	19,2	–	–	–	–

	Индивид 2		Индивид 3		Индивид 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
5. Сагиттальный III диафиза	–	14	–	–	–	–
3. Наименьшая окружность диафиза	–	37	–	–	–	–
3:2 Указатель массивности	–	17,97	–	–	–	–
5:4 Указатель поперечного сечения	–	72,92	–	–	–	–
Локтевая кость						
1. Наибольшая длина	–	230	–	–	–	–
2. Физиологическая длина	–	205	–	–	–	205
11. Сагиттальный III диафиза	–	10	–	–	–	10
12. Поперечный III диафиза	–	12,2	–	–	–	13,5
13. Верхний поперечный III диафиза	–	17,3	–	–	–	16,8
14. Верхний сагиттальный III диафиза	–	23,3	–	–	–	22,8
3. Наименьшая окружность диафиза	–	30	–	–	–	54
3:2 Указатель массивности	–	14,7	–	–	–	26,4
11:12 Указатель поперечного сечения	–	81,97	–	–	–	74,1
13:14 Указатель платолении	–	74,25	–	–	–	73,7
Бедренная кость						
1. Наибольшая длина	–	–	–	–	–	–
2. Длина в естественном положении	–	–	–	–	–	–
21. Мыщелковая ширина	–	–	–	–	–	–
6. Сагиттальный III середины диафиза	24,5	23,8	26	27	–	27
7. Поперечный III середины диафиза	23	23,1	24,7	26	–	26
9. Верхний поперечный III	28	28,5	28,3	–	–	30
10. Верхний сагиттальный III	22,2	22,2	21,6	–	–	21,3
8. Окружность середины диафиза	75	73	80	–	–	83
8:2 Указатель массивности	–	–	–	–	–	–
6:7 Указатель пиястрии	106,6	103,1	105,3	103,9	–	103,9
10:9 Указатель платимерии	79,3	77,9	76,4	–	–	71,0
Большая берцовая кость						
1. Полная длина	–	–	–	–	–	–
2. Мыщелково-таранная длина	–	305	301,5	–	–	–
1а. Наибольшая длина	–	–	–	–	–	–
5. Наибольшая ширина верхнего эпифиза	–	68?	–	–	–	–
6. Наибольшая ширина нижнего эпифиза	–	31?	39,8?	41,3	40	–
8. Сагиттальный III середины диафиза	24,8	25,3	26	–	29,5	–
8а. Сагиттальный III на уровне пит. отв.	–	28,9	26,3	–	–	–
9. Поперечный III середины диафиза	18,6	19	21,8	–	29	–
9а. Поперечный III на уровне пит. отв.	–	22	19	–	–	–
10. Окружность середины диафиза	–	70	71	–	76	–
10б. Наименьшая окружность диафиза	–	62	66	70	70	–
9:8 Указатель сечения	75	75,1	–	–	98,4	–
10б:1 Указатель прочности	–	–	–	–	–	–
9а:8а Указатель платикнемии	–	76,2	–	–	–	–
10:1 Указатель массивности	–	–	–	–	–	–

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

Верхняя часть диафиза локтевой кости характеризуется эуроленией. Поперечный и сагиттальный диаметры диафиза лучевой кости – средние. Сагиттальный и поперечный диаметры середины диафиза бедренной кости – малый. Верхний сагиттальный диаметр диафиза, верхняя ширина диафиза и окружность середины диафиза относятся к малым величинам. Поперечное сечение верхней части диафиза бедренной кости характеризуется эуримерией. Ширина нижнего эпифиза большеберцовых костей относится к малым величинам. Сагиттальные и по-

перечные диаметры берцовых костей, а также окружность середины диафиза попадают в категорию малых величин. Длина тела индивида (152,1 см) попадает в рубрикацию «малая».

Перегруженность мускулатуры пояса верхних конечностей – среднее, нижних – малая (табл. 4). На плечевых костях наблюдается среднее развитие дельтовидной бугристости. На левой лучевой кости развиты лучевые шероховатости, что является отражением соответствующего развития мышцы, сгибающей плечо и предплечье, т. е. участвующей в про-

Таблица 4 / Table 4

Балловая характеристика развития рельефа длинных костей / Scoring characteristics of the development of the relief of long bones

Признак	Инд. 2		Инд. 3		Инд. 3-1		Инд. 3-2		Инд. 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Плечевая кость (Humerus)										
Crista tuberculi minoris, crista tuberculi majoris	2	–	–	2,5	1,5	–	1,5	–	–	1
Tuberositas deltoidea	2	–	–	2,5	1	–	1	–	–	1
Tuberculum majus, tuberculum minus	–	–	–	2?		–		–	–	1,5
Margi lateralis, medialis et anterior Epicondili lateralis et medialis	1	1	1	2?	1	–	1,5	–	–	1,5
Средний балл	1,7	–	–	2,25	1,2	–		–	–	1,25
Лучевая кость (Radius)										
Tuberositas radii	–	2	–	–	1,5	1,5	1	1	–	2,5
Margo unterossea	–	2	–	–	–	1	1,5	1	2	–
Бороздки для сухожилий разгибателей	–	2	–	–	–	–	2	2	–	–
Processus styloideus	–	2	–	–	–	–	2	2	–	–
Средний балл	–	2	–	–	–	–	1,7	1,5	–	–
Локтевая кость (Ulna)										
Margo interossea, margo posterior	–	2	–	–	–	–	–	2	–	2
Crista musculi supinatoris	–	1,5	–	–	1	–	–	1	–	1,5
Tuberositas ulnae	–	2	–	–	1	–	–	1	–	2
Средний балл	–	1,9	–	–	–	–	–	1,4	–	1,9

Признак	Инд. 2		Инд. 3		Инд. 3-1		Инд. 3-2		Инд. 3-3	
	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.	прав.	лев.
Бедренная кость (Femur)										
Trochanter major	1,5	–	–	–	–	1	1	–	–	–
Trochanter minor	1,5	1,5	–	–	–	1?	1,5	–	–	2
Tuberositas glutea	1,5	1,5	2,5		–	1,5	–	–	–	2
Linea aspera	1,5	1,5	2,5	2,5	–	1	1,5	1,5	2	2
Epicondili	1	1,5	–	–	–	–	–	–	–	–
Средний балл	1,4	1,5	–	–	–	1,2	1,4	–	–	2
Большая берцовая кость (Tibia)										
Tuberositas tibiae	–	1	2	–	–	–	–	–	–	–
Margo anterior, margo interossea	1,5	1,5	2,5	–	–	–	2	–	–	–
Linea m. solei, m. soleus	–	1	2	2	–	–	–	–	2	–
Бороздки для сухожилий разгибателей	–	–	2	2	–	–	–	–	2	–
Средний балл	–	1,2	2,2	–	–	–	–	–	–	–
Малая берцовая кость (Fibula)										
Развитие краёв	1,5	1,5	–	–	–	–	–	–	2	2

Источник: составлено А. Ю. Худавердян

цессе поднимания тяжести. На локтевой кости присуще среднее развитие гребня квадратного пронатора. Фиксируется также среднее развитие латерального края нижнего конца лучевой кости, к которому прикрепляется эта мышца. Ягодичная бугристость и шероховатая линия бедренных костей развита слабо.

Останки **индивида 3** принадлежат женщине, умершей в возрасте 40–49 лет. Сохранность костей черепа и посткраниального скелета – плохая (рис. 56).

Все части скелета не находились в анатомически правильном положении. Мозговая коробка характеризуется как долихокранная (73,5), с очень малым поперечным (126), средним продольным (171,5) и высотным (15,5) диаметрами. Наибольшая ширина лба – очень малая (107), наименьшая ширина – малая (88). Величины лобной дуги (116) и хорды (102) – малая. Величины теменной хорды (111,8) и дуги (128) – большие. Затылок среднеширокий (105,5), затылочная

хорда (90) – малая, дуга (107) – средняя. Ширина основания черепа – малая (116), длина – большая (100,3). Верхняя ширина лица – средняя (99), а ширина альвеолярной дуги – очень малая (52,5). Симфиз невысокий (24,7), высота тела нижней челюсти выходят за нижнюю границу нормы (14,8), толщина – малая (10,5). Из 32 дискретно-варьирующих признаков на черепе доступных для фиксации обнаружены только 7 (табл. 1).

Наибольшая ширина середины диафиза плечевой кости попадает в категорию средних величин (табл. 3); наименьшая окружность диафиза, окружность середины диафиза и наименьшая ширина середины диафиза – малые. Сагиттальный диаметр середины диафиза бедренной кости – средний при малом поперечном размере. Верхний сагиттальный диаметр диафиза, верхняя ширина диафиза и окружность середины диафиза относятся к малым величинам. Поперечное сечение верхней части диафиза характе-

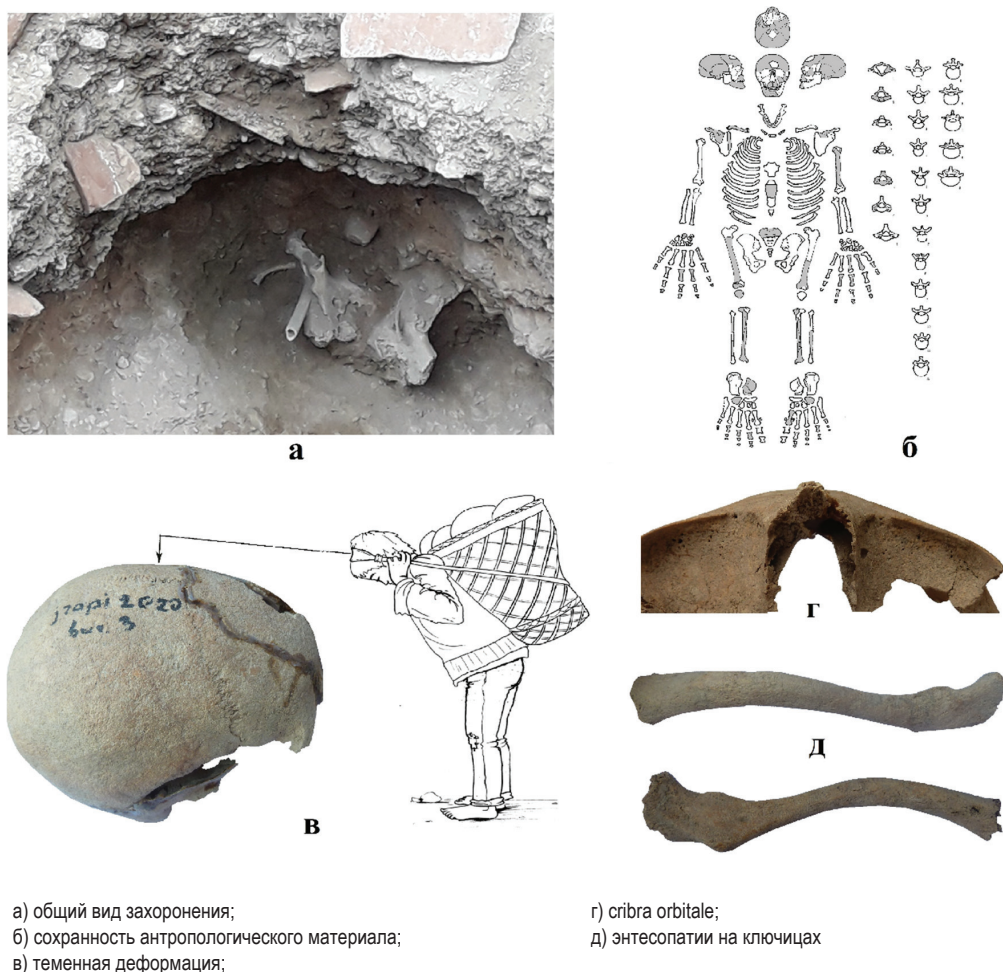

Рис. 5 / Fig. 5. Захоронение № 3 / Burial no. 3

Источник: фото авторов

ризуется зуримерией. Ширина нижнего эпифиза большеберцовых костей относится к малым величинам. Сагиттальный и поперечный диаметры середины диафиза большеберцовой кости попадают в категорию средних величин. А окружность середины диафиза попадает в категорию малых величин. По указателю пластикемии свойственна зурикнемия, т. е. верхнее сечение большеберцовых костей расширено в поперечном направлении. На берцовых костях фиксируются дополнительные суставные площадки.

У индивида наблюдается непреднамеренная теменная деформация (рис. 5в). Непреднамеренное (случайное) изменение формы черепа в период его роста и развития при помощи разного рода приспособлений является важным историческим источником. Теменная деформация: вдоль верхнего края теменных костей, в области за брегмой, фиксируются локальные понижения (поперечные канавки) (рис. 5в). Их можно интерпретировать как следствие ношения достаточно широкой повязки, скреплённой попе-

речными ремнями (вероятно, из кожи), удерживающей груз на спине (рис. 5в). Корзина с грузом приводит к поперечно-му понижению костей черепа.

Ответной реакцией организма человека на физическую нагрузку, хроническую (многократную) микротравму является образование на черепе затылочных структур (*torus occipitalis* (TOT), *processus retromastoideus* (PR)). Затылочные валики (TOT) расположены в области крепления трапецевидной мышцы (*musculus trapezius*), а позадисосцевидный отросток (PR) образовывается на месте верхней косой мышцы головы (*musculus obliquus capitis superior*). Затылочные структуры имеют сложную этиологию и определяются как генетическими, так и средовыми факторами. У индивида фиксируются как затылочный валик (*torus occipitalis*, TOT), так и позадисосцевидный отросток (*processus retromastoideus*, PR) (балл 2). Наличие затылочных структур связано с подъемом и перемещением тяжёлых грузов.

Экспертиза зафиксировала корреляцию между теменной деформацией и затылочными структурами [23]. Неглубокие понижения теменных костей, в области за брегмой, представляют собой результат долговременной адаптации к многолетнему воздействию трудовых нагрузок. Формирования затылочных структур возможны, если корзина с грузом была перекинута через теменные кости и оба плеча (и/или на одном плече) [23]. Человек, несущий тяжёлый груз через теменные кости, время от времени даёт им отдохнуть, перекладывая груз на плечи, пытаясь облегчить свою ношу. Образования затылочных структур и неглубоких понижений на теменных костях возможны, если процесс роста костей ещё не был завершён.

Описание развития костного рельефа на костях посткраниального скелета информирует о вышесреднем развитии работы определённых мышц. О функциональной перегруженности мускулатуры пояса верхних конечностей свидетельствуют энтесопатии на ключицах в обла-

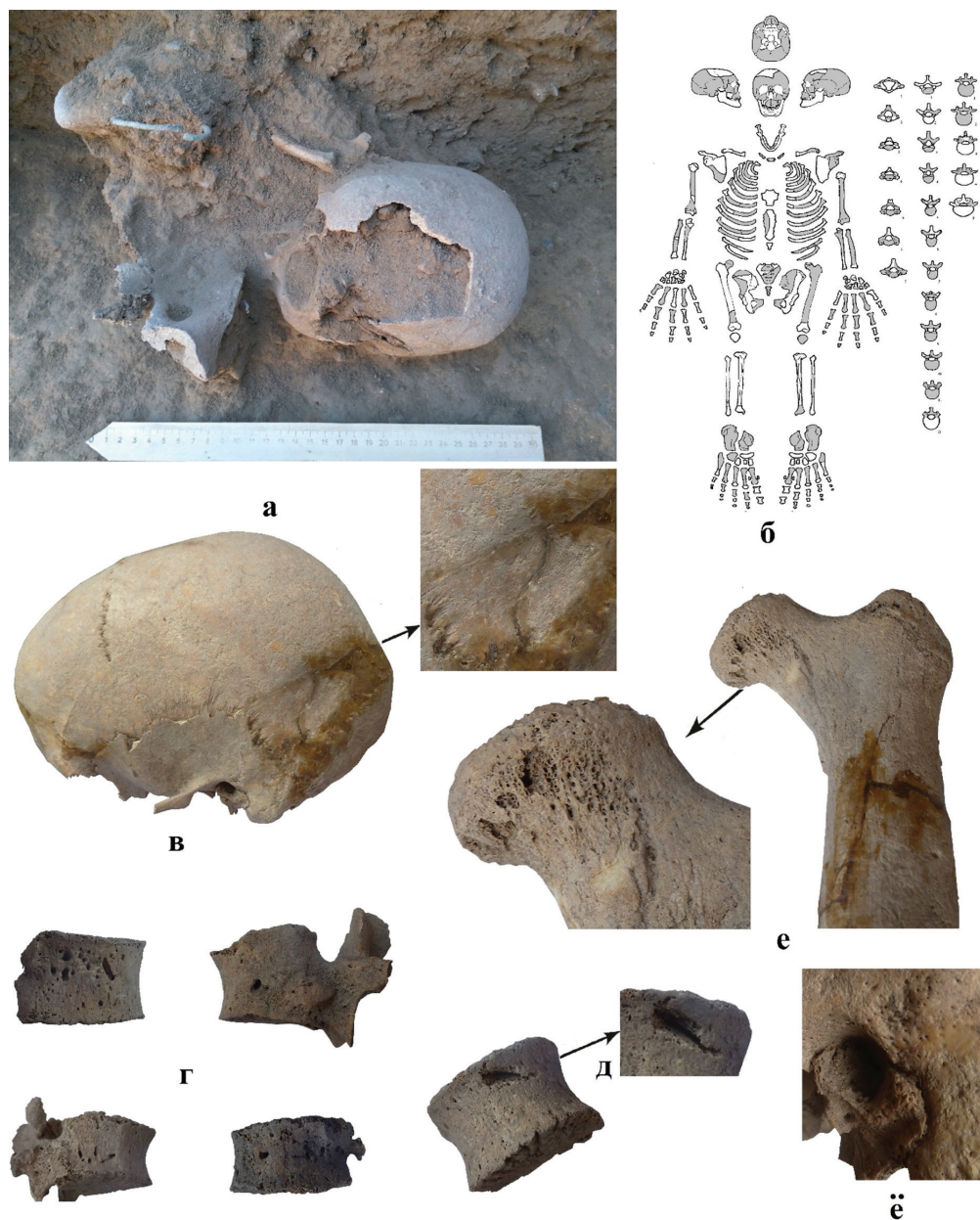
сти прикрепления дельтовидной мышцы (*m. deltoideus*) (рис. 5д). На левой плечевой кости наблюдается хорошее развитие малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной бугристости (табл. 4). Средние величины по этим признакам суммарно равны 2,25. На бедренных костях хорошо развита *linea aspera* и ягодичная шероховатость. Рельеф на задней поверхности обеих большеберцовых костей, соответствующий линии камбаловидной мышцы (третьей головки трёхглавой мышцы голени), развит хорошо.

У индивида наблюдается *cribra orbitalia* – изменения костной ткани на внутренней поверхности орбит (рис. 5в). Признак в большинстве случаев ассоциируется с железодефицитной анемией [25]. Возникновение данной болезни происходит, если уровень железа уменьшается, чему могут способствовать неправильная диета, затруднения организма, связанные с усвоением и переработкой пищи, образ жизни и окружающая среда. Нехватка железа в организме также связана с паразитарными инвазиями и развитием неспецифических инфекций [25].

Также выявлены периапикальные (верхушечные) отверстия в альвеолярных краях верхней (в области правого Р2) и нижней (правого С) челюстей. Обычно провоцируют периапикальные отверстия кариес, травма, сильная стёртость зубной поверхности или болезни пародонта. Эти отверстия у индивидуума свидетельствуют о возможном наличии таких патологий, как верхушечные гранулемы, кисты и одонтогенный остеомиелит. Указанные выше патологические состояния зубочелюстной системы, вероятнее всего, привели к прижизненной утрате правых нижних моляров. Из зубных патологий на верхних медиальных резцах наблюдаются минерализованные отложения светло-серого цвета.

В левом сосцевидном отростке височной кости фиксируется воспаление. Чаше мастоидит является следствием осложнения гнойного воспаления среднего уха.

Погребение 3. Останки **индивида 1** представлены фрагментами костей черепа и посткраниального скелета (рис. 6б).

- а) общий вид захоронения;
 б) сохранность антропологического материала;
 в) перелом черепа в виде округлого давления;
 г) туберкулезные проявления на позвонках;

- д) колотая рана на 10 позвонке;
 е) криброзные изменения на поверхности бедренных костях;
 ё) поротический гиперостоз в области ушного прохода

Рис. 6 / Fig. 6. Захоронение № 3-1 / Burial no. 3-1

Источник: фото авторов

Возраст погребённого (вероятно, девушка) – 16–18 лет. Мозговая коробка характеризуется как долихокранная (70,7), при очень большом продольном (191) и среднем поперечном (135) диаметрах. Надпереносье и надбровные дуги выражены слабо. Лоб среднеширокий (91), затылок очень узкий (104). Величины лобных дуги (140) и хорды (120) очень большие. Величины теменной хорды (136) и дуги (152) выходят за верхнюю границу нормы. Затылочная хорда (85) очень малая, дуга (110) – средняя. Ширина основания черепа – очень малая (106). Из 32 дискретно-варьирующих признаков на черепе доступных для фиксации обнаружены только 8 (табл. 1). Перегруженность мускулатуры пояса верхних и нижних конечностей была ниже средней (табл. 4).

На левой теменной кости в области лямбовидного шва имеются следы зажившего перелома в виде округлого вдавления от удара тупым предметом (рис. 6в), который затронул только верхний компактный слой кости. Размеры дефекта 40 × 38 мм. Травма не могла быть непосредственной причиной смерти индивида. В центральной части дефекта выявлены следы воспалительных процессов (периостит).

В верхней части тела грудного позвонка (T10) наблюдается проникающая травма острым орудием (рис. 6д). Это повреждение с погружением клинка на глубину 13 мм. Место внедрения обломанного острия по обоим краям и в центре повреждения отграничивалось небольшими трещинами. Смерть индивида наступила практически сразу же после нанесения удара.

Поротический гиперостоз проявляется в области ушного прохода (6ё). Из особенностей, зафиксированных на черепной коробке, следует отметить экзостозы наружного слухового прохода. Наиболее распространённой и поддерживаемой является гипотеза, что экзостозы наружного слухового прохода возникают в ре-

зультате раздражения ушного канала при систематическом воздействии холодной воды [24].

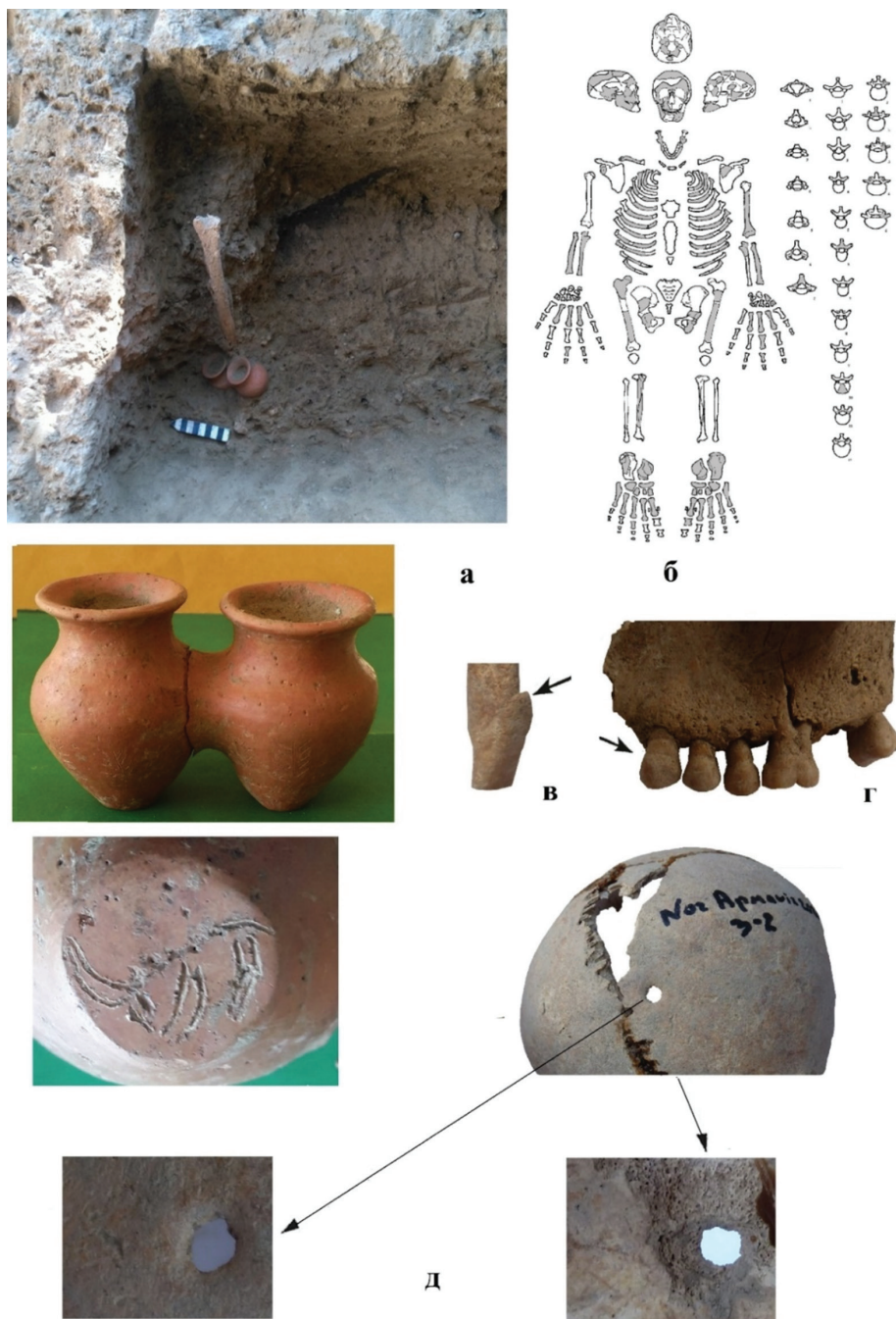
На грудных позвонках наблюдается начальная стадия туберкулеза (рис. 6г). Отмечается изъеденность и разрушение (*wedge-shape vertebra*) тел позвонков.

У индивида пористость и пороз костей наблюдаются на бедренных костях. Морфологическая картина характерна для локальных оссифицированных геморрагий. Дифференциальная диагностика данной палеопатологии может включать инфекционное заболевание или витаминную недостаточность (рис. 6е).

Погребение 3. Останки индивида 2 представлены фрагментами костей черепа и посткраниального скелета (рис. 7б).

Останки принадлежат мужчине 20–29 лет. Вестибуло-лингвальные (VLcor) диаметры коронок первых и вторых верхних моляров попадают в категорию малых значений, а мезио-дистальные (MDcor) диаметры – в категорию больших значений. Из 31 дискретно-варьирующих признаков на черепе, доступных для фиксации, обнаружены только 12 (табл. 1).

У индивида форма прикуса – лабиодонтная. На верхнем правом медиальном резце наблюдается развитие краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1). На левом медиальном резце в области лингвального бугорка имеется чётко выраженное округлое вздутие (балл 1). На латеральном левом резце лингвальный бугорок образует небольшую собственную вершину, отделяющуюся от лингвальной поверхности в её цервикальной трети (балл 2). На латеральном правом резце в области лингвального бугорка имеется чётко выраженное округлое вздутие (балл 1). Отмечается первая фаза редукции на латеральных резцах, когда суженный резец, ширина которого равна приблизительно S ширины медиального резца. Режущий край резца сохраняется (балл 1). Вершина клыка лингвального бугорка чётко обособлена и поднимается до средней трети

а) общий вид захоронения;
 б) сохранность антропологического материала;
 в) зубной камень;

г) гипоплазия зубной эмали;
 д) свищевой ход

Рис. 7 / Fig. 7. Захоронение № 3-2 / Burial no. 3-2

Источник: фото авторов

высоты коронки (балл 3). Вестибулярный бугорок на верхних премолярах несколько больше лингвального, но размеры бугорков сравнимы (тип 2). Гипоконус правых первых и вторых моляров сильно развит, выступает в дистальном направлении, образуя отчётливый дисто-лингвальный угол коронки (тип 4, балл 0). На третьем правом моляре гипоконус отсутствует (тип 3, балл 3). Бугорок Карабелли фиксируется на правых первом и третьем молярах (балл 2). Метаконус на правом первом моляре меньше параконуса, но различие размеров бугорков невелико и может даже не сразу броситься в глаза (балл 2). На третьем правом моляре сильная редукция метаконуса, который по площади становится менее S параконуса. Последний при этом резко выступает вестибулярно. На правых и левых первых молярах имеется зачаточный затёк эмали в виде короткого треугольного выступа (балл 4). На правых вторых и третьих молярах наблюдается настоящий затёк эмали протяжённостью более 2 мм (балл 5). Конец затёка не уходит между корнями и виден на вестибулярной поверхности.

На нижних первых и вторых резцах отмечается развитие краевых гребней лингвальной поверхности (балл 1). На правом клыке фиксируется дистальный дополнительный гребень лингвальной поверхности нижнего правого клыка (балл 1). На правом первом премоляре отмечается дифференциация дисто-лингвальной области в трёхбугорковом типе: образуется четырёхбугорковый нижний премоляр, на левом первом премоляре гребень рассечен межбугорковой бороздой, имеет на лингвальном пояске чётко выраженную вершину (балл 4). На левом втором премоляре отмечается дифференциация дисто-лингвальной области в трёхбугорковом типе: образуется четырёхбугорковый нижний премоляр. Правые и левые первые моляры пятибугорковые с типом узора Y. На правом первом моляре фиксируется дистальный гребень тригониды, на левом – коленчатая скрадка метакониды.

Правые и левые вторые моляры четырёхбугорковые с типом узора X. На правых и левых вторых молярах имеется зачаточный затёк эмали в виде короткого треугольного выступа (балл 4). Правый третий моляр патибугорковые с типом узора Y, имеет зачаточный затёк эмали в виде короткого треугольного выступа (балл 4).

Сагиттальный диаметр середины диафиза бедренной кости – большой (31) при малом (28,8) поперечном размере. Окружность середины диафиза относятся к большим величинам (93,5). В проксимальной части диафиз бедренных костей расширен (эуримерия). На правой плечевой кости имеется межмышечковое отверстие. Перегруженность мускулатуры пояса верхних и нижних конечностей была ниже средней (табл. 4).

Дефект зубной эмали выявлен у индивида. Чаще признак зафиксирован на клыках и резцах. Эмалевая гипоплазия свидетельствует о резком стрессовом воздействии, испытанном индивидом в детском возрасте (в интервале от 6 месяцев до 7 лет) [21; 25]. Зубной камень зафиксирован на резцах и молярах. Следы одонтогенного остеомиелита (альвеолярный абсцесс) обнаружены на правой стороне нижней челюсти в области третьего моляра.

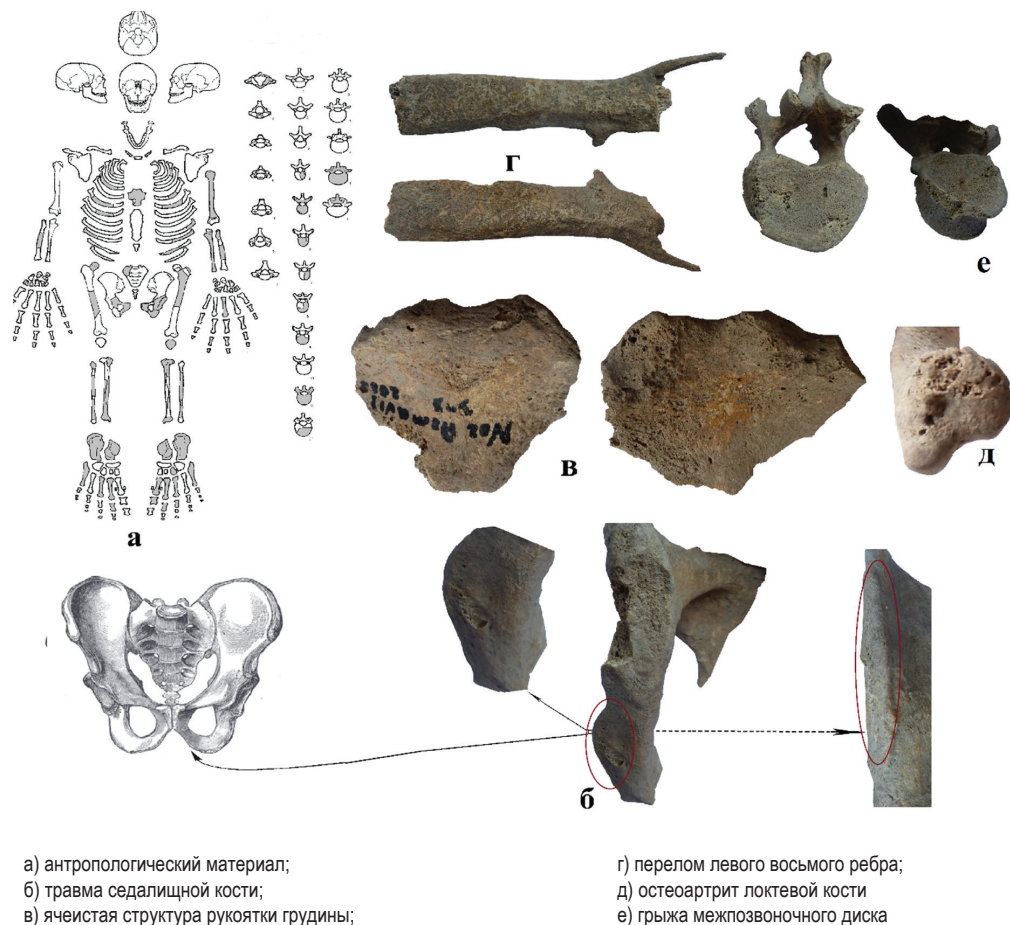
Наблюдается слабое проявление поротического гиперостоза глазниц (*cribra orbitalia*, балл 1) и в области над наружными слуховыми проходами. Поротический гиперостоз появляется в ходе компенсаторной реакции организма на снижение в крови количества гемоглобина (малокровие). В правом ушном канале отмечаются оссеофитные образования. Как выше было указано, их появление связывается с напряжением надкостницы, формированием нового костеобразования под действием холодной воды, способствующей сужению кровеносных сосудов в ушном канале. Экспертизой выявлено у индивида воспаление правого сосцевидного отростка височной кости (мастоидит). Воспаление ячеек сосцевидного отрост-

ка чаще является осложнением острого гнойного воспаления среднего уха.

На правой теменной кости у стреловидного шва (в области *foramina parietalia*) наблюдается округлый свищевой ход (рис. 7д). Размеры отверстия 40 Ч 38 мм. Активный воспалительный процесс рас-

ширил зону повреждения. На внешней поверхности свода черепа вокруг отверстия не отмечено каких-либо следов повреждения костной ткани и воспаления.

Погребение 3. Останки **индивида 3** представлены фрагментами костей посткраниального скелета (рис. 8а).

а) антропологический материал;
б) травма седалищной кости;
в) ячеистая структура рукоятки грудины;

г) перелом левого восьмого ребра;
д) остеоартрит локтевой кости
е) грыжа межпозвоночного диска

Рис. 8 / Fig. 8. Захоронение № 3-3 / Burial no. 3-3

Источник: фото авторов

Останки принадлежат, возможно, мужчине 50+ лет. Наблюдается развитие краевых гребней лингвальной поверхности правого верхнего медиального резца. Лингвальная поверхность оценивается баллом 2С. Наибольшая ширина середины диафиза плечевой кости и окружность середины диафиза попадают в категорию

малых величин; наименьшая окружность диафиза и наименьшая ширина середины диафиза также – малые (табл. 3). Продольный размер диафиза локтевой кости попадает в рубрикуцию малый. Наименьшая окружность диафиза локтевой кости – средний. Верхняя часть диафиза локтевой кости характеризуется эуроле-

нией. Сагиттальный диаметр середины диафиза бедренной кости – средний при малом поперечном размере. Верхний сагиттальный диаметр диафиза, верхняя ширина диафиза и окружность середины диафиза относятся к малым величинам. Поперечное сечение верхней части диафиза характеризуется зуримерией.

Перегруженность мускулатуры пояса верхних и нижних конечностей была в целом средней (табл. 4). Наблюдается слабое развитие гребней малого бугорка, межбугорковой борозды и дельтовидной шероховатости. На левой локтевой кости зафиксированы среднее развитие локтевой бугристости и гребни пронатора. Следует указать хорошее развитие мышц, производящих различного рода движения плечевых и локтевых суставов, а также обеспечивающих силовые действия. На бедренных костях хорошо развиты межвертельная линия, которая фактически имеет вид гребня, значительно выступая над уровнем тела кости *linea aspera*, и ягодичная шероховатость. На фрагментах тазовых костей обнаружены следы значительных функциональных нагрузок. Ветвь седалищной кости была тавмирована (рис. 8б). Вероятная причина – резкое напряжение мышц таза в порывистом движении. А на симфизальной поверхности лобковых костей выражены участки периостита.

У индивида выявлены дегенеративно-дистрофические поражения суставов и позвоночного столба (особенно выраженные в поясничном отделе), которые вкупе со степенью развитости мышечного рельефа дают возможность сделать предположение, что мужчина систематически подвергался тяжёлым физическим нагрузкам. На 5-м грудном позвонке наблюдается грыжа межпозвоночного диска. Повреждение тела позвонка возникает при непрямой травме, при осевой нагрузке на позвоночник. Запущенный случай остеоартрита наблюдается на левой локтевой кости (рис. 8в). Дистальный конец локтевой кости имеет пористое измене-

ние. Остеоартрит – наиболее распространённое заболевание суставов. Он может развиваться после травмы, при нарушениях метаболизма, при эндокринных заболеваниях, после воспалительного процесса (гнойное воспаление сустава, ревматоидный артрит, артрит при системной красной волчанке, при туберкулёзе) и др.

Внутренняя поверхность рукоятки 14 мм от яремной вырезки демонстрирует ячеистую трабекулярную структуру (рис. 8б). Даже если перед нами диагенетическое посмертное изменение, в его основе мог лежать функционально зависимый или патологический процесс.

Наблюдается перелом левых 4-го и 6-го рёбер (рис. 8г). Данное патологическое состояние характеризуется нарушением целостности рёберной костной ткани под воздействием внешней силы. Перелом ребра – результат удара в области грудной клетки, падения или сильного сдавливания.

В слабовыраженной форме эмалевая гипоплазия была зафиксирована на медиальном резце.

Погребение 4. Впервые на норамавирском кладбище были обнаружены кремированные человеческие останки в керамическом сосуде (рис. 9). Экспертиза показала, что в сосуде обнаружены останки двух индивидов, предположительно двух женщин (18–19 лет и 20–21 лет).

Среди сожжённых останков кости животных не найдены. Вес кремированных костей равен 1865 г. Диапазон цветов кремированных костей – от чёрного до белого. Сожжение было проведено на стороне, при достаточно высокой температуре (400–800°C). На костях наличествуют деформационные трещины, полученные в результате сожжения тела с мягкими тканями (т. е. вскоре после кончины), и наблюдаются на большинстве костей. Множественные деформационные параболические и сеточные растрескивания на поверхности, а также изменение формы кости – следствие резкой потери влаги при воздействии огня [6].

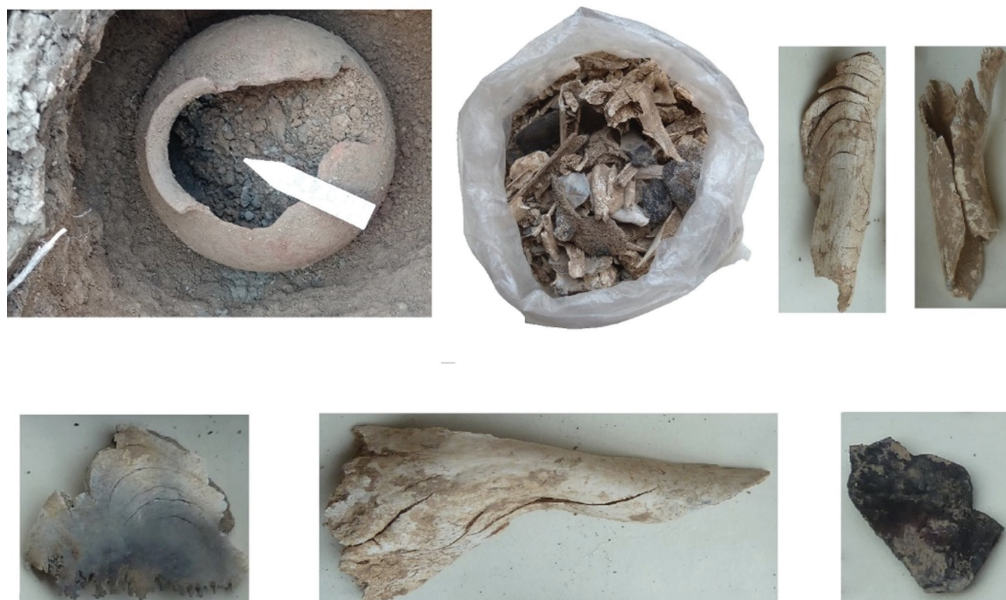

Рис. 9 / Fig. 9. Захоронение № 4. Кремированные человеческие останки / Burial no. 4. Cremated human remains

Источник: фото авторов

Заключение

Выборка, ставшая основой данного исследования, включает, в общей сложности, неполные скелетные останки 8 индивидов – 2 мужчин, 5 женщин и 1 ребёнка. Распределение некоторых дискретно-варирующих признаков на черепе позволяет допустить наличие некоторых родственных связей между индивидами¹. У 4 индивидов фиксируются *spina processus frontalis ossis zygomatici* (выступ), *sutura incisiva*, у 3 – *foramina mastoidea* (вне шва), у 2 – *foramina zygomaticofacialia*, *os zygomaticum bipartitum tripartitum*, *os wormii suturae squamosum*, *foramina parietalia*, *processus paramastoideus*, *canalis condyloideus*. По одному разу отмечены: *foramina supraorbitalia*, *foramina infraorbitalia*, *stenocrotaphia* (Х-обр.), *processus frontalis squamae temporalis*, *os postsquamosum*, *os wormii suturae lambdoidea*, *foramina mastoidea* (на шве), *foramen pterygospinosum*, отсутствие *fora-*

mina spinosum. Вестибуло-лингвальные диаметры коронок моляров попадают в категорию малых значений, а мезио-дистальные диаметры – в категорию больших. Сагиттальные и поперечные диаметры длинных костей скелетов попадают в категории малых и средних величин. Мускулатура пояса верхних и нижних конечностей была в целом средняя.

Нами выявлены трепанации и травматизм различной степени тяжести на костях черепа и посткраниального скелета. Как показывают материалы, местному населению были не чужды человеческие жертвоприношения. Отмечаемая на краaniumе поперечная «канавка» является следствием «использования» головы в качестве «третьей руки». Распространение признаков воспалительных процессов у взрослого и детского населения указывает на присутствие широкого спектра факторов, влияющих на появление различных инфекционных заболеваний неспецифического характера, таких, как туберкулез, периостит, плохая гигиена.

¹ Данные высоковариабельных STR-локусов и гена мелогенина пока не получены.

Распространение патологий зубочелюстной системы – абсцессы, зубной камень, прижизненная утрата зубов – указывает на специфичность рациона и пищевой стресс. Маркер эпизодического стресса – эмалевая гипоплазия – на системное воздействие негативных факторов, таких как инфекции, паразиты, частые периоды голодания, которые препятствовали нормальному развитию человеческого организма в период детства. Ещё одной характерной особенностью, зафиксированной на антропологических материалах эпохи железа, является факт наличия экзостозов в ушных каналах.

Описанные выше костные останки позволяют впервые в могильнике Нор Армавир зафиксировать несколько способов обращения с телами умерших. На костях верхних конечностей у ребёнка отчётливо видны следы рубленых дефектов, часть из которых нанесена сверху вниз. Исходя из характера повреждений, рубящий предмет был с «острым» лезвием (края и стенки дефектов ровные, приконцевые изменения незначительные).

Расчленение покойника имеет древние корни и широко засвидетельствовано в мировом фольклоре [12, с. 186]. Захоронения расчленённых трупов в Армении обнаружены в погребениях могильников Калаван, Арени I (куроаракская культура) и Лори Берд (поздняя бронза и VI–V вв. до н. э.). Как известно, первыми расчленяли тела умерших *homo erectus* 500–300 тыс. лет назад [28].

Расчленение тел – характерная черта ранних мустьерских погребений [26, р. 61]. Расчленения встречаются в комплексах ямной [1, с. 184], катакомбной [9, с. 114], белозерской [1, с. 184], срубной [14, с. 197–198] культур. Ритуальное расчленение умерших известно и в скифское время [5, с. 194–195]. Под расчленением мы понимаем помещение в погребении преднамеренно расчленённого после смерти (или же непосредственно в момент смерти) тело умершего. Умершего могли хоронить как полностью, так и частично, как

в одном месте, так и в различных местах. Расчленение способствует возрождению, так же, как и кремация означает освобождение души от оков телесности и является способом перевода в иное состояние. Существовали и представления о расчленении как о препятствии к возрождению.

Обряд кремации является продолжением ритуальных действий, совершаемых с телами умерших. В кувшине нами зафиксированы останки 2 индивидов, предположительно, женщин. У более раннего населения эпохи поздней бронзы бассейна р. Шнох (могильник Бовер) Лорийской области обряд кремации составляет 7,5% от общего числа захоронений [22]. Тела умерших в памятниках Нор Армавир и Бовер сжигали вне погребения, т. к. в них следов прожогов не обнаружено и предметы не подвергнуты воздействию огня. Большинство погребальных кремаций в могильнике Бовер представляют собой относительно небольшие скопления костей. Очевидно, большая часть останков с погребального костра не попадала в захоронения. Наиболее ранние погребальные памятники, в которых можно предполагать следы преднамеренного использования огня, относятся к среднему палеолиту. Особенности проведения кремации известны также по текстам – сценам погребения Патрокла и Гектора в «Илиаде» Гомера¹. Практика огненных жертвоприношений, сформировавшаяся в раннеземледельческих культурах Ближнего Востока, была призвана обеспечить благосклонность богов. На Ближнем Востоке кремация тел считалась привилегированным способом погребения умершего. Не следует исключать, что погребение с трупосожжением – результат проведения обряда с жертвоприношением [4, с. 82].

В целом, результаты изучения палеоантропологического материала из раскопок 2020 г. памятника Нор Армавир продолжают представление об антропо-

¹ Гомер. Илиада / пер. В. Вересаева. М.; Л., 1949. 551 с.

логических особенностях и состоянии здоровья населения Армении в VII в. до н. э. Исследование также свидетельствует о сложной погребальной обрядности, манипуляциях с телами умерших и случаев прижизненной трепанации.

Дата поступления в редакцию 28.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Агульников С. М. Некоторые особенности погребального обряда Белозерской культуры Северо-Западного Причерноморья // *Индоевропейская история в свете новых исследований* / под ред. Е. В. Ярового. М.: МГОУ, 2010. С. 183–192.
2. Алексеев В. П. Остеометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1966. 251 с.
3. Алексеев В. П., Дебев Г. Ф. Краниометрия: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1964. 128 с.
4. Антонова Е. В. Обряды и верования первобытных земледельцев востока. М.: Наука, 1990. 287 с.
5. Гречко Д. С. Об особых видах погребений у населения восточноевропейской Лесостепи VII–IV вв. до н. э. // *Древности*. 2015. Т. 13. С. 181–200.
6. Добровольская М. В. К методике изучения материалов кремации // *Краткие сообщения Института археологии*. 2010. Вып. 224. С. 85–97.
7. Зубов А. А. Некоторые данные одонтологии к проблеме эволюции человека и его рас // *Проблемы эволюции человека и его рас* / отв. ред. А. А. Зубов. М.: Наука, 1968. С. 5–122.
8. Зубов А. А. Одонтология: Методика антропологических исследований. М.: Наука, 1968. 199 с.
9. Мельник В. И. Особые виды погребений катакомбной общности. М.: Наука, 1991. 198 с.
10. Мовсисян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. Программа и методика исследования аномалий черепа // *Вопросы антропологии*. 1975. № 51. С. 127–150.
11. Никольский М. В. Клинообразные надписи Закавказья // *Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества*. 1896. Вып. V. С. 31–33.
12. Пропп В. Я. Собрание трудов. Морфология «волшебной» сказки. Исторические корни волшебной сказки. М., 2000. 415 с.
13. Рогинский Я. Я., Левин М. Г. Основы антропологии: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1978. 528 с.
14. Раскопки кургана срубной культуры на территории аэропорта г. Донецка / А. Н. Усачук, В. А. Подобед, Ю. Б. Полидович, В. В. Цимиданов // *Донецкий археологический сборник*. 2010. № 13–14. С. 185–202.
15. Федосова В. Н. Общая оценка развития компонента мезоморфии по остеологическим данным: (Остеологическая методика) // *Вопросы антропологии*. 1986. № 76. С. 105–116.
16. Хоренаци М. История Армении / пер. Н. О. Эмина. М., 1893. 324 с.
17. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption // *American Journal of Physical Anthropology*. 2010. Vol. 42 (3). P. 481–490.
18. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. The Cambridge encyclopedia of human paleopathology. Cambridge, 1998. 478 p.
19. Hillson S. Dental anthropology. Cambridge, 1996. 373 p.
20. Hmayakyan S. G., Tiratsyan N. G., Hmayakyan M. S. Argishtikhinili 2016 tvakani pekhvats karasain yev kavarkxkain taghumner`. Nakhnakan hashvetvut'yun // *Aragatsi ayn koghmum. hnagitakan hetazotutyunner nvirvats Telemek Khachatryani hishatakin* / khmb. H. Avetisyan. Yerevan, 2018. С. 175–181.
21. Indications of stress from bones and teeth / A. H. Goodman, D. L. Martin, G. J. Armelagos, G. Qark // *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 1984. P. 13–49.
22. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G., Saratikyan A. A. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze and Early Iron Ages Bover population (Armenia) // *Anthropologie – International Journal of the Science of Man*. 2021. Vol. LIX/1. P. 55–78.
23. Khudaverdyan A. Yu. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? // *The Mankind Quarterly*. 2018. Vol. 59 (1). P. 8–30.

24. Lobo D. R. Exostosis of the external auditory canal // *World Journal of Otorhinolaryngology*. 2015. Vol. 28. № 5 (1). P. 14–20
25. Ortner D. J., Putchar W. G. J. Identification of pathological conditions in human skeletal remains. *Smithsonian contributions to anthropology*. Vol. 28. Washington: Smithsonian Institution Press, 1981. 480 p.
26. Rosos A., Estalrrich A., Garía-Tabernero A., et al. Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). Actualisation d'un nouvel échantillon // *L'anthropologie*. 2012. Vol. 116 (1). P. 57–76.
27. Standards of data collection from human skeletal remains. *Arkansas Archaeological Survey Research. Series 44* / eds. J. E. Buikstra, D. H. Ubelaker. Fayetteville, 1994. 272 p.
28. Ullrich H. Kannibalismus im Palaolithikum // *Religion und Kult* / eds. F. Schlette, D. Kaufmann. Berlin, 1989. P. 51–71.
29. Walker P., Miller K., Richman R. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone // *The analysis of burned human remains* / eds. C. Schmidt, S. Symes, L.: Academia Press, 2008. P. 129–136.

REFERENCES

1. Agulnikov S. M. [Some features of the funeral rite of the Belozersky culture of the North-Western Black Sea region]. In: Yarovoy E. V., ed. *Indoyevropeyskaya istoriya v svete novykh issledovaniy* [Indo-European history in the light of new research], Moscow, 2010. P. 183–192.
2. Alekseev V. P. *Osteometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Osteometry: Methods of Anthropological Research]. Moscow, 1966. 251 p.
3. Alekseev V. P., Debec G. F. *Kraniometriya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Cranimetry: Methods of Anthropological Research]. Moscow, 1964. 128 p.
4. Antonova E. V. *Obryady i verovaniya pervobytnykh zemledeltsev vostoka* [Rites and beliefs of primitive farmers of the East]. Moscow, 1990. 287 p.
5. Grechko D. S. [Concerning some special types of burials of the population of the East European Forest-Steppe of the VII–IV cent. B.C.]. In: *Drevnosti* [Antiquities], 2015, no. 13, pp. 181–200.
6. Dobrovolskaya M. V. [On the methodology for studying cremation materials]. In: *Kratkiye soobshcheniya Instituta arkheologii* [Brief Communications of the Institute of Archaeology], 2010, no. 224, pp. 85–97.
7. Zubov A. A. [Some Odontological Data on the Problem of the Evolution of Man and Human Races]. In: *Problemy evolyucii cheloveka i ego ras* [Problems of the Evolution of Man and Human Races], Moscow, 1968. P. 5–122.
8. Zubov A. A. *Odontologiya: Metodika antropologicheskikh issledovaniy* [Odontology: Methods of anthropological research], Moscow, 1968. 199 p.
9. Melnik V. I. *Osobyie vidy pogrebeniy katakombnoy obshchnosti* [Special types of burials of the catacomb community]. Moscow, 1991. 198 p.
10. Movsesyan A. A., Mamonova N. N., Rychkov Yu. G. [Program and Methodology for the Study of Skull Anomalies]. In: *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1975, no. 51, pp. 127–150.
11. Nikolsky M. V. [Cuneiform inscriptions of Transcaucasia]. In: *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannyye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obshchestva* [Materials on the archeology of the Caucasus, collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society], 1896, no. V, pp. 31–33.
12. Propp V. Y. *Sobraniye trudov. Morfologiya «volshebnoy» skazki. Istoricheskiye korni volshebnoy skazki* [Collection of works. Morphology of the «magic» fairy tale. The historical roots of fairy tales]. Moscow, 2000. 415 p.
13. Roginsky Y. Y., Levin M. G. *Osnovy antropologii* [Fundamentals of Anthropology]. Moscow, 1978. 528 p.
14. Usachuk A. N., Podobed V. A., Polidovich Yu. B., Tsimidanov V. V. [Excavation of the barrow of the timber-grave culture at the airport in Donetsk]. In: *Donetskiy arkheologichnyi sbornik* [Donetsk archaeological collection], 2010, no. 13–14, pp. 185–202.
15. Fedosova V. N. [General Assessment of the Development of the Mesomorphic Component According to Osteological Data: (Osteological Technique)]. In: *Voprosy antropologii* [Questions of Anthropology], 1986, no. 76, pp. 105–116.
16. Horenaci M. *Istoriya Armenii* [History of Armenia]. Moscow, 1893. 323 p.

17. AlQahtani S. J., Hector M. P., Liversidge H. M. Brief Communication: The London Atlas of Human Tooth Development and Eruption. In: *American Journal of Physical Anthropology*, 2010, vol. 42 (3), pp. 481–490.
18. Aufderheide A. C., Rodríguez-Martín C. *The Cambridge encyclopedia of human paleopathology*. Cambridge, 1998. 478 p.
19. Hillson S. *Dental anthropology*. Cambridge, 1996. 373 p.
20. Amayakyan S. G., Tiracyan N. V., Amayakyan M. S. [Karasnoye and «clay-box» burials from excavations in 2016 in Argishtikhinili. Preliminary report]. In: Avetisyan A., ed. *Beyond Aragats: Archaeological Research Dedicated to the Memory of Telemek Khachatryan*. Erevan, 2018. P. 175–181.
21. Goodman A. H., Martin D. L., Armelagos G. J., Qark G. Indications of stress from bones and teeth. In: *Paleopathology at the origins of agriculture*. New York, 1984. P. 13–49.
22. Khudaverdyan A. Yu., Hobosyan S. G., Saratikyan A. A. Bioarchaeological evidence for the health status of a Late Bronze and Early Iron Ages Bover population (Armenia). In: *Anthropologie – International Journal of the Science of Man*, 2021, vol. LIX/1, pp. 55–78.
23. Khudaverdyan A. Yu. Tumpline Deformation on Skulls from Late Bronze and Early Iron Age Armenia: A Cause of Enigmatic Cranial Superstructures? In: *The Mankind Quarterly*, 2018, vol. 59 (1), pp. 8–30.
24. Lobo D. R. Exostosis of the external auditory canal In: *World Journal of Otorhinolaryngology*, 2015, vol. 28, no. 5 (1), pp. 14–20.
25. Ortner D. J., Putchar W. G. J. *Identification of pathological conditions in human skeletal remains. Smithsonian contributions to anthropology*. Vol. 28. Washington, Smithsonian Institution Press, 1981. 480 p.
26. Rosos A., Estalrich A., Garía-Tabernero A., et al. Les Néandertaliens d'El Sidron (Asturies, Espagne). Actualisation d'un nouvel échantillon. In: *Lanthropologie*, 2012, vol. 116 (1), pp. 57–76.
27. Buikstra J. E., Ubelaker D. H., eds. *Standards of data collection from human skeletal remains. Arkansas Archaeological Survey Research. Series 44*. Fayetteville, 1994. 272 p.
28. Ullrich H. Kannibalismus im Paläolithikum. In: Schlette F., Kaufmann D., eds. *Religion und Kult*. Berlin, 1989. P. 51–71.
29. Walker P., Miller K., Richman R. Time, temperature, and oxygen availability: An experimental study of the effects of environmental conditions on the color and organic content of cremated bone. In: Schmidt C., Symes S., eds. *The analysis of burned human remains*. L.: Academia Press, 2008. P. 129–136.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амаякян Симон Георгиевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: s.hmayakyan@gmail.com

Амаякян Маргар Симонович – кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: margarhmayakyan@gmail.com

Тиранян Нвард Георгиевна – научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: astghul@hotmail.com

Худавердян Анаит Юрьевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института археологии и этнографии Национальной академии наук Республики Армения;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

INFORMATION ABOUT AUTHORS

Simon G. Hmayakyan – Cand. Sci (History), Senior Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: s.hmayakyan@gmail.com

Margar S. Hmayakyan – Cand. Sci (Arts), Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: margarhmayakyan@gmail.com

Nvard G. Tiracyan – Research Assistant, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: astghul@hotmail.com

Anahit Yu. Hudaverdyan – Cand. Sci. (History), Senior Researcher, Institute of Archaeology and Ethnography, National Academy of Sciences, Republic of Armenia;
e-mail: akhudaverdyan@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Худавердян А. Ю., Амаякян С. Г., Тирацян Н. Г., Амаякян М. С. Палеоантропология и палеопатология костных останков из захоронений VII в. до н. э. из могильника Нор Армавир (Армения) // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 115–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-115-141

FOR CITATION

Khudaverdyan A. Yu., Hmayakyan S. G., Tiratsyan N. G., Hmayakyan M. S. Paleoanthropology and paleopatology of bone remains from the 7th century BC burials found in the Nor Armavir burial ground (Armenia). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 115–141.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-115-141

УДК 902.3

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-142-154

АНТРОПОГЕННЫЕ ЛАНДШАФТЫ РАЕВСКОГО ГОРОДИЩА

Клемешов А. С.¹, Малышев А. А.²

¹ *Московский государственный областной университет*

141014, Московская обл., г. Мытищи, ул. Веры Волошиной, д. 24, Российская Федерация

² *Институт археологии РАН*

117292, г. Москва, ул. Дмитрия Ульянова, д. 19, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Характеристика итогов изучения Раевского городища (Краснодарский край) на разных этапах бытования этого памятника.

Процедура и методы. Приведены обобщённые результаты комплексных исследований территории Раевского городища и его ближней периферии, ведущихся с 1998 г. по настоящее время с применением как классических (раскопки), так и неdestructивных методов.

Результаты. Выявлено несколько этапов освоения человеком данной территории, начиная с раннего бронзового века и вплоть до развитого Средневековья и Нового времени. Вместе с тем основные сооружения крепости относятся к античному времени с конца IV в. до н. э. до I в. н. э. и связаны с укреплением восточных рубежей Боспорского государства.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщены материалы полевых и лабораторных археологических исследований 1998–2022 гг., приведены новые данные о фортификации и датировке объектов Раевского городища.

Ключевые слова: азиатский Боспор, Раевское городище, полуостров Абрау, эпоха ранней бронзы, ранний железный век, эпоха античности

Благодарности. Работа выполнена в рамках плановой темы ИА РАН «Причерноморская и Центральноазиатская периферия античного мира и кочевнические сообщества Евразии: на перекрестке культур и цивилизаций» (№ НИОКТР 122011200269-4).

ANTHROPOGENIC LANDSCAPES OF THE RAEVSKOYE FORTIFIED SETTLEMENT

A. Klemeshov¹, A. Malyshev²

¹ *Moscow Region State University*

ul. Very Voloshinoy 24, Mytishchi 141014, Moscow region, Russian Federation

² *Institute of Archaeology of Russian Academy of Science*

ul. Dm. Ulyanova 19, Moscow 117292, Russian Federation

Abstract

Aim. To characterize the results of the study of the Raevskoye fortified settlement (Krasnodar Krai) at different stages of the existence of this site.

Methodology. The article summarizes the results of the complex research of the territory of the Raevskoye fortified settlement and its immediate periphery, conducted from 1998 to the present, using both classical (excavations) and non-destructive methods.

Results. Summing up the results of the archaeological research in the Raevskoye settlement, we note several stages of human development of this territory, starting from the Early Bronze Age and up to the developed Middle Ages and Modern times. At the same time the main constructions of the fortress belong to the Antiquity from the 4th century BC to the 1st century AD and are connected with the strengthening of the eastern borders of the Bosporan Kingdom.

Research implications. The article summarizes the materials of field and laboratory archaeological research in 1998–2022, provides new data on the fortification and dating of objects of the Raevskoye fortified settlement.

Keywords: Asiatic Bosporus, Raevskoye fortified settlement, Abrau Peninsula, early Bronze Age, early Iron Age, the era of Antiquity

Acknowledgment. This work was executed as part of the planned Institute of Archaeology of the Russian Academy of Sciences theme «The Black Sea and Central Asian Periphery of the Ancient World and the Nomadic Communities of Eurasia: At the Crossroads of Cultures and Civilizations» (NIOKTR no. 122011200269-4).

Введение

В древних морских путеводителях (периплах) и других античных географических сочинениях упомянут ряд крупных населённых пунктов, расположенных в непосредственной близости от побережья в южной части Синдики¹. Эта историческая область локализуется прежде всего в образованной западными отрогами главного Кавказского хребта Анапско-Натухаевской долины – северной части полуострова Абрау.

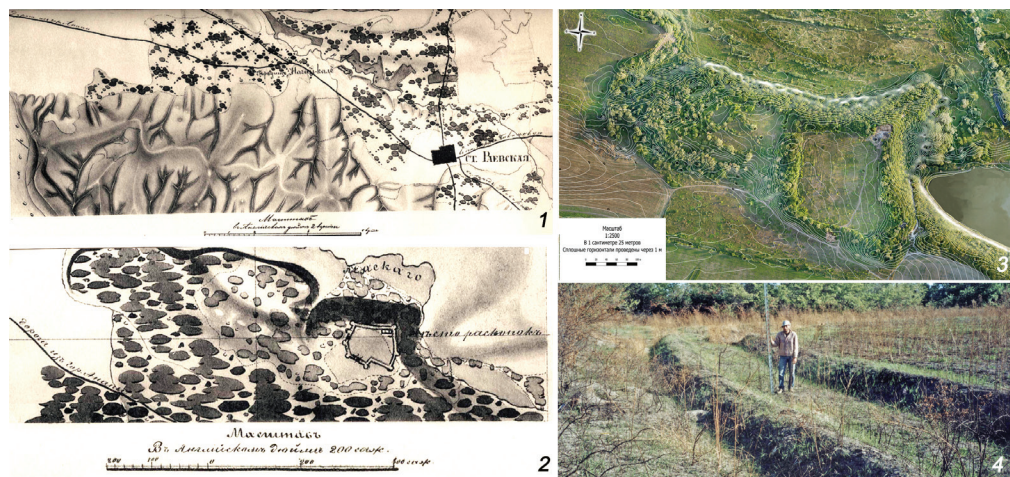
Правобережье Кубани раннего железного века было оконтурено цепочкой укрепленных поселений (городищ) [4, карта 21, с. 235], в то время как на крутых склонах рек Анапско-Натухаевской долины (Анапка, Маскага и Котлама), не менее удобных, укреплений этого времени практически нет. Тем выше значение памятника, получившего название Раевского городища – укрепленного поселения в средней части Анапско-Натухаевской долины, на правом берегу р. Маскаги. По словам В. И. Сизова, одним из первых проводившего археологическое обследование древностей п-ова Абрау, крепость, известная в XIX в. как

Ногай-Кале (Ногайская крепость), удобно расположена относительно речной и сухопутной коммуникаций в масштабах не только Анапско-Натухаевской долины, но и всего п-ова, и буквально «царит» над местностью (рис. 1) [13, с. 112].

История исследования Раевского городища, характеристика основных результатов которого является целью данной статьи, охватывает промежуток почти в 150 лет. Непоправимый ущерб памятнику в 90-е гг. XX в. нанесли масштабные грабительские раскопки (рис. 1.4). В ходе стационарных археологических исследований вскрыто 3,4% (0,35 га) всей площади (8,71 га) городища. Мощностные культурных слоёв и содержание фосфора в них показали сложную вертикальную и горизонтальную стратиграфию памятника. Период его бытования оказался самым протяжённым для всего п-ова Абрау: с энеолита – эпохи ранней бронзы до развитого Средневековья и Нового времени. Вместе с тем почти все изученные постройки крепости, несомненно, относятся к античному времени, а сам памятник с конца IV в. до н. э. до середины I в. н. э. входил в сферу боспорского влияния, о чём свидетельствует определение найденных здесь монет.

Археологические раскопки объектов фортификации и культурных слоёв Раевского городища, возобновлённые в 1998 г., исследовались согласно стратегии, выработанной на основе резуль-

¹ В частности, в «Географии» Страбона (XI, 2, 10) (Rus. Ed.: Страбон. География / пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. М.: Ладомир, 1994. 940 с.) упоминаются располагавшиеся на ее территории боспорские города: «В Синдской области есть место Гориппия – царская столица синдов, недалеко от моря, а также Аборака». Кроме того, античные авторы упоминают Синдик и Синдскую Гавань.

1. План окрестностей ст. Раевской и городища Ногай-Кале (копия с плана в Кубанской межевой канцелярии);
2. План городища Ногай-Кале и окрестностей (копия с плана ст. топографа Махмета);

3. Ортофотоплан;
4. Следы варварских раскопок в 90-е гг. XX в.

Рис. 1 / Fig. 1. Раевское г-ще в XIX–XXI вв. / Raevskoe settlement in the 19th–20th centuries

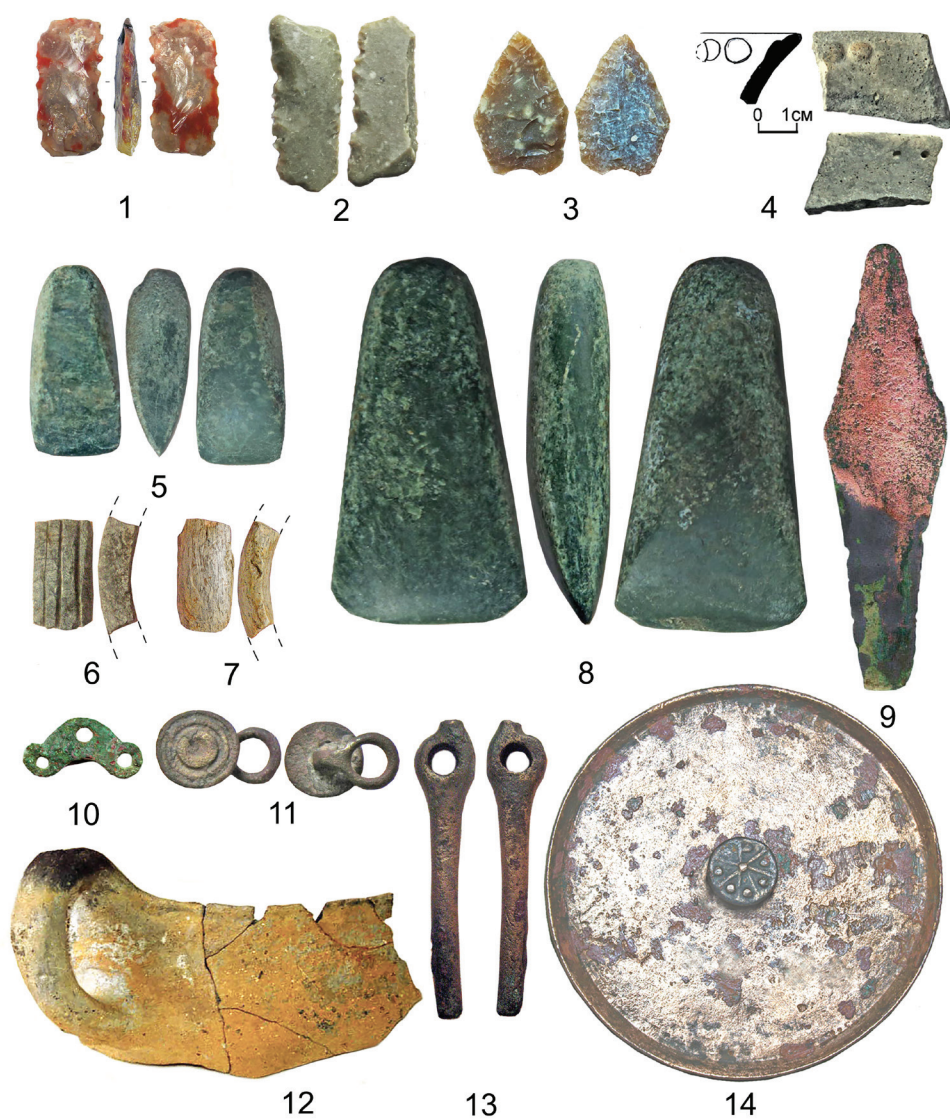
Источник: 1–2 – [13, табл. XXV]; 3 – выполнен Д. О. Дрыгой и А. В. Мочаловым,
4 – фото А. А. Малышева

татов дистанционного зондирования природного ландшафта и вписанных в него объектов памятника. При этом использовались данные аэрофотосъёмки (середины и третьей четверти XX в., а также космосъёмки 2018 г.) и инструментальной съёмки городища в пределах валообразной насыпи (рис. 1.4). Исследования, реализованные на памятнике, носят комплексный характер с применением как классических, так и неинвазивных методов (магниторазведочные работы и аэрофотосъёмка с использованием беспилотных летательных аппаратов, позволившая уточнить площадь городища и его планировку).

Эпоха бронзы и ранний железный век

Естественнонаучные исследования отложений, вскрытых в ходе раскопок, показали, что почва на городище сложилась в раннебронзовую эпоху. Кроме того, за последние десятилетия получена довольно солидная коллекция культур-

ных остатков, связанных с эпохой энеолита–бронзы. В основном это изделия из различных пород камня. Наиболее многочисленная группа – это орудия, а также сколы и отщепы из кремня разных расцветок (бежевого, дымчато-серого, чёрного и сизо-коричневого) и качества. Естественные выходы кремня на п-ове Абрау отсутствуют, поэтому эти находки, вне всякого сомнения, связаны с хозяйственной деятельностью человека. Основная масса находок оказалась сосредоточена не поблизости от водотока в северо-западной части городища, а в самой возвышенной мысовой северо-восточной, где, помимо изделий из кремня, обнаружены, к сожалению не *in situ*, обломки зернотёрки, 2 фрагмента каменных браслетов (рис. 2.6–2.7), десяток топоров-тёсел из змеевика (серпентинита) (рис. 2.5, 2.8) и даже бронзовый нож (рис. 2.9). Среди датирующего материала – венчик закрытого сосуда, украшенный жемчужным орнаментом (рис. 2.4).

1–9 – материалы эпохи бронзы

10–14 – материалы раннего железного века

Рис. 2 / Fig. 2. Раевское городище / Raevskoye settlement. Materials of the Bronze Age (1–9) and Early Iron Age (10–14)

Источник: фото А. А. Малышева, архив НАЭ ИА РАН

Культурные слои и сооружения этого времени были уничтожены в античное время. Судя по находке обломка плиты-портала с фрагментом входного отверстия в кладке стены одного из помещений монументального здания в северо-западной ча-

сти городища, некогда здесь, вероятно, располагался дольменный комплекс, который мог использоваться по назначению и в эпоху раннего железа (рис. 2.10–2.11, 2.13–2.14).

Раскопки в северо-западной части городища показали, что цокольные кладки

античных помещений были углублены в культурный слой раннежелезного века (зеленовато-серый суглинок, насыщенный обломками лепной посуды). Находки развалов керамических сосудов (ковша (рис. 2.12), корчаг, горшка, импортного красноглиняного сосуда на кольцевом поддоне (ойнохоя-?)) *in situ* свидетельствуют о существовании довольно значительного (площадью более 200 м²) аборигенного синдского поселения, бытование которого датировано, по находкам античных позднепухлогорлых амфор, началом V в. до н. э. Несмотря на явный хронологический разрыв между датами античных построек и аборигенного культурного слоя, стерильная прослойка между этими горизонтами визуальнo не прослежена, и основная часть находок зафиксирована в переотложенном виде.

Эпоха боспорской колонизации

Наиболее ярким в истории Раевского городища оказался период боспорской колонизации южной части Синдики (хоры Горгиппии) в IV–I вв. до н.э.¹ На восточных рубежах горгиппийской хоры, которые во многом совпадают с границами распространения пояса плодородных земель, на рубеже IV–III вв. до н. э. для упрочения контроля над важнейшими водными и сухопутными магистралями боспорянами были основаны поселения, одно из которых – на высоком берегу Маскаги – Раевское городище. Свидетельством боспорского присутствия здесь являются выявленные на территории всего памятника культурные остатки эпохи эллинизма (III–II вв. до н. э.) [8].

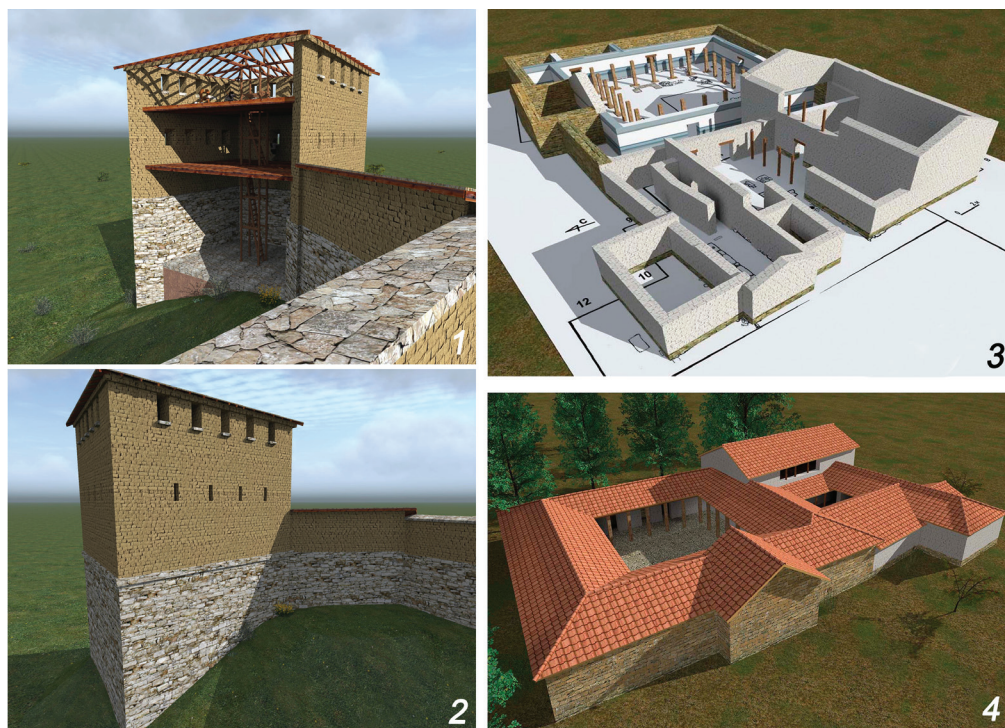
Наибольший интерес вызывает статусный комплекс построек площадью

около 0,15 га, распланированный довольно точно по странам света в традициях гипподамовой системы (рис. 3.3–3.4) и сооруженный на месте вышеупомянутого аборигенного поселения эпохи раннего железа. Расположение данного комплекса в северо-западной части памятника учитывает ландшафт и микрорельеф местности – он выстроен одновременно с учётом близости источника питьевой воды и соображений безопасности.

Комплекс явно принадлежал лицу, обладавшему высоким положением: основной комплекс был закрытый перистильный дворик, портик которого украшали колонны (раскопками выявлен стилобат портика из блоков ракушечника правильной формы, расставленных через 2 м, на которых в ряде случаев даже сохранились базы колонн). Такая планировка сближает монументальный комплекс с общественными и сакральными зданиями материковой Греции. Стены дворика украшала полихромная роспись, крыша была, в соответствии с греческой традицией домостроительства, перекрыта черепицей, часть соленов которой, судя по многочисленным клеймам «ΕΥΜΕΛΟΥ», была изготовлена в городских мастерских Горгиппии и, вероятно, доставлена по судходной в те времена Маскаге. Мощность каменных стен толщиной до 1,6 м позволяет предположить, что постройки в его северной части имели 2 уровня. Высота кладок стен, сложенных из камня местных пород (песчаник, известняк), а также характер заполнения помещений свидетельствуют о боспорских строительных традициях – возведении сырцовых стен на каменном цоколе (сырцово-каменная архитектура) [7, с. 202].

План, опубликованный В. И. Сизовым, свидетельствует о сложной системе фортификации городища. Крепость имеет очертания, типичные для фортификации нового времени, – многоугольник валообразной насыпи с 8 выступающими наружу башнеобразными выступами-бастонами [13, табл. XXV].

¹ Синдика у Страбона (Strabo. VII, IV, 6; *Rus. Ed.*: Страбон. География / пер. с древнегреч. Г. А. Страбановского. М.: Ладомир, 1994. 940 с.) названа одним из наиболее хлебодородных районов Северного Причерноморья, поэтому установление контроля над расположенным в непосредственной близости от Черноморского побережья источником огромного количества товарного зерна было для Боспора вопросом стратегическим.

1–2. Юго-восточная башня

3–4. Комплекс эллинистического времени

Рис. 3 / Fig. 3. Раевское городище в эллинистическую эпоху (реконструкция В. В. Моора) / Raevskoye settlement in the Hellenistic era (reconstruction by V. V. Moor)

Источник: реконструкция В. В. Моора по материалам раскопок НАЭ ИА РАН

Значительные трудности для строителей крепости представляло возведение фортификационных сооружений на восточном направлении, вдоль высокого берега р. Маскага – укрепления значительной длины, около 80 м, необходимо было возвести на неровной местности, поперёк склона оврага с перепадом высот до 6 м. При этом внутреннее пространство крепости не должно было просматриваться и оказываться в зоне поражения. Решением этих задач стало сооружение из продуктов разрушения местных скальных пород валообразной насыпи высотой до 5 м. Близкую высоту имеет и участок оборонительного вала на юго-востоке крепости. По данным радиоуглеродного анализа, полученным при исследовании погребённой почвы в юго-

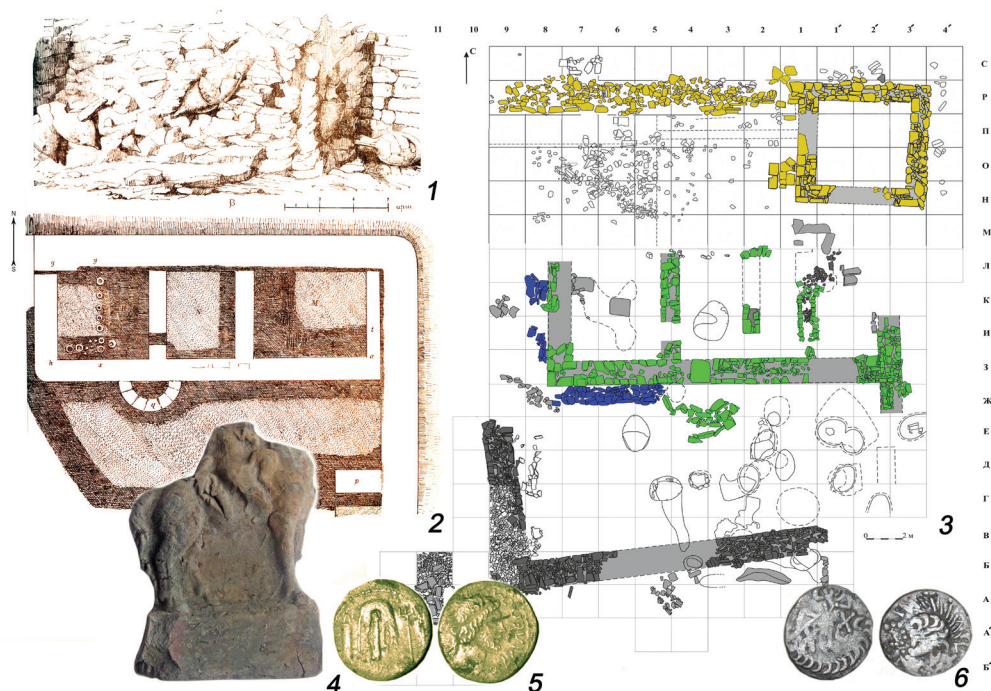
восточной части Раевского городища¹, начало интенсивных земляных работ по возведению фортификационных сооружений приходится уже на эпоху эллинизма. В пользу этого же вывода свидетельствуют стратиграфические наблюдения при исследовании крепостной стены у юго-восточной башни.

Прясла опираются на 3 наиболее значительные по размерам башенных сооружения: Восточное, Юго-восточное и Южное-1. Они сохранились до наших дней под насыпями пяти-шестиметровой высоты (рис. 1.3). Их изучение начато в 1998 г., когда Юго-восточная башня, а также отрезки прилегающих оборони-

¹ Погребенная почва под насыпью вала была датирована концом IV в. до н.э. (CAL BC 758 (403) 372 CAL BP 2708 (2352) 2322).

тельных стен были исследованы с помощью магниторазведки (д. и. н. Т. Н. Смекалова, СПбГУ). Раскопки сооружения выявили однокамерную прямоугольную постройку из камня, размером 9,5×10,5 м и высотой 4 м. Постройка оказалась на

почтительном (около 8 м) расстоянии от угла, образованного восточным и южным участками валообразной насыпи. С башней крепость соединял длинный, не менее 8 м, коридор галерей-потерны, шириной около 5,5 м (рис. 3.1–3.2).

1–2. План выявленных строительных остатков В. И. Сизовым на северо-восточном мысу (1886 г.);
3. План выявленных строительных остатков на северо-восточном мысу в 2005–2019 гг.

4. Терракотовая статуэтка всадника;
5. Бронзовая монета Митридата VIII;
6. Серебряная монета «неизвестного народа» (подражание римскому денарию)

Рис. 4 / Fig. 4. Раевское городище в раннеримскую и римскую эпоху / Raevskoye settlement in the Early Roman and Roman era

Источник: 1–2 – [13, табл. XIII]; 3–6 – фото А. А. Малышева, архивы НАЭ ИА РАН

Данные магниторазведки 2009 г. показали, что расположенная в восточной, наиболее возвышенной части городища, насыпь скрывает остатки башенного сооружения, вписанного в угол внешнего вала. В ходе земляных работ были расчищены стены (высота кладок до 1,9 м)¹

¹ Каменный завал с внешней стороны южной стены позволяет предположить высоту каменной кладки не менее трёх метров.

однокамерного в плане, многоуровневого сооружения, вероятно, квадратного (6×6 м) в плане². На юг от башни раскопками выявлен участок оборонительной стены: каменный цоколь, укрепленный контрфорсами с внутренней стороны.

² По аналогии с Северо-восточной и Южной-1: к сожалению, северная часть сооружения оказалась разобрана на камень в новейшее время, поэтому общие размеры здания установить невозможно.

Сложенное из камня основание было перекрыто остатками оплывшей кладки из кирпича-сырца, причём часть кирпичей сохранили свою форму, подвергшись высокотемпературному воздействию при пожаре, в котором погибло сооружение. Большие размеры имеет Южная-1 башня: в основании однокамерный, квадратный (примерно 10×10 м) в плане цоколь, высотой около 3 м. Прослеживается определённая закономерность в устройстве системы фортификации, выражающаяся в резком снижении как высоты валообразной насыпи, так и размеров башенных холмов в направлении восток–запад. Зафиксировано также и резкое возрастание плотности башенного фронта, практически в 2 раза (до 40–50 м).

Стационарные раскопки показали, что башни представляли собой многоуровневые сооружения квадратной либо прямоугольной в плане формы. Поскольку кладки верхних этажей были в соответствии с традициями боспорской фортификации сложены из кирпича-сырца и требовали практически ежегодного ухода, их высота едва ли превышала 10 м, что характерно в целом для Северного Причерноморья [5, с. 64]. Каменные цоколи башен сохранились на высоту до 4 м, прилегающие к ним оборонительные стены – до 1,5 м.

В северо-восточном углу Раевского городища В. И. Сизовым были выявлены остатки стен, определённые им как развалины «казарм раннеримской (?) эпохи». Это позволило исследователю датировать городище эпохой античности и предположительно соотнести либо с «Синдской крепостью» Птолемея, либо с «Аборакой» Страбона [13, с. 113–117, 132].

Несмотря на многолетние раскопки на городище, целенаправленное исследование фортификационных сооружений начато только в 1998 г. работами в юго-восточной части городища. Дистанционный анализ ландшафта, в который была «вписана» крепость, позволил расширить вышеуказанные наблюдения В. И. Сизова.

Городище расположено на ровной и имеющей пологий наклон к юго-западу поверхности мыса, образованного впадением небольшого оврага в р. Маскага. Пространство близ южной границы памятника, судя по всему, было заболочено, аккумулируя, благодаря значительной площади водосбора оврага, дождевые осадки. Наиболее удобный путь к крепости, таким образом, должен был пролегать с востока, по высокому берегу р. Маскага. По античной традиции вдоль дороги, ведущей в город, простирался некрополь, на котором в 1998 г. был исследован античный склеп [12, с. 15–16, рис. 8–9].

Раевское городище имеет в плане форму неправильного четырёхугольника, образуемого с запада, юга и частично с востока валообразной насыпью, на севере и северо-востоке её границы определяются высоким берегом р. Маскаги, имеющим крутой склон (45°, местами до 60–70°). Северо-восточный и восточный – наиболее высокие участки городища (превышение над долиной Маскаги – до 25–30 м). Создатели системы фортификации крепости были вынуждены таким образом преодолевать трудности, которые были вызваны крайней сложностью рельефа – поскольку абсолютные отметки территории памятника варьируют в диапазоне 50–61 м, потребовалось строить укрепления высотой до 5 и более метров. Одновременно они сумели использовать особенности рельефа при строительстве оборонительных сооружений.

В северо-восточной части городища к югу от здания «казармы» ещё В. И. Сизов выявил участок стены шириной около 2 м. В результате работ 2005–2013 гг., продолживших изучение этой части памятника, он был интерпретирован как оборонительная стена цитадели городища. Кладка, уложенная на культурный слой эллинистического времени, местами глубоко просела в хозяйственные ямы (рис. 4.3). Таким образом, можно говорить о двухуровневой системе оборони-

тельных сооружений крепости с центром (цитаделью) в северо-восточной части, имевшим площадь 0,12 га.

Эллинистическая стена, возведённая вдоль склона берега Маскаги, оказалась заметно уже (около 1,2 м), т. к. представляет собой двухслойную лицевую кладку без забутовки, основание стены впущено в материковую скалу. Каменный завал с внешней, северной стороны позволяет реконструировать стену на высоту до 1,5 м.

В контур оборонительных стен цитадели было включено расположенное на северо-восточном мысу однокамерное квадратное в плане здание (7×7 м) – башня, сооружённая ещё в эпоху эллинизма (рис. 4.3), потому что с неё можно контролировать доступ к расположенному западнее цитадели проезжному сооружению и хорошо просматривалась значительная часть Анапской долины,

В систему фортификации эпохи эллинизма было вписано здание из трёх помещений с традиционной для монументальных зданий апсидообразной пристройкой-тамбуром с южной стороны возле входа (рис. 4.1–4.3). Его размеры (около 16×19 м) соответствуют площадке на северо-восточном мысу Раевского городища и сопоставимы с двухкамерными постройками в ст. Анапская (12×17 м) и в особенности в пос. Цемдолина (15×19 м). Мощные, шириной 1,6–1,7 м, стены подвальной части сооружения к настоящему времени сохранились на метровую высоту. Устойчивость двух- или трёхэтажной постройки от продольной деформации¹, как и у здания у хут. Рассвет [6, с. 213–214], обеспечивал как массивный фундамент, так и контрфорсы, возведённые с запада и юго-запада от внешних стен (рис. 4.3) [1, с. 222–224]. В восточном помещении выявлены остатки отопительного сооружения (очага с дымоходом, который образовывали 2 взаимопараллельные кладки из блоков среднего раз-

мера и плиток) и площадка-упор лестничного пролёта (рис. 4.3).

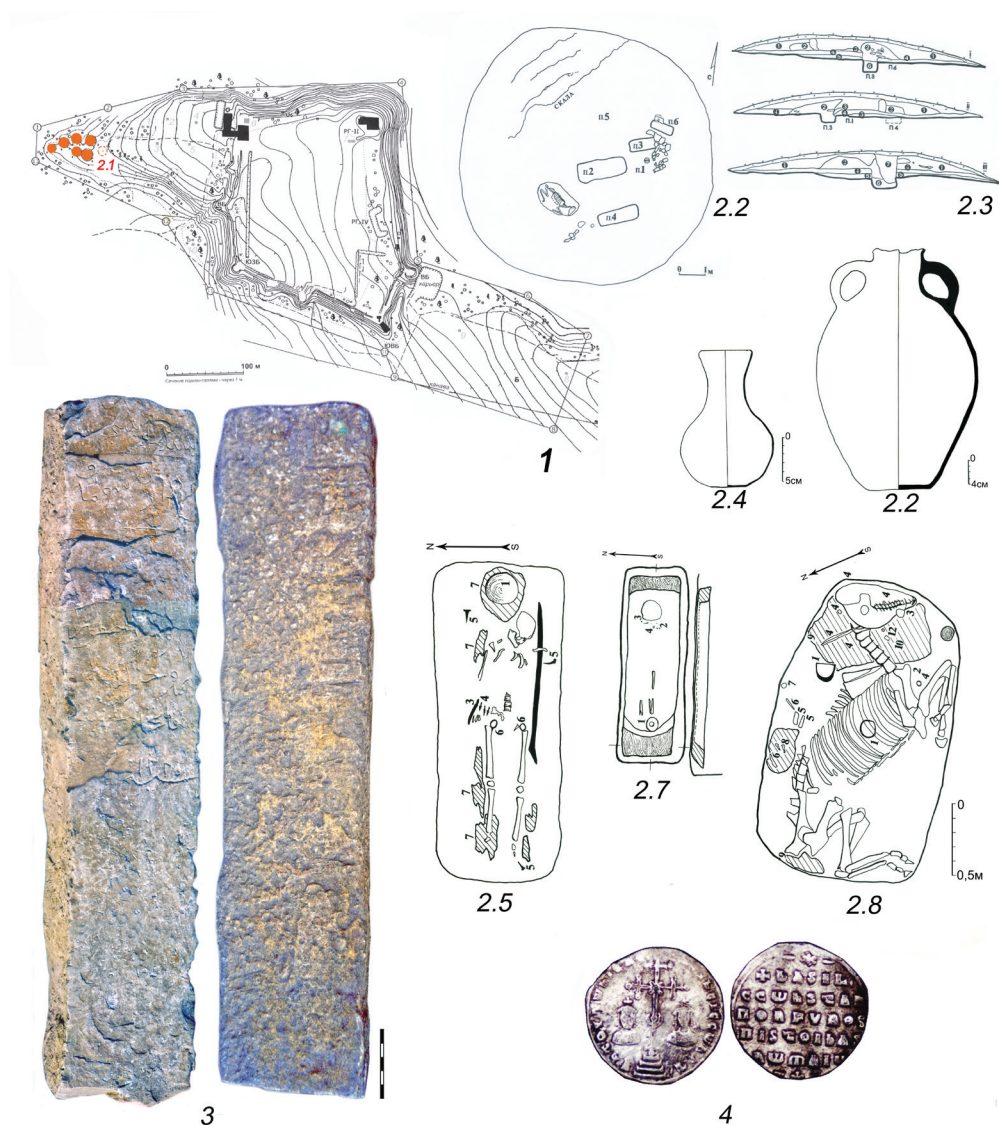
Наиболее поздние нумизматические материалы этого периода – монеты Митридата III (38–45 гг. н. э.) (рис. 4.5) – позволяют датировать гибель сооружений цитадели в огне пожара серединой I в. н. э.

Римское время, развитие Средневековья и Новое время

Культурный слой со строительными остатками римского времени не выявлен, хотя находки, типичные именно для этого региона, известны на городище (рис. 4.6). Часть сооружений античного времени была уничтожена при строительстве оборонительных сооружений в эпоху Средневековья, в частности, при рытье рва, судя по находкам керамической посуды X–XIII вв. Раскопки Н. А. Онайко позволили выявить в северо-западной части Раевского городища слой XI–XIV вв., свидетельствующий о периодическом возобновлении жизни на удобно расположенном для обороны и хозяйственной деятельности городище [9, с. 7–10; 10]. Керамический (фрагмент амфоры последней трети X – XI вв., профильные части кувшинов с плоскими ручками середины IX – начала XII вв.) и нумизматический материал этого времени был получен и при археологическом изучении валообразной насыпи в юго-западной части городища в 1998 г. (рис. 5.4) [12, с. 12].

Вероятно, территория, окружённая по периметру остатками укреплений, использовалась как для пастбы скота, так и для земледелия. Результаты палинологических исследований при раскопках валообразной насыпи в юго-западной части городища позволяют предположить периодическую деградацию растительного покрова городища в результате интенсивного выпаса [12, с. 11]. К эпохе Средневековья относятся погребения некрополя близ Раевского городища, исследованные А. В. Дмитриевым (рис. 5.1–5.2) [3].

¹ В широтном направлении зафиксирован метровый перепад высот на длину здания – около 19 м.

1. План ОАН;

2. Раевский могильник курган 1, исследованный
А. В. Дмитриевым в 1984 г.

3. Надгробная стела с турецкой надписью;

4. Серебряный византийский милиарисий Василия III и
Константина VIII (976–1025)

Рис. 5 / Fig. 5. Раевское городище в эпоху средневековья / Raevskoye settlement during the Middle Ages

Источник: 1 – выполнен к. и. н. А. Н. Геом; 2 – составлено А. А. Малышевым по материалам отчёта А. В. Дмитриева [3]; 3–4 – фото А. А. Малышева, архивы НАЭ ИА РАН

Масштабные земляные работы на территории Раевского городища, по сообщению турецкого историка Ахмеда Джевет-паши, велись в конце XVIII в., когда по воле турецких властей укрепления памятника были под руководством французского инженера адаптированы для военного использования с учётом условий того времени. Следы досыпки вала, образовавшегося при разрушении фортификационных сооружений античного времени, зафиксированы при раскопках 1998 г. Об османском присутствии говорит и найденное на городище надгробие с турецкой надписью (рис. 5.3) [2, с. 50].

Позднюю датировку, судя по неаккуратной кладке и использованию кусков сланцевого камня-мергеля, сложенных на известковом (?) растворе, имеет подковообразная в плане небольшая башенка диаметром около 3 м, сохранившаяся высота кладки около 1,5 м, остатки которой выявлены раскопками в 2003 г. в западной части городища [2, с. 52]. Стена толщиной 0,5–0,6 м была, видимо, покрыта обмазкой, её концы практически под прямым углом примыкают с запада к стене городища, в которой оставлен проход в башню.

Заключение

Возведение и функционирование системы сигнально-сторожевых сооружений, своего рода блокпостов, по вос-

точной границе боспорских владений свидетельствует о значительных административных, неэкономических возможностях правителей этого региона. Вне всякого сомнения, одна из их резиденций располагалась в важном в стратегическом отношении месте – Раевском городище. Оно было востребовано боспорянами в эллинистическую эпоху [11, с. 155–168], однако здание раннеримского времени было возведено на северо-восточном мысу: в некотором удалении от источников воды, но с лучшими возможностями для обзора.

Использовавшееся для поселения ещё в эпоху ранней бронзы возвышение на берегу Маскаги сохраняло привлекательность на протяжении последующих веков. Ключевые события в истории формирования антропогенных ландшафтов Раевского городища приходятся на эпоху античности, однако раскопками выявлены следы фортификационной активности в период развитого Средневековья. Последний по времени период изменений в облике Раевского городища связан с попытками турецких властей в Новое время превратить его в крепость, рассчитанную на ведение боевых действий с использованием артиллерии и стрелкового оружия.

Дата поступления в редакцию 01.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Вязкова О. Е., Гольева А. А., Малышев А. А. Боспорская сигнально-сторожевая система на полуострове Абрау: результаты комплексных исследований // Пятая Кубанская археологическая конференция: сборник трудов конференции / под ред. И. И. Марченко. М.: Гриф и К, 2009. С. 234–236.
2. Городище Раевское – форт Раевский – станица Раевская / сост. А. А. Малышев. Б/м, 2004. 80 с.
3. Дмитриев А. В. Отчёт об исследованиях археологических памятников в зоне сооружения оросительных систем совхоза «Раевский» близ г. Новороссийска в Краснодарском крае // Архив ИА РАН. 1985. Ф-1. Р-1. № 10757.
4. Каменецкий И. С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н. э. – III в. н. э. // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время / ред. А. И. Мелюкова. М.: Наука, 1989. С. 224–251.
5. Колтухов С. Г. Укрепления Крымской Скифии: Материалы по археологии Крыма. Симферополь: Сонат, 1999. 224 с.
6. Крушкол Ю. С. Античное здание в окрестностях Горгиппии // Античная история и культура Средиземноморья и Причерноморья. Л.: Наука, 1968. С. 213–219.

7. Крыжицкий С. Д. Строительная техника // Античные государства Северного Причерноморья. Т. 9. М.: Наука, 1984. С. 201–203.
8. Малышев А. А. Восточная периферия горгиппийской хоры // Россия как археологическое пространство. М.: ИА РАН, 2016. С. 96–97.
9. Онайко Н. А. Отчёт о раскопках Раевского городища в 1955 г. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 1213. 1958. 9 л.
10. Онайко Н. А. О раскопках Раевского городища // Краткие сообщения Института археологии АН СССР. Вып. 103. М.: Наука, 1965. С. 125–130.
11. Онайко Н. А. Эллинистическое здание Раевского городища и его место в архитектуре Боспора // Советская археология. 1967. № 2. С. 155–168.
12. Раевское городище и его окрестности (некоторые итоги и перспективы исследований) / А. Л. Александровский, О. Е. Вязкова, А. А. Гольева, А. А. Малышев, Т. Н. Смекалова // Древности Боспора. 1999. Т. 2. С. 7–29.
13. Сизов В. И. Восточное побережье Черного моря. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа, собранные экспедициями Московского археологического общества / под ред. гр. Уваровой. Вып. II. М., 1889. 183 с.

REFERENCES

1. Vyazkova O. E., Golyeva A. A., Malyshev A. A. [Bosporan Signal-Watch System in the Abrau Peninsula: The Results of Multidisciplinary Investigations]. In: Marchenko I. I., ed. *Pyataya Kubanskaya arkhеologicheskaya konferentsiya: sbornik trudov konferentsii* [Fifth Kuban Archaeological Conference: a collection of works of the conference]. Moscow, 2009. P. 212–240.
2. Malyshev A. A., ed. *Gorodische Raevskoye – fort Raevskiy – stanitsa Raevskaya* [Raevskoe settlement – Raevsky Fort – Raevskaya stanitsa]. 2004. 80 p.
3. Dmitriev A. V. [Report on studies of archaeological monuments in the construction zone of irrigation systems state farm «Rayevskiy» near Novorossiysk in Krasnodar Krai]. In: *Arkhir IA RAN* [Archive of the Institute of Archaeology of RAS], F-1. R-1. 1985, no. 10757.
4. Kamenetsky I. S. [The Meotians and other tribes of the northwestern Caucasus in the 7th century BC to the 3rd century AD]. In: Melyukova A. I., ed. *Stepi evropeyskoy chasti SSSR v skifo-sarmatskoye vremya* [Steppes of the European part of the USSR in Scythian-Sarmatian times]. Moscow, Nauka Publ., 1989. P. 224–251.
5. Koltukhov S. G. *Ukrepleniya Krymskoy Skifii: Materialy po arkheologii Kryma* [Fortifications of the Crimean Scythia: Materials on the Archaeology of the Crimea]. Simferopol, Sonat Publ., 1999. 224 p.
6. Krushkol Yu. S. [An ancient building on the outskirts of Gorgippia]. In: *Antichnaya istoriya i kultura Sredizemnomorya i Prichernomorya* [Ancient History and Culture of the Mediterranean and the Black Sea Region]. Leningrad, Nauka Publ., 1968. P. 213–219.
7. Kryzhytsky S. D. [Building techniques]. In: *Antichnye gosudarstva Severnogo Prichernomorya*. T. 9. [Antique States of the Northern Black Sea Region. Vol. 9]. Moscow, Nauka Publ., 1984. P. 201–203.
8. Malyshev A. A. [The Eastern Periphery of the Gorgippian khore]. In: *Rossiya kak arkheologicheskoye prostranstvo* [Russia as a archaeological area]. Moscow, IA RAN Publ., 2016. P. 96–97.
9. Onayko N. A. [Report on the excavations of the Raevskoye settlement in 1955]. In: *Arkhir IA RAN* [Archives of the Institute of Archaeology of RAS. F-1. R-1. № 1213]. 1958. 9 p.
10. Onayko N. A. [About the excavations of the Raevskoe settlement]. In: *Kratkie soobscheniya Instituta arkheologii AN SSSR. Vip. 103* [Brief communications of the Institute of Archaeology of the USSR Academy of Sciences. Iss. 103]. Moscow, Nauka Publ., 1965. P. 125–130.
11. Onayko N. A. [The Hellenistic building of the Raevskoye settlement and its place in the architecture of the Bosphorus]. In: *Sovetskaya arkheologiya* [Soviet archaeology], 1967, no. 2, pp. 155–168.
12. Aleksandrovsky A. L., Vyazkova O. E., Golyeva A. A., Malyshev A. A., Smekalova T. N. [Raevskoye settlement and its surroundings (some results and prospects of research)]. In: *Drevnosti Bospora* [Antiquities of the Bosphorus], 1999, iss. 2, pp. 7–29.
13. Sizov V. I. [East coast of the Black Sea. Archaeological excursions]. In: gr. Uvarava, ed. *Materialy po arkheologii Kavkaza, sobrannye ekspeditsiyami Moskovskogo arkheologicheskogo obschestva. Vip. 2* [Materials on the archaeology of the Caucasus collected by expeditions of the Moscow Archaeological Society. Vyp. II]. Moscow, 1889.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Клемешов Алексей Станиславович – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории, археологии и методологии исторической науки Московского государственного областного университета;

e-mail: klemeshovas@mail.ru

Малышев Алексей Александрович – кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом скифо-сарматской археологии Института археологии Российской академии наук;

e-mail: maa64@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alexey S. Klemeshov – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department of World History, Archaeology and Methodology of the History, Moscow Region State University;

e-mail: klemeshovas@mail.ru

Alexey A. Malyshev – Cand. Sci. (History), Assoc. Prof., Department Head, Department of Scythian-Sarmatian archaeology, Institute of Archaeology, Russian Academy of Sciences;

e-mail: maa64@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Клемешов А. С., Малышев А. А. Антропогенные ландшафты раевского городища // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 142–154.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-142-154

FOR CITATION

Klemeshov A. S., Malyshev A. A. Anthropogenic landscapes of the Rayevskoye fortified settlement. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpon-tica, iss. IV, pp. 142–154.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-142-154

ИЗ ИСТОРИИ АРХЕОЛОГИИ ПРИЧЕРНОМОРЬЯ

УДК 903.5+94(470.63)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-155-163

О РАСКОПКАХ П. ФЕДОТОВА И Р. ЭРКЕРТА КУРГАНОВ СКИФСКОГО ВРЕМЕНИ В ОКРЕСТНОСТЯХ Г. СТАВРОПОЛЯ В 1881 Г.

Прокопенко Ю. А.

Северо-Кавказский федеральный университет

355009, г. Ставрополь, ул. Пушкина, д. 1, Российская Федерация

Аннотация

Цель. Определить авторство и очерёдность первых раскопок скифских курганов в окрестностях г. Ставрополь. Ввести в научный оборот и атрибутировать комплексы, раскопанные П. Федотовым и Р. Эркерт в 1881 г.

Процедура и методы. Основное содержание исследования составляет анализ документов, касающихся первых археологических раскопок в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г., а также анализ вещевого материала, выявленного в процессе раскопок. В качестве рабочего использован сравнительно-типологический метод. Сравнительный анализ форм керамики, пряслица, бронзового зеркала с аналогичными предметами из памятников кобанской культуры и Северного Причерноморья позволили уточнить хронологию памятников, а также наметить возможные направления поступлений изделий в регион.

Результаты. Проведённый анализ документов показал, что комплекс IV в. до н. э. из кургана 1881 г. и хранящийся в Эрмитаже, раскопан П. Федотовым, а курган раннескифского времени был исследован Р. Эркерт.

Теоретическая и/или практическая значимость. Обобщён новый материал по исследуемой теме, в научный оборот введены сведения о раскопках П. Федотова, материалы из раскопок Р. Эркerta.

Ключевые слова: скифы, курганы, П. Федотов, Р. Эркерт, корчага, пряслице, зеркало

ABOUT P. FEDOTOV AND R. ERKERT'S EXCAVATIONS OF SCYTHIAN BURIAL MOUNDS IN THE VICINITY OF STAVROPOL IN 1881

Yu. Prokopenko

North-Caucasus Federal University

ul. Pushkina 1, Stavropol 355009, Russian Federation

Abstract

Aim. To determine the authorship and sequence of the first excavations of Scythian mounds in the vicinity of Stavropol. To introduce into scientific circulation and attribute the complexes excavated by P. Fedotov and R. Erkert in 1881.

© СС ВУ Прокопенко Ю. А., 2022.

Methodology. The main content of the study is the analysis of documents related to the first archaeological excavations in the vicinity of Stavropol in 1881, as well as the analysis of the material revealed during the excavation. As the main method, the comparative typological one is used. The comparative analysis of the shapes of ceramics, spindle, bronze mirror with the similar objects from the monuments of Koban culture and the Northern Black Sea region made it possible to clarify the chronology of the monuments, as well as to outline the possible directions of product receipts to the region.

Results. Analysis of the documents showed that the complex of the IV century BC, published by R. Erkert, from the mound of 1881, stored in the Hermitage, was excavated by P. Fedotov, and the mound of early Scythian time was investigated by R. Erkert.

Research implications. New material on the topic under study is summarized, information about the excavations of P. Fedotov and the materials from the excavations of R. Erkert are introduced to scientific circulation.

Keywords: Scythians, mounds, P. Fedotov, R. Erkert, korchaga, spindle whorl, mirror

Введение

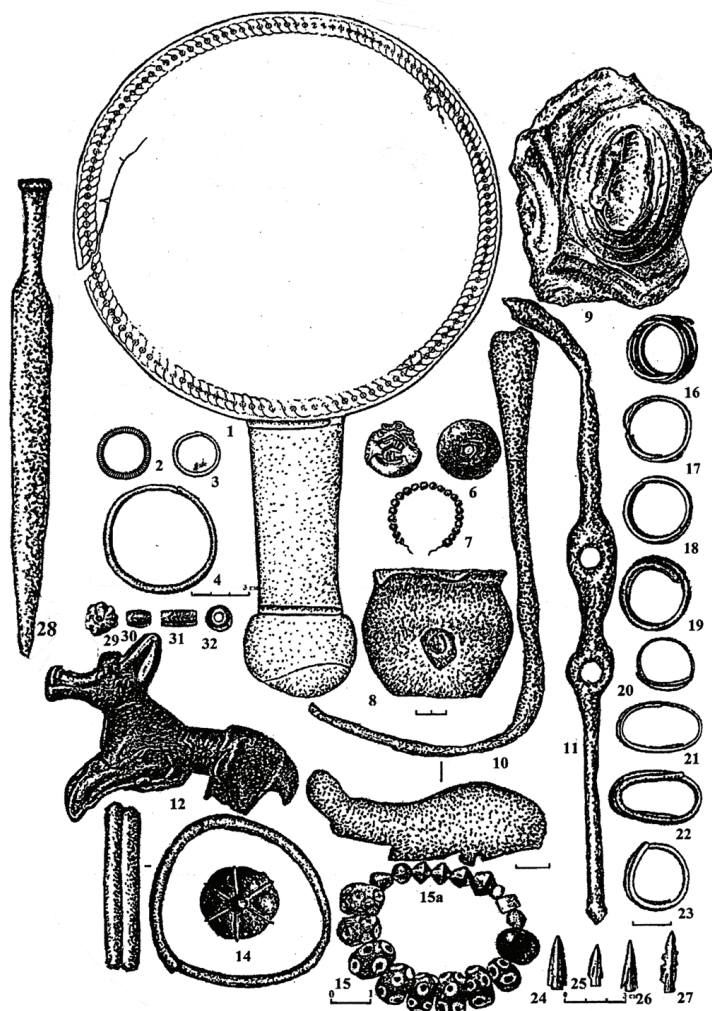
В связи с завершением Кавказской войны, а также реформированием армии в 1874 г. большое количество отслуживших офицеров и унтер-офицеров определяется на место жительства в города России, в т. ч. и Северного Кавказа. Эта социальная группа, выделявшаяся образованием и любознательностью, включается в провинциальную культурную жизнь. Таким любителем краеведения в г. Ставрополе являлся отставной унтер-офицер Павел Ф. (Федорович или Федотович?) Федотов [5, с. 211–213]. В частности, в 1881 г. он раскопал в юго-западных окрестностях г. Ставрополя 5 курганов. В одном из них был обнаружен богатый комплекс предметов первой половины IV в. до н. э., хранящийся в фондах Государственного Эрмитажа. Вскоре после завершения раскопок в Ставрополе появился офицер Р. Эрkert (будущий генерал). Он исследовал курган раннескифского времени в юго-восточных окрестностях Ставрополя. Впоследствии генерал опубликовал результаты раскопок П. Федотова и своего кургана.

Анализ документов по раскопкам П. Федотова и Р. Эркерта

Определённые трудности вызвали поиски документального подтверждения даты проведённых раскопок. В Ставропольском государственном архиве и

Рукописном архиве Института истории материальной культуры хранится целый ряд документов, касающихся ходатайств П. Федотова и переписки Городской управы г. Ставрополя с Императорской археологической комиссией по поводу найденных предметов в процессе его раскопок курганов в окрестностях города. Все они относятся к 1883–1884 гг. Однако один из документов о выдаче П. Федотову удостоверения «по результатам раскопок» одного из курганов», содержащий список предметов, поступивших в Городскую управу г. Ставрополя из этого кургана (бронзовый воронёный щиток (зеркало), металлическая эмблема (бляха с изображением хищника), 4 металлических наконечника стрел и др.), имеет дату 13 января 1882 г. [6, с. 56–57] (рис. 1). Таким образом, исследование кургана П. Федотовым, из которого происходят перечисленные вещи, датируется не 1883 г., а 1881 г., скорее всего, летом или началом осени, поскольку раскопки, как правило, проводились в тёплое время года.

В документе от 20 июня 1884 г., поступившем из Городской управы г. Ставрополя в Императорскую археологическую комиссию, содержится описание раскопок П. Федотова. Согласно этому документу памятник располагался в 5 верстах от города по просёлочной дороге в ст. Николаевскую Кубанской области, возвышался над покрытым лесом с обе-

- 1 – зеркало;
 2–4, 16–23 – серьги и височные кольца;
 5 – бляха с изображением свернувшегося хищника;
 6 – пряслице;
 7, 15, 15а, 29–32 – бусы;
 8 – сосуд;
 9 – ископаемая раковина;

- 10–11 – псалии;
 12 – фигурка собаки-волка;
 13 – браслет;
 14 – подвеска;
 24–27 – наконечники стрел;
 28 – меч

1–5, 12–14, 16–27 – бронза;
 6, 8 – керамика;
 7, 15, 15а, 29–32 – стекло;
 9 – раковина;
 10, 11, 28 – железо

Рис. 1 / Fig. 1. Комплекс предметов из кургана 1881 г., раскопанного П. Федотовым / The complex of objects from the mound of 1881 excavated by P. Fedotov

Источник: Прокопенко Ю. А. Скифы, сарматы и племена кобанской культуры в Центральном Предкавказье во второй половине I тыс. до н. э. Ч. II. Ставрополь, 2014. С. 378.

их сторон ручьём Грушевым (Грушевская балка). В настоящее время это юго-западная окраина г. Ставрополя. Рядом с балкой располагалась вытянутая в одну линию цепочка из 5 насыпей. Все были исследованы П. Федотовым. В 4 курганах были найдены отдельные человеческие кости и кости животных. В одной насыпи (третьей с восточной стороны цепи), состоящей из чернозёма и булыжников, на двухаршинной глубине был обнаружен отмеченный выше комплекс, отправленный в Императорскую археологическую комиссию 30 января 1884 г. (включал меч синдо-меотского типа, бронзовое зеркало, украшения, бляху в скифском зверином стиле IV в. до н. э., керамический сосуд, фигурку собаки и наконечники стрел) (рис. 1). Документ о поступлении в конечный пункт артефактов датируется 27 февраля 1884 г.

В 1883 г. П. Федотов ходатайствовал перед Императорской археологической комиссией о получении разрешения на продолжение раскопок. Его прошение было удовлетворено. В документе от 18 августа 1884 г. отмечено получение Городским полицейским управлением в Ставрополе разрешения на право раскопок П. Федотовым «погребов в Русской даче» (современный лесопарк – Русская лесная дача). Исследователь продолжил свои изыскания. Им были найдены резные камни в форме животных, сабля, фрагменты кожаных изделий и др.

В 1883 г. в журнале «Статьи для этнологии», издававшемся в Берлине на немецком языке, были опубликованы результаты раскопок в 1881 г. двух курганов в окрестностях г. Ставрополя генерала Р. Эркерта [7, р. 171–179].

Родерих Франц фон Эрkert служил на Кавказе, в т. ч. в Дагестане (дослужился до чина генерал-майора российской армии) (фото 1). Кроме военной службы его интересовали археологические и этнографические изыскания. В частности, он отметил свои незавершённые раскопки курганов в Куявии (видимо, район в

Польше) [7, р. 172]. Также Р. Эрkert занимался изучением в Дербенте фортификации «Дар-Бары». М. С. Гаджиев отмечает тщательность исполнения генералом, по сравнению с предшественниками, плана горной стены [1, с. 51–52]. Результаты этнографических исследований народов Кавказа, проводимых Р. Эркертом, были опубликованы в фундаментальной монографии «Кавказ и его народы» в 1887 г. [8].

Фото 1 / Photo 1. Родерих Франц фон Эрkert / Roderich Franz von Erkert

Источник: Википедия: [сайт]. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эрkert,_Родриг_Фёдорович (дата обращения: 20.08.2022)

В описании Р. Эркертом Ставропольских курганов обращает на себя внимание факт отсутствия сведений у автора, касающихся раскопок кургана № 1 (нет описаний местоположения памятника и процесса раскопок и др.). Им перечислены и охарактеризованы только найденные предметы. При этом следует отметить, что рисунки выполнены с искажениями, т. е. автор в процессе их создания был ограничен во времени. Всё это свидетельствует о том, что курган № 1 не

является памятником, исследованным лично генералом. Вероятно, Р. Эркерт воспользовался материалами другого исследователя.

Согласно документам, хранящимся в архивах ГАСК и ИИМК РАН (переписка Археологической комиссии с Городской Управой г. Ставрополя и П. Ф. Федотовым) это был отставной унтер-офицер П. Ф. Федотов [5, с. 211–213; 6, с. 56–57]. Именно от него Городская Управа получила детальное описание местоположения кургана и сами обнаруженные вещи (были отправлены в Эрмитаж). Видимо, Р. Эркерт прибыл в г. Ставрополь, когда памятник был уже раскопан, поэтому он ничего не знал о деталях его изучения. Сами вещи он мог зарисовать вовремя показа ему находчиком или непосредственно в Городской Управе, где они хранились вплоть до отправки в г. Санкт-Петербург.

Совсем по-другому выглядит описание Р. Эркертом раскопок кургана № 2. Генерал в своей статье даже поместил дату его исследования – октябрь 1881 г. (видимо, курган № 1 исследовался либо летом, либо в сентябре 1881 г.) [7, р. 172–175]. Согласно тексту Р. Эркерта курган находился в 2 км от Ставрополя по направлению восток-юг-восток (OSO), на равнине недалеко от водораздела. Предположительно, в настоящее время это либо район между р. Мутнянка и р. Мамайка, либо – между р. Мамайка и р. Мамайка 2-я. По словам генерала, курган имел высоту 3 м, диаметр 120 м. Северная и восточная стороны насыпи кургана были более крутыми, чем западная и южная. Раскопки Р. Эркерт проводил траншейным методом (с севера на юг). При этом он фиксировал стратиграфию кургана, определяя более ранние и более поздние слои насыпи, а также особенности использовавшихся в её строительстве камней (кусков ракушечника и твёрдых – галек). Всего в кургане было выявлено 5 захоронений.

Описание находок Р. Эркерта

В северном секторе насыпи кургана Р. Эркерт обнаружил остатки деревянной конструкции. Остатки деревянных плах располагались под наклоном. Исследователь указывает на сходство с деревянными сооружениями гробниц адыгов (кабардинцев XIX в.). Здесь был обнаружен мужской слабо скорченный скелет (I), ориентированный на запад. В 6 шагах (3 м?) от него располагался женский скелет (II), ориентированный также на запад. В числе сопутствующего инвентаря автор раскопок называет остатки кости животного, клык собаки, массивные осколки черноглиняного сосуда и фрагменты обуви (каблук и часть подошвы). Скорее всего, данное захоронение следует отнести к эпохе средневековья.

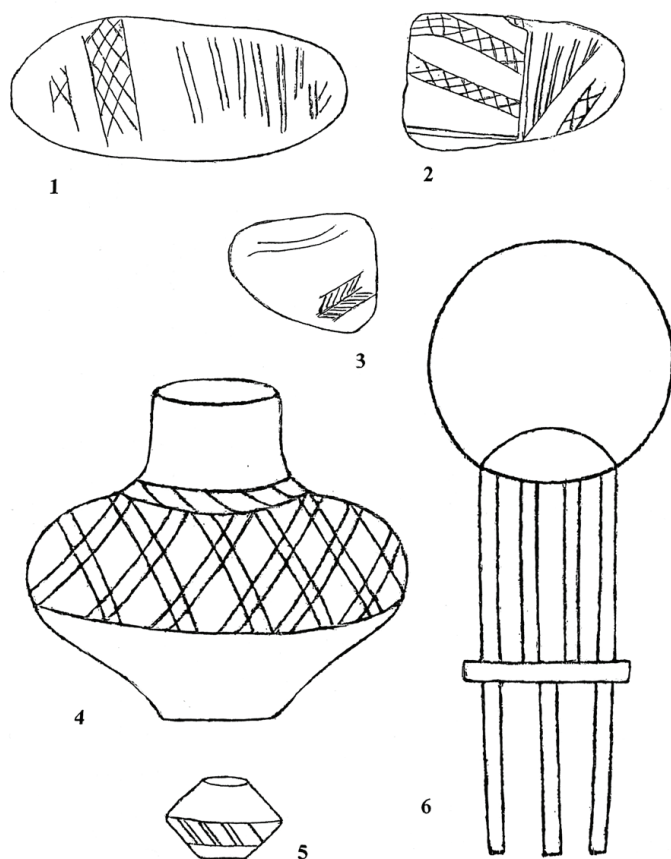
Третье погребение было открыто в западном секторе траншеи на глубине 1 м. Скелет (III) был ориентирован на восток. Находок выявлено не было.

В центре рва (в центре насыпи кургана) на глубине 2 м было обнаружено четвёртое погребение, видимо, центральное. Погребённый лежал на спине вытянуто, головой на запад (скелет был в очень плохом состоянии, во время извлечения – распался). Здесь же располагались кости животных и небольшие фрагменты дерева.

Рядом с костяком находилась большая черноглиняная урна (корчага?). Сосуд не сохранился. Судя по фрагментам, корчага (?) была декорирована орнаментом, состоящим из прочерченных узких и широких полос, заполненных косой штриховкой и ёлочным декором (рис. 2.1–3). Толщина стенки сосуда – 8 мм; диаметр горла – 232 мм; длина венчика – 10 мм.

Также недалеко от костяка располагался большой камень неправильной эллипсоидной формы (245 × 180 мм).

Между фрагментами большого сосуда зафиксирована меньшая по размерам урна – черноглиняная (чернолощёная?) корчага с раздутым туловом, цилин-

1–3 – фрагменты корчаги № 1;
4 – корчага № 2;
5 – пряслице;
6 – зеркало

1–5 – керамика;
6 – бронза

Рис. 2 / Fig. 2. Комплекс предметов из кургана 1881 г., раскопанного Р. Эркертом / The complex of objects from the mound of 1881, excavated by R. Erkert

Источник: [7]

дрическим горлом и узким дном, почти полностью сохранившаяся (рис. 2.4). Размеры: высота – 110 мм; наибольший диаметр – 132 мм; диаметр горла – 75 мм; диаметр верхнего края – 92 мм; диаметр дна – 55 мм. В месте перехода горла в тулово по окружности прочерчены 2 параллельные линии. Внутренняя поверхность между ними заштрихована наклонными линиями. Верхняя часть тулова сосуда декорирована геометрическим орнамен-

том – ромбами, оформленными пересекающимися под углом двойными линиями.

Неподалеку от остатков скелета обнаружено керамическое пряслице усечёно-биконической формы (наибольший диаметр 27 мм) (рис. 2.5). Одна половина предмета орнаментирована по окружности полосой, заштрихованной двойными косыми линиями.

Особое внимание обращает на себя найденное здесь же бронзовое зеркало.

Оно было разбито и впоследствии реконструировано (рис. 2.6). Круглый диск имел диаметр 200 мм. Сложная ручка, состоящая из бронзовых стержней, крепилась к диску за счёт охватывающих его с обеих сторон напаянных полукруглых пластин (длина 43 мм). От них отходят 4 стержня (диаметр – 43 мм; длина – 74 мм). Они были припаяны к поперечному, разделительному, стержню, от которого отходили еще 3 стержня.

Сохранившаяся корчага по форме и особенностям декора относится к разновидности двух корчагаобразных сосудов кобанской культуры западного варианта по классификации В. И. Козенковой. Эта форма керамики была характерна для памятников IX–VIII вв. до н. э. (могильники Терезе, Каменноостровский, Мебельная фабрика и др.). Также они являются частой находкой в погребениях скифского времени (могильник Этокский, погребение 5–7; могильник Уллубаганалы 2, погребение 3; Султангорский 3-й могильник; слой Ессентукского поселения и др.) [2, с. 93–94, табл. XXXII.7–9].

Биконическое керамическое пряслице по форме относится к типу V по классификации В. И. Козенковой. Датировка наиболее ранних таких экземпляров в памятниках кобанской культуры западного варианта – VIII–VII вв. до н. э. Наиболее поздние предметы зафиксированы в комплексах V в. до н. э. [2, с. 27]. Близкая ситуация наблюдается и на Ставропольской возвышенности. В частности, подобные пряслица выявлены во всех слоях Грушевского городища VIII–III вв. до н. э. (юго-западные окрестности г. Ставрополя) [4, с. 35].

Прямых аналогий описанному зеркалу мне не известно. Однако его ажурная ручка из 3–4 стержней отдалённо напоминает бронзовые зеркала-патеры так называемого ольвийского типа. Стволы их ручек, являющиеся стилизованными изображениями античных колонн, имеют по 3–5 продольных параллельных рёбер. Все типы таких зеркал Т. М. Куз-

нецовой датируются различными отрезками VI в. до н. э. [3, с. 142, 165, 195]. Эти изделия поступали и на территорию распространения кобанской культуры. В Центральном Предкавказье они открыты в памятниках VI – начала V в. до н. э. (могильник Карраский, гр. III; могильник Каменноостровский курган 1 (раскопки П. Г. Акритаса 1954 г.) [2, табл. XXIX.2–3].

Возможно, первоначально зеркало из Ставропольского кургана также относилось к ольвийскому типу. Его ручка была утрачена и была заменена грубым местным подражанием. С утилитарной точки зрения такой вариант можно объяснить желанием использовать в качестве подставки деревянную или мягкую (земляную) основу.

Таким образом, сочетание в одном комплексе двух корчаг, пряслица и бронзового зеркала свидетельствует о совершении данного захоронения в скифский период, предположительно, в VI – начале V в. до н. э.

Рядом с краем ямы описанного погребения, к северу, были обнаружены истлевшие деревянные доски, наклонные, а под ними выявлено пятое захоронение. Погребённый лежал на спине головой на запад (скелет – IV).

По мнению Р. Эркерта, стратиграфическая ситуация расположения слоёв в насыпи и характер встраивания в них захоронений позволяют выделить самое раннее – распавшийся скелет (с богатым набором инвентаря). Остальные погребённые (скелеты I–IV) были захоронены позже. Процесс формирования новых погребений сопровождался подсыпкой насыпи сверху [7, р. 172–175].

Заключение

Таким образом, материалы 2 курганов, раскопанных в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г., опубликованные Р. Эркертом под своим авторством, имеют различное происхождение. Первый – № 1 (IV в. до н. э.) исследован П. Ф. Федотовым в районе балки Грушевой (юго-западные окрестности города); № 2 (VI – начало

V в. до н. э.) изучен Р. Эркертом (юго-восточные окрестности города).

Комплексы являются самыми первыми памятниками скифского времени, исследованными на Ставропольской воз-

вышенности, положившими начало археологическому изучению Ставропольской возвышенности.

Дата поступления в редакцию 21.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Гаджиев М. С. Р. Эркерт и Дж. Эберкромби – исследователи «Дар-Бары» // Вестник института ИАЭ. 2005. № 3. С. 51–55.
2. Козенкова В. И. Материальная основа быта кобанских племён. Западный вариант. САИ. Вып. В2-5. М.: ИА РАН, 1998. 199 с.
3. Кузнецова Т. М. Зеркала скифии VI–III века до н. э. Т. I. М.: Индрик, 2002. 350 с.
4. Найдено А. В., Прокопенко Ю. А. Археологические материалы Грушевского городища VIII–III вв. до н. э. как исторический источник по истории края (исследование пряслиц) // Ставропольская земля в прошлом и настоящем: мат-лы науч. конф. Ч. 1. Ставрополь: Изд-во СГПУ, 1995. С. 24–38.
5. Прокопенко Ю. А. О краеведческой деятельности в 80-х гг. IX в. археолога-любителя П. Ф. Федотова // Вторые Прозрителевские чтения: сб. мат-ов науч.-практ. конф. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2006. С. 211–215.
6. Прокопенко Ю. А. Формирование в Ставрополе в конце XIX века системы по фиксации и сохранению археологических находок из памятников региона // Четвертые Прозрителевские чтения: сб. мат-ов науч.-практ. конф. Ставрополь: Вестник Кавказа, 2008. С. 55–69.
7. Erchert R. Ein Kurgan bei Stavropol // Zeitschrift für Ethnologie. Fünfzehnter Band. Berlin: Verlag von Asher, 1883. P. 171–179.
8. Erchert R. von. Der Kaukasus und seine Volker. Leipzig, 1877. 385 p.

REFERENCES

1. Gadzhiev M. S. [R. Erkert and J. Abercrombie – researchers of Dar-Bary]. In: *Vestnik instituta IAE* [Bulletin of the IAE Institute], 2005, no. 3, pp. 51–55.
2. Kozenkova V. I. *Material'naya osnova byta kobanskikh plemon. Zapadnyy variant. SAI. Vyp. B2-5* [The material basis of the life of the Koban tribes. Western option. AIS. Issue. B2-5]. Moscow, IA RAN Publ., 1998. 199 p.
3. Kuznetsova T. M. *Zerkala skifii VI–III veka do n. e. T. I.* [Mirrors of Scythia of the 6th–3rd centuries BCE. Vol. I]. Moscow, Indrik Publ., 2002. 350 p.
4. Naidenko A. V., Prokopenko Yu. A. [Archaeological materials of the Grushevsky settlement of the 8th–3^d centuries BCE as a historical source on the history of the region (study of whorls)]. In: *Stavropol'skaya zemlya v proshlom i nastoyashchem: mat-ly nauch. konf. Ch. 1* [Stavropol land in the past and present: materials of the scientific and practical conference. Part 1]. Stavropol, Izdatelstvo SGPU Publ., 1995. P. 24–38.
5. Prokopenko Yu. A. [On local history activities in the 80s. 9th century amateur archaeologist P. F. Fedotov]. In: *Vtoryye Prozritelevskiye chteniya: sb. mat-ov nauch.-prakt. konf* [Second Prozritel Readings: collection of materials of the scientific and practical conference]. Stavropol, Vestnik Kavkaza Publ., 2006. P. 211–215.
6. Prokopenko Yu. A. [Formation in Stavropol at the end of the 19th century of a system for fixing and preserving archaeological finds from the monuments of the region]. In: *Chetvertyye Prozritelevskiye chteniya: sb. mat-ov nauch.-prakt. konf* [Fourth seer readings: collection of materials of the scientific and practical conference]. Stavropol, Vestnik Kavkaza Publ., 2008. P. 55–69.
7. Erchert R. Ein Kurgan bei Stavropol. In: *Zeitschrift für Ethnologie. Fünfzehnter Band*. Berlin, Verlag von Asher, 1883. P. 171–179.
8. Erchert R. von. *Der Kaukasus und seine Volker*. Leipzig, 1877. 385 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Прокопенко Юрий Анатольевич – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры социальной философии и этнологии Северо-Кавказского федерального университета;
e-mail: z_proko_15@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Yury A. Prokopenko – Dr. Sci (History), Prof., Department of Social Philosophy and Ethnology, North-Caucasus Federal University;
e-mail: z_proko_15@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Прокопенко Ю. А. О раскопках П. Федотова и Р. Эркerta курганов скифского времени в окрестностях г. Ставрополя в 1881 г. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 155–163.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-155-163

FOR CITATION

Prokopenko Yu. A. About P. Fedotov and R. Erkert's excavations of Scythian burial mounds in the vicinity of Stavropol in 1881. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 155–163.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-155-163

УДК 902(531)+39

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-164-171

КОЛЛЕКЦИЯ (СОБРАНИЕ) АРТЕФАКТОВ А. КОССНИЕРСКОЙ БЕРЛИНСКОГО МУЗЕЯ ДРЕВНЕЙ ИСТОРИИ И НОВЫЕ МАТЕРИАЛЫ НЕКРОПОЛЯ «АДАЙДОН» КОБАНСКОЙ КУЛЬТУРЫ В СЕВЕРНОЙ ОСЕТИИ – АЛАНИИ

Чшиев В. Т.*Институт истории и археологии РСО – Алания**362025, г. Владикавказ, ул. Ватутина, д. 46, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Прояснить особенности погребального обряда древнего населения на территории Центрального Кавказа в эпоху финала средней бронзы – начала позднебронзового века.

Процедура и методы. В процессе работы была использована методология, типичная для археологических исследований, комплексный и сравнительно-исторический методы.

Результаты. В результате исследования был выявлен новый элемент в погребальном обряде центральнокавказских памятников раннего пласта кобанской культуры (период Кобан 1 а-б) – некрополя Адайдон и некрополя Верхняя Рутха.

Теоретическая и/или практическая значимость. В статье представлены новые, ранее не известные особенности погребальной обрядности племён кобанской археологической культуры Кавказа.

Ключевые слова: Центральный Кавказ, бронзовый век, кобанская культура, Адайдонский некрополь, некрополь Верхняя Рутха, обряд намеренной деформации погребального инвентаря

COLLECTION OF A. KOSSNIERSKAYA'S ARTIFACTS OF THE BERLIN MUSEUM OF ANCIENT HISTORY AND NEW MATERIALS OF THE ADAYDON NECROPOLIS OF THE KOBAN CULTURE IN NORTH OSSETIA-ALANIA

V. Chshiev*Institute of History and Archeology of Republic of North Ossetia – Alania**ul. Vatutina 46, Vladikavkaz 362025, Russian Federation*

Abstract

Aim. To clarify the features of the funeral rite of the ancient population in the Central Caucasus in the era of the end of the Middle Bronze Age – the beginning of the Late Bronze Age.

Methodology. In the course of the study, a methodology typical for archaeological research was used, which includes comprehensive and comparative historical methods.

Results. The study revealed a new element in the burial rite of the Central Caucasian monuments of the early layer of the Koban culture (Koban period 1 a-b) of the Adaydon Necropolis and the Upper Rutha necropolis.

Research implications. The article presents new, previously unknown features of the funeral rites of the tribes of the Koban archaeological culture of the Caucasus.

Keywords: Central Caucasus, Bronze Age, Koban culture, Adaydon necropolis, Upper Rutha necropolis, rite of intentional deformation of burial equipment

Введение

Один из известных с конца XIX в. памятник кобанской культуры, расположенный в западной части современной Республики Северная Осетия – Алания, называется некрополь Верхняя Рутха (Кумбулта) [1–8; 11]. Он датируется хронологическим отрезком от середины II тыс. до н. э. – до середины I тыс. до н. э. (рис. 1).

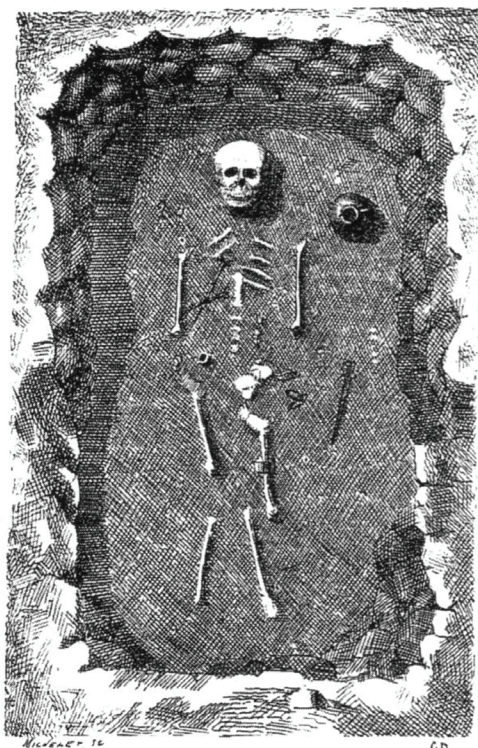

Рис. 1 / Fig. 1. Погребение в В. Рутхе (Кумбулта) / Burial in Upper Rutha (Kumbulta).

Источник: [11]

Бронзовые, в большинстве своём, предметы (оружие, украшения, аксессуары костюма) из этого могильника уже в самом конце XIX в. стали поступать в экспозиции Государственного Эрмитажа, Государственного исторического музея в Москве и в иностранные музеи [1]. Одна из наиболее представительных коллекций, составленная из инвентаря Рутхинского могильника, была продана в 1903 г.

за 4000 руб. Берлинскому музею древней истории (рис. 2). Это собрание древних кавказских находок в количестве около 2000 артефактов получило название «Собрание Коссниерской», по имени её владелицы – Аделаиды Коссниерской.

Сравнение этих находок с материалами, найденными нами в результате раскопок Адайдонского некрополя в высокогорной Зарамагской котловине [9; 10] показал культурную аналогичность этих памятников. Совпадают и даты бытования некрополей – от периода Кобан 1 до позднекобанского времени (период Кобан 4) (рис. 3).

Отметим, что основную массу «Коллекции Коссниерской» составляют бронзовые предметы, датирующиеся протокобанским (раннекобанским) временем. Это топоры-секиры типа Фаскау-2, Фаскау-3, Фаскау-4, Фаскау-6, Фаскау-7 и Фаскау-8 (по классификации С. Н. Корневского [3]) (рис. 4–6).

Обряд намеренной деформации погребального инвентаря

Несмотря на то, что материалы могильника Верхняя Рутха, в том числе и вошедшие в «Коллекцию Коссниерской», введены в научный оборот уже более 100 лет назад, эти артефакты и сегодня представляют большой интерес для изучения древней культуры Кавказа. В 1996 г. материалы «Коллекции» были изданы в Берлине Инго Мотценбеккером в виде монографии под названием «Собрание Коссниерской. Дигорский круг форм кавказского бронзового века»¹. Несколько позднее, в 1999 г., В. И. Козенковой была подготовлена обширная рецензия, посвященная исследованию И. Мотценбеккера. Оценивая значение публикации И. Мотценбеккера, нельзя сказать лучше, чем писала об этом В. И. Козенкова «... Монография И. Мотценбеккера ... при-

¹ Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen bronzzeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 p.

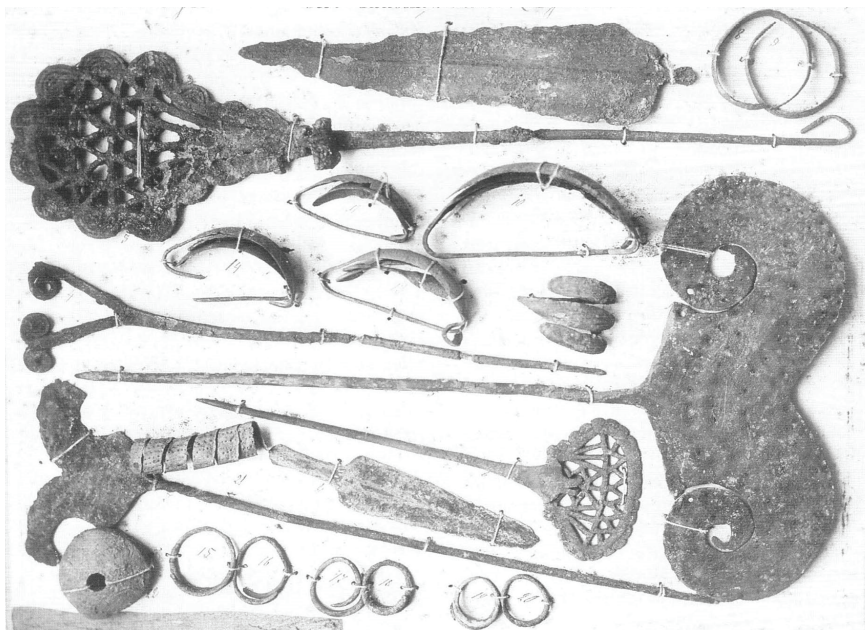

Рис. 2 / Fig. 2. Планшет с нашитыми предметами из могильника Верхняя Рутха. Берлинский музей. Фотография конца XIX в. / A tablet with sewn objects from the Upper Rutha burial ground. Berlin Museum. Photography of the late 19th century

Источник: Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor – und Frühgeschichte, 1996. 294 p.

Рис. 3 / Fig. 3. Гробница Адайдонского некрополя (Н. Зарамаг, РСО – Алания) / The tomb of the Adaydon necropolis (N. Zaramag, Republic of North Ossetia – Alania)

Источник: фото автора

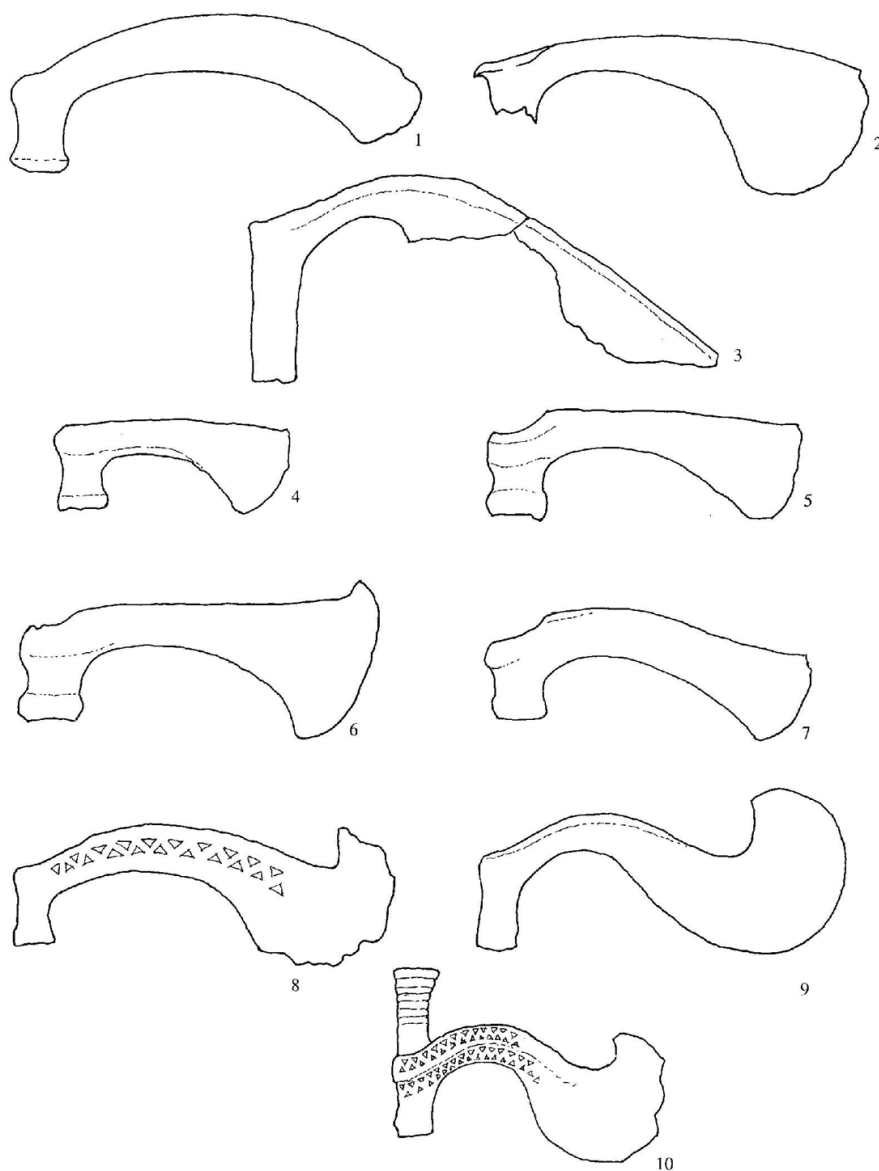

Рис. 4 / Fig. 4. Бронзовые топоры-секиры из «Коллекции Коссниерской» Берлинского музея / Bronze axes-poleaxes from the «Kossnierskaya Collection» of the Berlin Museum

Источник: Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen bronzzeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 p.

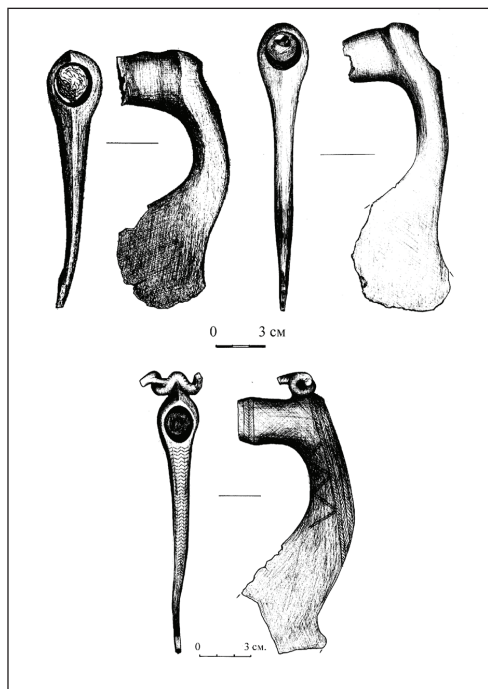

Рис. 5 / Fig. 5. Бронзовые топоры. Адайдонский некрополь / Bronze axes. The Adaydon necropolis

Источник: рисунок автора

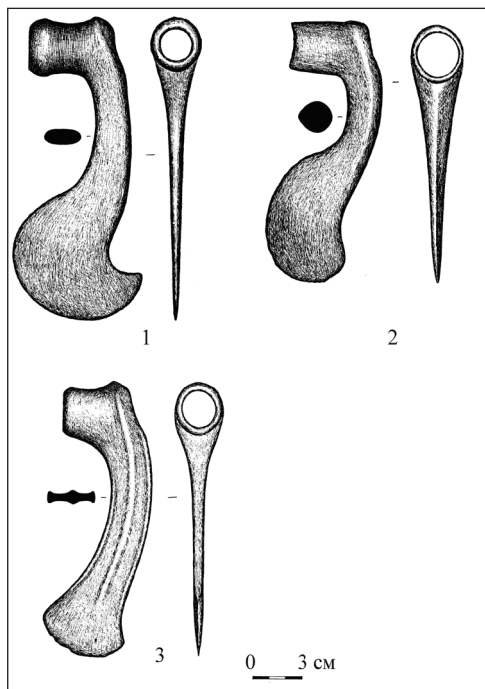

Рис. 6 / Fig. 6. Бронзовые топоры. Адайдонский могильник / Bronze axes. The Adaydon burial ground

Источник: рисунок автора

открывает целый кладезь незнакомых и в то же время таких знакомых предметов старины из ущелий Дигории. Пролежав в фондах музея почти 100 лет, пережив разрушительные социальные катаклизмы первой половины XX в., эти нетленные сокровища возвратились к нам в виде добротной, полиграфически прекрасно изданной публикации с современным уровнем подачи материалов» [2, с. 223].

В ходе работы с находками Адайдонского могильника нам попадались предметы (оружие, украшения, аксессуары костюма) с многочисленными следами деформации. Первоначально эти повреждения представлялись случайными или полученными естественным путём (деформация от давления балласта и пр.). Однако рассмотрев предметы более вни-

мательно, в т. ч. с большим увеличением, мы пришли к выводу, что повреждения на предметах нанесены намеренно и с определённой целью (рис. 7.3–4). Дальнейший сравнительный анализ близкого пласта древностей показал, что аналогичной намеренной деформации подвергся и ряд предметов из «Коллекции Косниерской». Наиболее показателен в этой связи бронзовый кинжал из Берлинского музея (рис. 7.3).

Заключение

Сравнительный анализ вещевого инвентаря Верхней Рутхи и Адайдонского некрополя позволил выявить новый, неизвестный ранее в памятниках кобанской культуры, элемент обрядности – обряд намеренной порчи сопроводительного

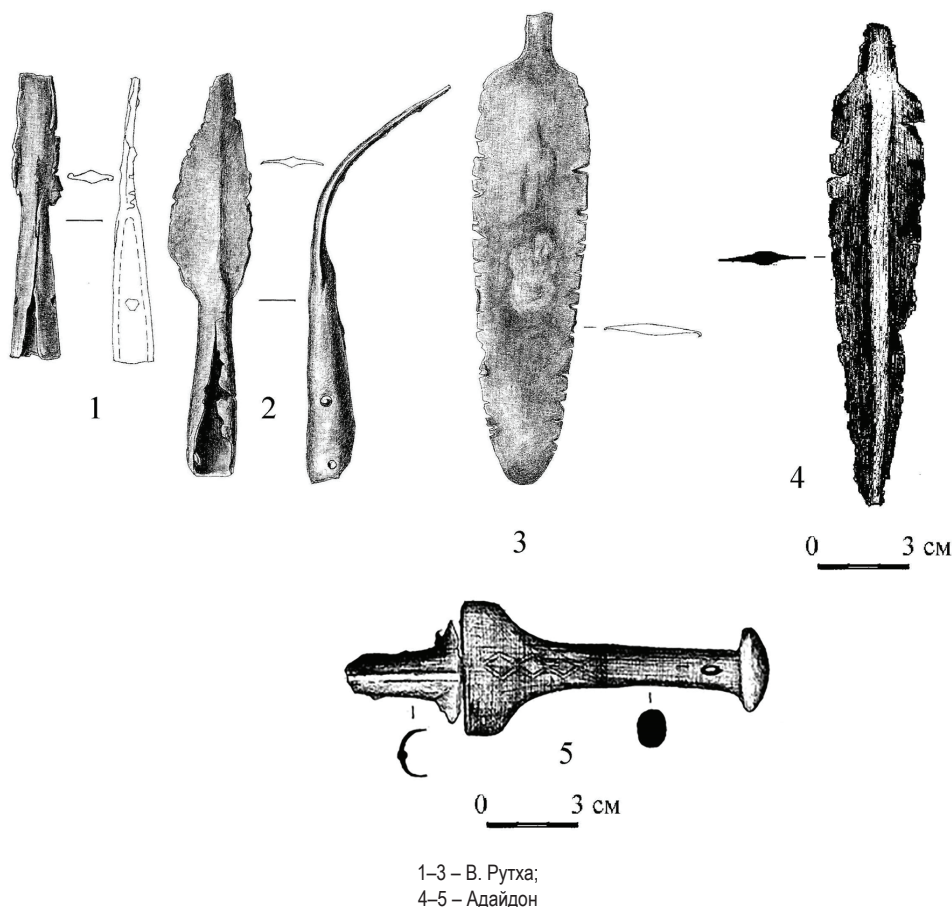

Рис. 7 / Fig. 7. Предметы со следами намеренной деформации / Objects with traces of intentional deformation

Источник: 1–3 – Motzenbäcker I. Sammlung Kossnierska. Der Digorische Formenkreis der Kaukasischen bronzezeit. Bestandskataloge. Band 3. Berlin: Museum für Vor- und Frühgeschichte, 1996. 294 p.;
4–5 – рисунок автора

инвентаря при захоронении или так называемый «обряд умерщвления предметов». Этот обряд в материалах кобанской культуры зафиксирован впервые. Установлено несколько приёмов «умерщвления» предметов:

1. затупление лезвия, характерное для кинжалов и ножей;

2. нанесение косых насечек на оружие, которое зафиксировано на наконечниках копий, дротиков и кинжалов;

3. резкое изгибание предметов вооружения – характерно для ряда клинков кинжалов и наконечников копий.

В результате исследования установлено, что аналогичный обряд «умерщвления предметов» присущ и для ранних материалов могильника Верхняя Рутха, входящих в «Собрание Коссиерской».

Дата поступления в редакцию 15.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Козенкова В. И. Культурно-исторические процессы на Северном Кавказе в эпоху поздней бронзы и в раннем железном веке (узловые проблемы происхождения и развития кобанской культуры). М.: ИА РАН, 1996. 162 с.
2. Козенкова В. И. Рецензия на монографию И. Мотценбеккера «Собрание Коссниерской. Дигорский круг форм кавказского бронзового века» // Российская Археология. 1999. № 2. С. 223–228.
3. Корневский С. Н. Втульчатые топоры – оружие ближнего боя эпохи средней бронзы Северного Кавказа // Кавказ и Средняя Азия в древности и средневековье / под ред. Б. А. Литвинского. М.: Наука, 1981. С. 20–41.
4. Крупнов Е. И. Древняя история Северного Кавказа. М.: Изд-во Академии наук, 1960. 520 с.
5. Мошинский А. П. Исследования могильника Верхняя Рутха // Археологические открытия 1985 года / под ред. В. П. Шиловой. М., 1987. С. 148–149.
6. Мошинский А. П. Древности горной Дигории VII–IV вв. до н. э.: систематизация и хронология: дис. ... канд. ист. наук. М., 2004. 194 с.
7. Нечаева Л. Г., Кривицкий В. В., Членова Н. Л. Крематорий могильника Верхняя Рутха в Северной Осетии // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа: материалы по изучению историко-культурного наследия Северного Кавказа. Вып. VIII. / ред. А. Б. Белинский. М.: Памятники исторической мысли, 2008. С. 209–210.
8. Уварова П. С. Кавказ. Вып. 8: Могильники Северного Кавказа графини Уваровой. М.: Товарищество типографии А. И. Мамонтова, 1900. 381 с.
9. Чшиев В. Т. Памятники кобанской культуры Северной Осетии // Археология Северной Осетии Т. 1 / отв. ред. А. А. Туаллагов. Владикавказ, 2007. С. 178–293.
10. Чшиев В. Т. Эпоха поздней бронзы – раннего железа Северной Осетии. Кобанская культура // История Осетии. Т. 1. / отв. ред. С. А. Айларова, А. Г. Кучиев. Владикавказ, 2012. С. 53–88.
11. Chantre E. Recherches anthropologiques dans le Caucase. Vol. II. Paris: C. Reinwald, 1886. 226 p.

REFERENCES

1. Kozenkova V. I. *Kulturno-istoricheskiye protsessy na Severnom Kavkaze v epokhu pozdney bronzy i v rannem zheleznom veke (uzlovyye problemy proiskhozhdeniya i razvitiya kobanskoy kultury)* [Cultural and historical processes in the North Caucasus in the Late Bronze Age and in the Early Iron Age (key problems of origin and development of the Koban culture)]. Moscow, IA RAN Publ., 1996. 162 p.
2. Kozenkova V. I. [Review of I. Motzenbekker's monograph "Collection of Kossnierskaya. Digorsky circle of forms of the Caucasian Bronze Age"]. In: *Rossiyskaya arkheologiya* [Russian archeology], 1999, no. 2, pp. 223–228.
3. Korenevsky S. N. [Socket axes are a melee weapon of the Middle Bronze Age of the North Caucasus]. In: Litvinsky B. A., ed. *Kavkaz i Srednyaya Aziya v drevnosti i srednevekovye* [Caucasus and Central Asia in the Antiquity and the Middle Ages]. Moscow, Nauka Publ., 1981. P. 20–41.
4. Krupnov E. I. *Drevnyaya istoriya Severnogo Kavkaza* [Ancient history of the North Caucasus]. Moscow, Izd-vo Akademii nauk, 1960. 520 p.
5. Moshinsky A. P. [Research of the Upper Rutha burial ground]. In: Shilov V. P. *Arkheologicheskiye otкрыtiya 1985 goda* [Archaeological discoveries in 1985]. Moscow, 1987. P. 148–149.
6. Moshinsky A. P. *Drevnosti gornoy Digorii VII–IV vv. Do n. e.: sistematizatsiya i khronologiya: dis. ... kand. ist. nauk* [Antiquities of mountainous Digoria of the 7th–4th centuries BCE: systematization and chronology: Cand. Sci. thesis in Historical sciences]. Moscow, 2004. 194 p.
7. Nechaeva L. G., Krivitsky V. V., Chlenova N. L. [The crematorium of the Verkhnyaya Rutkha burial ground in North Ossetia]. In: Belinsky A. B., ed. *XVI Krupnovskiy chteniye po arkheologii Severnogo Kavkaza: materialy po izucheniyu istoriko-kulturnogo naslediya Severnogo Kavkaza. Vyp. VIII* [16th Krupnov readings on the archeology of the North Caucasus: materials on the study of the historical and cultural heritage of the North Caucasus. Iss. VIII]. Moscow, Pamyatniki istoricheskoy mysli Publ., 2008. P. 209–210.
8. Uvarova P. S. *Kavkaz. Vyp. 8: Mogilniki Severnogo Kavkaza grafini Uvarovoy* [Caucasus. Issue 8: Burial grounds of the North Caucasus of Countess Uvarova]. Moscow, Tovarishestvo tipografii A. I. Mamontova Publ., 1900. 381 p.

9. Chshiev V. T. [Monuments of the Koban culture of North Ossetia]. In: Tuallagov A. A., ed. *Arkheologiya Severnoy Osetiiyu. T. 1* [Archeology of North Ossetia. Vol. 1]. Vladikavkaz, 2007. P. 178–293.
10. Chshiev V. T. [Late Bronze – Early Iron Age in North Ossetia. Koban culture]. In: Aylarova S. A., Kuchiev A. G., eds. *Istoriya Osetii. T. 1* [History of Ossetia. Vol. 1]. Vladikavkaz, 2012. P. 53–88.
11. Chantre E. *Recherches anthropologiques dans le Caucase. Vol. II*. Paris, C. Reinwald, 1886. 226 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Чшиев Владимир Таймуразович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории и археологии Республики Северная Осетия – Алания;
e-mail: hacht@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vladimir T. Chshiev – Cand Sci. (History), Senior Researcher, Institute of History and Archeology of Republic of North Ossetia – Alania;
e-mail: hacht@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Чшиев В. Т. Коллекция (собрание) артефактов А. Коссниерской Берлинского музея древней истории и новые материалы некрополя «Адайдон» кобанской культуры в Северной Осетии – Алании // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 164–171.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-164-171

FOR CITATION

Chshiev V. T. Collection of A. Kossnierskaya's artifacts of the Berlin Museum of Ancient History and new materials of the Adaydon Necropolis of the Koban culture in North Ossetia – Alania. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpontica, iss. IV, pp. 164–171.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-164-171

УДК 902.2

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-172-180

ИЗ ИСТОРИИ КУБАНСКОЙ АРХЕОЛОГИИ: КРАЕВЕД КОНСТАНТИН ЕФРЕМОВИЧ ГОРБ

Ткачёв А. Н.*Кубанский государственный университет**350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, д. 149, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Рассмотреть различные аспекты археологической деятельности кубанского краеведа, школьного учителя Константина Ефремовича Горба.

Процедура и методы. Проведён анализ архивных материалов и документов Института археологии РАН, Краснодарского историко-археологического музея-заповедника им. Е. Д. Фелицына и ЦАМО. При проведении исследования использовались сравнительно-исторический и проблемно-хронологический методы исследования процессов становления региональной археологии.

Результаты. В статье впервые сделана попытка собрать немногочисленные факты о жизни и творчестве учителя истории, руководителя краеведческого кружка школы № 5 ст. Советской К. Е. Горба. В 1950-е гг. вместе со школьниками он обследовал долину р. Уруп от Армавира до пос. Ильич по территории 5 районов: Армавирского, Успенского, Советского, Отрадненского и Удобненского. Им открыты и нанесены на карту десятки археологических памятников. К. Е. Горб вёл активную переписку с сотрудником Краснодарского историко-краеведческого музея Н. В. Анфимовым. Сделаны выводы о значимости проанализированных аспектов его научной деятельности в изучении памятников эпохи бронзы и раннего железного века Северного Кавказа.

Теоретическая и/или практическая значимость. Результаты исследования вносят вклад в историю археологии Северного Кавказа. Данная работа представляет несомненный интерес для исследователей эпохи бронзы и раннего железного века Северного Кавказа, поскольку впервые публикуются материалы послевоенных исследований памятников археологии Средней Кубани. Представленные в статье материалы могут быть использованы в курсах истории российской археологии и археологии Кавказа, а также при изучении отдельных аспектов эпохи бронзы и раннего железного века.

Ключевые слова: краеведение, городища, Кубань, исторический кружок, археологические разведки

FROM THE HISTORY OF KUBAN ARCHEOLOGY: LOCAL HISTORIAN KONSTANTIN EFREMOVICH GORB

A. Tkachev*Kuban State University**Stavropolskaya ul. 149, Krasnodar 350040, Russian Federation*

Abstract

Aim. To consider various aspects of the archaeological activity of the Kuban local historian, school teacher Konstantin Efremovich Gorb.

Methodology. The analysis of archival materials and documents of the Institute of Archeology of the Russian Academy of Sciences, Krasnodar's Felitsun State Historical and Archaeological Reserve Museum and Central Archive of MOD of the Russian Federation was carried out. Comparative-historical and problem-chronological methods of studying the processes of formation of regional archeology were used in the study.

Results. The article for the first time attempts to collect the few facts about the life and work of a history teacher, the head of the local history club of School no. 5 of the village of Sovetskaya — K. E. Gorb. In the 1950s, together with schoolchildren, he explored the valley of the Urup River from Armavir to the village Ilyich on the territory of five districts: Armavir, Uspensky, Sovetsky, Otradnensky and Udobnensky. He discovered and mapped dozens of archaeological sites. K.E. Gorb conducted an active correspondence with N. V. Anfimov, an employee of the Krasnodar Museum of Local Lore. Conclusions are drawn about the significance of the analyzed aspects of his scientific activity in the study of monuments of the Bronze Age and the Early Iron Age of the North Caucasus.

Research implications. The results of the study contribute to the history of the archeology of the North Caucasus. This work is of undoubted interest to researchers of the Bronze Age and the Early Iron Age of the North Caucasus, since for the first time the materials of post-war studies of archaeological monuments of the Middle Kuban are published. The materials presented in the article can be used in courses on the history of Russian archaeology and the archaeology of the Caucasus, as well as in the study of certain aspects of the Bronze Age and the Early Iron Age.

Keywords: local history, ancient settlements, Kuban, historical club, archaeological exploration

Введение

В 1930-е гг. организованное краеведение в СССР было фактически ликвидировано. Постановлением СНК РСФСР от 10.06.1937 существование Центрального, а затем и местных бюро краеведения было признано нецелесообразным. Продолжавшие действовать отдельные любители археологии смогли приступить к разведкам и раскопкам лишь после Великой Отечественной войны. Обладая довольно низкой научной и методической квалификацией для самостоятельных полевых работ с древностями, большинство из них, в основном, поддерживали экспедиции научных учреждений Москвы, Ленинграда или областных (краевых) центров. Один из таких послевоенных краеведов, о котором до нас дошли лишь немногочисленные отрывочные сведения, – школьный учитель истории Константин Ефремович Горб.

К. Е. Горб родился в 1904 г. в с. Каменском¹. Перед войной переехал в г. Павлодар Казахской ССР, где в 1944 г. был призван на фронт. Служил в 243 гвардейском

стрелковом полку, был ранен в боях за Прибалтику (рис. 1). Награждён орденом Славы III степени².

Краеведческий кружок и археологические обследования

В послевоенные годы судьба Константина Ефремовича связана с Кубанью. С конца 1940-х гг. он стал работать учителем истории средней школы № 5 ст. Советской³. На основе существовавшего в школе краеведческого кружка с осени 1949 г. им была организована археологическая работа в юго-восточных районах Краснодарского края.

Интересен начальный этап деятельности кружка: «...перед учащимися был поставлен вопрос: “Не знаете ли вы где-нибудь таких мест, где можно найти много битой глиняной посуды, костей, пепла? Если знаете, то принесите образцы”»⁴.

² ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744809. Д. 293.

³ Станица Советская (до 1933 г. – ст. Урупская) – районный центр Советского района, в 1962 г. вошла в состав Новокубанского района Краснодарского края.

⁴ Горб К. Е. Археологическая работа исторического кружка Советской средней школы № 5 станицы Советской Краснодарского края, 1952 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 166. Л. 4.

¹ С 1936 г. с. Каменское – г. Днепродзержинск Украинской ССР.

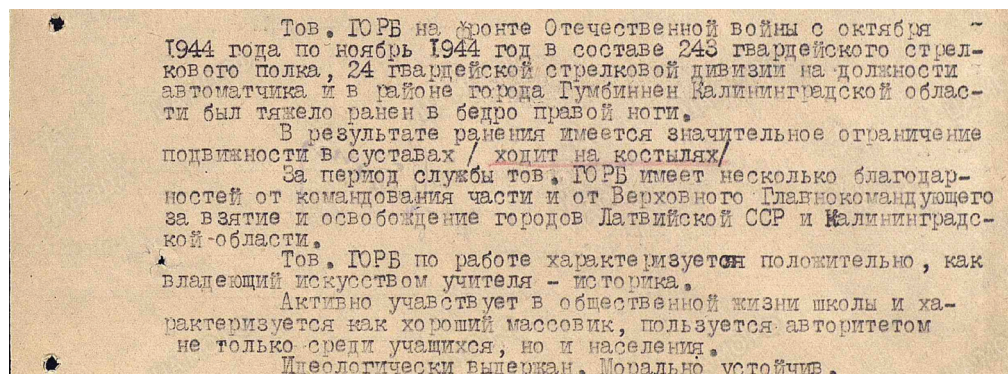

Рис. 1 / Fig. 1. Архивная справка о К. Е. Горбе / Archival information about K. E. Gorb.

Источник: ЦАМО. Ф. 33. Оп. 744809. Д. 293.

В составе кружка было 25 учащихся 7–9 классов. Вместе со школьниками К. Е. Горб проводил обследования долины р. Уруп от пос. Стеблицкого (южнее Армавира) до пос. Ильич по территории 5 районов: Армавирского, Успенского, Советского, Отрадного и Удобненского. На юге обследования проводились до пос. Ильич. Последние городища обнаружены в 7 км южнее пос. Ильич в Урупском ущелье и в 6 км на восток от пос. Ильич по р. Куве в Кувинском ущелье. Дальше за Урупским ущельем в районе ст. Преградной (Черкесская АО), по его сведениям, городищ нет.

Всего вместе со школьниками краеведческого кружка К. Е. Горб обнаружил 28 городищ. 20 из них были обследованы, паспортизированы и на них были вручены колхозам охранные обязательства [2]. Среди выявленных городищ:

- Бесскорбненское «известковое» городище на северной окраине ст. Бесскорбной на территории известковой печи;
- Бесскорбненское «Кривое» городище на ул. Кривой и ул. Комсомольской;
- Бесскорбное IV («Большое») городище напротив Урупского аула;
- Бесскорбненское малое городище;
- городище в районе кирпичного завода Урупского совхоза;
- Урупские городища № 1–4 (рис. 2);

- могильник Урупского городища № 2;
- Заурупские городища № 1–2;
- Армавирское городище в районе совхоза № 32; Зуевское, Армави́ро-Урупское, Романчукское, Первомайское, Попутненское (рис. 3), Ново-Урупское, Кизеловское городища и др.

К. Е. Горб датирует городища в широком диапазоне – от V в. до н. э. до III в. н. э.

Описаны случаи варварского уничтожения городищ. Например, Армавирское городище в районе совхоза № 32 в 1951 г. было взорвано рабочими организации «Армавирстройконтора» и превращено в карьер для добычи стройматериалов. Некоторые городища (Зуевское, Армави́ро-Урупское, Урупское № 1 (рис. 4), могильник Урупского городища № 2, Романчукское) превращены в глинища¹.

К. Е. Горб вёл активную переписку с Н. В. Анфимовым, в которой сообщал о результатах своих обследований. В 1950 г. в ст. Советскую приезжали сотрудники Краснодарского историко-краеведческого музея (Н. В. Анфимов, директор музея Ф. В. Навозова), которые совместно с Константином Ефремовичем обследовали ряд городищ, а также провели исследование разрушенного кургана эпохи

¹ Горб К. Е. Археологическая работа исторического кружка Советской средней школы № 5 станицы Советской Краснодарского края, 1952 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 166. Л. 4.

Рис. 2 / Fig. 2. Урупское городище № 3 / Urup settlement no. 3

Источник: Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведённых Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 485. Таб. IX

Рис. 3 / Fig. 3. Схема Попутненского городища / Scheme of the Poputnensky settlement

Источник: Горб К. Е. Археологическая работа исторического кружка Советской средней школы № 5 станицы Советской Краснодарского края, 1952 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 166. Л. 13

Рис. 4 / Fig. 4. Урупское городище № 1 / Urup settlement no. 1

Источник: Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведённых Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 485. Таб. VIII.

бронзы у северной окраины ст. Попутной на левой террасе р. Уруп.

Курган диаметром 41 м и высотой около 3 м располагался на самом краю террасы; восточная половина его обвалилась в связи с подмывом берега р. Уруп. В южной половине кургана было обнаружено погребение на глубине 0,8 м от поверхности. Человеческий костяк не сохранился. В погребении был обнаружен лепной горшок, и рядом с ним на грунте – следы красной краски. С западной стороны от горшка находился кусок сцементированного речного галечника (рис. 5). Горшок имел высокую шейку и выпуклое в плечиках тулово, сужающееся к плоскому дну. Весь корпус сосуда от плечиков до дна был покрыт резным орнаментом, состоящим из косых линий, образующих ёлочный узор и разделяющихся вертикальными линиями (рис. 6). Н. В. Анфимов отнёс погребение к эпохе бронзы и по типу горшка датировал его II тыс. до н. э.¹

В апреле 1951 г. К. Е. Горб выезжал в музей с докладом об обследовании долины р. Уруп. В одной из своих статей и в отчёте о разведках Н. В. Анфимов упомянул работы школьного учителя [1, с. 76]. Сохранившаяся переписка с Н. В. Анфимовым, хранящаяся в фондах КГИАМЗ, является свидетельством плодотворной исследовательской деятельности краеведа. Вот одно из таких писем:

Уважаемый Никита Владимирович!

Ваше задание обследовать промежуток между станицами Советская и Бесскорбная выполнили.

1.

К югу от Урупского городища № 4, от яра и до Барабанной балки 1000 м дл. и 200 м шир. ничем не выделяющаяся терраса усеяна обильным количеством глиняных черепков и костями домашних животных скифского периода. Центральной части нет, нет и следов её в прошлом. Возможно, это была вспомогательная терраса, принадлежащая к основному городищу – Урупское № 4. Ров не прослеживается. Весной доследуем.

¹ Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведённых Краснодарским му-

зеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 485. Л. 19.

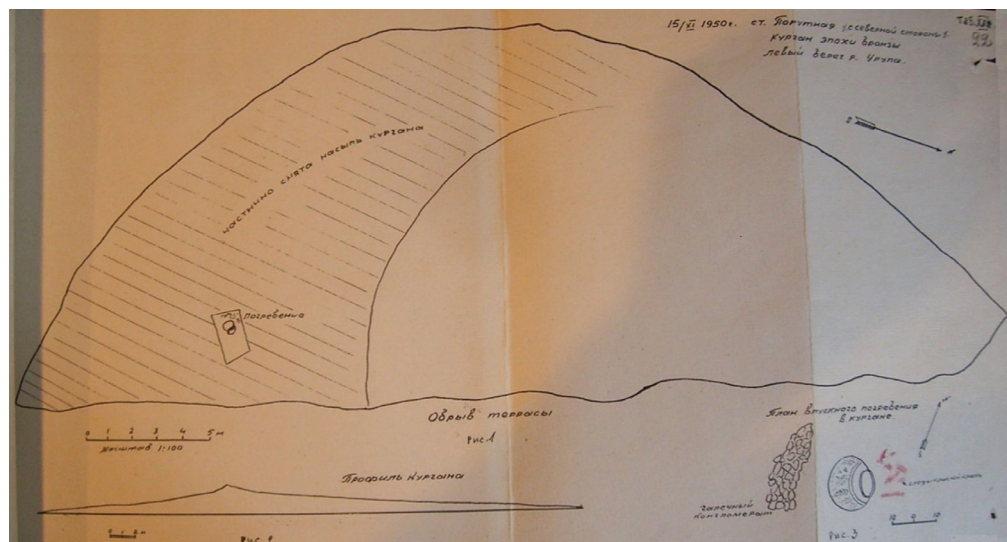

Рис. 5 / Fig. 5. Курган эпохи бронзы у ст. Попутной, исследованный Н. В. Анфимовым и К. Е. Горбом / Mound of the Bronze Age at the village of Poputnaya investigated by N. V. Anfimov and K. E. Gorb

Источник: Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведённых Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 485. Таб. XXII.

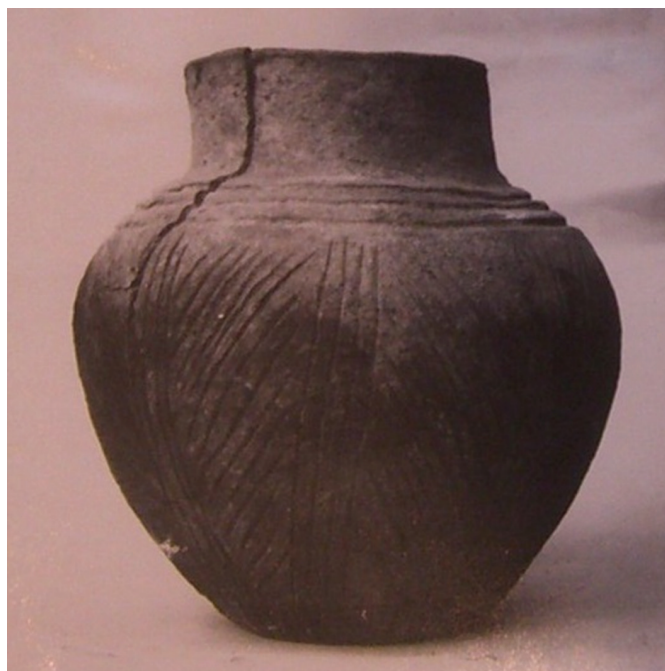

Рис. 6 / Fig. 6. Сосуд эпохи бронзы из кургана у ст. Попутной / A vessel of the Bronze Age from the mound at the village of Poputnaya

Источник: Анфимов Н. В. Отчёт об археологических разведках на Кубани, проведённых Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Ф-1. Р-1. № 485. Таб. XXIV

2.

Очень тщательно продолжали обследование левого берега р. Уруп до ст. Бесскорбной. В районе кирпичного завода Урупского сем.совхоза, против Урупского аула обнаружена отлого-вытянутая терраса с северо-запада на юго-восток длиной 50 м, шириной 3 м с сильно разрушенными боковыми сторонами. На первый взгляд, эта терраса кажется «батареей», но при обследовании оказалось, что это творение природы и абсолютно отсутствует культурный слой в осыпях, на поверхности и на подходах к этой террасе.

Итак, вместо открытого нового городища или подтвердить открытое Фелицыным, к сожалению, вроде выходит закрыть надо городище, которое значится на археологической карте 1882 г. против Урупского аула.

3.

Дальше на юг никаких городищ. Но вот небольшая, ничем не выделяющаяся терраска шириной в 30 м, длиной в 100 м с ярко прослеживающимся рвом. Терраска изобилует глиняными черепками и костями домашних животных скифо-сарматского периода с культурным слоем в 1–1,5 м. Боковые яры отсутствуют, восточная сторона очень обрывистая, центральная часть давно обрушена. Через 10–20 лет потеряются следы этого городища. Это то городище, которое Фелицын нанёс на карту в 1882 г. Оно находится в 2 км от ст. Бесскорбной.

4.

На северной окраине ст. Бесскорбной на возвышенной ярко выраженной террасе имеется большое скифо-сарматское городище с более поздними фортификационными работами. Центральная часть чуть сохранилась. Шир. 2 м дл. 30 м с террасой в 10 м. Восточная сторона обрывиста, лесиста. Основная часть обнесена довольно глубоким рвом. Размер с севера на юг – 200 м. С востока на запад – 120 м.

Это городище условно именую Бесскорбенское большое, а то, которое ближе к ст. Советской на 2 км, Бесскорбенское малое.

С городищ взяты образцы, кроме того, которое числилось напротив Урупского аула. Там ничего не обнаружено.

Привет от членов кружка.

Пишите, что ещё сделать. Прилагаю рисунки.

С уважением, преподаватель истории Константин Ефремович Горб.

24/II-51 г. ст. Советская, средняя школа № 5¹.

¹ Горб К. Е. Материал краеведческого кружка ст. Советской Новокубанского района, 1951 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 4. Л. 3.

К. Е. Горб призывал участвовать в экспедициях учащихся других школ, активно использовать археологические материалы на уроках истории [3]. Непросто было организовать в голодные послевоенные годы работу юных энтузиастов. К одному из походов (летом 1951 г.) кружковцы готовились с зимы, составили подробную карту Отрадненского и Удобненского районов, наметили маршрут с базовыми остановками, интервалы между которыми не превышали 20–25 км:

«Из-за отсутствия специальных средств, в поход отправилась рабочая группа кружковцев в составе 10 человек сроком на 2 недели. Сухарями, жирами и крупно-макаронами запаслись на месте, хлеб, овощи и другие продукты мы легко приобретали по близости наших баз за наличный расчёт. Пищу удобнее всего варить в ведре. Весьма необходима брезентовая палатка, т. к. базой не всегда удобно иметь населённый пункт. Мы вышли в поход в середине июня при благоприятной погоде. Поход был удачным. В Отрадненском районе нами обнаружено и описано Попутненское и Ново-Урупское скифо-сарматские городища. В Удобненском районе мы нашли 10 таких городищ, из них 3 описали и паспортизировали»².

В 1951 г. К. Е. Горб составил «Схему Урупских скифо-сарматских городищ» в масштабе 1:200000³. Карта выполнена цветными карандашами и тушью на ватмане формата А1. В отчёте, присланном в Краснодарский музей в 1952 г., помещена схема в более мелком масштабе 1:800000 (рис. 8).

Заключение

Настоящее сообщение носит предварительный характер и далеко от полноты. Многие страницы биографии Константи-

² Горб К. Е. Археологическая работа исторического кружка Советской средней школы № 5 станицы Советской Краснодарского края, 1952 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 166. Л. 11.

³ Горб К. Е. Материал краеведческого кружка ст. Советской Новокубанского района, 1951 г. // Архив КГИАМЗ. НА № 4. Л. 10.

на Ефремовича остаются неизвестными. Одно из немногих упоминаний о нём имеется в работе И. С. Каменецкого, где оценка деятельности краеведа дана только по публикациям и отчётам Н. В. Анфимова [4, с. 74–75]. Думается, что на-

учное наследие К. Е. Горба, равно как и основные вехи его жизни, заслуживают более пристального внимания историко-ографов археологической науки.

Дата поступления в редакцию 16.09.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Анфимов Н. В. Новые материалы по меото-сарматской культуре Прикубанья // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLVI. М., 1952. С. 72–85.
2. Горб К. Е. Интересные находки // Советская правда. Газета Советского района Краснодарского края. 1951. 17 мая.
3. Горб К. Е. Сохраним исторические памятники // Советская правда. Газета Советского района Краснодарского края. 1951. 4 октября.
4. Каменецкий И. С. История изучения меотов. М., 2011. 384 с.

REFERENCES

1. Anfimov N. V. [New Materials on the Meotian-Sarmatian Culture of the Kuban Region]. In: *Kratkie soobshcheniya Instituta istorii materialnoy kultury*. Vyp. XLVI [Brief communications of the Institute for the History of Material Culture. Iss. XLVI]. Moscow, 1952. P. 72–85.
2. Gorb K. E. [Interesting findings]. In: *Sovetskaya Pravda. Gazeta Sovetskogo rayona Krasnodarskogo kraya* [Sovetskaya Pravda. Newspaper of the Sovetsky District of the Krasnodar Krai]. 1951. May 17.
3. Gorb K. E. [Preserving historical monuments]. In: *Sovetskaya Pravda. Gazeta Sovetskogo rayona Krasnodarskogo kraya* [Sovetskaya Pravda. Newspaper of the Sovetsky District of the Krasnodar Krai]. 1951. October 10.
4. Kamenetsky I. S. *Istoriya izucheniya meotov* [History of Meotian Studies]. Moscow, 2011. 384 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ткачёв Алексей Николаевич – кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей истории и международных отношений Кубанского государственного университета;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Aleksey N. Tkachev – Cand. Sci (History), Assoc. Prof., Department of General History and International Relations, Kuban State University;
e-mail: alexey_tk@mail.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Ткачёв А. Н. Из истории кубанской археологии: краевед Константин Ефремович Горб // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркумпонтика. Вып. IV. С. 172–180.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-172-180

FOR CITATION

Tkachev A. N. From the history of Kuban archeology: local historian Konstantin Efremovich Gorb. In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpon-tica, iss. IV, pp. 172–180.
DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-172-180

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ЭКСПЕДИЦИИ, ЛЕКЦИИ, КНИГИ

Expeditions, lectures, books

ЕВГЕНИЮ ВАСИЛЬЕВИЧУ ЯРОВОМУ – 70 ЛЕТ

Evgeny Vasilievich Yarovoy is 70

В 2022 г. исполнилось 70 лет профессиональному археологу, талантливому педагогу и писателю, доктору исторических наук, профессору Е. В. Яровому. Подавляющее большинство его коллег и учеников знают и ценят его как серьёзного учёного и благожелательного наставника.

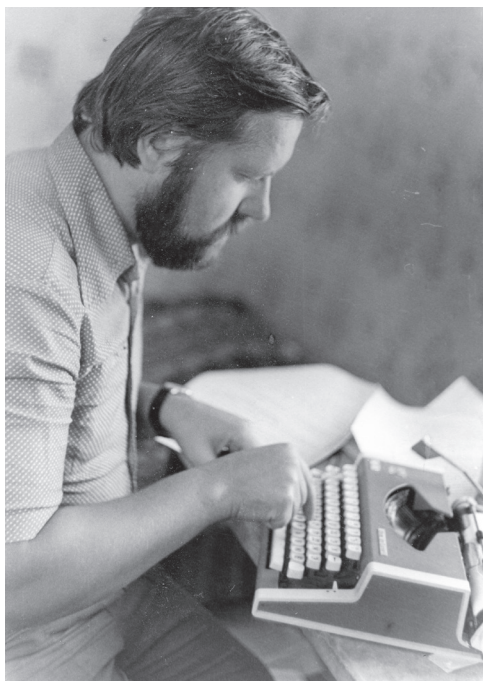
Евгений Васильевич родился в Кишинёве в 1952 г. Отец, Василий Михайлович Яровой, прошёл всю Великую Отечественную войну, служил в авиации, в частности, в марте 1945 г. вывозил посла СССР в Швеции А. М. Коллонтай из Стокгольма в Москву. В 1946 г. после демобилизации был направлен Главным управлением ГВФ в Кишинёв для становления гражданской авиации Молдавии. После окончания Харьковского фармацевтического института в Кишинёв была направлена и мама, Елена Васильевна Яровая, которая всю жизнь проработала фармацевтом в аптеке.

Евгений Яровой закончил среднюю школу в Кишинёве в 1969 г. Достаточно рано, ещё школьником, задумался о будущей профессии и долго колебался в выборе между

археологией и кинематографом. В итоге перевесил интерес к науке и романтике археологических открытий. В 1968 г. он уже работал в археологической экспедиции на юге Молдавии, а в 1969 г. стал победителем первой и единственной Всесоюзной олимпиады школьников по археологии, которую проводило Центральное телевидение СССР.

В 1970 г., со второй попытки, поступил на исторический факультет Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. За годы обучения участвовал в археологических раскопках в Смоленской и Тульской областях, Молдавии и Закарпатье. В 1975 г. закончил кафедру археологии истфака МГУ, где в те годы читали лекции и вели семинары А. В. Арциховский, Б. А. Рыбаков, В. Л. Янин, Д. А. Авдусин, Н. В. Рындина, И. Я. Щапова и другие выдающиеся учёные. Диплом по ямной культуре Северо-Западного Причерноморья был написан и успешно защищён под руководством В. С. Титова, который привил ученику особое отношение к источникам и публикациям материалов.

Получив распределение в Молдавию, Е. В. Яровой первые 2 года не имел постоянной работы, т. к. устроиться в штат Академии наук было не только престижно, но и крайне сложно. С университетским дипломом он был вынужден работать по временным договорам в различных экспедициях в качестве коллектора, лаборанта и даже сезонного рабочего. Тем не менее масштабы новостроечных раскопок в СССР были настолько значительны, что молодому специалисту сразу же после окончания МГУ, в 1975 г., поручили самостоятельно исследовать курган на строящейся автотрассе под Кишинёвом. Год спустя в экспедиции на Среднем Пруте он вёл полевую документацию, а осенью того же года уже на Среднем Днестре самостоятельно раскопал ещё один курган вблизи трипольского поселения.

Работа над отчётом. АН МССР. Кишинёв. 1980 г.

В 1977 г. Е. В. Яровой был зачислен на должность младшего научного сотрудника в сектор археологии Института истории (затем отдела этнографии и искусствоведения) Академии наук МССР, где проработал до 1991 г. и прошёл путь от рядового научного сотрудника до заведующего отделом. В эти годы в Молдавии развернулись широкомасштабные работы по мелиорации, закладке новых садов и виноградников, массовому строительству животноводческих комплексов. Это привело к необходимости оперативного исследования многочисленных археологических памятников, попадающих в зону строительства. Поэтому уже с 1977 г. Е. В. Яровой официально руководит крупными археологическими экспедициями, работавшими в зонах новостроек на территории республики. За эти годы он исследовал более сотни разновременных курганов, а также ряд древних могильников и поселений. В 1985 г. после защиты кандидатской диссертации на тему «Древнейшие скотоводческие пле-

мена Юго-Запада СССР» в МГУ имени М. В. Ломоносова он возглавил отдел новостроечных археологических исследований АН МССР, который курировал все строительные работы в Молдавии. Под его руководством отдел успешно работал на самофинансировании по хоздоговорам вплоть до 1991 г., а сотрудники отдела раскопали и тем самым спасли от разрушения десятки разновременных и в ряде случаев уникальных археологических памятников. В 1990 г. на средства отдела в Кишинёве была проведена первая Международная конференция «Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья» (ДОЗССП), которая собрала более 200 участников из 8 стран Европы.

На раскопках «царского» кургана на позднескифском могильнике у с. Глиное. Приднестровье, 2000 г.

Когда в Кишинёве началась националистическая эйфория после развала СССР, по личному приглашению Пре-

зидента Приднестровской Молдавской республики Е. В. Яровой вместе с группой ведущих специалистов из Кишинёва переехал в Тирасполь, где принял участие в создании местного университета. В 1991 г. он создал и возглавил Центр археологических исследований, а в 1993 г. научно-исследовательскую лабораторию (НИЛ) «Археология» в Приднестровском государственном университете. Показательно, что первые раскопки в регионе под его руководством были проведены в самый разгар вооружённого конфликта в 1992 г. За 13 лет работы в Приднестровье Евгений Васильевич раскопал ряд уникальных археологических памятников и одновременно преподавал на историческом факультете ПГУ. С полным основанием можно говорить, что он основал в Тирасполе новое научное направление – археологию. По его инициативе и при поддержке первого ректора ПГУ В. Н. Яковлева в 1992 г. был открыт музей археологии Поднестровья, после чего ни одна находка из археологических раскопок не покинула пределы республики. Несмотря на экономические трудности и блокаду Приднестровья, Е. В. Яровому удалось провести ещё 2 представительные международные конференции ДОЗССП в 1994 и 2002 гг., а также 2 полевых семинара с участием археологов Молдовы и Украины в 1997 и 2000 гг.

Несмотря на активную полевую и организаторскую деятельность, Евгений Васильевич вёл и научную работу и в 2000 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Скотоводческое население Северного Причерноморья эпохи раннего металла» в МГУ имени М. В. Ломоносова. Первоначально сфера его научных интересов была ограничена курганными памятниками энеолита, ранней и средней бронзы. Однако специфика новостроечных исследований расширила этот круг до эпохи поздней бронзы, железного века и раннего средневековья. К сожалению, постоянные раскопки не оставляли времени на оперативную публикацию всех

В НИЛ «Археология» Приднестровского государственного университета. Тирасполь, 2002 г.

полученных материалов. Достаточно лишь отметить, что почти каждый полевой сезон продолжался по полгода. Как правило, он начинался в мае и, учитывая местный климат, заканчивался в конце октября. Всего же с 1975 по 2002 гг., в течение 27 лет, Е. В. Яровой ежегодно (за исключением 1981 г.) выезжал в поле и полжизни прожил в экспедициях. Несмотря на экономические сложности и отсутствие полноценного финансирования, ему удалось сохранить археологические исследования в Приднестровье. Его деятельность в регионе была отмечена государственной премией ПМР (2000), медалью «За трудовую доблесть» (2002) и званием «Отличник народного образования ПМР» (1998).

Когда же исчезли последние иллюзии о развитии науки в ПМР, в 2004 г. он переехал в Москву, где в течение 3 лет преподавал в различных вузах Москвы и Подмосковья: Московском институте права, Московском областном педагогическом институте (Орехово-Зуево), Московской

академии образования Натальи Нестеровой, Духовной академии Троице-Сергиевой Лавры (Сергиев Посад). С 2007 г. Е. В. Яровой – профессор Московского государственного областного университета, заведующий кафедрой археологии, истории древнего мира и средних веков. Отметим, что именно по его инициативе в названии кафедры появилось слово «археология», что вполне закономерно – ведь большинство её сотрудников так или иначе были связаны с археологическими исследованиями. Наступил новый этап его жизни, связанный с лекциями, семинарами и учебными практиками, которые вызывают неизменный интерес у студентов.

За время работы в МГОУ Е. В. Яровой проявил себя как высококлассный преподаватель и организатор учебного и научного процесса. В частности, совместно с румынским археологом Ионом Пыслару ему удалось организовать и в течение 4 лет проводить мобильную практику для студентов в Румынии и Болгарии. Те

Со студентами МГОУ на практике в Румынии. Мангалия. 2019 г.

На церемонии передачи античного папируса. Научно-реставрационный центр им. Грабаря. Москва, 2011 г.

из них, кому повезло увидеть уникальные памятники археологии и культуры Добруджи, посетить знаменитые музеи в Констанце и Варне, услышать лекции местных археологов, никогда не забудут эти поездки. Закономерно, что после этого некоторые выпускники выбрали своей специальностью научную деятельность.

Евгений Васильевич активно выступает за международное научное сотрудничество. Ярким эпизодом в его биографии стало участие совместно с руководством Археологического музея Констанцы в поисках и возвращении античного папируса из Москвы в Румынию, которое стало важным культурным событием для этой страны. В 2010 г. по инициативе кафедры археологии, истории древнего мира и средних веков была проведена международная археологическая конференция в Москве, посвящённая памяти профессора МГОУ В. А. Сафронова, а в 2019 г. Е. В. Яровому удалось утвердить проект «Циркумпонтика». В том же году состоял-

ся и первый выпуск одноимённого международного ежегодника. В зоне интересов этого издания лежат различные проблемы истории и археологии Причерноморья от неолита до ранневизантийского периода. К настоящему времени в нём опубликовали свои работы исследователи более чем из 10 стран Европы и США. И неизменным составителем и ответственным за этот ежегодник является Е. В. Яровой, который особое внимание уделяет издательской деятельности. Достаточно лишь указать, что он стал ответственным редактором в 11 научных сборниках и ежегодниках. Поэтому закономерно, что на Международном фестивале науки МГОУ в 2016 г. Евгений Васильевич был награждён дипломом «Ученый года» «за вклад в развитие научного потенциала Университета и российской науки», а в 2019 г. – Почётной грамотой МГОУ «за особые успехи в подготовке высокопрофессиональных специалистов и научно-педагогических кадров».

Книги Е. В. Ярового в Российской государственной библиотеке. Москва, 2020 г.

Все эти годы, помимо основной работы он активно писал научно-популярные книги и статьи в различных периодических изданиях. Его книги легко написаны, читаются с интересом и пользуются заслуженным вниманием читателей. Е. В. Яровой – член Союза писателей РФ, лауреат Международной литературной премии «Византийский ковчег» «за произведения в научно-популярной исторической литературе, посвященные истории славянских народов и государств», автор 13 монографий и более 300 научных и научно-популярных статей. Показательно, что ряд его научно-популярных книг неоднократно переиздавался.

В настоящее время Е. В. Яровой, несмотря на учебную загруженность, продолжает активно заниматься научной и литературной деятельностью. В частности, он работает над развернутой публикацией многолетних полевых исследований, которую планирует издать в 3 томах и которую особенно ждут его коллеги. Пожелаем ему здоровья и исполнения всех планов.

Удачи Вам, дорогой Евгений Васильевич!

*Коллектив факультета истории,
политологии и права МГОУ*

ПУБЛИКАЦИИ О Е. В. ЯРОВОМ

Профессионал // Северное Причерноморье: от энеолита к античности. Тирасполь, 2002.

Яровой Евгений Васильевич // «Who is who в России». Вып. 6. Schweiz, 2012.

Яровой Евгений Васильевич // Энциклопедия МГОУ. М., 2015.

Яровой Евгений Васильевич // Энциклопедия Просвещения. М., 2016.

ОСНОВНЫЕ ПУБЛИКАЦИИ Е. В. ЯРОВОГО

Научные монографии

1. Серова Н. Л., Яровой Е. В. Григориопольские курганы. Кишинёв: Штиинца, 1987. 156 с.
2. Чеботаренко Г. Ф., Яровой Е. В., Тельнов Н. П. Курганы Буджакской степи. Кишинёв: Штиинца, 1989. 212 с.
3. Яровой Е. В. Древнейшие скотоводческие племена Юго-Запада СССР. Кишинёв: Штиинца, 1985. 126 с.
4. Яровой Е. В. Курганы энеолита – эпохи бронзы Нижнего Поднестровья. Кишинёв: Штиинца, 1990. 270 с.
5. Яровой Е. В. Приднестровье в первобытнообщинную эпоху // История Приднестровской Молдавской Республики. Т. 1. Тирасполь: РИО ПГУ, 2000. С. 19–56.
6. Яровой Е. В., Кашуба М. Т., Махортых С. В. Киммерийский курган у пгт. Слободзея // Северное Причерноморье: от энеолита к античности: сборник. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 2002. С. 279–343.

Научно-популярные книги

1. Яровой Е. В. Из жизни археолога. М-Спб.: Нестор История, 2020. 304 с.
2. Яровой Е. В. Исчезнувшие народы мира. М.: Вече, 2019. 320 с.
3. Яровой Е. В. Мистика древних курганов. М.: Вече, 2005. 464 с.
4. Яровой Е. В. По следам древних кладов (Мистика и реальность). М.: Вече, 2010. 448 с.
5. Яровой Е. В. Раскрывая тайны курганов. Кишинёв: Штиинца, 1992. 227 с.
6. Яровой Е. В. Тайны малых народов. От басков до бушменов. М.: Вече, 2019. 320 с.
7. Яровой Е. В. Тайны скифских курганов. М.: Вече, 2015. 256 с.

Статьи

1. Агульников С. М., Яровой Е. В. Энеолитический кургана у с. Талмаз в Нижнем Поднестровье в Молдавии // Давня історія Карпато-Дунайського ареалу та суміжних регіонів. Carpatica-Carpatika: сб. Вип. 31. Ужгород: УжНУ, 2004. С. 12–29.
2. Яровой Е. В. Археология Приднестровья: достижения и задачи // Приднестровье в геополитической системе координат XXI века. Тирасполь: Центр «Перспектива ПГУ, 2002. С. 131–134.
3. Яровой Е. В. Возвращение античного папируса: открытие и судьба древнегреческого папируса из Мангалии (Румыния) // Самарский научный вестник. 2018. Т. 7. № 4 (25). С. 232–236.
4. Яровой Е. В. Два ранних одиночных погребения из Молдавии // Человек в истории и культуре. Вып. 3. Одесса: Ирбис, 2017. С. 252–256.
5. Яровой Е. В. Древнейшие монументальные изображения Днестровско-Прутского междуречья // Памятники древнейшего искусства на территории Молдавии: сб. науч. трудов / И. А. Борзьяк, отв. ред. Кишенев: Штиинца, 1989. С. 47–62.
6. Яровой Е. В. Ещё раз о стратиграфии ямных и катакомбных захоронений Северо-Западного Причерноморья // Краткие сообщения Института археологии АН РФ (КСИА). Вып. 257. М.: ИА РАН, 2019. С. 79–92.
7. Яровой Е. В. К вопросу интерпретации «социальной организации носителей усоватской культуры» (на примере могильника Маяки) // Археологія, етнологія та охорона культурної спадщини Південно-Східної Європи. Одеса: ОНУ, 2018. С. 113–123.
8. Яровой Е. В. К вопросу об интерпретации парных и коллективных захоронений ямной культуры (на примере Северо-Западного Причерноморья) // Carpatica – Carpatika: матеріали міжнародного симпозиуму / ред. Е. А. Балагурі, М. М. Вегеш, Д. Д. Данилюк. Вип. 15. Ужгород: УжНУ, 2002. С. 5–14.
9. Яровой Е. В. К вопросу о стратиграфии ямных и катакомбных памятников в курганах Северо-Западного Причерноморья // 60 лет кафедре археологии МГУ им. М.В.Ломоносова, М.: МГУ, 1999. С. 122–124.
10. Яровой Е. В. Кургана эпохи ранней бронзы у с. Яблони // Археологические исследования в Молдавии в 1979–1980 гг.: сб. науч. трудов / отв. ред. И. А. Борзьяк. Кишинёв: Штиинца, 1983. С. 193–210.
11. Яровой Е. В. Кургана ямной культуры у с. Хрустовая // Археологические исследования в Молдавии (1974–1976 гг.): сб. науч. трудов / отв. ред. Г. Ф. Чеботаренко, В. И. Маркевич. Кишинёв: Штиинца, 1981. С. 45–58.
12. Яровой Е. В. Курганный стратиграфия и относительная хронология ямной культуры (по материалам Северо-Западного Причерноморья) // II Городцовские чтения: сб. статей. М.: ГИМ, 2005. С. 44–50.
13. Яровой Е. В. Лукулл, как альтернатива гражданской войны в Древнем Риме // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2018. № 5. С. 78–88.
14. Яровой Е. В. Начало изучения курганов Бессарабии // Kallatida, Mangalia Callasprint. 2014. С. 349–362.
15. Яровой Е. В. Некоторые вопросы изучения древних скотоводов Северного Причерноморья // Индоевропейская история в свете новых исследований: сб. науч. трудов / отв. ред. Е. В. Яровой. М.: МГОУ, 2010. С. 101–113.
16. Яровой Е. В. Новые античные памятники в окрестностях колонии Каллатис (Мангалия, Румыния) // Краткие сообщения Института археологии РАН (КСИА). Вып. 253. М.: ИА РАН, 2018. С. 189–198.
17. Яровой Е. В. О древнейших степных погребениях Северо-Западного Причерноморья (по поводу выхода одной монографии). Рецензия // Древности степного Причерноморья и Крыма. Запорожье, 2014. С. 247–259.
18. Яровой Е. В. О некоторых деревянных конструкциях в ямных погребениях кургана у с. Бычок // Археологические исследования в Молдавии в 1981 г.: сб. науч. трудов / отв. ред. В. С. Бейлекчи. Кишинёв: Штиинца, 1985. С. 52–58.
19. Яровой Е. В. Опыт описания курганных комплексов энеолита – эпохи средней бронзы (к вопросу о совместимости региональных кодов) // Ямная культурно-историческая общность. Оренбург, 2014. С. 42–59.

20. Яровой Е. В. Основные энеолитические погребения кургана у села Бурсучены в Центральной Молдове // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2019. № 5. Циркумпонтика. Вып. I. С. 54–68.
21. Яровой Е. В. Относительная хронология подкурганых энеолитических захоронений Северо-Западного Причерноморья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 2002. С. 73–76.
22. Яровой Е. В. Охранные раскопки кургана у с. Кетросы // Первобытные древности Молдавии / отв. ред. Н. А. Кетрару. Кишинёв: Штиинца, 1983. С. 110–128.
23. Яровой Е. В. Памятники доянного времени Северо-Западного Причерноморья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области, Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 119–121.
24. Яровой Е. В. Первый памятник новоданиловского типа в Поднестровье // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 2000. С. 72–80.
25. Яровой Е. В. Погребальный обряд некоторых скотоводческих племен Среднего Прута (по материалам раскопок кургана у с. Корпач) // Курганы в зонах новостроек Молдавии / отв. ред. И. И. Артеменко Кишинёв: Штиинца, 1984. С. 37–75.
26. Яровой Е. В. Позднеямное погребение с повозкой у с. Петрешты на Среднем Пруте // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2020. № 5. Циркумпонтика. Вып. II. С. 106–113.
27. Яровой Е. В. Рецензия на монографию Л. И. Авиловой «Анатолийские клады металлических изделий: очерки металлопроизводства и культурного контекста». М.: ИА РАН, 248 с. // Российская археология. 2019. № 4. С. 193–194.
28. Яровой Е. В. Случайная находка катакомбного погребения в селе Сукля // Краткие сообщения Одесского археологического общества. Одесса: Печатный дом «Фаворит», 2008. С. 76–80.
29. Яровой Е. В. Чобручский археологический комплекс как эталонная зона изучения скотоводческих культур Северо-Западного Причерноморья // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 1997. С. 5–10.
30. Яровой Е. В. Энеолитические святилища и антропоморфные стелы Днестровско-Прутского междуречья // Давня історія України і суміжних регіонів, Карпатика. Вип. 13. Ужгород: УЖНУ, 2001. С. 67–77.
31. Яровой Е. В. Ямная культура Днестро-Пруто-Дунайского междуречья // Проблемы изучения ямной культурно-исторической области. Оренбург: ОГПУ, 2006. С. 117–119.
32. Яровой Е. В. Ямная и катакомбная культуры в Северо-Западном Причерноморье: смена или сосуществование? // Связи и взаимоотношения культур бронзового века циркумпонтийского региона: новые данные и материалы. М., 2018. С. 84–86.
33. Яровой Е. В., Агульников С. М. Курган білозерського часу біля с. Глинне в Нижньому Подністров'ї // Древности степного Причерноморья и Крыма. Вып. V. Запорожье: ИПК «Запоріжжя», 1995. С. 181–184.
34. Яровой Е. В., Бруяко И. В. Комплекс предскифского времени у с. Пуркары в Нижнем Поднестровье (к вопросу о киммерийских колесницах в Восточной Европе // Stratum plus. 2000. № 3. С. 157–170.
35. Яровой Е. В., Пыслару И. К вопросу о локальных центрах ямной культуры в Северо-Западном Причерноморье // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2021. № 5. Циркумпонтика. Вып. III. С. 96–112.
36. Яровой Е. В., Церна С. В., Попович С. С. Позднетрипольский могильник у с. Оксентия // Stratum plus. 2012. № 2. С. 287–302.
37. Яровой Е. В., Четвериков И. А. К вопросу о культурной принадлежности памятников Тираспольской группы (в свете исследований могильника у с. Глиное) // Чобручский археологический комплекс и древние культуры Поднестровья. Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 2000. С. 3–28.
38. Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин А. В. Новый курганный могильник скифской культуры в Нижнем Поднестровье // Никоний и античный мир Северного Причерноморья, Одесса: НАНУ ОАМ, 1997. С. 251–255.

39. Яровой Е. В., Четвериков И. А., Субботин А. В. Погребальный обряд скифского курганного могильника у с. Глиное (по данным раскопок 1995–1997 гг.) // Чобручский археологический комплекс и вопросы взаимовлияния античной и варварской культур (IV в. до н. э. – IV в. н. э.). Тирасполь: НИЛ «Археология» ПГУ, 1997. С. 14–19.
40. Yarovoy E. About appearance of the barrow building in Black Sea North West littoral // Funeral practices as forms of cultural identity (bronze and iron ages). Tulcea, 2000. P. 75–77.
41. Yarovoy E. Pererita. Katalog // Sava E. “Die Bestattungen der Noua-Kultur. Prdhistorische Archdologie in Sydosteuropa”. Bd. 19. Kiel: Verlag Oetker/Voges, 2002. P. 61–70.

К ЮБИЛЕЮ КОНСТАНТИНА ИВАНОВИЧА КРАСИЛЬНИКОВА

To the anniversary of Konstantin Ivanovich Krasilnikov

В 2021 г. отметил своё 80-летие известный историк-археолог, выдающийся краевед, общественный (в полном смысле этого слова) деятель, Константин Иванович Красильников, профессор кафедры всемирной истории Луганского государственного педагогического института, который большую часть жизни посвятил созданию, изучению и популяризации истории и культуры родной Луганщины.

С 1967 г., по окончании Луганского государственного педагогического института, Константин Иванович стал преподавателем на историческом факультете, пройдя все ступени от ассистента до почётного профессора (2002 г.). В 1980 г. К. И. Красильников защитил диссертацию «Население Среднедонечья в VIII – начале X веков» в Институте археологии АН СССР. Тематика прочитанных им на истафке ЛГПИ теоретических курсов

необычайно обширна и охватывает археологию Евразии, историю Отечества, историю древнего мира, вспомогательные исторические дисциплины, историю древних обществ и цивилизаций, краеведение.

Но ещё более удивительны факты, характеризующие его как полевого археолога, краеведа и педагога.

Константин Иванович не только прирождённый полевой разведчик, но и неустанный, щедрый на дела педагог-воспитатель. Многие поколения студентов познакомил он с отчим краем, выезжая с ними в экспедиции и давая возможность лично соприкоснуться с историей. Под его руководством более чем за 50 лет археологических исследований было организовано и проведено около 300 экспедиций, исследовавших памятники от палеолита до средневековья. Наиболее значимые из них связаны с древностями Луганского

края. В этих экспедициях приняли участие свыше 6 тыс. студентов, поскольку в течение десятилетий Константин Иванович руководил исследовательским отрядом студентов исторического факультета. Благодаря своему руководителю несколько поколений студентов получили возможность познакомиться с памятниками трипольской протоцивилизации, античными городами Северного Причерноморья, древностями славян и Древней Руси, археологией Древнего Киева. Они принимали активное участие в новостроечных экспедициях в Северной Осетии, в Прикубанье и в международных археологических экспедициях в Болгарии, Венгрии и Туркмении.

Более 35 лет К. И. Красильников посвятил делу выявления, паспортизации и постановки на государственный учёт памятников археологии на территории Украины и Луганской области. Им было открыто более 3000 памятников древности.

Уникален созданный К. И. Красильниковым парк-музей древнего камнерезного искусства, в котором находятся около 90 скульптур, привезённых им со всех уголков Луганщины. Подобным образом он не только украсил университетский парк, но и дал возможность жителям и гостям Луганска видеть реальные каменные изображения своих предков. В 2004 г. этот музейный комплекс, а также оформленный им археолого-этнографический музей с экспозиционным фондом,

насчитывающим 4,5 тыс. экспонатов в Луганском национальном университете были отнесены к научным объектам, составляющим Национальное достояние Украины.

О многом свидетельствуют и созданные на общественных началах первый археолого-краеведческий школьный музей в Луганске (СШ № 52), а также в Луганской области целой серии музейных школьных краеведческих уголков и народных музеев по истории Луганского края.

Константин Иванович Красильников – исследователь особого класса. Он работает не только в кабинетной тиши, хотя и является автором 240 научных работ. За долгие годы вдоль и поперёк исходил он родную Луганщину. Наука о древностях подарила ему понимание вечности Родины и своих предков, когда-то освоивших эту землю и живших на ней.

Наука К. И. Красильникова – это настоящему мужское дело. Как прежде, и в эти трудные времена он не изменяет себе, продолжает занимать активную жизненную позицию и в деле исторического образования, и патриотического воспитания учащейся молодёжи и студенчества.

Здоровья и сил Вам, Константин Иванович, на Вашем благородном поприще!

*Сотрудники кафедры археологии,
истории Древнего мира и Средних веков
Историко-филологического института МГОУ*

ОСНОВНЫЕ РАБОТЫ К. И. КРАСИЛЬНИКОВА

1. Абрамова М. П., Красильников К. И., Пятых Г. Г. Курганы Нижнего Сулака. М.: ИА РАН, 2004. 144 с.
2. История Луганского края: учеб. пособие / А. С. Ефремов, В. С. КурилоЮ, И. Ю. Бровченко, А. А. Климов, К. И. Красильников, В. Ф. Семистяга, В. И. Подов. Луганск, 2003. 432 с.
3. Красильников К. И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // Советская археология. 1981. № 4. С. 110–125.
4. Красильников К. И. Керамика салтово-маяцкой культуры Северского Донца // Csanád B. Die keramik der Saltovo-Mayaki Kultur und ihrer Varianten. Budapest, 1990. P. 193–244
5. Красильников К. И. Лощеная керамика из степного массива салтово-маяцкой культуры (типология, технология, орнаменты, клейма) // Степи Европы в эпоху средневековья. Хазарское время. Т. 7. Донецк: ДонНУ, 2009. С. 99–152.
6. Красильников К. И. Металлургическое производство салтово-маяцкой культуры // Сборник научных трудов ЛГПИ. Луганск, 1992. С. 136–143.

7. Красильников К. И. Некоторые комментарии о гуннском комплексе из Степного Подонцовья // Кочевые империи Евразии в свете археологических и междисциплинарных исследований : сб. науч. ст. IV Междунар. конгресса средневековой археологии евразийских степей, посвященного 100-летию российской академической археологии (Улан-Удэ, 16–18 сентября 2019 г.). Кн. 1 / отв. ред. Б. В. Базаров, Н. Н. Крадин. Улан-удэ: БНЦ СО РАН, 2019. С. 132–135.
8. Красильников К. И., Апареева Е. К. Диалог культур в камнерезном искусстве. По материалам статуарных комплексов степного Подонцовья. Луганск: Авангард, 2020. 404 с.
9. Красильников К. И., Красильникова Л. И. Диалог культур степей Азии и Восточной Европы в камнерезном искусстве и сакральности // Праці центру пам'яткознавства. 2008. Вип. 13. С. 159–178.
10. Красильников К. И., Красильникова Л. И. Идентифицирующие признаки населения Степного Подонцовья в структуре Хазарского каганата // Хазары: мифы и история / ред.-сост. Е. Э. Носенко-Штейн. Москва-Иерусалим, 2010. С. 153–188.
11. Красильников К. И., Руженко А. А. Погребение хирурга на древнеболгарском могильнике у с. Желтое // Советская археология. 1981. № 2. С. 282–288.
12. Рашев Р., Красильников К. И. Некрополът при Караманите. Проблеми на прабългарската // История и култура, № 4-2, София, 2007. С. 95-102
13. Что должен знать школьник о древности и археологических памятниках Ворошиловградской области: метод. пособие / сост. К. И. Красильников. Ворошиловград, 1973. 100 с.
14. Этнопроцессы в среде праболгар степного Подонцовья // Проблеми на прабългарската история и култура: сборник памяти Д. Димитрова / отв. ред. Р. Рашев. София, 2007. С. 77–89.

ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ

УДК 94(477/478)+94(498)

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-194-211

ТРАЯНОВЫ ВАЛЫ В БЕССАРАБИИ¹

Скарлат Панаитеску

Аннотация. Создание и культурная принадлежность так называемых Траяновых валов на юге Пруто-Днестровского междуречья до сих пор окончательно не решена. По этому поводу существует множество гипотез и различных доказательств. Одна из них принадлежит военному инженеру, генералу С. Панаитеску, который лично осмотрел эти сооружения и пришёл к выводу о том, что они не имели военного значения.

Ключевые слова: Траяновы валы, Змиевы валы, Бессарабия, Буджак, Добруджа, Днестр, Прут, искусство фортификации, Римская империя, курганы

TRAYANOV RAMPARTS IN BESSARABIA

Scarlat Panaitescu

Abstract. The creation and cultural affiliation of the so-called Trajan's walls in the south of the Prut-Dniester interfluvium has not yet been finally resolved. There are many hypotheses and various proofs of this. One of them belongs to a military engineer, General S. Panaitescu, who personally inspected these structures and came to the conclusion that they had no military significance.

Keywords: Trajan's walls, Serpent's walls, Bessarabia, Budjak, Dobrudja, Dniester, Prut, the art of fortification, the Roman Empire, mounds

¹ Перевод осуществлён И. Пыслару по изданию: Panarrescu S. Valurile lui Traian din Basarabia. Bucuresti, 1926. 21 p.

КОРОТКО ОБ АВТОРЕ

Автор труда «Траяновы валы в Бессарабии», военный инженер, генерал Скарлат Панаитеску родился 30 января 1867 г. в Румынии в г. Яссы. Закончив начальную школу и Национальный лицей в Яссах, он поступил в Военную школу офицеров артиллерии и инженерного искусства в Бухаресте (1883–1885), получив по окончании, 1 июля 1885 г., звание младшего лейтенанта.

1 февраля 1887 г. становится лейтенантом. В 1885 г. едет в Париж для учёбы в Политехнической школе на научном факультете в Сорбонне, став по её окончании в 1889 г. дипломированным математиком. После этого он поступает в Школу прикладных артиллерийских и инженерных наук в Фонтенбло (1889–1891), а в период с 1891 по 1892 гг. лейтенант Скарлат Панаитеску работает стажёром в Парижской Метеорологической обсерватории в Мон-Сури.

Военная карьера складывается у С. Панаитеску блестяще. 8 апреля 1892 г. ему присвоено звание капитана. По возвращении в Румынию его назначают начальником инженерной службы Ясского армейского корпуса. В этой должности он служил до 1898 г.

С 1898 г. он уже в звании майора командует укреплённым районом Фокшань-Нэмолоаса-Галац. В мае 1904 г. ему присвоено звание подполковника. С апреля 1908 по 1912 гг. он является первым командиром отдельного железнодорожного батальона. 7 апреля 1909 г. Скарлат Панаитеску стал полковником.

Параллельно с военной службой С. Панаитеску был профессором Военно-артиллерийско-инженерного училища (1892–1893; 1912–1913), преподавал математику, астрономию, геодезию, строительство и фортификацию. В 1904 г. он преподаёт топографию в Военной школе пехоты и кавалерии в Бухаресте.

С. Панаитеску исполнял функции начальника инженерной службы крупных пехотных частей, был штабным офицером Главного

Генерал Скарлат Г. Панаитеску, член-корреспондент Академии Румынии (1867–1938)¹

управления военного министерства, руководителем службы форта.

Первая Мировая война застала его в звании бригадного генерала, которое было присвоено ему накануне – 1 апреля 1914 г. Согласно приказу румынской армии от 14 августа 1916 г., С. Панаитеску был назначен генеральным инспектором Инженерной службы в структуре Генерального штаба.

За особые услуги во время войны, за национальное объединение генералу Скарлату Панаитеску вручён орден «Корона Румынии» со шпалой в степени «командор».

22 октября 1916 г. глава Инженерной службы Румынской армии получил задание технического и административного надзора за всеми фортификационными работами в Мачине, которые выполнялись под командованием полковника К. Ботеза. После выполнения этой задачи Скарлат Панаитеску, по просьбе русского командования 6-й Армии в Молдове, инспектировал позиции русских войск. После того как он проанализировал фортификационные сооружения, были приняты неотложные меры в выявленных генералом слабых местах. Для офицеров инженерной службы царской армии им проводились инструктажи и были даны разработанные им же особые инструкции по инженерному делу. Плодотворное сотрудничество с царской армией на молдавском фронте было высоко оценено российским командованием, которое наградило генерала орденом Святого Станислава I-й степени с вручением сабли.

В 1918 г. С. Панаитеску исполнял обязанности командующего гарнизоном в г. Белгород-Днестровский в Бессарабии. Известно, что там 8 августа 1918 г. он созвал общее собрание жителей, чтобы «протянуть руку помощи», предложив организовать сиротский приют в здании бывшего Российского Красного Креста, которое на тот момент не имело собственника. Инициатива генерала получила одобрение на-

¹ Источник: Alamy; [сайт]. URL: <https://www.alamy.com/4-1916-generalul-scarlat-panaitescu-image212821149.html>

селения. Его примеру последовал другой румынский генерал С. Поэташ, который основал нечто подобное в г. Сороки на севере Молдавии. 1 сентября 1918 г. Скарлат Панаитеску ушёл в отставку в чине генерала дивизии.

Ещё в начале XX столетия генерал серьёзно заинтересовался историей страны, вступил в Королевское Румынское географическое общество. И был вице-президентом военной секции этого Общества с 1909 г. по 1919 г. С. Панаитеску основал Бессарабское отделение Королевского румынского географического общества.

В июне 1919 г. в жизни генерала произошло важное событие. Его избрали членом-корреспондентом Румынской академии. По этому случаю в письме президенту Румынской академии Петру Понь генерал Скарлат Панаитеску пишет: *«Я всегда находил большую поддержку в скромном выполнении своего долга и в любви к нации. Я получил прекрасную награду, завершив свою военную карьеру...»*.

Дальнейшая жизнь генерала была связана с г. Яссы. С 1920 г. и вплоть до своей смерти в 1938 г. Скарлат Панаитеску работал в Яском университете «Александр Ион Куза», где был доцентом на кафедре географии, оставаясь при этом и активным членом географического общества «Дмитрий Кантемир».

С. Панаитеску читал следующие курсы на географическом отделении научного факультета: «Картография и топография», «Математическая география: Земля – звезда Вселенной»; «Земля – жилище человека»; «Карта и календарь»; «Чтение карт»; «Картография: картографическая поверхность в азимутальных проекциях и сопровождение практических работ». На агрономическом отделении научного факультета Скарлат Панаитеску преподавал топографию, а также вёл курсовые и практические работы. Его усилиями была создана картографо-топографическая лаборатория, оснащённая инструментами, картами и книгами. Дидактическую деятельность генерала завершили курсы астрономии и экономической географии, проводившиеся им в период 1920–1928 гг. в Кишиневском университете.

Научная деятельность генерала Панаитеску, сосредоточенная в основном на математической картографии и истории картографии, материализовалась в публикации более 40 научных работ, в т. ч. монографий «Из истории картографии» (1916), «Картографическая до-

кументация Великой Румынии в конце войны» (1920), «Элементарная картография, тематические страницы» (1927), «Экономические и социальные аспекты Бессарабии в 1920–1927 годах» (1927). В 1924 г. Скарлат Панаитеску описывает руины крепостей в Бессарабии, изучает следы древних фортификаций. Особое внимание он уделил так называемым Траяновым валам, которые лично осмотрел и описал в Бессарабии и в результате своей поездки издал отдельную брошюру со своей интерпретацией их появления и назначения.

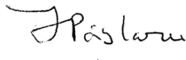

Брошюра Скарлата Панаитеску «Траяновы валы в Бессарабии»

Источник: фото И. Пыслару

Его перу принадлежат также следующие труды: «Курс топографии. Чтение карт» (1909), «Наука фортификации в Румынии с 1866 года до наших дней» (1923), «Курс элементарной картографии» (1926), «Картографическая документация Великой Румынии в конце войны» (1931, 1938), «Курс математической географии» (1931, 1938).

22 марта 1938 г. генерал дивизии Скарлат Панаитеску умер в с. Кымпулунг Молдовенеск в возрасте 71 года.

Ион Пыслару
Археолог-эксперт музея археологии
«Каллатис» Мангалия,
муниципалитет Мангалия, Румыния

Введение¹

Бессарабские валы по-прежнему представляют загадку, несмотря на все старания авторов, которые пытаются предложить свои объяснения происхождения этих сооружений. Хочу обратить внимание на то, что ответ на вопрос, в какую эпоху были сооружены валы в Бессарабии, может быть дан с помощью других областей знаний. Приведу мнения членов Исторической секции Румынской Академии, высказанные до меня по поводу времени возведения валов.

Напоминаю, что г-н Василе Пырван² в своей работе «Начало римской жизни в устье Дуная» [7] приписывает валам римское происхождение. Г-н Ион Нистор³ в своём труде «Бессарабия» говорит об их недавнем, татарском происхождении [6], в то время как г-н Г. Вылсан⁴ [10] разделяет мнение г-на К. Брэтеску⁵ [2] о том, что валы созданы во времена основания румынских княжеств.

Ознакомившись с этими тремя разными датировками, я, в свою очередь, стремился определить время сооружения валов другими способами. Чтобы найти причины, которые могли мотивировать людей создать Бессарабские валы, я попытался привлечь на помощь метод индукции.

Во времена, когда сооружались валы, военная наука служила сиюминутному интересу, впрочем, как и сегодняшняя. В римские времена такие работы были обычным явлением. Пересечённый рельеф местности использовался исходя из военной необходимости и в военных целях. Мы покажем ниже, как это понималось во времена Римской империи

и как трактуется использование таких естественных препятствий, как «горы и воды», сегодня.

Вывод, к которому я пришёл, а именно, что валы в Бессарабии скорее обозначали границы, а не служили военным целям, согласуется с выводом г-на Брэтеску. Но тогда остаётся непонятным, в какую эпоху и каким народом они созданы.

В эпоху основания румынских княжеств военные технологии находились в рудиментарном состоянии. Румынские владения были небольшими, а их управители были озабочены лишь тем, чтобы иметь возможность вершить великие дела в условиях большого единства.

<...> В местечке Кэушань⁶, где молдаване и евреи живут рядом с татарами, мы имеем в качестве свидетельств довольно выразительные остатки сооружений от первых, а от татар только легенды и топонимы <...> поскольку кочевые народы <...> живут только настоящим.

Специалист изучает остатки древних фортификационных сооружений, равно как и недавние укрепления, в следующих 4 аспектах: профиль укрепления, его план, собственно организация оборонительной системы страны и, наконец, история обороны укрепления при нападении противника на страну. Именно в этом отношении я и внёс свой вклад. Считая первым научным шагом сбор информации, которую военная и географическая науки называют «разведкой», я исследовал эти строительные остатки непосредственно в полевых условиях. Большинство моих предшественников, судя по литературе, посвящённой этому вопросу, удовлетворялись только картой, которая, с точки зрения информации, менее важна, чем непосредственный визит специалиста прямо в поле. В этом вся ценность данных, которые я привёл по этому поводу.

¹ Оттиск статьи я передал в Академию Румынии в сентябре 1926 г. – С. Панаитеску.

² Пырван Василе (1882–1927) – археолог, историк, академик Академии Румынии.

³ Нистор Ион (1876–1962) – историк, политик, академик Академии Румынии.

⁴ Вылсан Георге (1885–1935) – географ, академик Академии Румынии.

⁵ Брэтеску Константин (1882–1945) – географ, член-корреспондент Академии Румынии.

⁶ Кэушань – город в Молдове, районный центр в 73 км от Кишинёва. Первое упоминание – в 1455 г., с 1535 г. – резиденция крымского хана. В 1806–1812 гг. был столицей Буджака.

Г-н Г. Вылсан выражает опасение, что если изучение участка вала от оз. Кэтлепуг¹ до оз. Кондук² не позволит получить каких-либо данных, то это не изменит концепцию работы. Именно поэтому я так и настаивал на изучении валов близ озера Кэтлепуг, поскольку этот участок открывает широкий горизонт для развития концепции данной работы, хотя Кэтлепуг как местность не представляет даже части этой особой оборонительной системы, а вал-вставка на этом её участке с новой ориентацией объясняет нам его задачу – охват территории с целью прикрытия Килии³.

а) Выводы г-на К. Брэтеску, что южный вал в Бессарабии построен валахами в начале XV в. и что северный вал построили в 1436 г. Илья и Стефан⁴ – сыновья молдавского господаря Александра чел Бун⁵, с целью разделить страну на 2 части. Эта идея не может быть принята, если будем иметь в виду концепцию (возведения валов для обозначения границ – *прим. перев.*) и расположение этих 2 валов на местности.

По этому поводу я отмечаю и другие выводы г-на К. Брэтеску о валах, перерезающих меандры Днестра, и которые я ни за что не могу принять, когда г-н К. Брэтеску рассматривает валы как окончания моста, вместо того чтобы видеть в них объекты по защите навигации. Все эти валы не могут быть не чем иным, как результатом деятельности каких-либо морских властей, которые господствова-

ли в этих местах. Г-н К. Брэтеску хорошо осознавал сложность этого вопроса и поэтому обращал внимание специалистов на то, что прояснить эту проблему только с помощью карты невозможно. Он считал, что невозможно понять и интерпретировать цель создания валов, поскольку не все они обращены фронтом к противнику со стороны Днестра и т. д.

Закругление краёв и понижение уровня валов, а также деминерализация слоя дёрна, прослеженного в заполнении парапета, фиксируют различия в древности валов, бросающиеся специалисту в глаза с первого взгляда. Вот инструменты, которые я использовал в своих полевых исследованиях на местности⁶.

б) Г-н Г. Вылсан просит от меня библиографию по этому вопросу, которую он хочет дополнить российскими научными трудами. Хотя моё внимание было направлено на описание и интерпретацию самих валов, я могу ответить г-ну К. Брэтеску, что в российской научной литературе нет ничего, кроме одной единственной ценной работы по этому вопросу, принадлежащей полковнику Засцингу⁷. Все остальные более поздние работы более или менее точно воспроизводят информацию, собранную Засцингом почти сразу после российской оккупации⁸.

⁶ В качестве инструментов изучения генерал С. Панаитеску имеет в виду наблюдения за формами и стратиграфией валов. – прим. перев.

⁷ В период русско-турецкой войны 1828–1829 гг. и после неё в Бессарабии вели съёмку русские военные топографы: подполковник Г. Г. Маникин-Неустроев (в 1828–1832 гг. съёмки в Молдавии и Валахии), капитан Ортенберг (в 1828–1832 гг. астрономические определения в Молдавии и Бессарабии), генерал-майор Э. В. фон Руге (в 1817–1819 и 1822–1827 гг. – съёмки в Бессарабии). К сожалению, нам не удалось отыскать полковника Засцинга, о котором упоминает ген. С. Панаитеску. Возможно, он имел в виду генерал-майора Александра Иосифовича Защука (1828–1905), который описывал Бессарабию [12]. С другой стороны, нам хорошо известен военный картограф Александр Фомич Вельтман, штабс-капитан Генштаба 2-й армии, который в 1827 г. написал «Начертание древней истории Бессарабии», опубликованное в Москве в 1828 г. [11].

⁸ Автор имеет в виду период 1806–1812 гг.

¹ *Кэтлепуг* (Catlabuga, рум.) – один из крупнейших лиманов на нижнем Дунае (Буджак, Бессарабия, Измаильский р-н). Площадь – 67 км², длина – 21 км, ширина – от 1 до 11 км, макс. глубина – ок. 4 м.

² *Кондук* – солёный морской лиман в Буджаке, на территории совр. Татарбунардинского р-на Одесской обл. (Украина).

³ *Килия* (от греч. – Ахиллия) – крепость, созданная во времена Штефана чел Маре. Сегодня город в Измаильском районе Одесской области (Украина).

⁴ *Илья I Мушатин* (1409–1448) – господарь Молдавского княжества в 1432–1433 и 1435–1436 гг., в 1436–1442 гг. правил совместно с братом Стефаном II.

⁵ *Александр I Добрый* (ок. 1375–1432) – молдавский господарь, правитель Молдавского княжества в 1400–1432 гг.

Траяновы валы в Бессарабии

1. Бессарабия имеет несколько валов, некоторые протяжённостью несколько десятков километров, связанные в одну систему, другие короткие – сами по себе, не включённые в систему. Из них я буду рассматривать только 2 вала, которые перерезают Бессарабию поперёк – с запада на восток. Первый достигает конца озёр в Буджаке¹, начиная от места Вадул-луй-Исак² на р. Прут, и заканчивая у моря, у оз. Кондук. Второй начинается справа от Леова³, на Пруте и пересекает Днестр южнее Тигины⁴.

Эти 2 вала по своей географической и технической важности, а также согласно исторической традиции, необходимо рассмотреть в первую очередь.

Предварительно уточним термин «вал» (бразда/борозда)⁵. Вал возводится с целью защиты, которую выполняет подобное укрепление на войне.

Вал представляет собой удлинённое возвышение в виде гребня (из земли или сложенное из камня), иногда это только насыпь, а иногда она дополнена с другой

стороны рвами/канавами. По техническим условиям вал издавна сопровождался рвом.

Вал представляет собой очень древнюю форму укрепления и выполняет 2 защитные функции: одна – как препятствие, другая – как место битвы (рампарт)⁶. Римляне сооружали земляные валы, греки же строили их с помощью каменных стен. Мы различаем характеристики валов по предпочтению особенностей конструкции оборонительных систем на границах (земляные валы или каменные стены. – *прим. перев.*). Из этого мы выводим 2 принципиальные идеи: одна – служащая военным целям, а другая – юридическим.

В первой, «военной» идее отражено живое желание римлян сражаться, а в «юридической» идее – ощущение точности понятия «нарушение границ территории»⁷. Римляне не определяют границы как китайцы, создавая препятствия, которые трудно преодолеть; они не стремятся к тому, чтобы такие укрепления выдержали испытание временем. Римляне с их духом законности, которого не было ни у одного народа до или после них и который унаследовала современная цивилизация, расширяли и совершенствовали своё государство, стремясь при этом установить юридическую границу с помощью подобных сооружений.

В древности передвижение человеческих масс могло осуществляться только по проторенным дорогам, т. к. древние не располагали, как мы, средствами и коммуникациями для быстрого передвижения. Следовательно, вторжения на территорию государства могли происходить только по таким дорогам, однако римляне хотели как можно более наглядно обозначить юридические границы государства.

⁶ *Рампарт* (англ.) – вал, земляная насыпь.

⁷ «Нарушение границ территории» (лат. *uti possidetis juris*) – означает владение юридическое, а не фактическое, и, соответственно, этот принцип в таком случае применяется к юридическим границам, а не к фактическим.

¹ Буджак – область на юге Бессарабии, занимает южную часть Дунай-Днестровского междуречья.

² Вадул-луй-Исак – село в Кагульском районе Молдавии.

³ Леова – город в Молдавии, известен с 1489 г. под названием Сэрацкая ярмарка. После 1812 г. Леова стала таможенным и пограничным пунктом. В октябре 1837 г., согласно циркуляру министра внутренних дел, Российской империи предписывалось сообщать сведения о сооружениях и замечательных событиях, остатках древних дорог и памятниках, представляющих исторический интерес. Губернатор Бессарабии П. И. Федоров, собравший обширнейшие сведения о Бессарабской области, писал о Траяновых валах близ Леовы: «Возле Леовского рынка 2 вала, один начинается у р. Прут и идет на восток, меньший – вдоль Прута» [15].

⁴ Тигина – совр. г. Бендеры. Была известна генуэзским мореплавателям в XII–XIII вв. С 1408 г. впервые упомянута как г. Тегеначчо, а в 1434 г. Стефан II называет его Тегенечичу. Лишь со вт. пол. XV в. поселение упоминается как Тигина. В 1538 г. крепость Тигина была захвачена турками, которые переименовали её в Бендеры (слово персидского происхождения, означающее: «порт», «портовый город», «речной город», «место стоянки кораблей»).

⁵ Бразда (рум.) – громадный земляной вал.

2. Данное описание валов основано на личном их посещении, которое даёт информацию об их расположении на местности, в дополнение к уже известным данным о направлении валов и их профиле, представленным в других публикациях. Создаётся впечатление, что при сооружении древних валов на территории Румынии создатели обращали наибольшее внимание на 2 ориентировки: одна фасадом на север, а другая – на восток. Г-н В. Пырван в своей работе «Начало римской жизни в устье Дуная» [7] указывает на следующие валы: один недалеко от Дуная; второй, проходящий между Олтений и Мунтений, начиная от района Турну-Северин¹ в Тулучешть², к северу от Галаца³ и третий, слева и вдоль реки Олт⁴, фасадом к востоку.

В Молдове мы находим южный бессарабский вал, простирающийся до Аджуда⁵, затем северный бессарабский вал, который идёт от Бакэу⁶, пересекает Прут у Леова, затем Днестр к югу от Тигины и простирается далее по Украине до Чёрного моря, до устьев рек Буг и Днепр. На левом берегу р. Прут г-н Василе Пырван указывает на ещё один новый вал, справа от Леова и ниже до Фэлчиу⁷.

¹ Турну Северин (Дробета-Турну-Северин) – город в области Валахия (Румыния), административный центр жудеца Мехединць.

² Тулучешть – село в районе города Галац, в области Молдова (Румыния)

³ Галац – город, расположенный в южной части области Молдова, в долине р. Сирет, пересекаемой Дунаем. Город расположен в восточной части Румынии, на южной оконечности Молдавского плато.

⁴ Олт – одна из главных рек Румынии, левый приток Дуная.

⁵ Аджуд – город в жудеце Вранча (Румыния). Расположен в 44 км к северу от города Фокшани, в 203 км к северо-востоку от Бухареста, вблизи места впадения реки Тротуш в Сирет.

⁶ Бакэу – город в области Молдова (Румыния), административный центр жудеца Бакэу находится в предгорьях Карпат на р. Бистрица-Молдавiana.

⁷ Фэлчиу – была землей княжества Молдавия. Уезд Фэлчу состоял из западной части нынешнего уезда Васлуй и крайнего юго-востока нынешнего уезда Яссы, а небольшая восточная часть уезда теперь находится в Молдавии.

Мы знаем также и ещё один вал, называемый Змиевы валы⁸ и идущий вдоль Днестра, по землям Бессарабии между Тигиной и Четатя Албэ (Белгород-Днестровский)⁹, который всё ещё хорошо виден справа от с. Пуркарь¹⁰.

3. Чтобы понять причину устройства валов в этом месте, мы проанализируем военное понимание двух важных классов географических объектов – водотоков и гор в римском и современном менталитетах.

Древние люди, как и нынешнее человечество, как только поняли значение водных артерий, превратили, преодолев технические трудности, судоходные реки в самые лучшие и наиболее часто используемые коммуникационные артерии, как, например, финикийцы и греки в древности, итальянцы в средние века и новые времена и англичане в наше время.

Как только греки завладели Чёрным морем, они распространили сильное влияние своей цивилизации вглубь европейского континента, используя судоходные водные артерии: Дунай, Днестр, Днепр, Дон, Волгу. Для того, чтобы гарантировать себе свободу судоходства, они создали на реках специальные стоянки для судов. Так позднее поступали генуэзцы и сегодня англичане, чтобы обеспечить себе господство на морях посредством контроля над пунктами, через которые неизменно проходили суда, такими, как Гибралтар, Мальта, Суэц и др. Римляне

⁸ Змиевы валы – народное название древних оборонительных валов, данное по их характерной змеевидной конфигурации расположения на местности. Подобные сооружения известны также в Поднестровье и Подунавье под названием «Траяновых валов».

⁹ Четатя Албэ – в античные времена на месте города существовал древнегреческий город Тира на р. Тирас (Днестр). Римляне называли город Алба Юлия, византийцы – Аспрокастро, «Белый замок». В Древнерусском государстве он известен под названием Белгород. В Молдавском княжестве город получил название Четатя-Албэ – «Белая крепость», то же значение имеет турецкое название Аккерман. В XX в. город получил название Белгород-Днестровский.

¹⁰ Пуркарь – село района Штефан-Водэ в Молдавии.

никогда не считали судоходные артерии границами. Всякий раз, когда у них была возможность использовать такие географические особенности, они использовали их как наиболее ценные маршруты передвижения, но не для организации стоянок для судов.

Дунай тому красноречивое доказательство. Возьмём римский лагерь возле Кодикей¹, что напротив села Спанцов², неподалеку от г. Олтеница³. Каструл⁴ (римский лагерь) расположен на высоком добруджанском плато и состоит из 2 прилепившихся друг к другу лагерей; один у края высокого берега – для гарнизона, второй – для отдыха и укрытия.

Валы, расположенные поблизости и вдоль водотоков, играют роль защитных линий; а устроенные выше их – это окончания мостов.

Сегодня, с нынешним вооружением, с помощью которого мы видим противника с большого расстояния, считается, что чем полноводнее потоки, тем лучше они могут выполнять роль препятствия и играть роль границ, в противоположность менталитету древних, которые полагались на оружие ближнего действия.

Перейдём к горам. Топографические хребты или линии водоразделов считаются сегодня естественными границами, даже если они представляют собой гребни, которые невозможно перейти. Римляне ограничивались подножиями

гор. Римская идея была так же оправдана, как и сегодняшняя. Сегодня мы берём под контроль горы ради их недр, а если их нет, то ради того, что у них находится на поверхности. В основании лежит экономическая идея, как у римлян идея о судоходных водных артериях. С развитием современных идей границы непрерывно поднимались от предгорий до горных хребтов и даже далее.

Для защиты гор древние удерживали проходы, в то время как сегодня, несмотря на все трудности, мы сражаемся и в горах. Современные технологии имеют решающее влияние на использование этих особенностей в военных целях.

4. Техника фиксирует для нас не только великие исторические совпадения, но она ещё дифференцирует цивилизации современных народов. Когда я пишу эти строки, я думаю о татарском народе современного периода и эпохи после Штефана чел Маре⁵, которому некоторые наши историки приписывают сооружение валов, которыми я занимаюсь в этом исследовании.

Вал Леова-Тигина достигает местности Кэушань, бывшей татарской резиденции. В Кэушань мы находим такие исторические памятники: баню, полуподземную христианскую церковь, 2 кладбища с каменными надгробиями, на которых присутствуют старые надписи на румынском и еврейском языках, но ни одного татарского памятника. Сооружение валов требовало искусства проектировки и прокладки трассы и возведения вала с учётом местности. Оно демонстрирует культуру и навыки, которые могли быть достигнуты лишь при постоянном изучении и применении, но не при безудержном бродяжничестве и эгоистичной жизни этого народа.

¹ Кодикей – в нынешнее время села с таким названием не существует.

² Спанцов – село в уезде Кэлэраш (Румыния).

³ Олтеница – первое упоминание об этом городе встречается в 1515 г. во время правления Нягое Басараб.

⁴ Каструм (castra) – названия ряда городов, возникших из лагерей римских войск. Castellum (лат.) – небольшое древнеримское укрепление. Различаются castella tumultuaria – спешно возведенное в целях выполнения непосредственных стратегических задач по охране границ и castella murata – долговременное фортификационное сооружение в пограничных укрепленных пунктах, окруженное стеной. Существовали многочисленные кастелы (замки) вдоль границ, предназначавшиеся для когорт и др., напоминавшие своим видом уменьшенный лагерь легионов.

⁵ Штефан чел Маре (Стефан III Великий, Штефан Великий и Святой, 1429–1504) – господарь Молдовы, один из самых видных правителей Молдавского княжества, правил страной в течение 47 лет, союзник господара Валахии Влада Цепеша.

Конец Верхнего Траянова вала у Леова

Искусство фортификации у татар не существовало, и поэтому следы их долгого правления в Бессарабии ощущаются только через воспоминания, легенды и наименования.

5. Подробно рассмотрим географические и военные соображения, которые привели к прокладке валов.

Г-н Пырван в цитируемой статье анализирует военные соображения, необходимые для овладения Дакией завоевателями с юга, историческую ситуацию, созданную в древности римским народом, а в наше время – державами Центральной Европы, говоря, что основным условием является предварительное овладение двумя естественными бастионами: Добруджей и излучиной Дуная от Пресбурга¹, которые обрамляют широкую пойму Дуная.

Он исторически подтверждает это условие, когда напоминает нам о римском поселении в Добрудже, гораздо более раннем, чем в Дакии.

6. Также подробно рассмотрим тактические и технические аспекты прокладки этих двух валов.

В северном валу – между Леова и Тигина – мы выделяем три участка: два концевых и центральный. Концевые участки размещены в длину на десятки киломе-

тров, «спиной» к болотистым местам: Сэрата², от Прута, Ботна³, от Днестра. Пространства между болотистыми местами и валами представляют собой узкие и опасные коридоры. Защитник, находящийся на юге, не мог бы поставить себя в такие неблагоприятные оборонительные условия; но и ни один защитник с севера не мог бы получить никакого преимущества в защите. Военная идея здесь должна быть исключена, а её мотивация может быть обнаружена только в наличии географической случайности – в существовании тогда кромки леса.

Центральная часть вала также не следует по водоразделу, но прорезает различные водотоки, ориентированные с севера на юг, поднимаясь вверх и спускаясь вниз по берегам глубоких долин. Расположение вала с большим искусством адаптировано к местности. Он не даёт никаких преимуществ в защите. Вал представлен большими рядами, без изломов и ответвлений. Реализация этих длинных и совершенно великолепных

² *Сэрата* – река на территории Каушанского района (Молдавия) и Одесской области: в Леовском районе есть 2 села: Сэрата-Рэзешь, Сэрата-Ноуа. Село Сарата есть в Измаильском районе Одесской области.

³ Ботна – река в Молдавии, правый приток Днестра, впадает в Днестр на участке между селами Меренешть и Кицкань.

¹ *Пресбург* – одно из названий города Братислава.

Верхний Траянов вал у с. Купень⁽³⁵⁾

рядов вызывает восхищение правильно-стью с точки зрения астрономической и топографической ориентаций вала.

Хотя рельеф местности и придаёт валу сильные и слабые стороны, требующие поправок оборонительного свойства, которые могут быть внесены с помощью укрепления валов, мы всё же продолжаем придерживаться мнения, что их прокладка не обуславливалась военными соображениями.

Для южно-бессарабского вала мы больше не находим в местности такого же благоприятного расположения, хотя и для этого вала применимо деление на 3 секции: два конца и центральная часть вала.

В центральной части местность позволяет возвести вал на прочном основании, при этом трасса вала смещается на запад, но всего более на восток по водотокам.

Местность между валом и Дунаем полностью отделена различными широкими и длинными озерами, которые невозможно пересечь, и поэтому можно рассматривать пространство между ними как настоящие ущелья. На этих разных участках местность ровная и однообраз-

ная, всюду пригодная для использования. Коммуникации в этих частях определялись только экономическими интересами тех пунктов, которые они связывали, и рельеф местности не имел никакого значения. Оба вала заканчиваются своими окончаниями на реках Прут и Днестр без каких-либо особых сооружений, поэтому не будем их рассматривать как некие промежуточные точки.

7. Чтобы сблизить эти валы с подобными сооружениями в Добрудже, приведём ниже некоторые подробности о последних.

Точилеску¹ говорит, что между Чернаводой² и Констанцей³ есть 3 вала [8]. Первый земляной, с профилем рельефа 0,50–3 м, с толщиной вала 4–10 м и со

¹ Григоре Г. Точилеску (1850–1909) – археолог, историк, член-корреспондент Академии Румынии.

² Чернавода – город в Румынии, в жудеце Констанца в Северной Добрудже, исторические названия: фракийский – Аксиопа, греческий – Аксиополис, турецкое – Богазкёй.

³ Констанца – город, исторически известный как древнегреческий Томис, был основан около 600 г. до н. э. Расположен в Северной Добрудже, на побережье Чёрного моря.

рвом с юга, глубиной от 0,50–2 м и шириной в устье 5–6 м, ориентированный с запада на восток, протяжённостью почти 60 км. Курганы вдоль него не имеют ни-

чего общего с валом, но представляют собой отличные точки для наблюдения.

Второй вал – тоже земляной, со рвами с севера и с юга. Северный ров глуби-

Верхний Траянов вал у с. Купень¹

Нижний вал Траяна в 2 км от с. Вадул-луй-Исак

¹ Купень – Купеле/Купень, входит в село Вэнэтории Мичь. Село записано в грамоте от 8 января 1580 г. как граница села Кэлугэрни – Коцопенешть, укреплённое Михней Турчитулом из монастыря Главачок.

ной до 3 м и шириной в устье до 10 м, а южный ров до 2 м глубиной и такой же ширины в устье. Пандус имеет рельеф до 4 м и толщину от 7 до 12 м. Этот вал имеет такую же общую ориентацию и имеет в длину почти 54 км. В 1 км от окончания вала через определённые промежутки имеются оборонительные сооружения – зámки (лагеря) наземные и зámки квадратной формы в земле для обслуживания (лагеря для укрытия). Вдоль этого вала имеется 25 двойных лагерей из земли и 1 каменный возле Дуная. Мы также находим 5 других двойных лагерей и лагеря недалеко от Констанцы и возле деревни Алакап¹, к северу и югу от вала другие два зámка по берегам долины.

На третьем валу имеется каменная площадка для боя со рвами на севере и на юге. Северный ров в 10 м от уступа имеет глубину 3 м и ширину устья 10 м. Стена площадки имеет высоту 0,25 м и толщину 2–2,1 м, а ширина площадки составляет 3 м. Вал имеет такую же ориентацию с востока на запад и протяжённость почти 61 км. На протяжении этого вала между замками нет следов ни ворот, ни сторожевых башен. Этот вал поддерживается на Дунае крепостью Аксиополис² и на море крепостью Томис³. За этим валом находятся 26 лагерей квадратной формы из камня.

Г-н полковник М. Д. Ионеску-Добруджану⁴ в своей работе «Добруджа на пороге двадцатого века» [4] вместе с

Точилеску говорит, что первый вал был построен варварским народом, а два других – римлянами. Жюль Мишель⁵, который посетил эти валы в 1885 г., говорит, что все 3 вала были построены во времена Юстиниана⁶ или при его преемниках [5]. По Аллард⁷, создание этих валов было обязано военначальнику Траяну⁸ при правлении императора Валереса⁹ [1]. По мнению же господина Сутцо¹⁰, возведение валов якобы принадлежит императору Феодосию¹¹.

Г-н генерал К. Н. Хыржэу¹² в своей работе «История инженерного искусства» [3] показывает, что эти валы были созданы во время Великого переселения народов либо римлянами, либо монгольскими народами. Он также считает, что Бессарабские валы были построены между 105–115 гг. н. э.

Господин И. Нистор в своём труде «История Бессарабии» [6] говорит, что

⁵ Мишель Жюль (1829–1901) – французский инженер. Учился в Политехнической школе (1848), генеральный инспектор Понтийского шоссе (дорога в Констанцу, построенная французами накануне Крымской войны), член Лионской академии, главный инженер железнодорожной компании Париж-Лион-Медитеране, в 1901 г. президент Академии Сен-Морис. Он написал работу: *Les Travaux de défense des Romains dans la Dobroudcha. Kustendje et le retranchement connu sous le nom de Fossé de Trajan... Par Jules Michel...* Extrait du T. XXV des *Mémoires de la Société des antiquaires de France*. Paris: impr. de Lahure, 1862.

⁶ Юстиниан I – византийский император в 527–565 гг.

⁷ Аллард Камилла – французский доктор во французской строительной миссии.

⁸ Генерал Траян – римский император Траян (53–117).

⁹ Император Валерес – Цезарь Публий Лициний Валериан Август (253–260).

¹⁰ Сутцо – Михаил К. Суцу (Mihail C. Suțu) (1841–1933), также известный как Мишель С. Суццо или Соутзос, – румынский историк, нумизмат, Губернатор Национального банка Румынии. Академик Академии Румынии. Свою коллекцию древностей он передал в Академии Румынии и музею Добруджи (ныне Музей Национальной Истории и Археологии в Констанце).

¹¹ Феодосий (347–395) – последний император единой Римской империи.

¹² Хыржэу Константин Н. (1856–1928) – бригадный генерал, военный инженер, историк.

¹ Алакап – село, расположено в 24 км к северо-западу от Констанцы. Основано примерно в 1812 г. несколькими десятками семей татар и турок. Примерно в 1850 г. известный агроном Ион Ионеску из Брада обнаружил многочисленные римские памятники, а географ Григоре Данеску в 1897 году назвал его Алакапа, Алачап или Алакапо. Сегодня этот населённый пункт имеет название Поарта Алба.

² Аксиополис – форт в римской провинции Мезия. Расположен в г. Чернавода, римская крепость и порт на Дунае. Каменная стена длиной около 50 км соединяла Аксиополь с Томисом.

³ Томис (греч.), Тóмы (лат.) – античный город на западном берегу Чёрного моря (совр. город Констанца в Румынии).

⁴ Ионеску-Добруджану Марин Д. (1866–1938) – полковник, историк.

в обычаях монгольских народов полагалось заботиться об укреплении занятого ими «олота», чтобы защитить его от любого вторжения.

Давайте подумаем, пишет г-н Нистор, о знаменитой Китайской стене, построенной против татар, чтобы понять систему обороны Буджака, осуществлённую сразу после занятия татарами этого региона. Г-н Нистор заявляет, что оба Траяновых вала в Буджаке не имеют ничего общего с деятельностью римлян и что трасса валов совпадает с границами турецких райалов (казале) и что эти валы были сооружены татарами в эпоху после Сулеймана Великого (1538)¹ [6].

8. Имея эти данные, мы посетили и осмотрели валы *in situ* в 1925 г. 16 и 17 июля, а также 28 и 29 сентября мы проехали на машине вдоль обоих валов. Восточную часть северной долины от железной дороги до Днестра я прошёл в компании профессора Штефана Чобанула², директора средней школы в Кишинёве; а западную его часть и южный вал – в компании профессора Карола Улиг³ из Тюбингенского университета (Вюртемберг).

Следующий маршрут пролегал, насколько это возможно, прямо по гребню валов; а где не было такой возможности – по местным грунтовым дорогам, туда и обратно до 10 км. На обоих валах я руководствовался одними и теми же правилами: отмечал ситуацию и внешний вид местности, а в населённых пунктах зачерчивал профиль и описывал особенности данного места.

Северный вал.

*Пункт Киркаешть*⁴. Восточный конец вала находится в центре села, на площади рядом с церковью. Профиль вала почти полностью нивелирован; конструкция этой части вала не имеет каких-то особенностей промежуточного пункта.

За болотом Ботна, шириной в несколько километров, на склоне холма между Ботной и Днестром можно увидеть следы вала, продолжающегося до с. Копанка⁵, недалеко от Днестра. Сам вал возведён, однако, в другом стиле и имеет другую особенность. Связь между бессарабской и украинской частями этого вала была обусловлена естественным географическим фактором – водным, а именно слиянием Ботны с Днестром. От Киркаешть вал идёт в направлении восток-запад, разрезая на большие прямолинейные участки территорию вдоль Ботны до правой стороны железнодорожной станции Заим⁶, где воды Ботны разрезают вал и он поднимается на высокое плато, отделяющее эти стоки от вод Когыльника⁷ и других истоков.

*Пункт Батыр*⁸. Перед с. Батыр⁸, на восточной окраине лесочка, хорошо сохранились следы вала. Северный ров имеет глубину 3 м и ширину в устье 10 м, а рампарт вала более 2 м в высоту и толщиной более 12 м. Ровность вала на широком горизонте придерживается в прямолинейном направлении с впечатляющей правильностью и со всеми его подъёмами и спусками, но без каких-либо оборонительных особенностей.

⁴ *Киркаешть* – село в Каушанском районе, основано в 1796 г. крестьянами-беженцами из других районов Буджакской степи после оккупации турками.

⁵ *Копанка* – село в Каушанском районе Республики Молдова. Между Копанкой и Леунти находится Турецкий сад.

⁶ *Заим* – село и железнодорожная станция в Каушанском районе Молдавии.

⁷ *Когыльник*, или Кундук (рум.), Когильник (укр.) – река в Молдавии и в Одесской области Украины.

⁸ *Батыр* – село в Чимишлийском районе Молдовы. В разное время входил в состав Кэушанского, Бессарабского и Кэинарского районов. Первое документальное упоминание о селе Батыр датировано 1712 г. В 1818–1917 гг. село входило в состав Бендерского уезда Бессарабии.

¹ *Сулейман I Великолепный* – десятый султан Османского государства (1520–1566) и 89-й халиф с 1538 г.

² *Чобану Штефан* (1883–1950) – историк, академик, вице-президент Академии Румынии в 1944–1948 гг.

³ *Улиг Карл* (1872–1938) – метеоролог, географ, в 1910–1937 гг. – профессор географии в Тюбингенском университете им. Эберхарда Карла (Вюртемберг), где он занимал должность ректора в 1926/27 году. С 1914 г. член Германской академии естествоиспытателей Леопольдина, почетный доктор Уппсальского университета.

Нижний Западный конец Траянова вала

Траянов вал внизу у западного конца

Пункт в долине восточнее железной дороги. Размеры вала едва различимы, но желтоватый цвет подпочвы, переходящей в земляное заполнение, отличающееся от растительного слоя, делает его видимым благодаря этой полосе по всему горизонту.

Западный пункт на плато, за Когыльником, справа от села Грэдиштя¹. В долинах вал еле различим, но на плато он сохранился лучше и его легко определить. На этом довольно пересечённом участке вид вала остаётся прежним, а местность со всем её плодородием по внешнему виду напоминает степь.

Пункт Леова. Западный конец вала заканчивается на южной окраине г. Леова, на высоком берегу Прута. И в этой оконечности не было замечено никакой особенности.

Вдоль Прута и справа от Леова г-н Пырван в уже упомянутой работе говорит о пересечении вышеописанного вала и вала вдоль Прута по берегу Бессарабии, которая начинается от Хушь² и простирается в направлении Фэлчулуй. Я исследовал местность вокруг Леова, вплоть до Валя Сырмей³ и не обнаружил никаких следов вала, кроме цепочки курганов, расположенных довольно близко друг к другу, которые я распознал на вспаханном пространстве.

Южный вал.

Пункт Вадул луй Исак находится недалеко от южной окраины села. Внешний

вид этого вала идентичен северному, за исключением более выраженных форм. Профиль таких же размеров, однако, он имеет особенность – между валом и северным рвом имеется бермэ⁴ (узкий проход) для передвижения в 3–4 м, который сохраняется по длине вала более чем 10 км на восток. Глубина рва – 3 м, ширина в устье – 10 м, высота пандуса – 2–3 м, толщина – более 10 м.

От Прута до Ялпуга⁵ вал проходит через пересечённую местность, лишённую населения и культуры. С востока от Ялпуга до моря местность менее пересечённая, и бермэ – уступ для передвижения – по профилю больше не сохраняется. В восточной части Ялпуга вал используется исключительно как дорога, но повсюду её обрабатывают. На восток от Болграда⁶, на значительном своём протяжении, вал служил границей (1856–1878 гг.).

Пункт Кэтлапуг меня интересовал как видимое изменение в направлении вала. Старая ориентация вала простиралась до берега озера Кэтлапуг, а новое направление начинается от западной точки

⁴ *Бермэ* (фр. *berme*) – 1) узкий проход между канавой и кучей земли, образовавшейся в результате её рытья; 2) скамейка на высоких склонах шириной около 1 м, размещённая для повышения устойчивости. В военной архитектуре, бермэ – термин фортификации, узкий путь между подножием вала и рвом или пространство, окружённое частоколом, которое осталось между валом и уступом канавы, чтобы получить землю.

⁵ *Ялпуг* – река в Молдавии и Одесской области Украины. Впадает в крупнейшее пресноводное лиманное оз. Ялпуг, находящееся на юго-западе Украины в Одесской области. Наибольшая глубина – 5,5 м, площадь бассейна – 4300 км². Ялпуг также – село в Чимишлийском районе Молдавии, наряду с сёлами Хыртоп и Присака входит в состав коммуны Хыртоп.

⁶ *Болград* – город в Одесской области Украины. Административный центр Болградского района. Находится в 5 км от границы с Молдавией и в 270 км от Одессы. С 1820-х гг. сюда начали прибывать задунайские болгары, бежавшие от турецкого гнёта. По предложению главного попечителя об иностранных поселенцах Южного края России ген. И. Н. Инзова было решено заложить на берегу оз. Ялпуг новый город. Болград сделался не только административным, но и культурным центром болгарских колоний в Бессарабии.

¹ *Грэдиштя* – село в Чимишлийском районе, находится в 14 км от Чимишлии и в 60 км от Кишинева. Первое документальное упоминание относится к 1527 г.

² *Хушь* – город в Румынии, в исторической области Молдова, третий по величине и важности город жудеца Васлуй. Здесь царь Пётр Первый во время Прутского похода был окружен турецкой армией и вынужден 23 июля 1711 г. подписать Прутский мирный договор. Хушь является центром одноимённой православной епископии, основанной в 1598 г.

³ *Валя Сырмей* – долина Сырма, в которой находится село Томай Измаильского уезда. В устье долины находится село Леова Ноуэ (ныне – Сырма). В месте поворота долины Сырма на запад находится 13 курганов.

в 2 км от озера, по старому валу, чтобы разделить к границам озёр, которые идут до оз. Кондук у самого моря, на берегу которого он заканчивается.

В обоих этих валах со старой и новой ориентацией, они имеют одинаковый

профиль, но лишь с той особенностью, что старый вал справа от точки вставки имеет достаточно широкий разрыв, что создаёт у нас впечатление ворот.

Из-за ночи и недостатка времени, посвящённого этому визиту, я не попал на

Нижний Траянов вал у оз. Кэтлепут

Курганы на северо-запад от оз. Кэтлебуг

оставшуюся часть вала до моря, но подозреваю, что там каких-то других особенностей вал не имеет.

9. Благодаря этому визиту я увидел следующее: большое сходство между этими двумя валами; их возможность служить интересам как внутри обоих валов, так и вне их; отсутствие в их возведении военного смысла; быстрое их исчезновение. По этой причине мы готовим материал о данных интересных исторических памятниках, принимая во внимание

варварское отношение к ним со стороны местных жителей.

Те, кто осознаёт значимость документирования валов, понимают, что с одной стороны это будет использоваться для более тщательной охраны валов, а с другой, для более детального их описания, чтобы представить эту информацию различным исследователям и нашим потомкам, и чтобы на основе осуществлённого исследования мы могли точно задокументировать наше прошлое.

Дата поступления в редакцию 04.10.2022

ЛИТЕРАТУРА

1. Allard C. Souvenirs d'Orient. La Dobroucht". Doun inl, Paris, 1859.
2. Brătescu C. Amintiri și documente privitoare la Dobrogea din anul frământărilor sufletești 1918 // Analele Dobrogei, 1922, an III, nr. 1.
3. Hârjeu C.N. Istoria Armatei Geniului, București, I.V. Socecu, 1902.
4. Ionescu-Dobrogeanu Marin D. M. Cercetări asupra orașului Constanța, Geografie și Istorie. Suc. 1897.
5. Michel J. Les travaux de defense des roumains dans la Doroudcha – Kustendje el le retrochement connu sous le nom de Fo sse de Trajan. Mem. de 10 Soc. des Anti- quaires de France. Paris, 1862. XXV, 3.
6. Nistor Ion. Istoria Basarabiei. 1923. 425 p.
7. Pârvan Vasile. Începuturile vieții romane la gurile Dunării, București. 1923.
8. Tocilescu Gr. Fouilles el recherches archeofogique en Roumanie. Cam. Acad. Inscript. et Belles lettres de Paris, 1892–1899, București, 1900.
9. Uhlig C. Die bessarabische Frage. Eine geopolitische Betrachtung. Breslau, 1926.
10. Vâlsan G. Câmpia Română, Bul. Soc. Reg. de Geografie, 1915; Vâlsan, G. Pamantul romanesc si frumusetile: Carpați, Dunăre, Delta 172 p.
11. Вельтман А. Ф. «Начертание древней истории Бессарабии», Москва, 1828. Вельтман А. 1828-а. О древних укреплениях, под названием Траянова вала, существующих в Бессарабии // Московский телеграф. Ч. 19. № 4 (февраль).
12. Защук А. Бессарабская обл. // Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами генерального штаба. Т. 1. / сост. А. Защук. СПб., 1862. 582 с.; Защук А. Этнография Бессарабской области. ЗООИД. Т. V. Одесса, 1863. С. 491–586.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Генерал Скарлат Г. Панаитеску (1867–1938) – член-корреспондент Румынской академии, основатель Бессарабского отделения Королевского Румынского географического общества, доцент кафедры географии Ясского университета «Александра Ион Куза», автор более 40 научных работ.

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

General Scarlat G. Panaitescu (1867–1938) – corresponding member of the Romanian Academy, founder of the Bessarabian branch of the Royal Romanian Geographical Society, associate professor of the Department of Geography of the Iasi University «Alexandra Ion Cuza», author of more than 40 scientific papers.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ ПЕРЕВОДА

Пыслару И. – доктор исторических наук, археолог-эксперт музея археологии «Каллатис» Мангалия.

INFORMATION ABOUT THE A UTHOR OF THE TRANSLATION

I. Pyslaru – Dr. Sci. (History), archaeologist-expert of the Callatis Archeological Museum from Mangalia.

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Панаитеску С. Траяновы валы в Бессарабии / пер. И. Пыслару // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. 2022. № 5. Циркум-
понтика. Вып. IV. С. 194–211.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-194-211

FOR CITATION

Panaitesu S. Trajanov ramparts in Bessarabia (Rus. ed.: Pyslary I., transl. *Trayanovy valy v Bessarabii*). In: *Bulletin of Moscow Region State University. Series: History and Political Sciences*, 2022, no. 5, Circumpon-
tica, iss. IV, pp. 194–211.

DOI: 10.18384/2310-676X-2022-5-194-211

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

Рецензируемый научный журнал «Вестник Московского государственного областного университета» основан в 1998 г.

Сегодня Московским государственным областным университетом выпускается десять научных журналов по разным отраслям науки. Журналы включены в Перечень ВАК (составленный Высшей аттестационной комиссией при Минобрнауки РФ Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени кандидата наук, на соискание учёной степени доктора наук). Журналы включены в базу данных Российского индекса научного цитирования (РИНЦ).

Печатные версии журналов зарегистрированы в Федеральной службе по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций и охране культурного наследия.

Полнотекстовые версии журналов доступны в интернете на сайтах Вестника Московского государственного областного университета (www.vestnik-mgou.ru) и Вестника Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки (www.istpolitmgou.ru), а также на платформах Научной электронной библиотеки (www.elibrary.ru) и Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» (www.cyberleninka.ru).

ВЕСТНИК МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ОБЛАСТНОГО УНИВЕРСИТЕТА

СЕРИЯ: ИСТОРИЯ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАУКИ

2022. № 5

Над номером работали:

Литературный редактор С. Ю. Полякова
Переводчик А. Ю. Назарова
Корректор А. А. Глазунова
Компьютерная вёрстка А. В. Тетерин

Адрес редакции:

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А, офис 98
тел. (495) 780-09-42 (доб. 6101);
e-mail: info@vestnik-mgou.ru

Сайты:

www.istpolitmgou.ru;
www.vestnik-mgou.ru

Формат 70x108/₁₆. Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Minion Pro».

Тираж 500 экз. Усл. п. л. 13,25, уч.-изд. л. 16,75.

Подписано в печать: 00.00.2022. Выход в свет: 00.00.2022. Заказ № 2022/.

Отпечатано в МГОУ

105005, г. Москва, ул. Радио, д. 10А